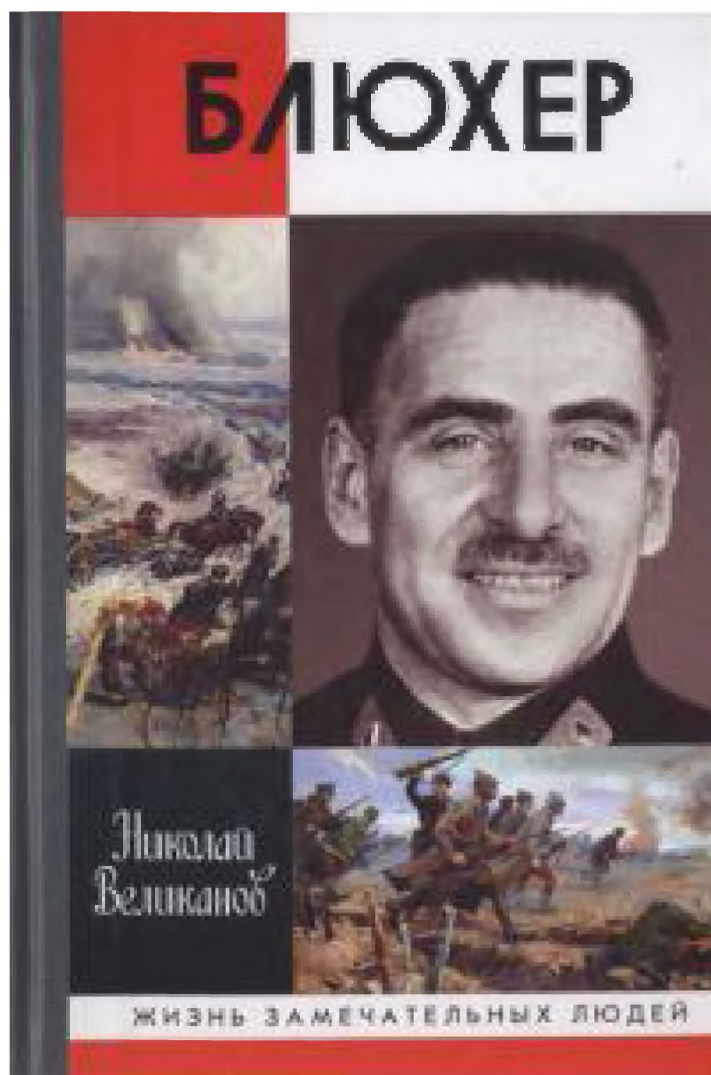

**Н. Т. Великанов
Блюхер**

Аннотация

Он был одним из самых прославленных полководцев 20–30-х годов XX века, героем Каховки и Перекопа, первым кавалером орденов Красного Знамени и Красной Звезды, одним из первых Маршалов Советского Союза. При жизни о нем слагали легенды, стихи и песни, но звездная судьба маршала имела бесславный и трагичный финал: он не только был объявлен «врагом народа» — подвергся сомнению и его полководческий талант.

**Н. Т. Великанов
Блюхер**

ЛУБЯНКА. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД СССР. 9 НОЯБРЯ 1938 ГОДА

...За час до полуночи с 9 на 10 ноября 1938 года в кабинете заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссара государственной безопасности 1-го ранга Лаврентия Берия настойчиво зазвонил телефонный аппарат.

Берия побеспокоил начальник отделения Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности Иванов.

— Что-то срочное? — недовольно поднял трубку Берия.

— Срочное, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга.

Берия насторожился.

— Ну давай, что там у вас стряслось, — с раздражением потребовал шеф.

Иванов боялся произнести слово:

— Умер...

— Кто?! — повысил голос Берия.

— Арестованный номер одиннадцать^Ш...

— Номер одиннадцать?.. — закричал Берия в трубку. — Ты что!.. Как умер?.. А врачи? Пусть оживят, поднимут... Где он сейчас?

— В санчасти.

В трубке — тишина.

Берия молчит с полминуты — остывает. Наконец произносит:

— Что Хозяину скажем^[2]... — Приказывает: — Рапорты мне. Ото всех, кто имел отношение к случившемуся. И результаты вскрытия...

Первым рапорт подал оперуполномоченный Головлев. Затем — надзиратели Демин, Носенко, Шинкаркин, Биба, дежурный врач внутренней тюрьмы Шакина. В 4 часа утра 10 ноября судмедэксперты Семеновский и Смолтуев представили Берии акт судебно-медицинского исследования трупа арестованного № 11.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссару гос. безоп. I ранга тов. Берия.

Рапорт

Сегодня в 22 часа 50 минут в кабинете врача внутренней тюрьмы скоропостижно умер арестованный № 11.

Смерть последовала при следующих обстоятельствах: в 22 часа 35 минут арестованный № 11 после допроса был взят в кабинете № 422 тюремным надзором для помещения его в камеру.

Арестованный № 11, как обычно, спокойно встал и направился в сопровождении тюремного надзора по коридору. Я собрал документы, осмотрел комнату и направился к себе.

В это время в приемной секретариата мне сообщил дежурный, что меня ищут, что-то случилось с арестованным.

Я направился по коридору 4-го этажа и напротив комнаты 411 увидел арестованного № 11, сидящего на стуле. Тут же находился тюремный надзор.

Я подошел к арестованному № 11 и спросил, что с ним: арестованный ответил, что ему очень тяжело.

Я приказал немедленно вызвать врача, пришли сразу два вахтера, расстегнули пиджак и рубашку и на руках понесли его во врачебный кабинет внутренней тюрьмы.

Арестованный № 11 был положен на койку, был еще жив, и когда ему хотели расстегнуть брюки, он сказал: «Не надо расстегивать»...

Тут же тюремный врач сделал вливание, но арестованный № 11 уже отходил и умер.

Последние дни работа с арестованным протекала следующим образом:

7-го ноября арестованный № 11 совершенно не допрашивался.

8-го ноября арестованный № 11 в следственном кабинете находился всего 3–4 часа — писал собственноручные показания.

Сегодня, 9-го ноября, арестованный был на допросе днем от 11 до 16 часов, затем последовал перерыв на обед. Вторично был вызван на допрос примерно в 19 часов вечера.

Арестованный все время писал, изредка мы вместе пили чай.

До обеда на допросе был начальник отделения ст. лейтенант гос. безопасности т. Иванов. Он, просматривая все написанное арестованным, делал ему замечания, на что арестованный отвечал, что

записи, которые он делает сегодня, являются только набросками схемы, что он их исправит и прокорректирует в полном соответствии со своим местом, которое он занимал в заговоре.

Допрос арестованного № 11 был прекращен в связи с тем, что он закончил один раздел своих показаний, их нужно было корректировать. Мы договорились сделать это на следующий день, то есть 10-го ноября.

Настроение и самочувствие арестованного за весь день и вечер 9-го ноября было обычным.

Один или два раза на день арестованный мне сказал, что в эти дни (он подразумевал Октябрьскую годовщину) ему стало не по себе, слышал музыку, шум.

Арестованный № 11 поставил дату, расписался и до прихода тюремного надзора спросил, когда он будет вызван на допрос завтра, вспомнил ряд фамилий проходящих по показаниям. Жаловался на свою память.

Никаких отклонений от нормы за арестованным № 11 за сегодняшний день я не заметил.

Оперуполном. ОО ГУГБ НКВД мл. лейтенант гос. безоп. ГОЛОВЛЕВ.
9 ноября 1938 г.

Начальнику внутренней тюрьмы НКВД т. Миронову.

Рапорт

ст. надзирателя младшего командира Демина Дмитрия Павловича.

Нас, Демина Д. П. и Носенко С. А., деж. по тюрьме послал конвоировать арестованного № 11. Мы взяли его из 422 комнаты, довели до дежурного по наркомату в хорошем состоянии. Он сказал: мне плохо. Мы взяли его под руки и повели. Он ноги не переставлял. Мы посадили его на стул. Дежурный по наркомату вызвал еще двух конвоиров — Шинкаркина М. С. и Бибу Д. Я. Мы вчетвером донесли его до амбулатории внутренней тюрьмы в живом состоянии. Следователь арестованного шел за нами.

9.11.1938 г. *ДЕМИН*^[31].

Начальнику санчасти внутренней тюрьмы военврачу II ранга т. Семельцову.

Рапорт

В 22 часа 45 мин. в амбулаторию доставили арестованного № 11 без пульса и с прерывистым дыханием. Ему были введены кофеин и камфорное масло. Через 3–4 минуты арестованный скончался.

Деж. врач внутренней тюрьмы

9.11.1938 года. *Е. ШАКИНА.*

Вскрытие произведено 10 ноября 1938 г. судмедэкспертом Семеновским и военным врачом 2 ранга т. Смолтуевым А. Л. в присутствии ст. лейтенантов ГУГБ т. Иванова и т. Миронова и мл. лейтенанта ГУГБ т. Головлева...

Наружный осмотр

Труп мужчины на вид около 50 лет, правильного сложения, хорошего питания. Общий цвет кожи трупно-бледный. Трупные пятна на спине и боках.

На голове и лице ничего не обнаружено. Соединительные оболочки век и глаз бледны, роговицы прозрачны. Ушные и носовые отверстия и полость рта свободны, чисты. Язык обложен обычным серым налетом. Шея и грудь без изменений... Под правой подмышечной впадиной и в левой области старые обширные послеоперационные рубцы...

Внутренний осмотр

Кожа и кости черепа всюду целы, кровоподтеков нет... Органы шеи целы, кровоподтеков нет... Мягкая мозговая оболочка полнокровна, отечна. Мозговое вещество полнокровно, отечно... Органы шеи целы, кровоподтеков в них нет. Вход в гортань и глотку свободен, чист; слизистая их, а также трахеи и пищевода в норме. Миндалины увеличены, плотны, с щелевидными отверстиями... Щитовидная железа обычной величины и плотности, полнокровна... Грудина и ребра целы, кровоподтеков в грудных мышцах нет...

Печень увеличена, полнокровна, бурого цвета. Желчный пузырь и желчные протоки без изменений. Селезенка увеличена в два раза...

Патолого-анатомический диагноз

Венозное полнокровие мозга, печени, почек, селезенки. Общий атеросклероз. Кардиосклероз. Гипертрофия сердца.

Заключение

Смерть наступила внезапно от болезненных причин: от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Тромб этот образовался в результате недостаточной деятельности сердца на почве общего атеросклероза...

10.11.1938 г. Москва.

(Из акта судебно-медицинского исследования трупа заключенного № 11.)

МАРШАЛ БЛЮХЕР: МИФЫ И ДОГАДКИ

Василий Константинович Блюхер, один из первых пяти Маршалов Советского Союза, — самая загадочная личность среди советских военачальников. В Гражданскую войну и в последующие 20–30-е годы минувшего столетия о нем как в России, так и за рубежом ходили невероятные мифы. Да и позже, вплоть до наших дней, вокруг его имени постоянно слагались всякого рода легенды.

Вот что писали о Блюхере в разное время разные по идеологическим убеждениям люди: русский писатель-эмигрант Роман Гуль, не принявший революцию и проживший всю жизнь на чужбине; известный советский литератор Константин Паустовский и французский публицист А. Роллен.

Из книги Р. Гуля «Красные маршалы»:

«Среди красных маршалов СССР В. К. Блюхер — полководец первого ранга. Послужной список Блюхера богат и блестящ. Блюхер — сильная, колоритная фигура. Но самое замечательное в Блюхере то, что ни в СССР, ни за границей никому не известно: кто ж он на самом деле, этот популярнейший маршал Советов? Блюхер — „генерал Немо“, Блюхер — „полководец под псевдонимом“. Вокруг этого стратега и организатора, коммуниста, взявшего псевдонимом фамилию знаменитого прусского королевского генерала, только множатся домыслы... Но от них не тает, а гуще сгущается вокруг Блюхера темнота.

Легенды о Блюхере и таинственны, и авантюرنы. Смесь данных советской, иностранной и эмигрантской прессы дает неплохой фон для большого авантюрного романа: „Блюхер — рабочий от станка“, „Блюхер — первоклассный иностранный организатор-авантюрист типа Требиш-Линкольна“, „Блюхер — образованный русский офицер“, „Блюхер — слесарь Мытищинского вагоностроительного завода“, „Блюхер — русский унтер-офицер“, „Блюхер говорит с сильным немецким акцентом“, „Блюхер — майор Титц, офицер австрийского генерального штаба“, „Блюхер — член коммунистической партии с 1916 года“, „Блюхер — военнопленный германский офицер, бывший правой рукой полковника Бауера“...

Может быть, в истории еще не было такого случая, чтобы полководец крупнейшей страны оставался легендой и мифом. Ложь, догадки, домыслы и правда, сплетшись, создали плотную „черную маску“

на лице знаменитого псевдонима. Но маска не мешает, оказывается, Блюхеру играть крупную роль как в СССР, так и на мировой арене...

На лице атлетически сложенного, спокойного, очень внимательного человека с крепкой посадкой головы маску бережно поддерживает и Советское правительство. Официальная биография Блюхера — фальшива. Она начинается так: „Василий Константинович Блюхер родился в 1889 году в крестьянской семье Ярославской губернии...“ Вместо детства — избитый „пролетарский штамп“. В сельской школе Блюхер проучился всего полтора месяца... Маловато, но ничего не поделывать: родители увезли будущего красного маршала в Петербург, отдав там в магазин мальчиком. В магазине, конечно, на Васю ревели: „Жива! Ногами ходи! Ворона!“ И бедный смысленный Вася... носился вихрем по Петербургу за папиросами, булками, разносил покупателям пакеты.

Но Вася растет, он уже „ученик на Франко-Бельгийском заводе Берга“. Он — Василий, и, конечно, слесарь „на ряде заводов Москвы и Петербурга“. Первая революция 1905 года. Будущие руководители второй революции уже все на поверхности, но биограф не выдерживает: „В революции 1905 года слесарь Василий Константинович Блюхер участия не принимает“. Почему? Где же был коммунистический генералиссимус, победитель двух баронов-генералов, двух казачьих атаманов и северных полководцев Китая? Биография молчит. Но Блюхер, конечно, „старый революционер“. Биограф говорит: „В 1910 году на Мытищинском вагоностроительном заводе под Москвой слесарь Василий Блюхер организовал стачку и за свои выступления был предан суду и осужден на 2 года и 8 месяцев тюремного заключения“.

Это уже веха в биографии революционера. Только она наспех написана. Самый тщательный просмотр всей петербургской и московской профессиональной прессы устанавливает: на Мытищинском заводе стачки в 1910 году не было. Профессиональная пресса тех лет пристально следит за стачками, подробно регистрируя и описывая их. 1910 год — период кризиса, число экономических конфликтов крайне невелико: в металлургической промышленности за этот год зарегистрировано всего 4 стачки. Но на Мытищинском заводе стачки не было. Пропуск, просмотр, ошибка исключены. Мытищинский вагоностроительный — крупнейшее предприятие, и еще невероятней, чтоб не зарегистрировалось осуждение рабочего, руководителя стачки. Такие репрессии вызывали статьи в рабочей прессе, запросы в Государственной думе. На подобные процессы (в те годы очень редкие) рабочие реагировали с обостренной чуткостью, хоть приговоры выносились относительно мягкие: несколько месяцев тюрьмы. Приговор же — „на 2 года 8 месяцев“ — никак не мог бы пройти незамеченным в рабочем движении и его прессе...

„В 1914 году, — говорит биография, — Блюхер мобилизован и пошел солдатом на фронт. В ряде сражений выказал большую личную храбрость и был произведен в унтер-офицеры... В 1915 году получил тяжелое ранение, будучи эвакуирован, после выздоровления уволен из армии как негодный к строевой службе“.

Негоден? А тысячеверстные походы с китайцами? А бои? А штурм по дну Сиваша, когда в одних красных рубашках в мороз шли сибиряки-блюхеровцы? А поход по ущельям Урала с боями в кольце у белых? А тургайские и оренбургские степи и бои с Дутовым? Негодный к службе царю Блюхер куда как годен оказался к службе Советам.

Биография рассказывает дальше: „В 1916-м — Блюхер снова слесарь на Сормовских заводах под Нижним и на заводе Остермана в Казани, здесь опять он организует стачку, вступив в сношения с партией большевиков; после стачки бежал, скрылся в приволжском городке Петровске, стал работать на маслобойном заводе. А после революции перебрался в Самару, поступив на местный патронный завод, и вступил в коммунистическую партию“.

...С Самары, мы уже знаем, — это „историческая“ часть. Отсюда пошла отчаянная карьера отчаянного красного маршала. Но все-таки кто ж он, уже всемирно известный полководец?

С 1917 года Россия управляется „псевдонимно“, но всем известно, что Ленин — Ульянов, Троцкий — Бронштейн, Сталин — Джугашвили, Зиновьев — Радомысльский, Молотов — Скрыбин и даже Ярославский — Губельман. Почему ж не поднять ни на минуту псевдоним Блюхера? Или его досье

из тех, что не выдерживают света? Или нет ли уж, спаси господи, у главнокомандующего, как и у убитого красного маршала Котовского, в прошлом много тяжелых весом „мокрых“ дел? „Ответа нет. Бушует вьюга“. И пошел по России под фамилией немецкого генерала неизвестный полководец, творя русскую историю...

По берегу Волги у Жигулей раскинулась Самара. Как все русские города, и она пережила революцию 1917 года с красочностью хаоса и анархии. И здесь пылал русский бунт стихией разрушения и ненависти, вырвавшейся наружу после войны.

В Самаре в двери русской истории большевики ломались под водительством теперешнего друга Сталина и уже давно уставшего коммунистического вельможи председателя Госплана Валерьяна Куйбышева. Уже весной 1917 года, расквартированный в Самаре, 70-тысячный солдатский гарнизон шумел против Временного правительства, за немедленный мир, за Ленина, за власть Советов.

На солдатских митингах и собраниях, где разрывался в демагогии Куйбышев, появлялся и примкнувший к большевикам солдат 143-го пехотного запасного полка Василий Блюхер. Очень молчалив, очень силен, хоть и невысок, с наголо бритой головой, холодными светлыми уверенными глазами, с медленными крепкими движениями и руками боксера, Блюхер среди большевиков выделялся всем обратным Куйбышеву — молчаливостью и силой уверенности. А когда приходилось все ж и ему выступать, говорил обрывочно, коротко.

Никто не знал, кто он и откуда. Да и не было времени расспрашивать в этой буре, ломке и хаосе солдата Блюхера о его биографии. И зачем? В те дни в России все родились лишь в феврале 1917 года...»

Из книги К. Паустовского «Маршал Блюхер»:

«Имя Блюхера окружено славой освободителя. Ни один из завоевателей-полководцев прошлого не мог сказать, как Блюхер:

— Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными.

Слава Блюхера — это отблеск славы величайшей в мире революции. Блюхер рожден и воспитан ею. Он — ее сын, ее солдат и один из ее полководцев. Он обладает личными качествами, свойственными гражданину социалистической страны и полководцу рабочей армии. Он спокоен и скромн, смел и находчив, упорен и тверд.

Василий Константинович Блюхер — волжанин. Он родился в 1899 году. Всего полтора года он учился в сельской школе, потом его отвезли в Петербург и отдали „мальчиком“ в магазин.

Жизнь этих „мальчиков при магазине“ была невыносимой. Их били за каждую пустяковую провинность, били просто так, без нужды, чтобы „выбить дурь“. У приказчиков существовала традиция непрерывно глумиться над ними. Их заставляли работать почти круглые сутки — мести и мыть полы, перетаскивать тяжелые товары, разносить по городу покупки, прислуживать хозяину и его подручным. Их воспитывали по-купечески: „Не обманешь — не продашь“, „Не пойман — не вор“. Обстановка мелких краж и злобы окружала этих худых, без кровинки в лице, маленьких рабов.

У Блюхера не было детства. В петербургской лавке он сразу же, без всякой подготовки, узнал и возненавидел тогдашнюю жизнь, отгалкивающее лицо старого строя.

Из магазина Блюхер еще подростком ушел на завод. Он работал на франко-русском заводе Берга. Все свободное время он читал запоем, без разбора.

У Блюхера, как и у Горького, единственной школой, единственным его университетом в молодости были книги и люди.

Сила книг, сила знаний, добытых из этих книг, была в те времена различна для людей разных классов. Блюхер сам вырывал знания из книг, он их искал всюду. Его пытливость была неистощима. Поэтому знания и обогащали его во сто крат сильнее, чем сыновей других классов, сыновей буржуазии, учившихся в гимназиях и университетах в силу обязанности или традиции.

Обширные знания дают закалку революционному темпераменту. Эту закалку Блюхер начал приобретать с мальчишеских лет.

В 1905 году, когда Блюхер поступил рабочим на Мытищинский вагоностроительный завод под Москвой, он уже был юношей-революционером с ясной головой и твердой волей...

Были годы реакции. Их звали тогда безвременьем. Смысл этого слова почти непонятен молодому советскому поколению. Это слово умерло с первых же дней революции.

Безвременье — это серые долгие годы приглушенной, почти потухшей легальной общественной мысли, годы ожидания, годы жестоких расправ царского правительства со всем живым и беспокойным, что еще оставалось в стране. Но безвременье существовало преимущественно для интеллигенции. На закопченных заводах, в дощатых домах рабочих окраин шла напряженная жизнь. Революционная мысль и революционный гнев росли, крепились, захватывали все более широкие пласты рабочих масс и городской бедноты, ремесленников и крестьян...

В 1910 году молодой мытищинский рабочий Блюхер впервые выступил как революционер. С каменной тумбы на заводском дворе он произнес перед рабочими горячую речь. Он призывал к забастовке. За это он был приговорен к 2 годам 8 месяцам тюрьмы.

Тюрьма была для Блюхера продолжением революционной школы. Для истинных революционеров даже годы заключения никогда не пропадали даром, — тюрьма делала их непримиримыми, уничтожала без остатка мысль о возможности мирного пересоздания общества.

С первых же дней европейской войны Блюхер был взят в армию. Он был простым солдатом, рядовым, но прежде всего — революционером...

Всюду — в окопах и на ночевках в амбарах — стодолах, в походе и в боях — Блюхер разоблачал обман, бросал во взбудораженные умы солдат простые, ясные слова о причинах войны, о ее отвратительных целях, о единственном средстве избавить человечество от ужасов войны и эксплуатации — о пролетарской революции.

В 1916 году Блюхер был тяжело ранен и уволен из царской армии. Он вернулся в родные места, на Волгу, работал токарем на Сормовском судостроительном заводе, оттуда перешел на механический завод Остермана в Казани.

В Казани в 1916 году Блюхер вступил в партию.

Он много и упорно учился, хотел даже сдать экзамен при гимназии на аттестат зрелости. Каждый вечер, после работы на заводе, он ходил в Собачий переулок к студенту-репетитору Нагорному.

Нагорный был энергичный юноша, бравшийся за одну зиму пройти с учениками полный курс гимназии. Он задавал Блюхеру чудовищные уроки. Один из питомцев Нагорного, учившийся у него вместе с Блюхером, вспоминая об этом времени, сознается, что от обилия заданного все ученики Нагорного совершенно шалели и один только Блюхер упорно и точно выполнял все требования неистового репетитора.

На заводе Остермана было много молодых рабочих. Все заводы работали тогда „на оборону“, и старых рабочих не хватало. Большинство остермановских рабочих было неопытно, не потерялось еще в пролетарской среде, не знало самых простых технических навыков. Среди молодых рабочих было много „горчичников“. Так на Средней Волге зовут городских бедняков, ремесленников-„люмпенов“.

„Горчичники“ долго не могли привыкнуть к тому, что Блюхер — такой же рабочий, как и они. Их поражала его сдержанность, вежливость, привычка чисто одеваться, его правильный русский язык. „Горчичников“ Блюхер учил не только токарному делу, но и политической грамоте.

На заводе Блюхер провел забастовку в защиту уволенного товарища. В те годы увольнение с завода грозило отправкой на фронт.

Февральская революция застала Блюхера в городе Петровске бывшей Самарской губернии. Блюхер работал на тамошнем маслобойном заводе. При первом же известии о революции он бросил Петровск и уехал в Самару.

Приближался Октябрь. В Самаре во главе местных большевиков работал Куйбышев. Блюхер работал вместе с ним, — он руководил всем, что имело отношение к военному делу, к солдатам, к организации вооруженных рабочих отрядов.

Популярность Блюхера среди солдат запасных частей, стоявших в Самаре, была огромна. Военские части, формально подчиненные Временному правительству, на деле были целиком в руках скромного и смелого большевика, токаря Блюхера.

В октябрьские дни Блюхер был членом Самарского революционного комитета и начальником губернской охраны. С октября 1917 года начался стремительный рост Блюхера, — столь же стремительный, как и развитие самой революции.

Все предыдущие годы с их упорной, но небольшой по размаху революционной работой, годы войны и медленного, трудного самовоспитания, сразу же отодвинулись в прошлое. Они кажутся только необходимой подготовкой, коротким предисловием к новой жизненной эпохе, отмеченной великими делами, победами и славой...»

Из очерка А. Роллена «Маршал с железной маской Василий Константинович Блюхер»:

«В последние дни внимание всего мира сосредоточено на одном человеке, который отделен от своего правительства расстоянием в 7600 км и чувствует на своих плечах бремя ужасной ответственности. В ночь с 30 на 31.07, когда японские войска неожиданно атаковали неизвестный до того времени холм, всеобщий мир зависел, возможно, от хладнокровия, которое сумел сохранить маршал Блюхер. Какой был масштаб японской атаки, какие контрмеры нужно принять, какие приказы нужно отдать на завтрашний день — вот вопросы, которые возникли бы перед любым другим командующим армией. К этому нужно прибавить еще вопрос, что подумает, что скажет и чего хочет Москва?»

Однако до сих пор всегда казалось, что Блюхер может справиться с любым неожиданным положением. Это человек, созданный для исключительных положений. Он обладает даром импровизаций. В трудные моменты он всегда умел находить решение, а Богу одному известно, сколько авантюр было в его жизни. Их было столько, что даже самое богатое воображение не могло бы выдумать их...

Ему приписывали самые странные происхождения. Этим объясняются прозвища, которые часто давались ему: „загадочный капитан“, „генерал Немо“, „таинственный маршал“, „человек с железной маской“... Для одних он был „гениальный иностранный кондотьер“ неизвестного происхождения, для других он был майор Тиц из бывшего австрийского генштаба, или же бывший гвардейский офицер Германской империи, потомок Блюхера, участвовавшего в сражении под Ватерлоо, или же бывший офицер царской армии, служивший Советской России под вымышленным именем.

По мнению некоторых, он человек с плохим прошлым, преступник, освобожденный революцией, возможно даже, человек, руки которого обогреты кровью, и такой кровью, пролитие которой не может быть оправдано никакой теорией.

Вполне понятно упорство, с которым держатся подобные легенды вокруг такого человека, имя и отчество которого не мог указать в свое время председатель ЦИКа Свердлов, когда ЦИК постановил на заседании 4.09.18 года наградить орденом Красного Знамени командира Южно-Уральского отряда Блюхера, призрака, исчезнувшего уже несколько месяцев тому назад.

В действительности Василий Константинович Блюхер простой русский крестьянин, внезапно выдвинувшийся милостью революции из бесчисленной массы неведомых мужиков. Этим объясняются незнание, проявленное Свердловым, и противоречия, встречающиеся в официальной биографии Блюхера.

В одной из последних официальных биографий этого маршала, опубликованной по поводу его избрания в Верховный Совет Союза в качестве депутата от Ворошиловска (бывший Никольск-Уссурийский), говорится, что он родился около Пошехонии в 1889 году, следовательно, ему скоро минет 50 лет.

Как и многие другие, он пытался заработать на жизнь в городе. Он был ловким и сделался рабочим-металлистом. В ту эпоху, когда право на занятия высших должностей определялось революционным, особенно партийным, стажем, его восхваляли за то, что он подготовил забастовку в 1910 году, за что в свое время был приговорен к двум годам тюремного заключения. Однако эти факты серьезно оспариваются, точно так же, как и то, что он старый большевик...

Война временно вырвала его с завода. В 1916 году, будучи в чине унтер-офицера, он был ранен разрывом снаряда и уволен со службы по болезни. Он работал в Казани, в Сормове и, наконец, в арсенале Самары. Когда вспыхнула революция, он, как говорят, участвовал в революционном движении, а потом в восстании, в результате которого была установлена советская власть. Он незаметно проявил свои главные качества: смелость, упорство, организаторский талант, точность...

Атаман оренбургских казаков Дутов один из первых восстает против нового строя. Для борьбы с ним был сформирован в Оренбурге отряд партизан. Рабочие, воодушевленные идеей диктатуры пролетариата; молодые казаки, опьяненные перспективой раздела земли; калмыки, увлеченные этим движением; германские и австрийские военнопленные, стремящиеся к свободе и к новым авантюрам, — вот разнородные элементы, которые были подчинены Блюхеру его авторитетом. Он организует их, обеспечивает снабжение их оружием, вводит строгую дисциплину и во главе этих отрядов разбивает казаков Дутова...

В декабре 1917 года Оренбург был взят, и Дутов, спасаясь от Блюхера, уходит в киргизские степи.

Внезапно Блюхер узнает, что чехословацкие военнопленные опрокинули советскую власть в Челябинске, Самаре, Оренбурге и занимают сибирский железнодорожный путь. Отступление отрезано.

В течение многих месяцев ничего не слышно о Блюхере и о его отряде. Полагают, что он умер, а его отряд уничтожен. Вдруг в сентябре 1918 года он, неожиданно для всех, присоединяется к 3-й красной армии на Пермском фронте.

Во время изумительного похода его отряд сильно вырос, так как к нему присоединились мужчины, женщины и дети, бежавшие от белых. Несмотря на все слабости, несмотря даже на измены (как, например, измена одного из его лейтенантов, Н. Енборисова, бежавшего к белым, чтобы вымолить прощение у своего отца, который был начальником штаба у Дутова, но немедленно приказал расстрелять сына), Блюхер провел через линии противника свой отряд, представлявший собой настоящую орду в лохмотьях.

Как только Блюхер присоединился к авангардам красных войск, он с гордостью телеграфировал Ленину:

„После марша в 1500 верст через Уральские горы, ведя частые стычки с казаками и с белыми, мы продолжали борьбу, глубоко убежденные, что недалек тот день, когда Красное знамя будет развеиваться над Уралом“.

В Кремле были поражены. Тогда, чтобы выразить свое восхищение этой чрезвычайной эпопеей, Свердлов впервые наградил Блюхера орденом Красного Знамени.

Однако Блюхер был еще чем-то вроде вождя партизан наподобие Чапаева. Новый подвиг утверждает его военную репутацию. Ему было поручено организовать на Урале 51-ю дивизию, которая была немедленно брошена в Сибирь для преследования Колчака.

Когда Колчак был ликвидирован и оставался Врангель, Блюхер опять принимает участие в борьбе. Врангель рассчитывает удержать Крым за укреплениями, построенными на Перекопе, который защищался Кутеповым. Подобно своим товарищам, Блюхер и его 51-я дивизия натолкнулись на проволочные заграждения, на пулеметные гнезда и на тяжелые батареи, которые воздвигались белыми в течение шести месяцев. Приближалась зима, и наступили сильные холода. По-видимому, это требовало прекращения операций.

Врангель получил мощную моральную поддержку: Франция признала его, и 7 октября бывший верховный комиссар при адмирале Колчаке Мартель вручил ему свои верительные грамоты. 26 октября Кутепов телеграфировал, что разгром неизбежен. Оборонительные линии на Перекопе неожиданно были взяты с тыла. Воспользовавшись тем, что мороз сковал тинистые воды Сиваша, рискуя погибнуть или быть унесенным водой в случае ветра, Блюхер неожиданно бросился туда ночью со своей дивизией. Это был тщательно подготовленный безумно смелый удар. Ему нужно было вступить на сушу раньше, чем белые заметят его маневр. В противном случае он не мог бы развернуть свои силы и использовать свою артиллерию, и это было бы разгромом.

Заря начала занимать, и берега Азовского моря побелели, поднялся ветер, и колеса последних пушек начали вязнуть в промерзшей тине, когда 51-я дивизия внезапно обрушилась на застигнутого врасплох противника. Позади этой дивизии воды моря. Паника охватила всю территорию от Перекопа до Севастополя. Кутепов покинул перешеек. С саблями наголо Конная армия Буденного врывается туда как ураган. В этот же вечер Врангель решает оставить Крым.

Вторично Блюхер награждается орденом Красного Знамени.

Теперь его карьера начинает развиваться в Азии. Чтобы добиться от Соединенных Штатов, чтобы они заставили японцев покинуть занятые ими территории вокруг Владивостока и в Приморской провинции. Кремль выдумал создать Дальневосточную демократическую республику, нечто вроде буферного государства, якобы независимого, в котором не применяются коммунистические законодательства и организации.

Блюхер избирается командующим вооруженными силами этой странной республики, которая отвергает принципы Москвы, но выполняет ее приказы. Одной из первых задач, возложенных на будущего советского маршала, была ликвидация знаменитого барона фон Унгерн-Штернберга, этого маньяка необычной жестокости, этого бывшего казачьего есаула, обращенного в буддизм и представляющего собой смесь германской, венгерской и русской крови, создавшего себе в Монголии нечто вроде деспотического государства. Блюхер бросает против него войска, закаленные в тяжелой партизанской войне. Барон был захвачен в плен около Кяхты. Его судили и казнили в Верхнеудинске. Внешняя Монголия — главный опорный пункт Забайкалья — подпадает под влияние Москвы.

Под нажимом США японцы вынуждены обещать, что они оставят Владивосток и Приморье. Блюхер ускоряет это движение и очищает этот район от последних остатков белых армий.

14 февраля 1922 года он занимает Хабаровск; 25 октября 1922 года он достигает Тихого океана и вступает во Владивосток, который японцы покидают в тот же день.

В 1924 году Блюхер исчезает. Но в Китае появляются генералы Галин и Бородин. Бородин — его настоящая фамилия Грузенберг — американизированный русский еврей, который хорошо был знаком с Сунь Ятсеном в США и помог ему распространить на Северный Китай власть кантонского правительства.

В 1929 году... Блюхер был назначен на пост командующего войсками, находящимися между Байкалом и Тихим океаном. В том же 1929 году генерал Чжан Цзолинь, который господствовал в Маньчжурии, решился путем конфискации КВЖД устранить здесь советское правление. Были произведены набеги эмигрантов, аресты советских граждан на маньчжурской территории, что подчеркивало это намерение...

Блюхер начинает действовать. Наступлению его войск предшествуют воздушные бомбардировки, взрывы складов боеприпасов, крушения, организованные секретными агентами. Это наступление было ужасно. Белогвардейцы и китайские войска бегут в беспорядке, бросив 10 000 пленных, в том числе 500 офицеров. Прибыв в Хайлар, Блюхер прекращает эту операцию, носящую характер несколько суровой полицейской меры. Чжан Цзолинь понял этот урок, а СССР не стремился подвергаться риску осложнений с Японией.

СССР удовлетворился предъявлением Китаю требования восстановить положение на КВЖД в том виде, в каком оно было до этого конфликта.

С этого времени в течение 10 лет Блюхер... создает оборону Дальневосточной области. Он увлекается идеей создания автономной сухопутной, морской и воздушной армии, способной жить, питаться и бороться, не прибегая к помощи остального Советского Союза.

Он проводит такую организацию с целью не допустить, чтобы военные действия на востоке России отражались на западе страны и наоборот.

Но акт, заключенный между Берлином и Токио, допускает ли такую независимость запада и востока?

Вот тревожный вопрос, в котором заключается главная тяжесть ужасной ответственности, которую должен принять на себя этот отдаленный проконсул, нетерпеливый или беспокойный жест которого может вызвать пожар во всем мире».

* * *

В конце 90-х годов XX века в Москве на Измайловской улице в двухкомнатной квартире на пятом этаже типовой многоэтажки доживала остаток своих дней вдова маршала Блюхера Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер. Ей было за восемьдесят, она тяжело болела. Доживала свой век она одна, ее почти никто не посещал, не считая, конечно, дочери Ваиры, врачей и соседки.

Но однажды в квартире вдовы появились неожиданные гости. Иностранцы. Из Германии. Представились кинематографистами. Руководитель группы Томас Куфус сказал, что работают они над фильмом о маршале Блюхере и приехали к «госпоже Глафире», чтобы лично из ее уст услышать «о происхождении мужа». Глафира Лукинична рассказала биографию Василия Константиновича, описала, каким он был, когда она с ним познакомилась. Куфус задал ей несколько странных вопросов. Уверена ли она в том, что Василий Блюхер именно тот, кто родился в Ярославской губернии, в селе Барщинка?.. Был ли у Василия Блюхера иностранный акцент?.. Не называл ли он себя графом?..

Что за вопросы? Блюхер точно родился в Барщинке на Ярославщине. Никакого акцента у него не было. И почему он должен был называть себя графом? Хотя... Глафира Лукинична с улыбкой вспомнила, как однажды во время их отдыха в компании друзей один из них в шутку окликнул Василия Константиновича: «Эй, граф!» — на что Блюхер вдруг изменился в лице. Глафира Лукинична объяснила такую реакцию на это к нему обращение тем, что совсем недавно разных там «графьев» без лишних разговоров ставили к стенке, и назвать графом красного командира было сомнительной шуткой.

Томас Куфус рассказал вдове маршала о предположении, что В. К. Блюхер, возможно, и в самом деле был графом.

В 1938 году, когда не только в СССР, но и за границей стало известно об аресте маршала В. К. Блюхера, в Германии один человек, прочитав в газетах эту информацию и рассмотрев фотографию Блюхера, заявил, что это не кто иной, как якобы объявленный погибшим в 1915 году на

русском фронте ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален. Это столь сенсационное заявление сделал бывший денщик фон Галена. Он утверждал: ротмистр фон Гален был взят русскими в плен. Его утверждение вызвало у немцев настоящий ажиотаж. Идея о пленении русскими графа Фердинанда фон Галена стремительно развивалась новыми сенсациями. Будто после революции 1917 года в России ротмистр Гален перешел на сторону красных, принял имя и фамилию Василий Блюхер и под этим именем вошел в историю как герой Гражданской войны, ставший одним из первых маршалов Советского Союза.

Советский маршал Василий Блюхер носит фамилию знаменитого прусского маршала, героя войн с Наполеоном Гебхарда Блюхера, не случайно. В Германии это рассматривалось как весьма многозначительный факт. Он свидетельствовал о том, что фон Гален, будучи немцем, взял фамилию Блюхера в знак уважения к великому соотечественнику.

Куфус наповал сразил Глафиру Лукиничну: ее муж Василий Блюхер граф фон Гален?.. Сумасшествие какое-то. Она так и сказала немецкому киношнику: «Это — сумасшествие. Сущий бред». Томас Куфус не стал развивать дальше историю ротмистра графа Фердинанда фон Галена — советского маршала Василия Блюхера. Он поблагодарил вдову маршала и покинул ее квартиру.

А история эта имела долгую жизнь. О ней подробно рассказал в ноябре 2003 года на архивных чтениях российский архивист В. Н. Баталин. К нему обратился немецкий продюсер Томас Куфус с предложением стать консультантом в создаваемом им сенсационном фильме об истории превращения ротмистра Фердинанда фон Галена в Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера. Финансирование проекта взял на себя родственник Фердинанда фон Галена — Михаэль фон Гален, проживавший в Берлине и сотрудничавший с производственной киностудией «Опал».

Немецкие кинематографисты, работавшие над этим фильмом уже несколько лет, были абсолютно уверены, что В. К. Блюхер и Фердинанд фон Гален — одно и то же лицо. На чем базировалась их уверенность? На заявлении (более чем полувековой давности) денщика фон Галена; на том факте, что в период работы в Китае В. К. Блюхер имел паспорт на имя З. В. Галина, и на заключении профессора, кандидата медицинских наук Рихарда Хелмера из Института судебной медицины Боннского университета, который провел сравнительное фотоисследование изображений ротмистра фон Галена и маршала В. К. Блюхера по заказу Михаэля фон Галена.

Баталин принял предложение Куфуса. Но, параллельно с консультированием «сенсационного» фильма по архивам, он занялся глубоким изучением немецких «трех китов»: заявления денщика фон Галена, псевдонима В. К. Блюхера и заключения Хелмера.

Первое. По запросу Михаэля фон Галена в 1991 году в Министерство обороны СССР с просьбой провести поиски документальных материалов, относящихся к жизни и деятельности В. К. Блюхера, начальник историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС СССР полковник И. Венков ответил, что «советские архивисты провели поиск и исследование документальных материалов, относящихся к жизни и деятельности В. К. Блюхера. Он родился в 1890 году, призван на службу в 1914-м, служил в 19-м Костромском полку, в сентябре 1915 года был уволен в запас вследствие полученных ранений...».

Второе. В 1924–1927 годах В. К. Блюхер был главным военным советником национально-революционного правительства Китая. Деятельность Блюхера в ту пору требовала определенной конспирации, и ему было предложено взять псевдоним. Он взял себе имя по имени дочери Зои — Зой, отчество по имени сына Всеволода — Всеволодович, а фамилию по имени жены Галины — Галин. Но Галин — это не Гален.

Третье. Профессор Хелмер из Института судебной медицины Боннского университета сравнивал отдельные черты на трех фотографиях фон Галена и на трех фотографиях Блюхера. Он сделал вывод: «Возможно доказать всего 42 совпадающих признака на фотографиях ротмистра и маршала. Из них 31 признак, относительно их значения, является ведущим, так как речь идет о неизменяемых признаках, которые, однако, не распознаются или не в равной степени хорошо распознаются в

каждом случае на всех фотографиях... Существенное совпадение признаков наблюдается в следующих зонах: тип телосложения, контур лица, форма бровей, расположение глаз, форма век, форма носа, форма губ и рта, контур подбородка. Форма и вид ушных раковин на фотографиях совпадают. Правда, уши каждый раз можно распознать только с одной перспективы: наискось спереди, так что сравнение более мелких деталей не может быть проведено с достаточной уверенностью».

В заключении профессора Хелмера приводится 102 пункта, по которым проводилось сравнительное исследование. Заключение выглядит по-немецки тщательным, подробным, но позволяет трактовать его выводы в каком угодно контексте.

Исследование Хелмера Баталина ни в чем не убедило. Он провел свое исследование. Прделанная огромная поисковая и аналитическая работа привела к твердому выводу, что между ротмистром фон Галеном и маршалом В. К. Блюхером нет ничего общего. На основе подлинных исторических материалов он доказал: «киты» создателей фильма — чистейший блеф. Немцы сильно огорчились, но были вынуждены признать правоту его архивных изысканий. Сенсации не состоялось, проект создания фильма о тождественности маршала В. К. Блюхера и графа фон Галена был похоронен...

ИЗ ЯРОСЛАВСКОЙ ГЛУБИНКИ

На Ярославщине немало красивых мест. Но это местечко — узкая приречная долина, где расположена деревенька Барщинка, — особенно живописно. От Волги до деревеньки идти пешком минут тридцать, не более. Дорога по-над густым смешанным лесом — глаза и душа радуются. Стеною стоят высокие сосны, стройные ели, ветвистые березы. У самой деревни три говорливые речки: шумная на перекатах, каменистая Волготня, тихая Маленькая Барщинка и Ключи — быстрая, с чистой искрящейся водой. И меж ними заливные луга, по весне цветистые, летом разнотравьем тучные.

Барщинка издревле большим числом жителей не славилась. В начале XX века в ней всего полтора десятка дворов насчитывалось. А к концу века она и вовсе почти обезлюдела. Неперспективной ее объявили. До последнего времени в деревне обитали только трое коренных барщинцев: Тамара Яковлевна Смирнова, Василий Петрович Павлов и Серафима Павловна Блюхер. Остальной народ разъехался кто куда. Правда, летом Барщинка оживает за счет дачников. Но приходит зима, и жизнь в ней снова едва-едва теплится...

В пору крепостничества здесь, сказывали местные старцы, была дальняя вотчина отставного генерала помещика Кожина Никтополиона Григорьевича, где окрестные крестьяне отбывали барщину. Отсюда, кстати, и название деревни.

В Барщинке проживали Лавровы, Павловы, Смирновы, Румянцевы, Володарские, Соболевы. Дмитриевы и Блюхеры. Причем Блюхеров было две ветви: «Блюхеры-холодные» и «Блюхеры-горячие».

Откуда взялась в исконно русской глубинке такая странная, на иностранный манер, фамилия — Блюхер? Барщинские предания утверждают, что она берет свое начало от прозвища одного из крепостных мужиков — Феклиста. Ушел Феклист на Отечественную войну 1812 года, храбро сражался с французами и вернулся с наградами во всю грудь. Как увидел Феклиста с полным бантом Георгиев помещик Кожин, так сразу и припечатал с восхищением: «Ну истинный фельдмаршал Блюхер^[41]!» И все подхватили: «Феклист — Блюхер»...

Во времена крепостного права крестьяне в России не имели фамилий, все звались по имени или прозвищу. Так и носили Феклист и его дети прозвище Блюхеры. После 1861 года прозвище превратилось в фамилию.

Род Феклиста Блюхера оказался крепким, жизнеспособным и к середине века так разросся, что стал одним из коренных в Барщинке. Леонтий, последыш Феклиста, глава большой семьи — пять дочерей и двое сыновей, владел пахотными землями, слыл зажиточным. В помещики, правда, не вышел, зато всех детей вырастил, в люди вывел. Дочерей выдал замуж, а сыновьям, Павлу и Федору, отдал в

наделы, поровну разделив, имевшуюся у него в собственности землю. Но у старшего сына, Павла, — восемнадцать детей, в то время как у младшего, Федора, — четверо. Это неравенство и определило раздвоение рода: отпрыски Павла Леонтьевича стали Блюхерами «холодными», то есть бедными, а Федора Леонтьевича — Блюхерами «горячими», что значит богатыми.

Один из «Блюхеров-холодных», сын Павла Леонтьевича, Константин, как цыган черный, взгляд исподлобья, — копия деда Феклиста, говорили барщинцы. Был он малословный, но на дело хваткий, до хозяйства жадный. Константин рано отделился от отца на свои хлеба. Неподалеку от Волготни раскорчевал участок леса, огородил его жердями. Дом бы теперь на подворье поставить. Но одному не под силу. На помощь пришли деревенские мужики. Всем обществом срубили ему пятистенную избу. Изба получилась добротной: высокой, просторной, светлой. Оставалось хозяйку привести в нее.

Константин давно уже приглядел себе невесту — дочь Василия Григорьевича Медведева из соседней деревни Курганово. Зимой 1899 года решил посватать ее. Анна была девица статью ладная, на лицо пригожая, веселая, певунья, плясунья. Но жених ей не понравился, она на хмурого Константина даже глядеть не хотела. Но Павел Леонтьевич и Василий Григорьевич быстро сговорились и поженили детей, несмотря на сопротивление Анны. «Не плачь, дева, — говорили умудренные жизнью замужние женщины-родственницы, — время нелюбовь сгладит: стерпится — слюбится».

Отца Анны, Василия Медведева, и его сестру Офимью в свое время тоже приневолили. Василия женили без его согласия на нелюбимой девушке, а Офимью силком выдали за крупчатника (помощника мельника) Максимку-корявого. А впоследствии всё у них сложилось благополучно, как у добрых людей. Василий Григорьевич прожил с женой жизнь в мире и согласии, они вырастили двоих детей: дочь Анну и сына Павла. И Офимью судьба не обидела...

Вскоре в семье Константина и Анны появился сын, Василием назвали. В книге актов регистрации населения записано: Блюхер Василий Константинович родился в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии 18 ноября (1 декабря по новому стилю) 1890 года. Крещен 21 ноября того же года в церкви в Георгиевском-Раменье. Родители: отец — Блюхер Константин Павлович, мать — Блюхер Анна Васильевна, крестьяне, православные.

После Василия Анна родила еще троих детей: дочерей Александру и Елизавету и сына Павла. Однако «не стерпелось — не слюбилось». Отношения между нею и Константином сложились непростые, настоящего бабьего счастья на своем веку она так и не испытала. Вся отрада была в детях. Им она отдавала свою нежность и ласку.

Василий рос физически крепким, подвижным мальчишкой, с острым умом, как говорится, на лету все схватывал. В кого он выдался? «В меня Васька, в кого еще...» — утверждал Константин. «Ну нет, это моя кровинушка, мой первенький!» — не соглашалась с мужем Анна. Она не могла нарадоваться на сына: бог даст, удачливым да славным человеком будет Васенька.

В школу Василий пошел переростком, почти двенадцати лет. В своей деревне учиться было негде. Самая близкая четырехклассная церковно-приходская школа — в Середневке, в полутора верстах от Барщинки. Туда и записали в первый класс Василия осенью 1902 года.

Семья жила бедно. Барщинцы кормились в основном от земли, а она, земля Ярославская, не очень-то щедро откликалась на труд хлебопашцев. Чтобы вырастить хороший урожай, нужно немало положить сил на ниве. У Блюхеров работников только двое, а прокормить нужно целых шесть душ. Поэтому, едва Василий проучился в школе две зимы, отец сказал ему: «Нечего сапоги зря трепать, работать пора, а ты все за партой сидишь».

Барщинцы, да и многие жители окрестных деревень, в нестрадную пору занимались заготовкой дров, древесного угля, ловлей куниц, белок, выдр, других пушных зверьков. Дрова и уголь возили на продажу в Рыбинск и Ярославль. Разбитные артельщики собирали пушнину в крупные партии и оптом отправляли в столицу. Маломощные крестьяне на зиму подавались на заработки в крупные города России.

У Константина Блюхера в Петербурге был знакомый купец Клочков, которому он возил по сходной цене шкурки лесных зверьков. В одну из поездок в столицу (в 1904 году) Константин взял с собой четырнадцатилетнего Василия. Купцу глянулся Блюхер-младший, и он определил его в «мальчишки на посылах» при своем магазине.

Константин и Анна по-разному представляли себе судьбу старшего сына. Мать, записывая Василия в Средневскую школу, мечтала о том, чтобы Васенька после ее окончания выучился бы на священника или на учителя. Отец же видел в сыне будущего коммерсанта, а коль к торговле не приспособится, не худо, чтоб стал рабочим с крепкой профессией...

При мануфактурном магазине Клочкова Василий пробыл почти два года. Многого увидел он за это время в Петербурге, привык к городской жизни. Был свидетелем Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, принимал участие в революционных сходках.

Мать беспокоилась, переживала за Васеньку: бросил учебу, останется на всю жизнь неучем. А еще боялась, что без родительского глаза парень может сбиться с пути праведного. День и ночь умоляла она упрямого мужа вернуть сына домой. И Константин сдался. В 1906 году Василий приехал в Барщинку и продолжил учебу в школе.

Василий с детства дружил с Иваном Лавровым, сыном священника Алексея, настоятеля церкви в Георгиевском-Раменье. По приезде из Петербурга он был рад встрече с Ивашкой. Часто бывал в Георгиевском-Раменье, где жила семья Лавровых, в которой всегда его принимали радушно.

В третий класс Средневской школы Василий пошел вместе с Ивашкой Лавровым, Федькой Кожемякиным, Кирькой Кашиным. Ивашка, Федька и Кирька были одноклассниками, а Василий на целых пять лет старше, но это не мешало их дружбе.

Ребята жили в разных деревнях, и Василий по пути в Средневку заходил в Георгиевское-Раменье за Ивашкой, затем вместе с Лавровым в Семенки за Федькой и потом втроем шли в Макаров за Кирькой.

О том периоде через пятьдесят с лишним лет Иван Алексеевич Лавров будет вспоминать: «С Васей Блюхером я с третьего класса учился в Средневской школе. Мы жили не в Барщинке, а в Георгиевском-Раменье, и Вася заходил за мной по пути в школу. Мы вместе с ватагой других ребят из Семенков и Макарова ходили в Средневку. По дороге, конечно, по-мальчишески резвились, играли в разные игры. Ранней весной, когда еще держались легкие морозы, глушили по тонкому льду щук в прорытой в поле канаве, по которой сбрасывалась в речку полая вода.

Вася пользовался у нас большим авторитетом. Он всегда принимал на себя командование, когда надо было отражать нападения пацанов из других деревень... Учился он легко. Был всесторонне развитым, во многом сведущим...»

Тот, кто вкусил жизнь большого города, потом всегда будет к ней тянуться. Василия Блюхера тяготило пребывание в Барщинке. И как только он окончил школу, так сразу заявил родителям: «Поеду куда-нибудь». «Куда это — „куда-нибудь“?» — недовольно спросил отец. «Пока не знаю, может, в Петербург, может, в Москву». Константин ворчал: «Пока не знаю... Может... может... Трудиться, вижу, кишка тонка. Вольного прохладения хочется...» А мать стояла на стороне сына. Она благословила Василия: «Поезжай с богом. Теперь ты с образованием, может, в высоком ученье преуспеешь, с божьей помощью в большие люди выбьешься».

И вот опять Василий — в Петербурге. На этот раз он поступил чернорабочим на франко-русский завод Берга. Но проработал недолго, попал в «черные списки» как неблагонадежный, и вскоре его уволили. Полгода скитался без работы и в мае 1909 года уехал в Москву. Однако и здесь подходящего для себя дела не нашел. Познакомился с «лихими» ребятами, такими же, как он сам, искателями вольницы, и махнул на Волгу. Погуляв лето на реке, осенью вновь вернулся в Москву. Устроился в слесарную мастерскую на Мещанской. Проработал в мастерской недолго, не ужился. Перешел на вагоностроительный завод в Мытищах, где участвовал в революционных беспорядках, за что был арестован и посажен в тюрьму.

Было жаркое лето 1912 года, когда Василий после долгих скитаний вновь объявился в Барщинке. Соскучился по родным и близким, по местам детства.

...Свернув с большого тракта на тропинку, ведущую в деревню, Василий бежал домой, не чуя под собою ног. Впереди показалась Волготня, протекавшая напротив двора Блюхеров. Была она быстрая, как настоящая горная речка, но в летнюю пору сильно мельчала; многочисленные валуны на дне русла обнажались и служили переправой с одного берега на другой. Прыгая с валуна на валун, Василий не сразу заметил сестру свою Шуру, повзрослевшую с тех пор, как он ее видел в последний раз. А она, набиравшая воду из речки, еще издали узнала брата, побросала ведра и стремглав кинулась домой, крича: «Мама, мама, Вася идет! Наш Вася идет!»

Василий пробыл у родителей всего одну неделю и засобирался в дорогу. Сначала перебрался из Барщинки в Рыбинск, где устроился на работу в москательный магазин. Но вскоре его вновь потянул к себе большой город. Теперь он уехал в Москву, где поступил рабочим-грузчиком в оптовый мануфактурный магазин. В магазине задержался недолго. Ушел сам или «ушли» его, неизвестно. Потом слесарничал в мастерских Московско-Казанской железной дороги. Одновременно учился на курсах при университете Шанявского.

Жизнь и мытарства Василия Блюхера с 1904 по 1914 год не подтверждены никакими документами. Все выше описанное исходит в основном из рассказов самого Блюхера. На это ссылаются почти все официальные государственные источники — энциклопедии, словари, а также авторы различных печатных изданий советского периода и конечно же родственники Василия Константиновича. Это вызывает некоторые сомнения в подлинности отдельных эпизодов биографии Блюхера.

Лидия Богущкая, жена брата Блюхера — Павла, в 1938 году поведала: «В последней брошюре о Василии Блюхере, изданной недавно, в биографии его указано, что он работал на заводах и участвовал в нелегальных кружках. Между тем Павел мне как-то сказал: „Все это враки, он в этот период был в Москве приказчиком у купчихи Белоусовой, был ее любовником и ни на каких заводах не был и в революционной деятельности участия не принимал“ ...Василий сам очень неохотно говорил об этом периоде своей жизни. Он любил вспоминать о Гражданской войне и о Китае».

Косвенным подтверждением этой версии служит и один документальный факт, связанный с получением Василием Блюхером во время его пребывания на русско-германском фронте денежных переводов. В приложениях к приказам по полку, в котором служил Блюхер, значится, что полевой почте прибыли переводы: 17 ноября 1914 года — «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер — 5 рублей»; 31 декабря 1914 года — «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер — 5 рублей»... Кто мог присылать солдату эти немалые по тем временам деньги? Родители? Вряд ли. Они — бедняки, неоткуда им взять такие деньги. Товарищи по революционной борьбе? Маловероятно, что из идейных соображений они стали бы ежемесячно «баловать» его пятью рублями. Вероятнее всего, деньги Блюхеру приходили от кого-то из людей состоятельных, и вполне возможно, что их присылала богатая купчиха...

Осенью 1914 года Василия как ратника государственного ополчения 1-го разряда (он, согласно свидетельству № 3187 Рыбинского уездного присутствия, был зачислен в ратники 23 ноября 1912 года) призвали на военную службу...

Это было время развязывания большой кровавой бойни — Первой мировой войны. Она началась в середине лета 1914-го. Сербским националистом был убит в Сараеве наследник австро-венгерского престола. Вена предъявила Сербии ультиматум. Война разразилась на широком фронте, в нее были втянуты Австро-Венгрия, Германия, Франция, Бельгия, Англия, Россия.

Василий не понимал причины войны. Как и большинство простых людей России, он считал, что австрияки и немцы хотят уничтожить сербов, всех славян, в том числе и русских. Хотя, кто такие сербы, Блюхер понятия не имел. Не очень верил он и в стремление немцев уничтожить русских...

СОЛДАТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Плац Большой Кремлевской площади гудел от усердной маршировки ратников. Зычные голоса унтеров будто состязались друг с другом:

- Ать, два! Тверже шаг!
- Выше ногу! Выше аршина... Ать, два!
- Ратник Зенов, ногу выше! Тяни носок!
- Напра-во!.. Нале-во!.. Ать, два!..
- Блюффер! Как тыльник приклада кидаешь?..

Так начиналась военная служба 23-летнего Василия Блюхера в царской армии...

Шел второй месяц Первой мировой войны. В российском Генеральном штабе кипела напряженная работа: анализировались неудачи Восточно-Прусской кампании и успехи на Юго-Западном фронте в Галиции.

В России только и говорили о решающей роли в разгроме австро-венгерских войск в Галицийской битве 8-й армии под командованием генерал-адъютанта^[51] А. А. Брусилова. Об этой победе трубили почти все газеты, умалчивая о потерях русских войск. А они были немалые. Брусилов писал впоследствии: «Все поле сражения длиною около ста верст завалено было трупами, раненых с трудом подбирали, рук не хватало для уборки, не хватало также перевязочного материала. Например, в госпиталь, который я посетил, вместо 210 раненых, которых он должен принять, было привезено три с лишним тысячи больных. Что четыре доктора могли сделать? Они работали день и ночь, еле на ногах стояли, но всех перевязать не могли. Даже напоить и накормить всех страдальцев было невозможно. Это тяжелая изнанка войны».

Крупная победа в Галиции вдохновляла Верховное главнокомандование на дерзкие операции в Польше и Силезии. Сопоставлялись потери в боях: например, в Галицийском сражении у австро-венгров они составили до 400 тысяч человек, в русской армии — 230 тысяч. Вывод был сделан оптимистичный: жертвы не так уж велики, необходимо усилить наступательные действия. Для этого необходимы людские ресурсы. И они, эти ресурсы, увеличивались из недели в неделю, изо дня в день: из городов и сел Российской империи на фронт прибывали десятки тысяч поставленных под ружье рабочих и мужиков-крестьян.

Начало службы Василия Блюхера в русской армии совпало с началом германской, как называли в России Первую мировую, войны. В анкете от 4 мая 1921 года и в последующих других Блюхер писал: «В августе 1914 г. взят по мобилизации на военную службу в гор. Москве. Пробыв две недели в 93 зап. батальоне, с маршевой ротой направлен в 5-ю пех. дивизию, где в ноябре 1914 г. поступил на пополнение 19-го Костромского полка, рядовым, в 3-ю роту. Произведен в мл. унт. офицеры — 1914, ноябрь.

Награды: Георгиевская медаль IV ст. и Георгиевский крест III и IV ст. Уволен в первобытное состояние вследствие полученных ранений — 1915 г., сентябрь. В период с 1916 г. по февраль 1917 г. работал на Сормовском судостроительном заводе, а затем на механическом заводе Остермана в гор. Казани, где и принял активное участие в февральской революции. Согласно постановлению партийной ячейки поступил добровольцем в 102-й зап. пех. полк в гор. Самаре».

Примерно то же о службе Блюхера в царской армии сказано в Советской энциклопедии. «На военной службе с 1914 года. Участник 1-й мир. войны, мл. унтер-офицер. Награжден 2 Георгиевскими крестами и медалью. В 1916-м из-за ранения освобожден от воен. службы. Но в мае 1917-го поступил добровольцем в 102-й запасной полк».

В различных советских печатных источниках данные анкеты Блюхера стали основой описания его службы в армии и боевой деятельности в Первую мировую войну. Что нам известно из этих описаний? Вместе с пятьюдесятью московскими рабочими Василия Блюхера зачислили в запасной батальон, стоявший в Кремле. Значительное число солдат батальона было настроено революционно, и поэтому командование торопилось поскорее избавиться от «смутьянов». Курс молодых ратников был сокращен, и через две недели их, в том числе и Блюхера, отправили на фронт.

Всего четыре месяца провоевал Блюхер на Юго-Западном фронте, но и за это короткое время проявил себя отважным и мужественным солдатом. Молодой боец совершил много боевых подвигов, не раз ходил в разведку и добывал ценные сведения, приводил «языков».

В лихой атаке 8 января 1915 года на реке Дунаец под Тернополем Василий Блюхер был тяжело ранен. В бессознательном состоянии его доставили в армейский полевой госпиталь. Из его тела извлекли восемь осколков, сильно были повреждены обе ноги. Осмотрев солдата, доктор Пивованский сделал сложную операцию и приложил все усилия, чтобы спасти ему жизнь.

Несколько дней Василий не приходил в сознание. Однажды Пивованский, обходя палаты, увидел, что койка Блюхера пуста. Профессор насупил брови.

— Где Блюхер? — спросил он у лечащего врача.

Врач ответил, что раненый умер и его вынесли в морг. Пивованский не поверил, сам пошел в морг и обнаружил у Блюхера едва заметные признаки жизни.

«Умершего» принесли в палату, а через день все повторилось: его опять отнесли в морг, и профессор снова вернул раненого в палату. На этот раз Пивованский распорядился без его ведома не трогать больше Блюхера. В конце концов смерть отступила. На редкость крепкий организм победил.

Больше года пробыл молодой солдат в госпитале. В марте 1916 года он был уволен врачебной комиссией Московского генерального военного госпиталя «в первобытное состояние с пенсией первого разряда».

Соученик Блюхера по Средневской школе Иван Лавров вспоминал: «Осенью 1915 года я жил под Киевом и неожиданно получил письмо от матери Васи Блюхера. Она просила меня навестить его в госпитале в Белой Церкви. Ей было известно, что Вася тяжело ранен, но каково его действительное состояние, она не знала.

Придя в госпиталь, я нашел Васю в большой палате; он лежал выше всех. Вид его отличался в худшую сторону от других: осунувшееся, желтого цвета лицо его выражало глубокие страдания. Госпиталь этот был одним из лучших по составу врачей. В него направлялись лишь тяжелораненые, главным образом в голову. Вася был ранен осколками снаряда в левую тазобедренную кость. Ему сделали две или три операции, пытаясь вытаскивать осколки, но, как выяснилось, еще несколько осколков осталось в теле. Сделана была четвертая операция, а затем и пятая, после которой дело пошло на поправку, и его вскоре отправили в Москву...»

В анкетах, заполненных Блюхером, и в Советской энциклопедии, а также в некоторых изданиях, воспоминаниях его современников, родных и близких имеется ряд неточностей, расхождений с историческими документами, архивными материалами.

Первое несоответствие. В анкете В. К. Блюхер написал, что по мобилизации он был направлен в 93-й запасной батальон, откуда спустя две недели отбыл на фронт в 5-ю пехотную дивизию. В ноябре 1914 года зачислен рядовым в 19-й Костромский полк, в 3-ю роту. Но в действительности Василий

Блюхер попал по мобилизации не в 93-й батальон, а в 56-й и поступил на пополнение не в 3-ю роту 19-го Костромского полка, а в 4-ю.

Перепутанные номера батальона и роты можно списать на простую забывчивость Блюхера по прошествии лет и малозначимости для него конкретно этих данных.

Второе несоответствие. В анкете В. К. Блюхера написано «произведен в мл. унт. офицеры — 1914, ноябрь», однако документально это нигде не подтверждено. Везде Блюхер проходит как рядовой. В приказах по полку за ноябрь, декабрь 1914 года и за январь 1915 года он упоминается: «4-я рота, рядовой Василий Блюхер».

И все-таки по поводу звания есть одна зацепка: может быть, Блюхер стал младшим унтер-офицером значительно позже, когда служил в 102-м запасном пехотном полку в Самаре, куда поступил добровольцем весной 1917 года? Но и эту зацепку сводит на нет удостоверение, выданное Блюхеру военной секцией Самарского совета рабочих и солдатских депутатов 25 августа 1917 года: «Предъявитель сего член Совета солдатских депутатов рядовой 102-го полка Василий Блюхер командирован...» Входящий номер на удостоверении датирован 6 сентября 1917 года.

Третье несоответствие: «Награды: Георгиевская медаль IV ст. и Георгиевский крест III и IV ст.». В списках награжденных в 1914-м и первую половину 1915 года Блюхер не фигурирует. Лишь в приложении к приказу по 19-му Костромскому полку от 2 июля 1915 года находим: «...рядовой Василий Блюхер — Георгиевская медаль 4 степени № 313 935 за 28 ноября 1914 г.».

Здесь следует пояснить, что статут солдатского знака Георгиевского креста и Георгиевской медали предполагал строгую последовательность получения крестов и медалей — от 4-й степени через 3-ю и 2-ю к 1-й. Исключений никогда не допускалось. В России подобная последовательность строго соблюдалась применительно ко всем орденам и медалям, которые имели несколько степеней.

В архиве сохранилась фотография Василия Блюхера, солдата Первой мировой войны, датированная 1915 годом; она опубликована во многих изданиях. На ней Блюхер — рядовой (на погонах не видно двух «лычек», положенных младшему унтер-офицеру), с одной Георгиевской медалью на груди и саблей на поясной портупее. Сабля явно из атрибута фотоателье для придания облику воинственной мужественности. Кстати сказать, в пехоте — а Василий Блюхер служил в пехотном полку — только офицеры носили шашку (но не саблю), причем на плечевой, а не на поясной, как в кавалерии, портупее.

Четвертое несоответствие: «Василий Блюхер не раз ходил в разведку и приносил ценные сведения, приводил „языков“. В лихой атаке 8 января 1915 года на реке Дунаец под Тернополем Блюхер был тяжело ранен». Мягко говоря, это преувеличение. По историческим документам мы легко восстановим участие Блюхера в боевых эпизодах и, в частности, при каких обстоятельствах он был ранен.

Так когда и где на самом деле началась служба в царской армии Василия Блюхера? В каком звании он воевал на русско-германском фронте? При каких обстоятельствах был ранен? Какими боевыми наградами отмечены его подвиги в Первой мировой войне?

В конце сентября 1914 года в 56-й Кремлевский запасной батальон, которым командовал полковник Гондель, от московского уездного военного начальника прибыло очередное пополнение новобранцев. В связи с этим по батальону был издан приказ № 78, в параграфе 10 которого указывалось: «Прибывших 30 сентября с/г. от Моск. У. В. Н-ка^[6] ратников ополчения в числе 996 челов. зачислить в списки батальона и на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 30-го сего сентября. Аттестаты ожидаются». В прилагаемом к приказу именном списке под 53-м порядковым номером в 3-ю роту поручика Андреева приписывался ратник Василий Блюфер. Неизвестно, случайно ли писарь допустил ошибку в фамилии молодого ратника или специально, посчитав, может быть, что Блюфер звучит более благородно, чем Блюхер. В дальнейшем ошибка будет исправлена.

В Кремлевском 56-м запасном батальоне Василий Блюхер пробыл меньше месяца; 27 октября его отправили в составе маршевой роты на фронт. Это подтверждается приказом полковника Гонделя за номером 105 от 28 октября 1914 года: «Отправленных 27-го сего октября маршевыми ротами н/чинов вверенного мне батальона в числе 752 человека поименованных в прилагаемом списке (в этом списке под номером 490 — запасный рядовой Василий Блюфер. — *Н. В.*) исключить из списков ба-на и рот, с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 28 октября, кормового и денежного с 1-го ноября».

16 ноября 1914 года Василий прибыл на фронт в район местечка Гдув, где стоял 19-й пехотный Костромский полк 5-й пехотной дивизии, которая держала оборону против австро-венгерских войск. Блюхера зачислили в 4-ю роту (командир роты капитан Гузиков) 1-го батальона (командир батальона подполковник Шумаков). В приказе командующего 19-м полком полковника Никольского № 352 от 18 ноября 1914 года, параграф седьмой, отмечено: «Прибывших на укомплектование вверенного мне полка нижних чинов 56 пех. запас, батальона зачислить в списки полка 17 ноября... в 4-ю роту... (86-й по счету. — *Н. В.*) зап. ряд. Блюхер Василий Константинович».

Положение на фронте в этот период характеризовалось переходом от маневренных боевых действий к позиционным. Войска 8-й армии Брусилова, в частности 9-го корпуса (командующий корпусом генерал от инфантерии Щербачев), куда входила 5-я дивизия (командир генерал-лейтенант Парчевский), успешно завершившие 8 сентября Галицийскую битву и преследовавшие противника в направлении Кракова, не имели достаточных сил для овладения этой мощной крепостью. 19-й полк и другие части дивизии глубоко вклинились в оборону австро-венгерских войск. В день, когда Блюхер был определен в 4-ю роту 1-го батальона, Костромский полк стоял во втором эшелоне боевой линии юго-восточнее Кракова. 20 ноября 1-й батальон и в его составе 4-я рота переместились от села Гдув в деревню Збышовку, а на другой день 1-й и 2-й батальоны были временно посланы в распоряжение командира 20-го пехотного Галицкого полка. Но уже через четыре часа оба батальона вернулись к месту прежнего расположения. Того же 21-го числа 4-й батальон Костромского полка был выдвинут на передний край и подвергся обстрелу тяжелой артиллерии с фортов Краковской крепости. 22 ноября в 19.00 полк получил приказ отступить к востоку, а в 21.00 1, 2 и 3-й батальоны начали отход на деревню Дзискановице. К часу ночи полк занял позицию на левом берегу ручья Низова...

Эти сведения почерпнуты из журнала военных действий 19-го Костромского пехотного полка. Журнал — достаточно подробный документ, в котором изо дня в день обстоятельно фиксировались обстановка на участке полка и наиболее важные события в жизни его батальонов и рот. Из журнала видно, что полк и все его подразделения в течение первых дней пребывания Блюхера на фронте активных боевых действий не вели и в непосредственном соприкосновении с противником не находились.

24 ноября 1-й батальон под командованием подполковника Шумакова был вновь отправлен в распоряжение командира 20-го Галицкого полка — в деревню Чизычка на высоту № 364. 1-я и 2-я роты пошли на усиление левого фланга в село Соболюв, а 2-я и 4-я (в 4-й роте находился Василий Блюхер) остались на высоте. 1-я и 3-я роты на другой день приняли участие в отражении атаки противника, напавшего на сторожевую заставу соседнего полка, причем понесли значительные потери, особенно 3-я рота, которая, расстреляв все патроны, вынуждена была драться с окружившими ее австрийцами штыками. Рота потеряла 70 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 2-я и 4-я роты в этом бою задействованы не были.

26 ноября 1-й батальон был отведен в резерв и расположился при штабе полка у костела в деревне Погвиздов. В это время 2-й и 3-й батальоны вели перестрелку с противником у фольварка Завала. Между ними и 20-м Галицким полком образовалась нейтральная полоса протяженностью в целую версту. Пользуясь ложиной, австрийцы решили занять эту полосу и охватить правый фланг 3-го батальона. Однако командир 19-го полка разгадал замысел неприятеля и выдвинул в прорыв 1-й батальон. С 9 часов утра 27 ноября батальон весь день вел перестрелку с противником. Вот этот-то день и стал боевым крещением молодого солдата Блюхера.

На следующее утро в 7.30 командир полка отдал приказ о наступлении, однако противник, упредив русских на полчаса, сам перешел к активным действиям, опять-таки стараясь захватить ложины, но

эта атака была отбита. 1-я и 4-я роты получили приказ перейти в наступление. 4-й роте удалось захватить в плен одного австрийского офицера и 64 нижних чина. Среди отличившихся был и Василий Блюхер. Спустя семь с половиной месяцев приказом по полку № 185 от 2 июля 1915 года Блюхер был награжден Георгиевской медалью IV степени. В графе «время оказанного подвига» стоит дата — 28 ноября 1914 года...

Из документов видно, что награду Василий Блюхер действительно заслужил уже на девятый день пребывания на фронте.

Исходя из пометок в журнале боевых действий полка, можно сделать вывод, что боевое столкновение с противником, состоявшееся 28 ноября 1914 года, было, по всей видимости, единственным, в котором Василий Блюхер успел побывать за время своего участия в Первой мировой войне. Вскоре полк был отведен к реке Дунаец на заранее подготовленные позиции.

Значительная часть записей в журнале боевых действий за декабрь сводится к нескольким словам: «На фронте полка без перемен». Нет сведений и о том, что от 4-й роты высылались разведчики для захвата языков, хотя сведения о захвате пленных и перебежчиках на участках других рот имеются. Изредка окопы обеих сторон подвергались артобстрелам. Таким образом, и в декабре, и в начале января 1915 года у Блюхера просто не было возможности отличиться.

Теперь об обстоятельствах ранения Василия Блюхера. В различных опубликованных в советское время изданиях утверждается, что ранен он был «в лихой атаке» (в данном случае в книге В. В. Душенькина «От солдата до маршала»), когда резал проволочные заграждения и выносил из-под пулеметного огня раненого товарища. Речь идет о 8 января 1915 года. В этот день Блюхер действительно получил тяжелое ранение. Но вот что дословно записано в журнале боевых действий 19-го пехотного Костромского полка: «8 января. Положение на фронте без перемен. Фронт подвергается обстрелу тяжелых орудий. Замечено усиление стрельбы со стороны противника разрывными пулями. Сильнее обстреливается 2-й батальон, где граната попала в окоп — 1 убила и несколько человек ранила... В 1-м батальоне 5 человек раненых...»

Еще имеется донесение-телефонограмма командира 1-го батальона подполковника Шумакова командиру 19-го Костромского полка от 8 января 1915 года: «В 6 1/2 часов утра по всему фронту батальона неприятель открыл сильный ружейный огонь, одновременно его артиллерия стала засыпать снарядами всю площадь расположения батальона. Было 5 человек раненых, телефонные провода перебиты во многих местах и во многих местах окопы разрушены, противник пытался перейти в наступление».

Из приведенных сведений видно, что никакой лихой атаки с преодолением проволочных заграждений не было. Василий Блюхер получил ранение, по всей видимости, находясь в окопе, от попадания в него артиллерийского снаряда или мины...

В приложении к приказу по полку № 38, параграф 5, от февраля 1915 года в списке нижних чинов Костромского полка убитых, пропавших без вести, взятых в плен неприятелем, раненых и контуженых с 1 по 31 января включительно находим: «13. Запасный рядовой Василий Константинов Блюхер 8 января исключен из списков полка и довольствия».

Василий с тяжелым ранением попал сначала в полевой лазарет 5-й дивизии, затем его эвакуировали в подвижной госпиталь № 358 и через некоторое время — в стационарный военный госпиталь, который находился в Белой Церкви.

Из Белой Церкви Блюхер был направлен для долечивания в Московский генеральный военный госпиталь имени Петра I (ныне Главный военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко). В марте 1916 года врачебная комиссия признала его непригодным к дальнейшей службе вследствие полученного ранения. Он был уволен из армии с пенсией первого разряда.

Василий Блюхер был обыкновенным солдатом Первой мировой войны, которых Россия в течение трех лет ежегодно тысячами посылала на русско-германский фронт. Но в то же время в нем была особая военная жилка, жилка волевого, жесткого командира-революционера с прагматичным,

нестандартным мышлением. Здесь, на этой империалистической войне, она дремала, не было должных условий для ее активизации. Она проснется позже, когда свершатся в стране две величайшие революции и на таких людей, как Блюхер, появится острый спрос...

ТАКИЕ НУЖНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Такие незаурядные натуры, как Василий Блюхер с его не реализованными к двадцати шести годам высокими амбициями, очень нужны революции, а революция, в свою очередь, нужна им. Поэтому Блюхер легко вписался в атмосферу разрушительного социального брожения, захлестнувшего в 1916–1917 годах российское общество.

В апреле, после освобождения «по чистой» от военной службы, Василий поступил в Москве грузчиком в частный мануфактурный магазин. С трудом проработав неделю, он предъявил хозяину инвалидный билет и попросил аванс и отпуск, чтобы набраться сил после госпиталя. Получив деньги, сразу же уехал из Москвы. Сначала в Казань, где нанялся камнетесом в гранитную мастерскую, затем перебрался в Нижний Новгород на Сормовский судостроительный завод. Но и там надолго не задержался, через месяц вернулся в Казань, устроился чернорабочим на механический завод Остермана. Здесь познакомился с большевиками, стал выполнять отдельные их поручения. В июне его приняли в Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков.

Февральская революция застала Блюхера в городе Петровском, где он работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. Произошедший в Петрограде переворот, отречение от престола царя потрясли Василия. Он знал, он ждал: в стране должно произойти что-то неслыханное, великое историческое событие. И вот произошло!

Блюхер бросает работу на маслозаводе и уезжает в Самару.

В то время Самара бурлила анархией, борьбой трудящихся за свободу. Временное правительство Керенского всерьез не воспринималось. Создавались «комитеты народной власти», «коммуны». Большевики, которые в этой борьбе были самыми активными, ратовали за Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

По прибытии в Самару Василий обращается в городской комитет РСДРП(б) с заявлением: «Готов выполнить любое задание партии». Его направляют в армию проводить агитационную работу. Он записывается добровольцем в 102-й запасной полк. В этом полку в июне 1917-го Василия избирают членом, а в августе — председателем полкового комитета и заместителем председателя военной секции Самарского городского совета.

25 октября в Петрограде большевики взяли в свои руки власть. В Самаре в ночь на 26 октября в театре «Триумф» состоялось общее соединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов с полковыми, ротными и заводскими комитетами, представителями «комитетов народной власти» и уездных крестьянских организаций. Театр ревел ошалелыми голосами. Одни орали о поддержке Временного правительства, другие хрипели: «Вся власть Советам! Долой Керенского!»

Поздней ночью в Самаре победили большевики. Под рукоплескания и крики прокуренного театра председатель собрания Валерьян Куйбышев огласил принятую подавляющим большинством резолюцию: «Собрание заявляет, что демократия находится на положении борьбы с Временным правительством... Все распоряжения правительства и его агентов признаются недействительными. Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов. Собрание выбирает из своей среды революционный комитет, который обладает неограниченными полномочиями в борьбе с правительством и контрреволюцией!»

Так в наводненном рабочими, крестьянами и солдатами театре «Триумф» родился самарский Октябрь.

Здесь, в «Триумфе», решила и военная карьера Василия Блюхера.

27 октября был избран военно-революционный комитет (ВРК) Самары. В него вошли Куйбышев, Герасимов, Тиунов, Митрофанов... Несмотря на то что из солдатской толпы выкрикивали имя Блюхера, в состав ревкома он не попал. Сразу же состоялось первое заседание ВРК. В повестке наряду с другими значился пункт: назначение военного комиссара к начальнику гарнизона генералу Савич-Заблоцкому. Были выставлены две кандидатуры: прапорщика Мельникова и солдата Блюхера. Мельников и Блюхер совершенно разные.

Мельников — нервный, многословный, Блюхер, в противовес ему, — уравновешенный, малоразговорчивый. Комиссаром выбрали Сергея Мельникова, его заместителем — Василия Блюхера.

Прямо с заседания ВРК Мельников и Блюхер отправились в штаб генерала.

В кабинет начальника гарнизона первым вошел Блюхер:

— Гражданин генерал! Взявший в Самаре власть в свои руки Революционный комитет назначил товарища Мельникова — комиссаром, меня, Блюхера, — заместителем комиссара при начальнике гарнизона.

— То есть при мне, — иронично улыбнулся генерал.

Мельников сел и с пафосом заговорил о власти народа, новой армии, о том, что начальники должны переродиться. Когда Мельников кончил, генерал сказал кратко:

— Люди мы военные, стало быть, о вашем назначении надо отдать приказ.

— Правильно, — подтвердил Блюхер.

— Позвольте взглянуть на ваши мандаты?

Ознакомившись с удостоверениями Самарского ВРК, Савич-Заблоцкий продиктовал адъютанту приказ за номером 268. «Объявляю для сведения копию постановления Революционного комитета совета рабочих и солдатских депутатов... Ревком объявляет самарскому гарнизону, что при начальнике гарнизона назначены военным комиссаром г. Мельников, заместителем комиссара г. Блюхер... Командирам полков согласовывать свои действия с означенными выше комиссарами... Начальник гарнизона, начальник 31-й пехотной бригады генерал-майор Г. А. Савич-Заблоцкий».

Генерал, поставив свою подпись под приказом, передал его Мельникову и Блюхеру.

Савич-Заблоцкий, изучая взглядом «гостей», заключил: Мельников — «пустоват», а вот Блюхер — «крепкий орешек»...

Уже на второй день этот «крепкий орешек» проявил себя в полной мере. Блюхер прибыл в один из полков бригады с требованием к командиру выделить ему отряд солдат для осуществления мероприятий, предписанных ВРК — наведения в городе порядка. Вечером он появился с солдатами в здании, где размещался не подчинившийся Самарскому совету «комитет народной власти», и объявил о его роспуске. Комитетчики попытались протестовать, на что Блюхер сухо предупредил: «К утру не очистите помещение — всех арестую».

29 октября Блюхер разоружил на Трубочном заводе взбунтовавшуюся казачью сотню. Одновременно по его приказу был произведен обыск в редакции газеты «Волжское слово»; были изъяты листовки и прокламации, направленные против советской власти.

30-го он ввел на самарский телеграф вооруженную охрану, удалив служащих. В ту же ночь отряд, организованный Блюхером, сменил часовых у всех военных складов и взял на учет оружие.

Вскоре о Блюхере пошел слух как о «суровом комиссаре». Рисовался вполне определенный образ: одет опрятно, в ладно подогнанной солдатской гимнастерке без погон. Алый бант на груди. На боку маузер. Наголо бритая голова, стальные уверенные глаза. Силен, хотя и невысок. Руки боксера. Движения медленные. Молчалив. Говорит отрывисто, коротко...

В начале ноября Василия Блюхера избирают членом Самарского военно-революционного комитета. Затем он становится начальником губернской охраны революционного порядка.

В середине ноября Василия Блюхера пригласил к себе председатель Самарского военно-революционного комитета В. В. Куйбышев. Куйбышев уделял большое внимание организации революционных вооруженных сил, поэтому Василий, являвшийся заместителем комиссара гарнизона и начальником губернской охраны, нисколько не удивился этому приглашению. Однако то, о чем заговорил с ним Куйбышев, оказалось для него совершенно неожиданным.

— Мы решили послать вас, товарищ Блюхер, — с ходу начал Куйбышев, — на очень важное дело. Получены сведения, что атаман Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра. Дутовские отряды окружили Челябинск и тем самым создают угрозу движению продовольственных поездов к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвидации челябинского затора. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Но когда они прибудут, неизвестно, а промедление гибели подобно. Нам поручено выделить отряд в полтысячи бойцов для расчистки и удержания челябинского участка. Ревком назначил вас комиссаром Сводного отряда Красной гвардии, который сейчас формируется из солдат революционных полков гарнизона и бойцов рабочих дружин. На вас возлагается главная — политическая — ответственность по решению задачи. Военно-революционный комитет надеется: вы с вашей большевистской напористостью обеспечите выполнение этой чрезвычайно важной операции...

Блюхера, кажется, в первый момент ошеломила эта задача. Но он не показал смятения. Медленно потер вспотевшие ладони, спросил:

— А кто командир отряда?

— Садлуцкий. Зайдите к Мельникову, он все объяснит.

Василий зашел к Сергею Мельникову и от него узнал: Садлуцкий — капитан-артиллерист, фронтовик, беспартийный, но сочувствует большевикам. По характеру спокойный, даже слишком. Одно слово — флегматик. Сейчас занимается комплектацией отряда, набирает солдат из запасных полков и добровольцев-красногвардейцев.

— Артиллерист — это хорошо! — удовлетворенно сказал Блюхер.

С Садлуцким Василий встретился на станции, где под руководством капитана в эшелон грузилась артиллерийская батарея.

Василий представился коротко: «Блюхер» и протянул бумагу ревкома, где значилось, что он назначен комиссаром отряда. Садлуцкий медленно достал из кармана свой мандат. Блюхер бегло прочел: Садлуцкий В. К. является начальником...

— Ну что ж, товарищ Садлуцкий, будем вместе воевать с Дутовым, — обратился первым на «вы» комиссар Блюхер к командиру Садлуцкому.

В предстоящей совместной службе они подойдут друг другу. Ни по политическим, ни по военным вопросам разногласий у них никогда не будет. Между Владимиром Константиновичем Садлуцким и Василием Константиновичем Блюхером сложатся ровные товарищеские отношения. Но комиссар всегда будет говорить командиру «вы» и называть его не по имени, а «товарищ Садлуцкий».

30 ноября красногвардейский Сводный отряд выехал из Самары. На всех вагонах эшелона белой краской было написано: «Демобилизованные. Едем домой!»

Это была хитрость комиссара Блюхера. Эшелон с такой «вывеской» беспрепятственно проскочит заставы атамана Дутова.

ПРОТИВ АТАМАНА ДУТОВА

Войсковой старшина Александр Ильич Дутов, командир 1-го Оренбургского казачьего полка, в марте 1917-го прибыл с фронта в Петроград на первый общеказачий съезд. Никому не известный окопник вначале становится заместителем председателя временного совета Союза казачьих войск, затем его председателем. На государственном совещании в августе в Москве он избирается заместителем председателя казачьей фракции. Керенский присваивает Дутову звание полковника и назначает главноуполномоченным Временного правительства по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области с правами министра.

Оренбургское казачье войско — третье по численности среди казачьих войск России (около 600 тысяч человек) — играло важнейшую роль в укладе жизни Оренбургской губернии. После Февральской революции именно казаки установили в губернии демократическое самоуправление. В середине апреля войсковой круг избрал атаманом Оренбургского войска генерал-майора Н. П. Мальцева, а через пять месяцев — полковника А. И. Дутова.

Полный, чуть сутулый, с полуседой бородой полковник Дутов быстро возвысился среди казаков. Он был хорошим оратором, умел тронуть казачьи сердца и этим привлек к себе внимание. Не случайно в смутные дни накануне Октябрьской революции он становится оренбургским атаманом вместо смещенного генерала Мальцева. Ему поверили — у него военный талант, он храбр, он сумеет сплотить казачье войско. Хотя близкие к нему люди хорошо знали и иные его качества: легкомыслие и любовь к удовольствиям, за что подчас он горько расплачивался.

Советскую власть Дутов не принял. Он об этом заявил во всеуслышание в тот самый день, когда Оренбургский совет рабочих, казачьих и солдатских депутатов и представители воинских частей гарнизона создали Военно-революционный комитет. Атаман в течение суток, опираясь на две школы прапорщиков и юнкерское училище, упразднил совет, арестовав всех его членов и ликвидировав ВРК.

На всей территории Оренбургской губернии началась энергичная вербовка казаков. Развернулось формирование добровольческих отрядов, главным образом из офицеров, зажиточных крестьян и студентов, в станичных районах создавались дружины. Под руководством Дутова в Оренбурге был образован Комитет спасения революции, куда вошли представители различных сословий, народностей, организованных общественных группировок и политических партий. Оренбургские газеты писали: «Полное спокойствие в городе, никаких эксцессов, жизнь идет нормально, все учреждения работают, магазины торгуют, увеселения существуют, и мирная покойная жизнь протекает».

Дутовский Оренбург бросил вызов Петрограду и Москве. «Мы видим в сумраке очертания царизма Вильгельма и его сторонников, — говорил атаман на открытии очередного войскового круга казачьего войска. — И ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина. Россия умирает. Мы присутствуем при последнем ее вздохе».

3 декабря эшелон с Самарским сводным отрядом прибыл в Челябинск. Город встретил красногвардейцев тишиной и густым снегопадом.

Добровольческие отряды и дружины атамана Дутова чувствовали себя уверенно и несли службу беспечно. Они располагались в основном вокруг города, на его окраинах, и появления красных не ожидали. С помощью железнодорожников красногвардейцы беспрепятственно прошли все кордоны казаков под видом демобилизованных с фронта солдат.

На вокзале Садлуцкого и Блюхера встречали руководители челябинских большевиков Е. Л. Васенко и С. Я. Елькин. Они сообщили, что деятельность совета в городе нарушена. Белоказачи предъявили ультиматум: разоружить Красную гвардию, распустить совет, передать всю власть городской думе. Пришлось подчиниться.

С прибытием Сводного отряда красногвардейцев власть в Челябинске и его окрестностях перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Для осуществления исполнительских функций власти Совет избрал Военно-революционный комитет. Председателем его стал прибывший из Самары член

губернского Военного революционного комитета А. П. Галактионов, заместителем — Евдоким Васенко. В комитет вошел и Блюхер.

Челябинск в тот период кишел пестрой публикой: анархически настроенными солдатами, офицерами, контрреволюционерами всех мастей, а также обывателями, бежавшими из Центральной России на восток, подальше от переворотов, ружейной пальбы и прочих неудобств военного времени. Совет и Военно-революционный комитет занялись наведением в городе революционного порядка. Но сил явно не хватало.

Вскоре для борьбы с Дутовым в Челябинск стали прибывать красногвардейские отряды из Екатеринбурга, Златоуста и ряда заводов Урала. Подходили эшелоны из Петрограда с частями Северного экспедиционного летучего отряда под командованием мичмана Павлова, участника Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, прославившегося дерзким арестом в 1917 году в Могилеве главнокомандующего царской армией Духонина...

Северный экспедиционный отряд был сформирован по личному указанию В. И. Ленина из матросов-балтийцев с линкоров «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Гангут» и 17-го Сибирского революционного полка, отозванного с Северного фронта.

17-й Сибирский полк состоял из забайкальцев. В конце 1916 года, участвуя в германской войне, он проявил неповиновение высшему командованию — отказался идти в наступление, за что был разоружен и отведен в тыл. 24 командира были расстреляны, жестокая расправа угрожала и солдатам. Февральская революция спасла полк от уничтожения. После Октября 17-й Сибирский встал под знамя Советов.

Непосредственное руководство формированием Северного экспедиционного летучего отряда осуществлял председатель Комитета по военным и морским делам Совнаркома республики В. А. Антонов-Овсеенко.

Отряд имел задачу: укрепление советской власти в северных городах и на Северной железной дороге. Он должен был на линии Петроград — Вологда — Вятка — Пермь — Екатеринбург — Челябинск ликвидировать контрреволюционные мятежи, освободить от белых железнодорожные узлы, беспрепятственно поставлять хлеб из Сибири, Урала и Тургая. Ему также предписывалось принять участие в разгроме белоказачьих частей атамана Дутова...

От имени Совнаркома Антонов-Овсеенко выдал командованию отряда мандат с широкими чрезвычайными полномочиями: право пользоваться в пути следования всеми средствами связи как на железной дороге, так и в городах и населенных пунктах; право, если этого потребует обстановка, в городах, населенных пунктах и на железной дороге издавать приказы, распоряжения, объявлять военное положение, создавать местные советы и военно-революционные комитеты.

Командиром отряда был назначен Сергей Павлов, его заместителем — Владимир Шубин, командир 17-го Сибирского стрелкового полка, начальником штаба — брат Сергея Павлова, Михаил; комиссаром — петроградский большевик Николай Сергеев.

Отряд представлял собой военно-политическую организацию. Основой ее были Центральный комитет большевиков с председателем И. Григорьевым — солдатом 17-го Сибирского полка, и Центральный комитет Советов солдатских и матросских депутатов, который возглавил солдат того же полка С. Мартынов.

В день прибытия Северного летучего отряда Павлова в Челябинске лютвала метель. На железнодорожной станции царила неразбериха. Десятки составов с хлебом заняли все тупики, основные пути и вспомогательные линии были забиты пассажирскими поездами и эшелонами с ценными грузами. С большим трудом удалось найти место составам отряда. Павлова встречали три представителя местной власти: председатель Челябинского военно-революционного комитета Василий Блюхер, его заместитель Евдоким Васенко и член ревкома Соломон Елькин.

— Что у вас здесь происходит? — спросил Павлов у Блюхера.

— Полная остановка движения, Сергей Дмитриевич. Огромные запасы сибирского хлеба имеем, а отправить в центр России нет никакой возможности.

— Давайте зайдем ко мне в вагон, там поговорим, — предложил Павлов.

В штабном вагоне Павлов ознакомил челябинцев с задачами своего отряда.

— В Екатеринбурге я говорил по прямому проводу с Антоновым-Овсеевко, — сказал он. — От имени Совнаркома он приказал боевые действия против контрреволюционных сил Дутова начать немедленно по прибытии в Челябинск. Первая задача — освободить Троицк.

Блюхер рассказал о положении в Челябинске. Дутовцы, заняв станцию Полетаево, приостановили железнодорожное движение. Город, по сути дела, отрезан и никем не управляем.

Васенко дополнил:

— Среди населения реакционные элементы ведут пропаганду против Советов. В учреждениях — саботаж. Представители буржуазии ведут сбор средств на снаряжение дутовской армии.

— Понимаете, — снова заговорил Блюхер, — сил у нас маловато, чтобы навести полный порядок. Отряд, с которым я пришел из Самары, невелик. Правда, в городе расквартированы два запасных полка старой армии, но они небоеспособны — солдаты ждут демобилизации. С появлением вашего отряда мы должны прочно овладеть положением.

Было решено город и уезд объявить на военном положении.

Павловский отряд занялся прочесыванием города и расчисткой станции. Опыт, который он накопил, укрепляя советскую власть по пути движения из Петрограда на Урал, пришелся в Челябинске очень кстати. На предприятия, в запасные полки, просто в народ пошли агитаторы. А против провокаторов, антисоветчиков были применены репрессивные меры. Патрули из матросов прошлись по богатым квартирам, вскрыли немало тайников с оружием, арестовали нескольких владельцев особняков и агентов Дутова.

Центральный комитет Совета солдатских и матросских депутатов Летучего отряда совместно с Военно-революционным комитетом Челябинска обратились к населению города и уезда с воззванием:

«Граждане! Власть в стране перешла в руки Советов, которые опираются на широкие слои трудящихся масс. Советы обеспечат народу мир, свободу и независимость.

Главная цель прибывшего правительственного Летучего отряда солдат и матросов Северного фронта — установление и укрепление Советской власти на Урале, разгром контрреволюционных сил дутовщины и освобождение Ташкентской, Самаро-Златоустовской и Троицко-Орской железных дорог, чтобы по ним из Сибири, с Урала и Тургая отправлять фронту, столице и другим промышленным городам хлеб, мясо, жиры и другое продовольствие, а также шерсть, хлопок.

Наш долг — освободить из-под ига дутовщины города Троицк, Верхне-Уральск, Оренбург, Кустанай, Орск и спасти двенадцатимиллионное пострадавшее от засухи и голодающее население Средней Азии.

Граждане города Челябинска и уезда! Сохраняйте полное спокойствие и порядок! Революционные силы Северного летучего отряда — солдаты и матросы — ваши внуки, дети и братья. Они посланы к вам охранять ваш мирный труд, восстановить ваши права и провести в жизнь лозунги свободной России.

Командир Первого сводного Северного летучего отряда ПАВЛОВ.

Председатель Военно-революционного комитета города Челябинска БЛЮХЕР.

Комиссар Северного летучего отряда СЕРГЕЕВ.

Председатель ЦК Совета солдатских и матросских депутатов Северного летучего отряда МАРТЫНОВ».

Вечером следующего дня собрался руководящий состав Летучего отряда и челябинского гарнизона. Первым взял слово Павлов:

— Товарищи! Пора ударить по Дутову. Предлагаю выступить завтра, ждать больше нельзя. Из штаба вооруженных сил Республики получена телеграмма: «Открыть боевые действия против дутовцев и освободить Троицк». Взяв Троицк, необходимо организовать наступление на Оренбург. Это нужно сделать до весенне-летней поры, иначе конница Дутова принесет нам большие неприятности.

Взял слово и Блюхер:

— Отряд товарища Павлова идет на Троицк, а силы Челябинского военно-революционного комитета остаются как резерв. Одновременно на них возлагается охрана и оборона города и станции. За тыл, Сергей Дмитриевич, не беспокойтесь, обойти вас дутовцам не дадим. Если потребуется подмога, обеспечим. Надо будет, всех под ружье подыдем...

Сбор руководящего состава выработал общий для всех план действий. Наступление Северного летучего отряда на Троицк назначили в ночь на 22 декабря 1917 года.

В свете последних исследований деятельности отдельных подразделений Северного экспедиционного отряда стали известны некоторые нелестные подробности. В частности, о «наиболее боевой» его единице — одном из отрядов матросов-балтийцев, ставшем для Блюхера важной опорой в борьбе за утверждение советской власти в Оренбуржье.

Среди подразделений мичмана Павлова был Северный летучий морской отряд, который возглавляли: командир — помощник секретаря технического отдела Петроградского военно-революционного комитета Запкус, именовавший себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири», и комиссары — Журба и Кириллов.

В докладе Вятского губернского военно-революционного комитета и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 декабря 1917 года указывалось: «Сегодня в 10 часов вечера прибыл на станцию Вятка Северный летучий морской отряд т. Запкуса, который поможет навести здесь порядок».

О методах «наведения порядка» Летучим морским отрядом повествует протокол общего собрания Вятского губисполкома: «... Утром без суда и следствия представителями Летучего отряда были расстреляны вятские граждане — неизвестные лица. Комиссар летучего отряда Кириллов заявил, что расстрелянные были воры и расстрел был произведен по просьбе тысячной толпы. На вопрос: доказано ли, что расстрелянные лица действительно были воры, Кириллов считает достаточным сознание расстрелянных под ударами плетки».

Вскоре Запкус со значительной частью летучего отряда отбыл на Урал, в Екатеринбург, его заместителем в Вятской губернии остался Журба. Разогнав местные советы, он производил тотальные обыски, аресты и расстрелы. Конфискации, контрибуции и реквизиции в губернии достигли в правление матроса Журбы невиданных размеров.

Из Екатеринбурга отряд Запкуса отправился под Оренбург, в котором находились дутовцы. Когда Оренбург был взят, по приказу Запкуса матросы и красногвардейцы согнали в центральную гостиницу города хорошо одетую публику и предложили... откупиться. Присутствовавший при этом председатель Оренбургского губернского военно-революционного комитета С. М. Цвиллинг шуточно бросил: «Смотри-ка, какой улов-то у нас! Откупаются. Хотя и неохотно. Ну да некуда им деваться, придется потрясти мошной!.. Вот с этого миллиончик возьмем», — показал он глазами на торговца Деева. Состоятельные горожане ждали, когда из дома принесут деньги, вносили их тут же кассиру, получали расписку, а с нею и свободу.

Во второй половине февраля Летучий отряд Запкуса был уже в Тюмени. И, как и в Оренбурге, посланец Ленина — «комиссар Северного района Европейской России и Западной Сибири» — железной рукой утверждал здесь твердый, но «справедливый» советский режим.

Начальник Тюменской уголовной милиции Н. Н. Кислицкий успел составить рапорт «Об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, — дописали в рапорте его подчиненные, — сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса». Приказом № 1 Запкус объявил о введении с 4 часов дня 28 февраля 1918 года военного положения в Тюмени. Пункт десятый приказа гласил: «Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в два счета на глазах всех уничтожаться». Приказом № 4 Запкус наложил контрибуцию в размере двух миллионов рублей на капиталистов Тюмени. Причем миллион должен быть внесен 4 марта и миллион — 6 марта. В приказе отмечалось: «Половина контрибуции пойдет на содержание отряда, а другая половина — в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов Тюмени».

Очевидец событий Г. А. Дружинин вспоминал: «Возвращаясь из депо, я увидел на станции около водонапорной башни группу людей. Тут же на запасном пути стоял поезд, состоящий из пассажирских вагонов: это был штаб матросов во главе с Запкусом (видимо, латыш или еврей). Этот отряд занимался сбором контрибуции с купцов Плотникова, Гусевой, Колокольникова и других. При проведении обысков адъютант Запкуса Андреев из квартиры Колокольникова присвоил золотые часы. Запкус узнал об этом от матросов. Вот этот Андреев и стоял у башни, а Запкус докладывал матросам и собравшимся зевакам, вроде меня, о случившемся. Тут же самолично у нас на глазах он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти».

Финансовая комиссия Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов наложила на тюменскую буржуазию еще одну контрибуцию в размере 600 тысяч рублей, при этом половину взыскала наличными, а другую половину перечислила на текущий счет Совдепа. Может, это совпадение, но в протоколе Вятского исполкома от 29 марта 1918 года записано: «Слушали: заявление Летучего отряда о выдаче вознаграждения в сумме 600 000 рублей. Постановили: удовлетворить просьбу Летучего отряда».

Итак, эти «летучие морские» вооруженные отряды устанавливали на местах большевистский режим за деньги по определенной таксе.

Фактически эти формирования были полностью бесконтрольны, и единственным обоснованием их деятельности была «ненависть к буржуям».

Что касается Запкуса, то его дальнейшая судьба неизвестна. Где и как пропала огромная по тем временам тюменская добыча Запкуса — также осталось тайной.

25 декабря отряд Павлова подошел к Троицку. Дутовцы сопротивлялись недолго и к исходу дня оставили город. Наутро следующего дня Павлов обратился к горожанам: «Граждане Троицка! Сохраняйте полное спокойствие и порядок. Революционные отряды правительства Совета Народных Комиссаров прибыли в ваш город восстановить ваши права и провести в жизнь лозунги свободной России».

В тот день из Бузулука от чрезвычайного комиссара по борьбе с дутовщиной П. А. Кобозева пришла срочная телеграмма: Бузулукская группа красных войск потерпела серьезное поражение. Павлов связался по прямому проводу с Петроградом, говорил с Антоновым-Овсеенко, доложил: «Троицк нами взят. На очереди Кустанай. Там двоевластие — Совет и городская дума. В думе обосновались эсеры и меньшевики. Они опираются на буржуазию и расквартированный в городе 246-й пехотный запасной полк старой армии. Эсеры и меньшевики со дня на день ликвидируют Совет. Но на

Оренбургском фронте сложились неблагоприятные условия, Кобозев просит немедленной помощи. Что делать?»

Антонов-Овсеенко приказал: 17-му Сибирскому стрелковому полку остаться для полной ликвидации дутовщины в Троицком, Кустанайском и Верхнеуральском уездах, а матросам во главе с Павловым кружным путем через Самару двинуться на Бузулук.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сводный отряд красногвардейцев, который привели в Челябинск Садлуцкий и Блюхер, был отозван в Самару. С ним отбыл и Галактионов, а Блюхер и Садлуцкий остались на Урале. На Блюхера было возложено руководство Челябинским военно-революционным комитетом, и одновременно он возглавил штаб всех революционных отрядов, собравшихся в городе. Командующим объединенными отрядами сначала был избран Садлуцкий, но вскоре выяснилось, что со своими обязанностями он не справляется, и ВРК был вынужден отстранить его от должности.

Обстановка на Урале к тому времени характеризовалась как крайне нестабильная. В связи с этим был создан Единый политический и военный центр по борьбе с дутовщиной. Политическое руководство осуществляли Кобозев и председатель Оренбургского ревкома Цвиллинг, военное — Блюхер.

Блюхеру пришлось приложить немалые усилия для освобождения Оренбургской губернии из-под власти Дутова. Во-первых, необходимо было отбросить казачьи отряды от Самаро-Златоустовской железной дороги и обеспечить бесперебойную доставку продовольствия на запад. Во-вторых, нужно было как можно быстрее ликвидировать формировавшиеся дутовские части в районе Троицка — Челябинска.

Блюхеру для решения этих задач по распоряжению центральных организаций был подчинен отделившийся от Северного экспедиционного отряда 17-й Сибирский стрелковый полк, командиром которого вместо Владимира Шубина стал по предложению Блюхера Яков Суворов. Теперь красные войска насчитывали около четырех тысяч человек.

Несмотря на трудности, к началу января 1918 года Блюхер сумел сконцентрировать боевые силы в районе Оренбурга и серьезно потеснил Дутова.

В своих воспоминаниях помощник войскового атамана И. Г. Акулинин писал: «В силу... неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31-го января 1918 года Оренбург был сдан».

В освобождении казачьей столицы вместе с войсками Блюхера принимал участие и морской отряд Северного экспедиционного летучего отряда.

Атаман и войсковое правительство перебирались в Верхнеуральск — центр 2-го округа области Войска оренбургского. Многие офицеры в одиночку и небольшими группами укрывались в станицах, хуторах и киргизских аулах. Дутов нервничал. Он трижды пытался снять с себя полномочия войскового атамана, и трижды круг не принял его отставку. Финансовое положение эвакуированного правительства было тяжелым. «С переездом в Верхнеуральск войсковое правительство, — вспоминал Акулинин, — не имело в своем распоряжении никаких денежных средств — ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства... Попытка атамана побудить местных купцов прийти на помощь войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все!»

В первые дни после вхождения в Оренбург красных частей несколько десятков станиц заявили о признании советской власти. Но рассылка по ближайшим станицам продотрядов привела к возникновению партизанских отрядов «самозащиты». 3 марта Оренбургский военно-революционный комитет пригрозил, что если «какая-нибудь станица окажет содействие контрреволюционным

партизанским отрядам приютом, укрывательством, продовольствием и пр., то станица такая будет уничтожаться беспощадно артиллерийским огнем».

Однако антибольшевистское казачество было настроено решительно. Вокруг атамана спланировались верные ему боевые силы. К началу весны дутовцы окружили Троицк. Одновременно в опасном положении оказался и Оренбург.

Оренбургский военно-революционный комитет требовал от умеренных казаков выбора, стремясь силой заставить их присоединиться к борьбе против Дутова. «Знайте, кто не с нами, тот против нас. Нам нужно окончательно договориться: или идите вместе с нами, или берите винтовки и сражайтесь против нас», — заявил председатель ВРК Цвиллинг на Первом губернском съезде Советов 12 марта 1918 года.

Уральский областной военный комиссариат принимает решение направить несколько вооруженных отрядов для освобождения Троицка и захваченных дутовцами территорий губернии. Командование этими отрядами возлагалось на Василия Блюхера.

Части Блюхера начали наступление на белоказачков в конце марта 1918 года и 1 апреля взяли Верхнеуральск. Правительство атамана Дутова перебралось в станицу Краснинскую, где попало в засаду большевиков. Единственным выходом из сложившейся ситуации мог быть прорыв окружения и отступление на юг. Атаман так и сделал. Собрал в единый кулак свои оренбургские отряды, он рассек в слабом месте кольцо красных и ушел в Тургайские степи.

Блюхеру удалось изгнать Дутова со всех районов Оренбуржья, но ликвидировать его живую силу полностью он не сумел. Белоказаки организованно отошли в южном направлении. Весенняя распутица не позволила преследовать их, и они, разбившись на небольшие группы, рассредоточились в Тургайской области. В мае, когда установилась хорошая погода, Дутов вновь стянул свои разрозненные отряды под Оренбург и блокировал его. Он воспользовался тем, что Павлов с матросами-балтийцами был отозван в Петроград.

В результате плотной осады белоказаками Оренбурга губернский Военно-революционный комитет лишился сношения с Туркестаном. Блюхер с несколькими красногвардейскими отрядами срочно выступил из Верхнеуральска на помощь заблокированным в городе малочисленным красным частям. Однако сил для успешной борьбы с дутовцами оказалось недостаточно, поэтому в состав блюхеровской группы войск в спешном порядке были влиты красногвардейский отряд под командованием Елькина, Екатеринбургский эскадрон кавалерии, артиллерийская батарея из железнодорожников Челябинского узла и вновь сформированный в Екатеринбурге 1-й Уральский пехотный полк. Уральский полк, состоящий из рабочих-добровольцев и привлеченных на службу кадровых офицеров старой армии, представлял собой серьезную военную единицу и ощутимо укрепил боевую мощь группы войск Блюхера.

К Оренбургу головной отряд Блюхера двигался по железной дороге. На станции Кинель к нему присоединились другие отряды, следовавшие по заданию центральных организаций также в Оренбург. В тяжелых условиях почти эшелонной войны красные войска медленно продвигались к казачьей столице и лишь к концу мая подошли к осажденному Оренбургу и установили связь с его гарнизоном. Совместными усилиями подразделения заблокированного гарнизона изнутри и войска группы Блюхера снаружи кольца окружения рассеяли дутовцев. Они бежали в степь. Но это еще не было победой. Предстояла большая работа по окончательной ликвидации белоказачков в Оренбургском регионе.

Методы борьбы, которые выдвигались большинством командиров, Блюхером не разделялись. У него была линия на агитационную обработку населения. Необходимо, опираясь на бедноту, выявлять сочувствующих большевикам бывших солдат-фронтовиков и организовывать из них дружины в поддержку Совдепов. Но противники его линии смотрели на казаков как на единую враждебную советской власти массу, совершенно не дифференцируя ее. Для разгрома контрреволюционных казаков они предлагали проводить карательные экспедиции. Линия Блюхера была отвергнута.

Блюхер был прав: ряд таких предпринятых экспедиций ничего не дал. Как только казаки узнавали, что идут красные усмирители, так сразу — по коням! — и прочь из станиц и поселков. Каратели, не встретив белоказаков, ни с чем возвращались в Оренбург. Проходило некоторое время, и там, где они недавно побывали, появлялись дутовцы; они без особых затруднений вербовали станичников в свои ряды...

26 мая телеграф штаба Блюхера принес неожиданное известие: в Челябинске против красных восстали пленные австро-венгерской армии (чехословацкий корпус).

Как оказался на Урале чехословацкий корпус? В конце 1917 года в России из бывших военнопленных австро-венгерской армии был сформирован чехословацкий корпус (около 50 тысяч человек). Корпус готовили к отправке в Западную Европу через Дальний Восток. Эшелоны с солдатами корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. К весне 1918 года основная масса корпуса застряла в районах Урала и Западной Сибири. В мае корпус взбунтовался. Совместно с белогвардейскими отрядами мятежники захватили ряд городов, в том числе Челябинск, Пензу, Томск, Уфу, Симбирск и другие. Вся железная дорога Челябинск — Самара — Оренбург оказалась в руках чехословаков. Восставшие объединились с белыми, в Самаре к власти пришло контрреволюционное правительство — «Комитет Учредительного собрания».

Точных данных о целях и задачах взбунтовавшихся белочехов у Блюхера не имелось. Поступали противоречивые сведения: по одним — во главе восстания стоит полковник Чечек, по другим — организатором мятежа является некий Радола Гайда^[7].

По свидетельству белогвардейского полковника А. Н. Гришина-Алмазова, члена штаба контрреволюции в Новониколаевске, мятеж готовился давно. Гришин-Алмазов в начале мая связался с чешским командованием, обговорил некоторые детали; взаимопонимание было полное. Командиры чешских полков (капитаны Гайда и Кадлец) вступили в переговоры с представителями Новониколаевского военного штаба. По достигнутому соглашению между белогвардейским штабом и чехословацкой группой во главе с Гайдой был отдан приказ о выступлении в Омске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Новониколаевске, Челябинске. «Я решил с Гайдой, — писал в докладе штабу Гришин-Алмазов, — произвести первый взрыв, чтобы показать большевикам нашу силу. Два эшелона во главе с капитаном Клецандой и капитаном Гайдой в ночь на 26 мая (1918 г.) свергли большевиков... Кое-кого отправили на тот свет...»

Непосредственным поводом к «взрыву» послужило убийство 14 мая в Челябинске чешским караулом военнопленного австрийца. Челябинский совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от караула выдать убийцу, на что последовал отказ. Тогда Совдеп арестовал весь караул. Чехов это возмутило. Капитан Гайда стал призывать солдат проучить красных. 17 мая группа чехов разоружила охрану железнодорожной станции. Одновременно чешские солдаты оцепили советские учреждения города, на улицах появились вооруженные патрули, допускавшие по отношению к населению всякие бесчинства. Командование корпуса в грубой форме выставило Совдепу ультиматум: немедленно освободить караул. Челябинский совет собрал военный совет, объявил город на военном положении и потребовал от чешского командования убрать свои патрули, вернуть захваченное на железнодорожной станции оружие. Занятая Совдепом твердая позиция возымела действие. Чешское командование заявило: «Мы были и будем друзьями Советской власти и не пойдем против нее». Поверив в искренность заявления, совет отменил военное положение. Но в ночь на 27 мая чехи, перейдя вброд реку Миасс, окружили казармы челябинского гарнизона, застав спящих красноармейцев врасплох.

Это было началом войны белочехов против Советской России. Чешское командование в своих оперсводках начало регулярно сообщать о боевых действиях с красными. Например: «При штурме казарм челябинского гарнизона (27 мая 1918 г.) пленено сотни красноармейцев, взято свыше 6 тысяч винтовок, 5 пулеметов, 20 орудий...» «...В кровопролитных боях с красными от Пензы до Самары мы потеряли 80 человек убитыми и 400 ранеными. Потери советских войск в десять раз больше. Одними пленными зарегистрировано около 2000 красноармейцев. Пензу наши части брали под

ураганным огнем красных пулеметов (работало около 400 пулеметов) и артиллерии. Чуть ли не голыми руками бой продолжался 20 часов и закончился победой наших войск 29.05.1918 г.».

В начале июня к Оренбургу стали подходить части Верхнеуральского и Белорецкого отрядов, которые двигались из Верхнеуральска через Магнитную, и уфимские отряды, наступающие по тракту Уфа — Оренбург. Оренбургский гарнизон, не получая указаний от самарского руководства Красной армии, в течение месяца бездействовал. Как потом оказалось, во главе самарского штаба находился предатель Яковлев...

«В середине июня, — вспоминал Блюхер, — мы еще поддерживали телеграфную связь с Троицком и Верхнеуральском, откуда поступали сведения, что белочехи развивают активное движение на Оренбург по железной дороге от Кинеля. Но вскоре связь с центром была окончательно потеряна».

В штабе Блюхера к продвижению белочехов к казачьей столице отнеслись спокойно, полагая, что чехословацкий мятеж всего лишь небольшой эпизод, который скоро будет ликвидирован. Ни сам Василий Блюхер, ни его ближайшие сподвижники еще не осознали всей опасности складывающейся военной обстановки. Они не знали, что красные войска, сосредоточенные вокруг Оренбурга, уже отрезаны чехами и дутовцами от Центральной России.

А в отрядах чувствовали, как сжимается кольцо окружения. Стали проявляться панические настроения. Слабые духом бойцы начали по ночам дезертировать. Среди командиров красных войск, скопившихся в районе Оренбурга, стали возникать разногласия, которые между большинством главкомов отрядов достигли таких масштабов, что для их урегулирования пришлось вмешаться командующему 1-й Туркестанской армией Г. В. Зиновьеву.

«Для предотвращения движения белочехов на Оренбург 23 июня товарищ Зиновьев приказал мне начать наступление вдоль железной дороги Оренбург — Бузулук, — вспоминал Блюхер. — При выполнении этой задачи мы встретились с большими трудностями. Наше влияние распространилось только на полосу железной дороги, то есть где продвигались эшелоны, а в тылу действовали белоказаки, которые разрушали пути и прерывали связь с Оренбургом. Казачье население, воодушевленное победами чехов под Самарой и вдохновляемое контрреволюционными агитаторами, стало активно помогать дутовцам. Вести в таких условиях борьбу с белочехами, когда тыл стал ненадежным, было невозможно, поэтому я принял решение отвести отряды непосредственно в Оренбург».

В Оренбурге собралось около двадцати различных по численности отдельных отрядов. В то время расплодилось бесчисленное количество главкомов. Каждая область, каждый район назначали себе главкома. Блюхер рассказывал, как Петр Кобозев, будучи чрезвычайным комиссаром Средней Азии и членом Реввоенсовета Восточного фронта, настойчиво требовал от него оборонять Оренбург и Туркестан. Но можно ли осуществить успешную оборону с дезорганизованными отдельными отрядами при таком огромном количестве главкомов? Это была армия совершенно несплоченная. Кого в ней только не было: и казаки, и рабочие, и крестьяне, и даже матросы...

В создавшейся обстановке Блюхер потребовал созвать совещание комсостава, на котором обсудить дальнейшие действия. На совещании большинство командиров отрядов высказались за то, чтобы оставить Оренбург и отойти в Туркестан.

Блюхер наотрез отказался двигаться в Туркестан, считая это «линией наименьшего сопротивления». Он заявил, что пойдет со своим Уральским отрядом совместно с Южноуральским, Челябинским и 1-м Уральским полками на север. Его цель: пробраться к основным индустриальным центрам уральского пролетариата. Кобозев был несогласен с таким решением. Блюхера поддержали Иван и Николай Каширины^[81], командиры Верхнеуральского и Южного отрядов, недавно прибывших под Оренбург.

НА ПРОРЫВ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

1 июля Блюхер пошел на прорыв вражеского окружения, располагая силами четырех боевых отрядов — своего Уральского отряда, Южноуральского, Челябинского и 1-го Уральского полков. Этот

прорыв будет длиться почти полгода. Блюхер канет в неизвестность. Пойдут слухи, что он погиб в бою и отряды его полностью уничтожены чехами и белоказаками.

А он тем временем вклинивался во вражеские тылы. Он вел отряды на соединение с Красной армией. Направление — через Ак-Мечеть, гору Магнитная, Верхнеуральск и дальше, в зависимости от обстановки, — на север или по рабочим районам Урала через Юрюзань, Сим, к Златоусту. Отряды двигались осторожно, ибо не всегда знали, что делается вокруг. Блюхер требовал, чтобы командиры вели непрерывную разведку. Параллельно он рассылал в полосе пятидесяти-шестидесяти километров агитаторов, которые привлекали в отряды революционно настроенных рабочих и крестьян, желающих с оружием в руках бороться за советскую власть.

При подходе к Авзяно-Петровскому заводу разведка донесла: белые заняли Верхнеуральск, а в Белорецке — красногвардейские отряды, от Стерлитамака движется отряд с богатым обозом, состоящим из товаров, присланных Центральным правительством в Уфу для обмена на хлеб, и с небольшим запасом оружия.

16 июля Блюхер вступил в Белорецк, где уже находились Троицкий, Верхнеуральский и Южный отряды. (Эти отряды и еще несколько небольших красногвардейских групп в конце июня объединились под единым командованием и имели общий главный штаб. Главкомом у них был Николай Каширин, начальником штаба — Николай Енборисов.) При Троицком отряде состоял батальон интернационалистов численностью более 300 человек. Большая часть из них — рабочие Будапешта и других промышленных центров Венгрии, около 70–80 человек — берлинские рабочие социал-демократы, несколько десятков румын и представители других национальностей из военнопленных австро-венгерской армии.

Блюхер так характеризовал руководство Троицкого и Верхнеуральского отрядов: «Командир троичан Николай Томин — волевой и талантливый военачальник. Это был человек изумительной честности и беспредельно храбрый. В отряде он пользовался огромным авторитетом...

Среди других командиров отрядов особенно выделялись братья Николай и Иван Каширины».

Иван Каширин был командиром Верхнеуральского отряда, который в основном состоял из казацкой молодежи. В начале августа в этот отряд влился Белорецкий полк, состоящий из рабочих Белорецкого завода. Белорецкий полк стал цементирующей силой отряда и составлял его политическую основу, вокруг которой группировалось революционное казачество. Отряд достиг численности 1300 человек. Николай Каширин возглавлял Южный отряд, очень боеспособный боевой коллектив.

Братья Каширины, по характеристике Блюхера, пользовались большой популярностью среди казацкой части отряда. «Я бы не сказал, что они в то время были вполне политически сложившимися и полностью понимали свою роль. Иван Каширин был беспартийный. Одевался он немного помпезно, обычно носил красную рубашку. Николай Каширин представлял собой резкую противоположность своему брату. Он уже в то время был членом партии. Это был скромный, сдержанный и умный командир».

Последними в Белорецк подошли Стерлитамакский и Баймакский отряды. Личный состав их состоял из башкир и татар. В общей сложности здесь собралось около восьми тысяч революционных бойцов и большое количество беженцев, главным образом членов семей бойцов отрядов.

После сбора всех отрядов в Белорецке 16 июля 1918 года состоялось общее совещание командиров, где остро встал вопрос: что делать дальше?

Пятнадцать делегатов отрядов, собравшихся в Белорецке, рассмотрели вопросы: политическая и военная обстановка; выяснение сил и средств; составление общего плана действий; выборы главнокомандующего.

Об обстановке докладывали Иван Каширин, Николай Томин и Василий Блюхер.

О событиях в Центральной России ничего определенного известно не было, лишь слухи — разные и противоречивые... Только из района Верхнеуральска имелись сведения, что советских сил там очень мало, мобилизованные солдаты некоторых уральских заводов, выступая против чехословаков, не присоединяются к красным частям. Неблагоприятное положение и в Оренбурге. Там правит бал контрреволюция...

Какие красные отряды сосредоточились под Белорецком?

Отряд города Троицка под командованием Н. Д. Томина: пехоты — 700, кавалерии — 300, пулеметов — 16, орудий — 6, патронов не очень много; отряд крепкий, готов к немедленному походу к центру России.

Отряд города Верхнеуральска под командованием И. Д. Каширина: пехоты — 800, кавалерии — 900, пулеметов — 13, орудие одно; оборудована команда связи.

Южный отряд Н. Д. Каширина: пехоты — 200, кавалерии — 200, пулеметов — 12, орудий — 2; отряд крепкий, стремится к Верхнеуральску.

Уральский отряд В. К. Блюхера: пехоты — 700, кавалерии — 50, пулеметов — 16, орудий — 4; команда связи; отряд крепкий, стремится к центру России.

Белорецкий отряд Н. В. Баранова: пехоты — 600, кавалерии — 100, пулеметов — 10; стремится остаться для защиты завода на месте.

Баймакский отряд: пехоты — 400, кавалерии — 50, пулеметов — 4; бойцы плохо обмундированы.

Сборный отряд (в него входят Южноуральский отряд, Челябинский и 1-й Уральский полки): пехоты — 3400, кавалерии — 1600, пулеметов — 71, орудий — 13, снарядов, патронов и денег достаточное количество.

Во время обсуждения плана дальнейших действий резко обострились разногласия между Блюхером и братьями Кашириными. Блюхер предлагал двигаться на север в направлении Красноуфимска на соединение с Красной армией. Его поддерживало меньшинство: четверо командиров отрядов, в их числе Томин; против — братья Каширины. Они предлагали идти через Верхнеуральск — Челябинск к Екатеринбург. В районах Верхнеуральска отряды могут значительно пополниться за счет казацкой бедноты. Блюхер сомневался: нет никакой ведь уверенности в том, что отряды пополнятся за счет казачества. Иван и Николай Каширины говорили: за железной дорогой нас ждет неизвестность, и мы можем быть разбиты. А двигаясь по заводам, к родным местам, мы настолько усилимся, что сможем пойти и в хлеботородные губернии.

Они основывались на том, что, подавляя контрреволюционные силы, поднимется огромная волна борьбы трудового народа против белых. Как же вы не понимаете, пытался объяснить им Блюхер, что, двигаясь на Верхнеуральск, мы ослабим свои отряды; люди будут расходиться по домам, еще не дойдя до Троицка, потеряем вообще весь личный состав Верхнеуральского отряда. И, возможно, с оставшимися силами дальнейшие боевые операции станут невыполнимы.

Блюхер понимал, что противостояние двух точек зрения — «пролетарской» и «казацкой» — ни к чему хорошему не приведет. Настаивать на своем и отказаться от похода на Верхнеуральск — это значит, считал он, расколоть революционные силы. «Я предложил своим единомышленникам присоединиться к предложению Кашириных. Мне казалось, что, соглашаясь с мнением братьев Кашириных, мы выиграем с точки зрения политики. История показала, что этого нельзя было делать. И мы за это тяжело заплатили».

Был принят план Кашириных. В связи с этим, естественно, на выборах главнокомандующего победил Николай Каширин. Ему предоставлялось право организовать единый штаб на собственное усмотрение.

Каширин разбивает все формирования на три отряда: Троицкий — Томина, Верхнеуральский — Пичугина и Уральский — Блюхера. Все вместе они теперь называются Сводным Уральским

отрядом. Общим штабом он оставляет бывший штаб Ивана Каширина. Для пополнения этого штаба включает в его состав одного представителя от Уральского отряда — Блюхера.

18 июля 1918 года главком ставит задачу Сводному отряду выдвинуться в направлении на Тирлян, идти двумя дорогами: по правому и левому берегу реки Белая, и утром 19 июля стремительной атакой занять завод Тирлян. Отряду Блюхера Каширин приказал оставаться в резерве, сосредоточившись в районе Белорецка.

Блюхер потом вспоминал, что Каширины активно повели наступление на Верхнеуральск. Во всех боях, вплоть до Верхнеуральска, отряды имели успех, но бесцельность движения стала очевидной, как только они достигли города.

В боях за Верхнеуральск красные отряды встретились с превосходящими и хорошо организованными силами белоказаков. Потеряв более 150 человек убитыми и до 350 ранеными и израсходовав значительную часть боеприпасов, они вынуждены были после взятия Верхнеуральска отказаться от движения на Екатеринбург. После взятия города часть казаков разошлась по домам, а один из командиров Верхнеуральского отряда, бывший казачий офицер Енборисов^[9], хорошо посвященный в планы партизан, перебежал к белым...

25 июля белочехи захватили Екатеринбург.

Еще до взятия Верхнеуральска Николай Каширин осознал ошибочность своего плана и в разговоре с Блюхером заявил, что необходимо вернуться к Белорецку. В бою под Верхнеуральском он был ранен, и командование отрядом перешло к Ивану Каширину.

После возвращения отрядов в Белорецк Николай Каширин созвал совещание всех командиров и выступил перед ними с признанием ошибочности своего плана движения на Верхнеуральск.

2 августа состоялось совещание командиров, на котором Блюхер единогласно был избран главкомом, а Николай Каширин — начальником штаба. На этом совещании Блюхер изложил основные положения плана боевых действий объединенного отряда, в соответствии с которым отряд должен был двигаться через рабочие районы Южного Урала на соединение с Красной армией.

После совещания Блюхер в качестве главнокомандующего написал свой первый приказ по Сводному отряду южноуральских партизан:

«Приказ войскам Сводного отряда южно-уральских партизан о движении на соединение с частями Восточного фронта

2 августа 1918 г.

§ 1. Сегодня высшим командным составом и представителями от отрядов я выбран главнокомандующим всеми отрядами, о чем объявляю во всеобщее сведение.

§ 2. Баймакскому и Стерлитамакскому отрядам влиться в Троицкий отряд, причем разбивка рот по ротам других отрядов не допускается и батальоны для формирования полков могут быть сведены. Сводным отрядом командовать тов. Томину. Белорецкому отряду влиться в Верхнеуральский отряд, к чему и приступить немедленно.

§ 3. Для сконструирования главного штаба каждому отряду выслать по 2 представителя.

§ 4. На должность начальника санитарного отдела вместо тов. Тараненко назначаю тов. Федосеева, которому принять от Тараненко денежные суммы, документы, имущество и медикаменты, о сдаче и приеме донести мне.

§ 5. Ввиду того, что вверенная мне Красная Армия не имела связи с базой, которая бы питала ее как огнестрельными припасами, так и всем необходимым для армии, на совещании делегатов от всех отрядов решено было пробиться и соединиться с базой.

Для достижения указанной цели необходимо было армии перейти линию Сибирской железной дороги, так как по ту сторону этой дороги находятся наши отряды Красной Армии, имеющие связь с базами и опирающиеся на ряд заводов, производящих военные припасы, к числу таких баз относится г. Екатеринбург. При решении вопроса о выходе к базе представлялось несколько путей. Путь к линии железной дороги через Верхнеуральск был выбран по следующим соображениям: нанеся сильный удар под городом, мы рассеиваем насильно мобилизованных казаков, как уже показали предыдущие опыты, следовательно, открываем себе путь к намеченной цели с наименьшей затратой сил и материальной части, тогда как другие пути этих преимуществ не давали. Наши предположения уже оправдались, в рядах противника началось уже разложение, распад был близок, достаточно еще было сделать один сильный нажим. Сибиряки уже собирались уходить к себе, с уходом сибиряков остальное казачество уплыло бы в свои станицы и поселки, так как сибиряки служат связующим звеном в армии противника. Оставался еще один твердый, по своей несознательности, элемент — это мобилизованные башкиры, но по своей малочисленности они не могли нам оказать серьезного сопротивления. Таким образом, наша задача близилась к благоприятному для нас разрешению.

Но изменческий поступок Енборисова вынудил нас отказаться от дальнейших операций на Верхнеуральск, так как Енборисов, безусловно, раскроет все наши планы и наши средства к дальнейшей борьбе с нашим противником, который, учтя это, будет оказывать упорное сопротивление, с тем чтобы заставить нас израсходоваться, а тогда взять нас голыми руками.

По агентурным сведениям, в районе Самары ведут бой наши значительные силы. Уфа слабо занята противником. По ту сторону Самаро-Златоустовской железной дороги также находятся наши силы. Стерлитамак занят незначительными силами противника, преимущественно из местной буржуазии. Кроме сего, район Белебея до Самаро-Златоустовской железной дороги по своим свойствам представляет большие удобства для действий конницы, противник же таковой не имеет. Отказавшись в силу приведенных причин от первого направления, мы должны выбрать новое направление на присоединение к нашим силам, опирающимся на базы. Оставаться здесь, в Белорецке, мы не можем, так как противник наш отказ сочтет за нашу слабость и, безусловно, поведет против нас активные действия, с тем чтобы нас взять в кольцо, и тогда нам трудно будет прорывать это кольцо.

Может быть, у многих красноармейцев возникнет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи, такое решение будет весьма губительным, так как легче всего переловить и передуть нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переловлены противником.

Главнокомандующий БЛЮХЕР».

БЕСПРИМЕРНЫЙ РЕЙД ПО ТЫЛАМ ВРАГА

На вторые сутки, 5 августа, Блюхер повел Сводный отряд, своеобразную партизанскую армию, через горный массив Ямантау к Восточному фронту.

Ямантау, двуглавый великан Южного Урала, разлегся с юга на север огромным костистым старым медведем. Вершины его, ошетилившись острыми скалами, бесцветны и голы. Большая седловина, мелкие ложбины, падающие сверху вниз горные разломы поросли густым лесом. На голых макушках хребта громоздятся тучи, в лесных чащобах — темно и хмуро.

В погожие дни с вершин Ямантау просматриваются за разновеликими горами и горушками, плато и долинами змеящиеся ленты далеких рек, блестящие блюдца озер, неясная паутина построек — различных населенных пунктов.

«Медведь» Ямантау будто в спячке: пустынна и неподвижна спина его. Лишь в подбрюшье — в лесистых седловинах и выемках, на трудных подъемах и опасных спусках — вьется длинной серой веревкой каменистая дорога — Верхнеуральский тракт.

Тракт разрезает поперек седой Урал, то прячась в зеленых зарослях горных лугов, то прижимаясь к отвесным каменным ребрам гор, петляя по берегам рек и ручьев, то, тяжело вздымаясь на перевалы, норовя обойти гиблые пропасти.

Начало тракта — в Казани, на стыке полноводной Камы с Волгой, конец — в западносибирских просторах, в степях, у золотых приисков в Троицке.

На полуторатысячной ленте тракта стоят города Мензелинск, Уфа, Стерлитамак и другие. В горах тракт сторожат гремящие и полупотухшие заводы Белорецк и Узьян, замершая Кага и упрямый Авзян. В горах на сотни километров — четыре башкирские деревни: Макарово, Кара-Курттамак, Калгунино, Серменево.

Сводному отряду южноуральских партизан предстоял нелегкий переход через Ямантау. Партизанская армия шла по трудному, выщемуся по хребтам и перевалам Верхнеуральскому тракту. В авангарде двигались кавалерия А. Е. Карташова и Уральский отряд И. С. Павлищева, за ними — штаб Блюхера с главными силами. Внутри армии ехали обозы. Замыкал всю эту огромную колонну Верхнеуральский отряд Ивана Каширина.

Участник этого рейда краснопартизанской армии Блюхера И. П. Маркелов, командовавший в 1918 году одним из отрядов, вел хронологические записи.

...Высота почти две тысячи метров. Опаленные жарой всадники тяжело послезали с коней. Кони жадно, со свистом и хрипом, ловили воздух, взмыленные бока их вздымались порывисто.

Кавалерией этот отряд можно было назвать условно. Двое-трое — в гимнастерках. Вот кто-то в серой потертой пиджачной паре. Ситцевые рубахи у двоих. Выцветшая кожанка. У одного медно-красная грудь вырывается из синей матроски. Картузы штатские, защитные фуражки. Шляпа. Матросская бескозырка с ленточками флота Балтики. Шапка русских нечесаных кудрей, покрытых ветром.

В деревянной кобуре — маузер. Шашка, за поясом — гранаты. Револьверы в кобурах, у двоих винтовки за плечами. У одного дробовик и охотничий нож из обломка штыка...

Впереди вздымались горы. Тяжелый путь. Неизвестность. Опасность. Сзади — горы, далекая дымка равнины. На востоке вершины гор озаряли лучи солнца, в долинах поднималась легкая кисея вечернего тумана. Тишина.

По извилистой, каменистой, пыльной дороге медленно, упрямо нарастал шум. Скрип колес, вскрики, топот, ржание коней, ругань.

Топают разношерстная кавалерия. Крестьянские «пегашки» и кавалерийские строевые лошади. Башкирские низкорослые рысачки и племенные производители с бывших помещичьих и купеческих конюшен. Кавалеристы в военном, с винтовками, шашками. Новоиспеченные всадники в пиджаках, косоворотках, в домотканых мужицких рубахах. Трехлинейки, берданки, карабины, американские винчестеры. Пара «луизок» с обоймами-коробочками, револьверы, бомбы. Кавалерийские седла, башкирские деревянные с пуховыми подушками, прихваченными веревочками и лыком.

Подводы, подводы, подводы... Скрипучие русские телеги. Горные башкирские двуколки. Городские тарантасы, ямщицкие тройки, пролетки, беговые дрожки, украинский рыдван.

Солдаты, штатские с винтовками, штатские без оружия. Женщины, старики. Вот целый букет вихрастых детских голов. Подводы с людьми вооруженными. Подводы с людьми, вооруженными только кнутом. На подводах — мука, зерно в мешках, кожа, тюки мануфактуры, сапоги, сбруя, патронные, денежные ящики... Телеграфное оборудование, домашние сундуки, чугуны, самовары, шубы, перины...

За подводами, устало мыча, плетутся коровы. Тарабанят ножками овцы. Где-то закудахтали куры. Тявкают собаки.

Вот на телегах тупорылые «максимы», голенастые «колыты» — пулеметная команда.

Угрюмо прошагали, проехали штатские под конвоем. Мужчины, одна женщина. Дородные купцы, щеголеватые военные офицеры, лидеры эсэров и меньшевиков, просто буржуи. Заложники.

Подводы, подводы, подводы...

Тяжело ступают лошади, бредут беженцы, подводчики в пестрядинных штанах и башкирских тюбетейках.

Тяжел и длинен путь через Ямантау...

Сводный отряд красных партизан постоянно преследовали белоказаки и чехи. Время от времени они атакывали блохеровские части. В районе Стерлитамака белогвардейцы и чехи попытались окружить краснопартизанскую армию и уничтожить ее. Крупное чешское подразделение вышло навстречу колоннам партизанских отрядов, а белоказаки наступали с тыла. Завязался ожесточенный бой. Блюхер бросил против чехов главные свои силы и разгромил их под селом Петровским. Затем, быстро совершив фланговый марш вдоль реки Белой, 13 августа вывел армию в район Богоявленского завода. На этом заводе находились красногвардейский отряд под командованием Михаила Калмыкова, который отошел сюда из-под Оренбурга, и небольшая группа красных войск, отступивших из Уфы. Они вели тяжелые бои свыше месяца с наступающими на завод белогвардейцами и кулацкими отрядами.

Блюхер вспоминал позже: «Рабочие Богоявленского завода нас встретили с большой радостью. Через час после нашего прибытия — смотрю: стоит огромная очередь перед заводом. Спрашиваю у Калмыкова, в чем дело? Он отвечает: „Рабочие винтовки берут“. Через некоторое время он, сильно взволнованный, прибегает ко мне и говорит о том, что рабочие обратно сдают винтовки, что они не хотят отходить вместе с нашим отрядом с завода. Весть о том, что наш отряд, а вместе с ним и Богоявленский вскоре оставят завод, вызвала сильную тревогу населения и особенно членов семей бойцов. Причина — вслед за нашим отрядом двигались белоказаки генерала Ханжина».

Дело в том, что отряды Ханжина вырезали целые семьи, не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Весть о движении белоказачьих войск взбудоражила население завода, что и сказалось на настроении бойцов. Дети, женщины не отпускали бойцов. Ко всему этому белогвардейцы распространили слух о том, что Казань пала...

Пришлось Блюхеру в 12 часов ночи собирать рабочих. Была непроглядная темнота, шел проливной дождь. Калмыков говорил о положении на заводах, Блюхер — о пролетарской революции, о новой жизни. Потом выступил старый рабочий. Он встал на бочку, которая служила трибуной, и сказал: «Я люблю своих детей, но революция мне дороже. Кто за то, чтобы завтра в четыре часа утра создать Богоявленский полк и всем вместе пойти бить белогвардейцев? Голосуйте». Ни одного голоса «против». Прошло полтора часа, пока люди оделись и построились. Вокруг тяжелая картина. Жены кричат, дети плачут, все умоляют: «Не уезжайте, на кого вы нас оставляете?» В этой обстановке раздался голос командира: «Полк, слушай команду! Направо — за мной!» На протяжении нескольких километров полк провожали старики, женщины, дети...

После ухода наспех созданного Богоявленского полка завод заняли белоказаки и устроили расправу над членами семей красноармейцев.

17 августа армия Блюхера сосредоточилась в районе Архангельского завода. Здесь, так же как и в Богоявленске, к ней присоединился вооруженный отряд рабочих. В результате присоединения двух отрядов общие силы краснопартизанской армии возросли до десяти с половиной тысяч человек.

Из Архангельска армия резко повернула на север, имея первоочередной задачей выйти на Самаро-Златоустовскую железную дорогу восточнее Уфы. Движение Блюхера в направлении Самаро-Златоустовской железной дороги вызвало сильное беспокойство белогвардейского

командования, так как эта дорога была основной магистралью, связывающей штаб белочехов с их частями, действовавшими на фронте Самара — Симбирск — Казань. Чтобы предотвратить выход краснопартизанских отрядов на железную дорогу, белогвардейцы сосредоточили в районе Уфы значительные силы своих войск.

План белого командования сводился к тому, чтобы зажать армию Блюхера в треугольнике, образуемом слиянием рек Белой и Сим, окружить ее здесь и уничтожить.

В результате упорных боев, развернувшихся 18 и 19 августа у селений Зилим и Ирныкши и на самой переправе у селения Бердянина Поляна, белогвардейцы были разбиты и отброшены. Краснопартизанские отряды, успешно форсировав Сим, в конце августа на широком фронте вышли к линии Самаро-Златоустовской железной дороги в двадцати километрах южнее станции Иглино.

Сконцентрировав главные силы для наступления на станцию Иглино и одновременно обманув противника ложным выступлением в направлении Уфы, 29 августа части Блюхера с большими потерями овладели станцией. Выход на железную дорогу в непосредственной близости Уфы создал паническое настроение в городе, который до этого считали глубоким тылом белогвардейских армий.

«В Уфу на 1 сентября съезжались на государственное совещание делегаты контрреволюционных партий из Оренбурга, Челябинска, Самары и других городов Урала и Сибири с целью объединения различных группировок востока России на борьбу против Советской власти, — вспоминает Блюхер. — Но организаторы этого дела вынуждены были отложить сборище на несколько дней».

Блюхер не предполагал наступать в направлении Уфы и поэтому не стал задерживаться в районе станции Иглино. 30 августа передовые части двинулись на север с целью форсирования реки Уфы и выхода на Красно-Уфимский тракт. Ориентировочно местом переправы был намечен район деревни Красный Яр, расположенный в пяти километрах от реки. 1 сентября Уральский отряд под командованием Ивана Павлищева переправился через Уфу и захватил небольшой плацдарм.

Армии Блюхера предстояло с боем форсировать серьезную водную преграду в условиях почти полного окружения белыми. Впереди, на правом берегу реки, белогвардейцы сосредоточили несколько полков из Уфы и Бирска, сзади нажимали белоказаки и чехи.

К моменту переправы плацдарм составлял всего несколько десятков квадратных километров, нужно было как можно быстрее начать форсирование, но никаких средств переправы не было.

Маркелов ярко описал решающий бой партизанской армии Блюхера с казаками и белочехами у реки Уфа перед соединением с регулярными частями Красной армии.

...На небольшом клочке земли, доступном со всех сторон снаряду обычной полевой пушки, сгрудилась вся армия. Бригады, полки, обозы, лазареты, беженцы. Впереди река. За рекой враг.

Сзади, с флангов, с тыла — кругом враг...

Два дня кипел бой. Два дня надрывались орудия, выводили железные трели пулеметы, галдели винтовки.

Мост решили наводить напротив деревни. Лес от реки в стороне, далеко. Нет времени ни рубить, ни возить. Дорог каждый час. Тогда в штаб явились деревенские мужики и предложили: на козлы для моста можно использовать срубы амбаров, на слань — слепи, хворост крыш, солому.

Мост наводили под огнем.

Отряд бесстрашного командира Павлищева, перебравшийся через реку, устроил белым заслон перед переправой. Но к врагу на помощь подоспели свежие части: чехи, добровольцы, офицеры. Навалились на заслон. Красные цепи, вдавливаясь в рыхлый песок прибрежных лугов, медленно подаются назад. Все ближе и ближе к реке... Немислярово, Старо-Кулево, Ново-Кулево. Три километра до переправы. Отступать больше некуда.

Если дрогнут цепи, бросятся к реке к недостроенному мосту — катастрофа.

Блюхер слушает, что делается на другом берегу, на флангах, в тылу противника.

Главком бросает на фронт последние резервы. Приказывает усилить огонь артиллерии. Самых стойких бойцов ставит непосредственно у переправы. Здесь лихорадочно достраивают мост.

Белые усиливают напор и с тыла, на арьергард. Однако центр арьергарда уперся крепко. Томин со своим отрядом держится.

Вдруг между берегом и правым флангом арьергарда показались белоказаки. Они рвутся в тыл переправе, в тыл обозной массе, беженцам, лазаретам.

Блюхер знает, что, если взбесить это месиво подвод и людей, паника разнесет в щепы недостроенный мост, запрудит реку жертвами. И он гонит всех работников штаба, всех из охраны и связи успокаивать тревожный клубок обозов и лазаретов.

И тут пошли полки Каширина. Но за мостом развернуться им негде, пулеметы скосят взводы и сотни. Полки взяли в сторону...

Враг наглеет, его нажим набухает свинцом и железом. В штабе Блюхера усиливается тревога. Неужели собьют заслон?..

Медленно тянется время. Но армия переправляется. Три четверти ее уже на правом берегу.

И в этот момент в тылу противника поднялась паника. Главком вздохнул облегченно:

— Каширин ударил.

Полки Каширина, обойдя белых со стороны, стремительно атаковали с севера...

10 сентября партизанские отряды подошли к большому селу Аскино, которое главком Блюхер приказал занять Троицкому отряду, шедшему в авангарде. 11 сентября в Аскино прибыл штаб главкома. Из оперативных сведений стало известно, что части Красной армии находятся где-то поблизости. Под вечер Блюхер вызвал к себе девятнадцатилетнего заместителя начальника штаба Троицкого отряда Виктора Русяева.

— Мы хотим поручить тебе поехать в соседнюю деревню и установить связь с частями Красной армии, — сказал Блюхер. — Имей в виду, они о нас ничего не знают, поэтому, появившись мы перед ними неожиданно, чего доброго, встретят нас огнем. Надо действовать осторожно, чтобы избежать ненужного кровопролития.

Русяев выполнил поставленную перед ним задачу, и 12 сентября партизанская армия Блюхера вышла в район села Тьюно-Озерское, где встретилась с передовыми частями 3-й армии Восточного фронта — 2-м Бирским полком и 1-й Бирской бригадой.

О том, как соединился Сводный отряд южноуральских партизан с частями Красной армии, говорится в информационной сводке штаба 3-й армии Восточного фронта № 0622 за подписью начальника штаба Алафузо и начальника оперативного отдела Герасимова.

«11-го сентября 1918 г. из штаба 5-й Уральской дивизии из г. Осы, что на р. Каме, от начдива указанной дивизии Шванского была получена телеграмма, что по тракту через с. Аскино, что на большой дороге между пунктами Кунгур — Уфа, идут советские отряды из Троицка и Верхнеуральска, командующим которых состоит т. Блюхер.

12 сентября указанные данные подтвердились появлением 4-й сотни 1-го Уральского полка (состав частей тов. Блюхера) в районе селения Тьюно-Озерское, штаб же названного полка расположился в с. Аскино. Войдя в связь с указанной сотней, наши отряды 5-й Уральской дивизии выяснили, что во главе командования вновь появившихся частей состоят товарищи Блюхер, Каширин и Томин; т. Кадомцев убит в бою с белыми. Наряду с этим выяснилось, что части т. Блюхера располагают

большим количеством артиллерии и пулеметами. Отряды Блюхера пробивались между Уфой и Златоустом через р. Уфу, где произошел жестокий бой с белыми. Части Блюхера вышли победителями из указанного боя, взяв у противника большое количество пулеметов. Дальнейший путь следования Блюхера был по Бирскому уезду, через Емашевку, что в 25 верстах на восток от Бирска.

13 сентября наши части 5-й Уральской дивизии окончательно установили связь с указанным Уральским полком отряда Блюхера. 14 сентября частями отряда Блюхера уже было занято селение Атерский Ключ, что на большой дороге Кунгур — Уфа, в 60 верстах юго-западнее Красноуфимска.

16 сентября распоряжением командующего Блюхера один полк пехоты, полк кавалерии, настоящее войсковое соединение при двух орудиях под командою т. Дамберга были оставлены для очистки от белых левого берега р. Камы; остальные же отряды частей Блюхера через селение Богородское были двинуты в направлении на Кунгур.

19 сентября, по мере приближения частей Блюхера к Кунгuru, к указанному числу штаб Блюхера находился в селении Медянское, а 1-й Уральский полк в составе тысячи штыков расположился в селении Ордынское, что на большой дороге Кунгур — Уфа, а так называемый Троицкий отряд в составе 1350 человек прибыл в Кунгур.

20 сентября при личном свидании командарма-3 Берзина¹⁰¹ в Кунгуре с Блюхером части последнего, как появившиеся в районе 3-й армии, были включены в состав частей и подчинены командованию армии. Выяснился в приблизительном численном количестве и состав частей т. Блюхера, данные следующие:

Троицкий отряд (начальник отряда Томин): пехоты — 950, конницы — 400, орудий — 4, всего людей — 1350.

Богоявленский отряд (начальник отряда Калмыков): пехоты — 800, конницы — 2 сотни, орудий — 2 горных.

Уральский отряд (начальник отряда Павлицев): пехоты — 900, конницы — 100, орудий — 4.

Верхнеуральский отряд (начальник отряда Иван Каширин): пехоты — 1700, конницы — 6 сотен, орудий — 6.

Архангельский отряд (начальник отряда Дамберг): пехоты — 700, конницы — 3 сотни, орудий — 2.

И другие части...

Командармом-3 Берзиным издан приказ по войскам армии о подчинении частей Блюхера ему, а наряду с этим указанным приказом было проведено в жизнь следующее: 1) тов. Блюхер назначается начальником 4-й Уральской дивизии, в состав которой помимо ее собственных входят все вышеперечисленные отряды Блюхера; 2) вышеупомянутый Архангельский отряд под командованием Дамберга отправлен на усиление 5-й Уральской дивизии (осинское направление); 3) указанной 4-й Уральской дивизии тов. Блюхера предписано выполнять следующую задачу: занять пункты по линии Богородское, Суксунское, Осиновское и вести наступление на Красноуфимск, Бисертский завод с целью захвата Западно-Уральской железной дороги, ст. Гробоно, Шемаха и в то же время ввиду создавшегося неустойчивого положения 3-й Уральской дивизии, действующей на пермском направлении, оказать активную помощь по ликвидации наступления противника по Пермской железнодорожной магистрали и для активного перехода нашими частями в наступление на ст. Кузино. В настоящее время вновь появившиеся части отряда Блюхера, включенные в состав 4-й Уральской дивизии, имея своим начальником указанного т. Блюхера, прилагают все усилия к выполнению возложенного на них упомянутым приказом активного продвижения вперед».

О НЕМ УЗНАЛА ВСЯ РЕСПУБЛИКА

Беспримерный рейд партизан-южноуральцев успешно завершился. Василий Блюхер не скрывал гордости и радости. Он отправил в Совнарком лично Ленину, в Пермский областной комитет и всем-всем-всем телеграмму: «Приветствую вас от имени южноуральских войск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых полков, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхнеуральского казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Продолав беспримерный полуторатысячеверстовый переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взвовется над Уралом».

Уральский областной комитет ВКП(б) послал донесение Ленину, Свердлову о действиях южноуральских отрядов под командованием Блюхера во вражеском тылу, в котором сообщалось, что в пределы Уфимской губернии на линию фронта 3-й армии прорвалась армия во главе с командующим товарищем Блюхером.

В донесении излагалась краткая история похода легендарной армии. Вот текст этого донесения:

«Продолав 1500 верст по хребтам Южного Урала, собирая на своем пути небольшие отрядики, отчаявшиеся в торжестве русской революции, они явились, сильные духом и боевым опытом. Окруженные со всех сторон восставшим оренбургским казачеством и присоединившимися к ним паразитами, отрезанные от нашей дорогой рабоче-крестьянской России, без боевых припасов, они отказались от легкого ухода в Ташкент и, несмотря на все трудности предстоящего похода, решили идти к родному старому Уралу. С большим трудом собрались на Белорецком заводе и, не зная о тяжелом положении Екатеринбурга, они сначала шли через Верхнеуральск, думая соединиться с авангардами наших войск. После одиннадцатидневного кровопролитного боя, имея перед собой до 25 тысяч казачьих и башкирских контрреволюционных войск, они 29 июля заняли Верхнеуральск и с глубокой скорбью узнали о занятии столицы Урала белогвардейцами и их союзниками — чехословаками. В боях за обладание Верхнеуральском, расстреляв последние патроны, они вынуждены были отказаться от намеченного пути соединиться с нами и избрали другой путь — через Уфимскую губернию — и через полтора месяца невероятно трудного похода, выдержав 20 жарких боев, прокладывая себе дорогу почти одними штыками и саблями, разбив противника под Уфой, прорвав его фронт по линии железной дороги на 44-й версте между станцией Мактинра и разъездом Кудеевка, наголову разбив польские легионы, части стерлитамакского гарнизона, 6-й чехословацкий полк, 6-й казачий полк, 1-й башкирский полк, 13-й и 14-й уфимские полки, разбив, уничтожив, утопив их в р. Уфе, отняв у них имеющуюся артиллерию и пулеметы, они пришли к нам бодрые духом, чтобы совместно с нами вести борьбу за потерянные права трудового народа. Эта сухая передача фактов уже красноречиво говорит, что в лице товарища Блюхера, его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг. Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов и областной комитет Российской коммунистической партии полагают, что эти легендарные герои революционной коммунистической войны должны занять среди наших войск первое место. Беднота казачьих станиц, взявшая оружие для защиты пролетарской революции и вынесшая невероятные тяготы похода, чтобы прорваться в рабочий Урал со своей казачьей родины, ставшей добычей контрреволюции, — это незабываемый пример героизма трудового крестьянства. Рабочие Северного и Южного Урала — одна революционная семья уральских рабочих. Вот герои — солдаты отряда. Командир товарищ Блюхер — один из самых отважных солдат революции, талантливый вождь-стратег. Его биография: московский рабочий, раненный на немецком фронте солдат, большевик, председатель Челябинского революционного комитета и Совета, трижды участвовал на дутовском фронте: 1) в первом походе, когда советские войска брали Оренбург, 2) в марте-апреле командовал всеми уральскими войсками, оперировавшими против Дутова, которого он прогнал из Верхнеуральска, а затем последовал по пятам из Оренбургской губернии в Туркестан; при этом товарищем Блюхером были проявлены большая храбрость и стратегический талант. Наконец, когда в мае было поднято восстание в Оренбурге, областной Совет направил командующим своими частями его же. Наркомвоен назначил

его помощником главкома всех сил против Дутова. За этой работой в Оренбурге застала товарища Блюхера чехословацкая кампания.

Члены Уральского областного комитета ВКП(б) ГОЛОЩЕКИН, БЕЛОБОРОДОВ, ТОЛМАЧЕВ, КУЗЬМИН, ВОРОБЬЕВ».

О героическом рейде по тылам врага армии южноуральских партизан узнала вся Советская республика. Член Уральского Совета и Уральского комитета РКП(б) А. П. Спунде 19 сентября 1918 года говорил по телеграфу с Лениным о героическом походе южноуральцев. Ленин попросил Спунде прислать подробные сведения о главнокомандующем армией Блюхере. В тот же день Спунде написал письмо, в котором высоко оценил боевую деятельность Блюхера как по ликвидации дутовщины, так и в организации и проведении рейда. Спунде просил, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен самой высшей наградой, какая только существует в республике. Еще он просил «поручить Блюхеру такой командный пост, который дал бы ему возможность руководить 3-й армией». Спунде указывал конкретно на 3-ю армию, так как Блюхер тесно связан с Уралом, в частности с казачьей молодежью, и потому здесь он был бы максимально полезен...

Революционный военный совет 3-й армии обратился с ходатайством к председателю ВЦИКа Я. М. Свердлову о награждении Блюхера орденом Красного Знамени, который был только что учрежден (16 сентября 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет принял Декрет об учреждении первого советского ордена — ордена Красного Знамени как награды за особую храбрость и мужество, проявленные в боевой обстановке). В обращении говорилось:

«Без снарядов, патронов и снаряжения Блюхер ведет своих героев, пролагая свой путь чаще всего штыками. Разбивая отряд за отрядом, он пользуется взятой военной добычей для новых наступлений и новых побед. Он рвет путь между Златоустом и Уфой на 44-й версте и тем облегчает казанскую операцию... Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии.

Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение.

А поэтому Военный совет ходатайствует о награждении Блюхера революционным орденом Красного Знамени».

30 сентября 1918 года состоялось заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Из протокола № 5 заседания ВЦИКа 5-го созыва от 30 сентября 1918 года:

«Председательствует тов. Свердлов.

Присутствуют: Аванесов, Анип, Алферов, Сальва.

...Передо мною телеграмма, которую прислали достаточно известные имена военного Совета одной из армий, действующей там (на Восточном фронте. — *Н. В.*), которая сравнивает этот поход (рейд по тылам врага южноуральских партизан во главе с Блюхером. — *Н. В.*) с походом Суворова через Швейцарию. Я не специалист, но знаю, что никогда еще в мире не было армии, которая шла бы через такие пространства, и никогда не было еще такого отряда и такого полководца...

Мы постараемся выяснить значение и характер этого подвига, но когда у нас вслед за утверждением ордена Красного Знамени стал вопрос, кто должен первым войти в историю гражданской войны как первый рыцарь, как первый, удостоенный этого ордена, то товарищ из Президиума не поколебался сказать, что тов. Блюхер будет первым в этом списке. (*Аплодисменты.*) Поэтому разрешите без лишних слов Центральному Исполнительному Комитету единогласно утвердить представление Военного Совета Красной Армии о том, чтобы первым был награжден этим орденом славного Красного Знамени товарищ Блюхер.

Председатель. Итак, товарищи, позвольте предложить вам первый случай преподнесения ордена Красного Знамени совершить по отношению к тов. Блюхеру. Возражений нет? — Нет.

Председатель ВЦИК Я. СВЕРДЛОВ. Секретарь ВЦИК В. АВАНЕСОВ».

Рейд по вражеским тылам южноуральской армии Блюхера был с точки зрения военного искусства, безусловно, уникальной оперативно-стратегической операцией. Жаль, что в будущем советские военные специалисты не уделят ему такого же внимания, как другим известным боевым операциям Гражданской войны. Хотя по своему размаху этот рейд в три раза превосходил поход Таманской армии на Северном Кавказе, почти в пять раз — рейд группы Якира от Одессы на север, в десять раз — отход группы Ворошилова к Царицыну.

Сентябрь принес красным войскам Восточного фронта тяжелую череду поражений. В боях в районе Красноуфимска была почти полностью разгромлена 4-я дивизия. Потерпела поражение и 3-я дивизия: она удерживала район железной дороги Шамры — Кунгур, но не устояла под ударами противника, побежала, в результате чего в ней началось разложение. В 1-й дивизии после боев под Алапаевском осталось только три тысячи штыков. Во 2-й, что стоит у Тагила, всего — 900 человек...

Под давлением превосходящих сил противника 3-я армия отходила к городу Кунгуру, и некоторые ее части были от него уже в 20–30 километрах. Соединение войск Блюхера с Красной армией произошло очень вовремя. Командование армии получило неожиданное мощное подкрепление. Генеральный консул США в Иркутске Гаррис в связи с этим телеграфировал государственному секретарю США: «Положение на фронте обострилось из-за прихода большевистских войск (Сводного отряда южноуральских партизан Блюхера. — *Н. В.*), состоящих из фанатически преданных Советам частей; они хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать...»

Переформированная 4-я Уральская дивизия обрела полнокровный боевой состав. По всему Восточному фронту разнеслось имя ее нового начальника, первого советского кавалера ордена Красного Знамени Блюхера. Большой популярностью в войсках пользовался и командный состав обновленной дивизии — заместитель начдива Николай Каширин, командиры бригад Иван Каширин, Михаил Калмыков, Иван Павлицев, Николай Томин.

Дивизия получила приказ занять пункты по линии Богородское — Суксунское — Осиновское и изготвиться для наступления в направлении Красноуфимск — Бисертский завод с целью перехватить Западно-Уральскую железную дорогу у станции Гробово-Шемаха. Белые яростно набросились на 4-ю Уральскую, но ее полки успешно отразили многочисленные атаки противника и перешли в наступление. 27 сентября Блюхер доложил командарму Берзину: части дивизии заняли Молебский завод.

Через три дня враг был выбит из Нижнего и Верхнего Иргинских заводов.

БОРЬБА ЗА УРАЛ И СИБИРЬ

Гражданская война в России (1918–1921) была противоестественной кровавой братоубийственной бойней. О ней очень много написано, но полной и объективной правды мы все-таки еще не знаем. Советская литература дала нам, кажется, исчерпывающее представление, например, о борьбе за советскую власть на западе, на юге, на Урале, в Сибири. Однако сегодня мы понимаем, что это «представление» однобоко.

Между тем к смене царского режима на большевистский не у всех рабочих и крестьян России было однозначное отношение. Из открытых недавно на Урале архивных документов узнаем, что многие уральцы совсем без радости приняли новую власть.

В отличие от пролетариата Москвы, Петрограда, Баку и большинства других — неуральских — промышленных центров России, рабочие Урала были, как правило, потомственными высококвалифицированными и высокооплачиваемыми рабочими. В уральских и сибирских селах и деревнях преобладали крепкие крестьянские хозяйства. Многие рабочие и зажиточные крестьяне вначале с удовлетворением приняли революцию Октября 17-го года. Они надеялись, что получат больше свобод, расширят свои земельные наделы. Но надежды не сбылись. Ни особых свобод, ни

земли они не получили, зато узнали, что такое «экспроприация» и «продразверстка». Экономические и политические ошибки большевиков стали причиной восстаний рабочих и крестьян во многих районах Урала в течение 1918–1919 годов. Этим они стремились защититься от экспроприации и продразверстки свои дома, огороды, покосы, всякую живность.

Самое крупное из восстаний произошло на Ижевском заводе. Восставшие выбрали старый состав Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который большевики до этого разогнали. Они в принципе не были против Советов, они — за Советы, но без большевиков. Красный флаг с Дома советов повстанцы не сняли, профсоюзы сохранили. Наладили выпуск печатных органов совета — «Телеграфно-газеты» и «Ижевского защитника».

Однако восставшие встали против Красной армии. Для борьбы с ней были созданы боеспособные повстанческие отряды. Троцкий бросал на Урал, в том числе и на Ижевск, самые верные свои полки, состоявшие из китайских, латышских и венгерских интернационалистов, чекистов Московской, Тамбовской, Смоленской, Рязанской, Саратовской и Нижегородской губерний, волжскую флотилию Федора Раскольникова, бронепоезда — местные жители были ненадежны и сочувствовали мятежникам.

Когда большевистские части приближались на две или три версты к городу, заводы останавливались, ижевцы брали винтовки и шли в бой. Руководство повстанческих отрядов доверяло оружие рабочим, винтовки лежали прямо у станков.

Патронов у повстанцев было мало, они их добывали у противника. Бойцов Красной армии поражало, когда после рева могучего заводского гудка на них шли почти без выстрелов в штыковую атаку или с охотничьими ножами, с пением «Марсельезы», под залихватские звуки гармошки люди в рабочих куртках: ведь перед боем комиссары говорили, что в Ижевске восстали буржуи и дворяне и им предстоит сражаться с офицерами и кадетами.

Отбив наступление красных, рабочие снова становились к станкам.

За период борьбы ижевцев за свою независимость производительность труда на каждого рабочего выросла в три-четыре раза. Во время обороны Ижевска рабочие оружейного завода трудились без усталости. Они собрали 50 тысяч винтовок для себя, 60 тысяч передали окрестным крестьянам. Отступая из Ижевска, оставили 100 тысяч винтовок Колчаку, обеспечив оружием междоусобную войну на Урале и в Сибири на несколько лет.

С тех пор как Блюхер возглавил 4-ю Уральскую дивизию, она непрерывно участвовала в боях и успешно проводила наступательные операции против белогвардейцев и чехов. После ожесточенных сражений были взяты большое село Богородское и город Красноуфимск. 4-я Уральская выбила белых за реки Сылва, Батам, Бисерть, Уфа. Благодаря этому 3-я армия стала постепенно восстанавливаться, хотя ее дивизии по-прежнему остро нуждались в пополнении бойцами и боеприпасами.

Командарм Берзин признал, что новый начдив 4-й — умный и талантливый командир, поэтому возлагал на него большие надежды. Пока дивизия Блюхера держит огромный фронт, Берзин надеялся укрепить остальные истекающие кровью малочисленные дивизии.

Командующий Екатеринбургской группой белых войск Гайда сетовал, что противник, и конкретно части Блюхера, крепко теснит Иркутскую дивизию на Красноуфимско-Кунгурском направлении.

Но Блюхеру каждая победа доставалась дорогой ценой. Просматривая ежедневно сводки потерь, он видел, сколь велики они для частей. И начдив просит командарма усилить дивизию хотя бы двумя полками. Ответ Берзина: резервов нет.

Положение на фронте ухудшалось. Усугублялось оно и приближавшей зимой с усиливающимися морозами. Блюхер держал совет со своим заместителем Николаем Кашириным и военкомом Оскаром Калниным: что делать? белые бешено давят, не сдержат их обескровленным полкам 4-й Уральской. Было принято решение сократить линию фронта и занять выгодные оборонительные рубежи. Блюхер приказывает командирам бригад отвести свои части на позиции по реке Сылва.

На новых позициях дивизия в короткий срок привела в боевой порядок потрепанные полки. Вскоре она пополнилась двумя бригадами расформированной 3-й Уральской дивизии. И вновь ее части перешли в наступление. Белогвардейцы были выбиты из села Урминское, в результате двухдневного боя взят Молебский завод. 6-й Чешский, 25-й Екатеринбургский и 27-й Камышловский полки генерала Гайды оставили свои позиции, неся значительные потери...

В начале ноября Блюхер заболел: открылись старые раны. Медицинская комиссия, обследовавшая начдива, отметила: «В области левого тазобедренного сустава спереди тянется рубец размером 30 см. В отдельных местах подвздошная кость раздроблена и части ее удалены при операциях. Движения в области сустава ограничены во все стороны. При непродолжительной ходьбе появляется боль в пораженном месте».

Врачи настаивали на отдыхе и лечении. Василий Блюхер, пролежав в лазарете чуть более суток, написал рапорт командарму с просьбой дать ему краткосрочный отпуск. Берзин, несмотря на напряженность боевой обстановки, отпустил Блюхера, и в конце ноября Василий уехал в родную Баршинку.

Возвратившись из отпуска, Блюхер узнает, что за время его отсутствия в Сибири произошли крупные перемены. Главная из них — появился «верховный правитель» России адмирал Колчак. На красном Восточном фронте проведена реорганизация войск, переформированы некоторые части, 4-я Уральская дивизия переименована (11 ноября 1918 года) в 30-ю стрелковую.

О бывшем вице-адмирале русского флота Колчаке Блюхер раньше ничего не слышал.

Откуда взялся этот человек — небольшого роста, худощавый, с непропорционально длинными руками, с гладко зачесанными назад черными с проседью волосами, со смуглым лицом с крупным с горбинкой носом, тонкими губами и острым, внимательным взглядом? Почему именно он был выдвинут контрреволюцией на роль спасителя старого строя?

По мнению Ленина, меньшевики и социалисты-революционеры, сторонники Учредительного собрания, западные радетели «великой России», давно искали среди популярных военачальников (царских генералов и адмиралов) нового Наполеона. Наиболее подходящей кандидатурой им показался адмирал Колчак. Он неоднократно заявлял и вождям внутренней антисоветской коалиции, и западным лидерам: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом...»

«Шанхайская газета» 11 октября 1919 года опубликовала статью под названием «Нанятый патриотизм», где говорилось: выбор Колчака — это выбор прежде всего Запада. Совершенно не случайно «господин Колчак иностранным вмешательством произведен из адмиралов в правители России».

Известный американский советолог Р. Пайпс писал о Колчаке, что его политическая и социальная ориентация была глубоко либеральной. Колчак давал торжественные обязательства уважать волю русского народа, выраженную путем свободных выборов. Он также проводил прогрессивную социальную политику и пользовался прочной поддержкой крестьян и рабочих.

Итак, 18 ноября 1918 года в сибирском провинциальном городе Омске свершилось событие, ставшее вехой в истории всероссийской контрреволюции: вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, срочно произведенный в полные адмиралы, был провозглашен «временным верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России».

Опираясь на политическую, финансовую и военную поддержку Антанты^{III}, а также на местную буржуазию, казачью верхушку офицеров и чиновников, бежавших из Центральной России (хотя главной своей опорой адмирал видел трудовое крестьянство), он установил жесткую диктатуру на значительной российской территории от Урала до Приморья.

Колчак хотел вернуть Россию в прежнее русло сначала здесь, на Урале, в Сибири и Приморье, затем постепенно привести «в чувство» остальную часть взбесившейся, как он считал, страны. Он понимал, что придется насильственно проводить объединение антагонистических сил, раздираемых многочисленными непримиримыми противоречиями. Временное, в силу ряда причин, совпадение интересов известной части этих сил, и прежде всего основной массы населения — зажиточного крестьянства, против власти Советов казалось ему достаточным, для того чтобы быстро свергнуть Советы и потом уже восстановить в стране разрушенный государственный строй. Но это была ошибочная попытка наладить сотрудничество на почве отрицательного отношения к социалистической революции, так сказать, программа борьбы, построенная на негативной основе. Через какое-то время адмирал поймет это, но будет поздно.

«Верховный правитель» начал крестовый поход против республики большевиков. Он развернул энергичную подготовку к решительному наступлению на красных. Подчиненные ему вооруженные силы были разделены на три группировки: на северном участке — екатеринбургская группа, состоявшая в основном из Сибирской армии, ею командовал перешедший на русскую службу чех Гайда; в центре — Западная армия под командованием генерала Ханжина; на южном участке — так называемая Отдельная Оренбургская армия бывшего атамана Дутова, с ним взаимодействовала Отдельная Уральская армия под командованием генерала Савельева.

Василий Блюхер вступил в командование 30-й дивизией в самый разгар ожесточенных боев за Кунгур и Пермь. Исполнявший обязанности начдива Николай Каширин ввел его в курс политических и военных дел на Урале и в Сибири. Колчак объявил поголовную мобилизацию. По его приказу спешно формировались новые части и тут же направлялись на фронт. По некоторым данным, у «верховного» под ружьем было уже почти 400 тысяч человек. 3-я армия задыхалась, не успевала отбиваться от белых. Соседняя с 30-й дивизией 29-я потеряла более половины своего состава и беспорядочно отступает. Все фланги открыты. В тяжелейшем состоянии находилась и сама 30-я. Погибших, раненых, обмороженных — не счесть.

Несмотря на сложную ситуацию, штаб 3-й армии планирует наступление на Екатеринбург. Основной ударной силой предполагалось использовать дивизию Блюхера. Но белые сорвали эти планы, атаковав неожиданно Особую бригаду и 29-ю дивизию, которые обороняли Пермь.

У деревни Лая был окружен 1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов». Ценой больших потерь полку удалось вырваться из вражеского кольца. А 17-й Петроградский и Камышловский полки 29-й дивизии почти полностью были уничтожены колчаковцами в боях в районе станции Выя.

Терпела поражение и Особая бригада. Блюхер направил ей на помощь 1-й морской Кронштадтский полк и эскадрон 1-го Уральского кавполка. Совместными усилиями белогвардейцы были отброшены.

Но колчаковцы продолжали массированное наступление, целя главный удар на Кунгур. 14 декабря противник атаковал деревни Верхние и Нижние Исады, окружил 1-й морской Кронштадтский полк и разбил его. Не смог сдержать напор белогвардейцев и брошенный Блюхером в бой последний резерв — Белорецкий полк...

19 декабря белые подошли к Кунгuru. Упорные бои за Кунгур длились несколько дней. Блюхеровцы сражались за город с жестоким упорством. На его защите стояли бригада Павлищева, полки Уральской бригады Галунова, Богоявленский полк Калмыкова, прибывшая из 5-й Уральской дивизии Архангельская бригада и другие части.

В эти тяжелые дни командование дивизии — сам начдив В. К. Блюхер, комиссары А. Л. Борчанинов и О. Ю. Калнин, заместитель начдива Н. Д. Каширин — все время находилось на самых тяжелых участках фронта, чтобы не допустить решающего перевеса противника.

Объективно оценивая ситуацию, Блюхер сознавал: не устоять дивизии против натиска колчаковцев — все резервы 30-й истощены. В качестве последнего козыря на превосходящего по силам противника была брошена 1-я бригада Ивана Грязнова.

В сложившихся условиях пришлось принять горькое решение — оставить Кунгур. Командарм Берзин согласился с решением Блюхера и поставил задачу: как можно быстрее собрать дивизию воедино и перехватить тракт Пермь — Оханск, чтобы приостановить дальнейшее наступление противника.

К вечеру 21 декабря Кунгур был оставлен. Блюхер разделил дивизию на три группы, которые медленно отходили в направлении заводов Юго-Камского, Бымовского, Бизярского и Юговского.

Сразу после занятия Кунгура генерал Гайда устремляется на Пермь. Перми угрожала реальная опасность. Главком Восточным фронтом И. И. Вацетис усиливает 3-ю армию стрелковой бригадой. Одновременно он требует развить наступательные действия 2-й и 5-й армий, чтобы отвлечь от Перми часть сил Колчака. Принимаются и другие меры по сдерживанию наступления белых на Пермь.

Однако все эти меры успеха не принесли, 25 декабря 1918 года город пал...

Зимой 1919 года Урал (особенно Северный Урал) переживал трудный период: суровые холода, ожесточенные схватки между белыми и красными войсками. Колчак, стремясь как можно быстрее соединиться с интервентами на севере, бросает против армий Восточного фронта все новые и новые хорошо вооруженные и экипированные дивизии и полки.

В руководстве красных сил были произведены крупные кадровые перестановки: вместо И. И. Вацетиса главнокомандующим Восточным фронтом стал С. С. Каменев, командующим 3-й армией — С. А. Меженинов. Отзывается с 30-й дивизии и Блюхер (31 января 1919 года) и назначается помощником командующего армией; сбывается просьба Спунде, изложенная им 19 сентября 1918 года в письме к Ленину, о предоставлении Блюхеру командного поста, который дал бы ему возможность руководить 3-й армией...

С болью в сердце расставался Блюхер со ставшей для него родной дивизией, с верными соратниками: Николаем Кашириным (он возглавил теперь 30-ю дивизию), Александром Борчаниновым, Оскаром Калниным, Иваном Кашириным, Михаилом Калмыковым, Иваном Грязновым, Николаем Томиным, Иваном Павлищевым и многими другими...

НАЧАЛЬНИК ВЯТСКОГО И ПЕРМСКОГО УКРЕПРАЙОНОВ

Наступала весна 1919 года. Колчак спешил. Он предпринял широкомасштабное наступление против Восточного фронта. Белыми войсками были заняты Оханск, Оса. Встала реальная угроза Глазову и дальше на северо-запад — Вятке. Полки 29-й дивизии, чтобы не попасть в окружение, вынуждены были отойти в район станций Бородулино и Юлезино и закрепиться на железнодорожной линии Пермь — Глазов.

Штаб красного Восточного фронта, осознавая, какую смертельную опасность для Советской республики таит возможное соединение армий Колчака с северными интервентами, принимает решение о срочном создании в тылу глубокоэшелонированной обороны — системы укрепленных районов. Одним из таких укрепрайонов должна стать Вятка с ее военным гарнизоном. Начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района был утвержден Блюхер, который одновременно оставался помощником командующего 3-й армией.

Блюхер прибыл в Вятку в апреле 1919 года. О его деятельности на должности руководителя Вятского укрепленного района свидетельствуют многочисленные приказы, отданные им в течение трех месяцев (апрель — июль — время руководства укрепрайоном В. К. Блюхером) и сохранившиеся до наших дней в архивах.

Последний приказ по войскам Вятского гарнизона за номером 69 был подписан губернским военным комиссаром Григорьевым 3 апреля 1919 года. В тот же день вышел приказ номер 1, подписанный уже новым начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района, помощником командарма-3 Блюхером. В нем он объявлял о своем вступлении в должность.

Период становления Вятки центром укрепленного района подробно описан в воспоминаниях члена Военного совета Вятско-Слободского укрепрайона В. Ф. Сивкова.

В Вятке царила анархия. Старые законы отменены, новых никто не знал и не выполнял. Из 4766 сотрудников советских учреждений губернского центра 4467 человек — представители чиновничьего аппарата прежнего режима. Город забит беженцами, засорен подозрительными лицами. Тут и военные дезертиры, и удравшие из деревень кулаки, и буржуи с многочисленными прихлебателями, не сумевшие вовремя перебраться к белым. Пьянство, азартные игры, проституция, воровство, грабежи... Местные власти бездействовали.

С приходом Блюхера Вятка, Котельнич, Слободской, Орлов и их окрестности были объявлены укрепленным районом — опорным пунктом 3-й армии. Для его управления был утвержден Военный совет (тройка) в составе В. К. Блюхера, С. А. Новоселова, В. Ф. Сивкова.

«До этого, — пишет Сивков, — лично Василия Константиновича мы не знали, но слышали о его героических делах. На первую встречу с ним я шел с какой-то необъяснимой настороженностью. Думалось: „Заместитель командующего армией, герой... Как-то встретит? Как сложатся отношения при совместной работе?“ Но через несколько минут от моих тревог не осталось и следа. Мы сидели за чаем и, как давние друзья, вели душевную беседу. Простота и непринужденность в отношениях сочувствовали нам и в дальнейшем».

Блюхер сосредоточил свое внимание на военных вопросах, а Новоселову и Сивкову поручил налаживание нормальной жизни в губернии. Все силы и средства — в единый кулак. Была создана система военно-революционных комитетов на местах. Городской военревком и уездные ревкомы приступили к наведению порядка. Должностных лиц управленческих органов Вятки и Вятской губернии, дискредитировавших советскую власть, в зависимости от степени виновности либо увольняли, либо предавали суду революционных трибуналов. Особенно сурово карались саботажи, пьянство, азартные игры. Уличенные в этом сотрудники учреждений приговаривались к заключению в тюрьму или к расстрелу.

Военно-революционные комитеты не только твердой рукой наводили административный порядок, но и решительно вторгались в другие важные стороны жизни города и губернии, налаживали работу заводов и фабрик. Очень остро стоял продовольственный вопрос: рабочие получали всего по три четверти фунта хлеба в день, мяса, овощей совсем не было. Принятые срочные меры по улучшению снабжения рабочих продовольствием принесли положительные результаты.

Город церквей и монастырей, кожевников и винокуров трудно было представить центром укрепленного района. Но через полтора месяца неукротимой волей Блюхера он превратится в настоящий военный лагерь.

Перво-наперво Блюхер занялся гарнизоном, собрав в единую военную организацию 1-й рабочий полк тылового ополчения, Вятский отдельный караульный батальон, 1-й Вятский резервный рабочий батальон, 8-й Продовольственный полк, легкий артиллерийский дивизион и броневой взвод.

Особо он заботится о формировании наиболее боеспособной трехполковой 1-й Вятской крепостной бригады. Он пишет специальный приказ, в котором указывает: «§ 1. Для скорейшего сформирования и приведения в боевую готовность частей 1-й Вятской крепостной бригады принять немедленно к исполнению следующее: из 3-го батальона 8-го Продовольственного полка выделить годных к строю

красноармейцев и влить их во 2-й Вятский крепостной полк, оставив для 8-го полка необходимый кадр командного состава...»

Блюхер не оставлял без своего внимания и остальные части и подразделения. Он укрепил их новым командным составом из наиболее энергичных и опытных в военном отношении бывших солдат, унтер-офицеров и офицеров, вставших на сторону советской власти. Затем призвал новобранцев, приказав командирам добротнo обмундировать, накормить их и разместить в теплых помещениях. Без промедления для новобранцев была организована военно-боевая учеба.

Губернская военная комендатура располагалась в центре города в большом доме по Орловской улице. Раньше она представляла собой тихую «контору», где безмятежно штамповали различные циркуляры чуть более десятка гражданских служащих во главе с воинскими чиновниками — комендантом и его двумя помощниками. После того как Блюхер возглавил гарнизон, она уже через неделю превратилась в активно действующий штаб по реорганизации старой, совершенно неэффективной оборонительной системы района.

Генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, бывший в то время новобранцем 1-го рабочего полка тылового ополчения, рассказывал в своих воспоминаниях, что с прибытием Блюхера в Вятку в городе и вокруг него все стало быстро меняться: развернулось строительство новых фортификационных сооружений, начались установка батарей и оборудование пулеметных позиций.

Для удобства управления возведением защитных укреплений район был поделен на участки: Слободской, Вятский, Орловский и Котельнический. Блюхер вместе с работниками комендатуры и специалистами-фортификаторами регулярно объезжал эти участки, контролируя качество и соблюдение намеченных сроков строительных работ. А сроки были жесткие — обстановка подстегивала: колчаковцы уже заняли Глазов и неумолимо приближались к Вятке.

Начальник гарнизона редко бывал в своем штабе, все рабочие дни проводил на стройучастках. За месяц пребывания в должности он не успел даже познакомиться со всеми сотрудниками комендатуры.

Однажды, вернувшись в штаб из поездки по району совершенно разбитым от усталости, Василий опустил на диван. Его взор остановился на сидевшей за пишущей машинкой миловидной девушке. Как это раньше он не замечал ее? Адьютант Никифор Баранов, перехватив взгляд Блюхера, сказал:

— Галя работает у нас регистратором и машинисткой. Характеризуется положительно. Грамотная.

Василий зачарованно смотрел на белокурую девушку со строгим красивым лицом. Наконец спросил:

— А фамилия ваша?..

— Покровская, — ответила девушка.

— Покровская...

Баранов вкратце рассказал о девушке: окончила гимназию, несколько раз пыталась записаться в отряды Красной армии, но ей отказывали.

Галина родилась в 1899 году в селе Шушелово Порховского района, недалеко от Петербурга. Родители ее: отец Павел Петрович Покровский — военный священник, мать Людмила Петровна Торопогидская — дочь священника, домохозяйка.

...В августе 1919 года Галина станет женой Блюхера.

Ни при первом знакомстве, ни позже Василию никто не сказал, что Галина из религиозной православной семьи. Он узнает об этом лишь после женитьбы и в течение многих лет будет скрывать от начальства, подчиненных и просто знакомых этот факт биографии своей жены.

С Галиной Покровской Блюхер проживет восемь лет. Это будет, можно с полным основанием сказать, походная, постоянно заполненная тревогами жизнь военной семьи. Галина пройдет с

Василием огненными дорогами Каховки и Крыма, потом — Дальний Восток, Забайкалье (в бытность Василия главкомом и военкомом ДВР), затем — Петроградский гарнизон и, наконец, Китай, где Блюхер проработает около трех лет главным военным советником при правительстве Сунь Ятсена.

Галина родит Василию троих детей. Первенец — дочь Зоя — умрет в младенчестве, не дожив до года. В мае 1922 года появится Всеволод, в июле 1923-го — Зоя (имя ей дадут в память первой дочери).

11 мая 1919 года в Вятку неожиданно приехал командующий 3-й армией Меженинов. «Решил командарм проверить, как идут у нас дела», — подумал Блюхер. Но Меженинов приехал к начальнику укрепрайона с совсем иной миссией — торжественно вручить ему орден Красного Знамени № 1, которым его наградил ВЦИК в сентябре минувшего года.

Сергей Александрович зачитал приказ, специально изданный Военным советом армии: «Железная сила воли, выдающаяся личная храбрость, военный талант, организаторская способность и обаяние личности — вот элементы, из которых создалась блюхерская слава — блюхерские орлы.

Вручая Вам, Василий Константинович, эту высокую награду, Военный совет армии, следивший с восхищением за боевой Вашей деятельностью уже в рядах ее, в боях с упорным врагом, видевший Вас в цепи и в штабе, в пороховом дыму и в оперативном кабинете, с глубокой радостью и гордостью поздравляет Вас с заслуженной наградой и крепко верит, что она послужит залогом новых блестящих успехов на мощь и славу родной нам 3-й армии».

После вручения Блюхеру ордена члены Военсовета укрепрайона Новоселов и Сивков зашли к нему в служебный кабинет. Сивков вспоминает: «Еще раз поздравив его с высокой наградой, мы высказали свою похвальную оценку его военного подвига, а заодно предложили пойти к нам на квартиру (мы с Новоселовым жили вместе и хозяйственно лучше, чем Блюхер) поужинать и „использовать малую толику НЗ“. Василий Константинович первые минуты после нашего предложения казался в смущении или в нерешительности, потом покраснел, глаза стали злыми, и он не совсем приветливо сказал:

— Вот что, друзья-товарищи! Конечно, спасибо вам за поздравления, но на кой черт нужны мне ваши восхваления? Мы ведь не на митинге красноармейцев, которых надо воодушевить героизмом и подвигом... Имейте это в виду! — И уже мягче: — Ваш ужин следовало бы перенести в Пермь или Екатеринбург, да боюсь, что до той поры продукты испортятся. Что ж, пусть будет по-вашему.

И снова перед нами был симпатичный, располагающий к себе человек, с ясными глазами и доброй улыбкой».

А через семнадцать дней, 28 мая, теперь уже действительно с проверкой дел по строительству укреплений прибыл из Москвы представитель ЦК РКП(б) Ю. М. Стеклов. Блюхер выехал вместе с ним в город Слободской с инспекцией одного из ключевых районных участков.

Руководитель участка С. П. Попов с гордостью показывал партийному инспектору сооруженные по всем правилам военной науки заградительные валы, огневые артиллерийские позиции, окопы и т. п. Стеклов с похвалой отзывался о проделанной большой работе...

В середине июня Блюхер доложил Реввоенсовету армии, что оборудование Вятско-Слободского укрепленного района закончено. Но к этому времени войска Восточного фронта не только остановили стремительное продвижение Колчака на север, но и нанесли ему весьма ощутимые удары. Красная армия уверенно вытесняла колчаковцев из уездов Вятской и Пермской губерний. 17 июня был взят Глазов, началось форсирование Камы. Близилось освобождение Перми и Кунгура. 1 июля они уже были в руках красных войск.

2 июля в Перми установилась советская власть в лице городского Военно-революционного комитета, который возглавил член военного совета Вятского укрепрайона Сивков.

Ленин прислал в штаб 3-й армии телеграмму: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала! Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска...»

Василий Блюхер обратился к командарму с просьбой об освобождении от должности начальника гарнизона и обороны Вятско-Слободского укрепрайона и направлении на действующий фронт. Меженинов просьбу Василия не удовлетворил. Блюхер был назначен командующим Пермским укрепленным районом...

Грустная картина предстала перед прибывшим в Пермь Василием Блюхером. Город заволакивал удушливый дым от горевших хлебных полей и нефти, подожженных колчаковцами при отступлении. Огромная мрачная груда ферм взорванного железнодорожного моста через Каму усугубляла картину.

Положение было сложное. Колчаковцы уничтожили склады, баржи и вагоны с продовольствием, все средства передвижения.

В своих воспоминаниях Сивков писал, что наряду с созданием и укреплением советских и партийных органов в Перми прилагались большие усилия для возрождения хозяйства. Рабочие и железнодорожники, преодолевая невероятные трудности, упорно поднимали из пепла и руин прежде всего промышленные предприятия и транспорт. Одновременно в центре внимания была Красная армия, которая нуждалась в продовольствии, снаряжении, пополнении живой силой.

В день приезда в Пермь Блюхера состоялось большое собрание, на котором присутствовали члены Реввоенсовета и ответственные работники органов губернской власти. Обсуждались два основных вопроса: об укреплении Красной армии в связи с телеграммой Ленина и о мерах по ликвидации пьянства среди руководящего состава. По первому вопросу было принято решение: немедленно начать всеобщее военное обучение заводских рабочих; развернуть широкую устную и печатную агитацию за революционную мобилизацию рабочих; выделить от каждого полка одного-двух коммунистов и направить их на уральские заводы для проведения мобилизации. По второму вопросу совещание постановило: «Всякий ответственный советский и партийный работник, дискредитирующий советскую власть пьянством и хулиганством, подлежит расстрелу».

Сивков вспоминает: «Здесь я имел возможность еще ближе узнать Блюхера, потому что некоторое время жил вместе с ним в одной квартире. Да и по службе общался теперь чаще, чем в Вятке. Василий Константинович был талантливым организатором, с огромной выдержкой и силой воли, уверенный в себе человек. Трудно было его вывести из равновесия. Полумер он ни в чем не признавал. К нечестным поступкам, тем более вредным нашему делу, относился нетерпимо, беспощадно. В товарищеской среде, в часы досуга умел пошутить к месту, заразительно посмеяться, умел „приворожить к себе“».

51-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Красная армия последовательно нажимала на позиции пятившихся на восток колчаковцев. Но командование фронта и 3-й армии тревожил левый фланг. Он был плохо прикрыт из-за малой обеспеченности частей людским составом. Чтобы уверенно вести дальнейшее наступление на войска Колчака, необходимо надежно укрепить слабый участок армии. Для этого было принято решение создать здесь полнокровное стрелковое соединение. Сформировать новую дивизию (ей присваивается номер «51») поручается Василию Блюхеру.

С чего начинается Блюхер? С формирования организационного ядра. Он вернулся в Вятку и там стал отбирать сотрудников для штаба создаваемой дивизии. Много ездил по частям гарнизона, по районам губернии в поисках необходимых специалистов. Тщательно подбирать и проверять нужных

людей, заботиться об их материальном обеспечении и бытовом устройстве оказалось непростой работой: требовались кропотливость и энергия, дипломатия и напористость.

Основу 51-й дивизии составили части Особой бригады, Северного экспедиционного отряда и Крепостной бригады Вятско-Слободского укрепленного района. Для полной комплектации дивизии личным составом началась мобилизация молодых мужчин в освобожденных от колчаковцев районах Урала и Сибири.

С началом августа Блюхер, завершив формирование дивизии, стал ее начальником и комиссаром. Дивизия сразу же включилась в боевые действия.

В летнюю кампанию 1919 года войска 3-й и 5-й армий Восточного фронта провели широкое наступление на многих ключевых участках, перевалили через Уральский хребет и овладели важными пунктами Урала, такими как Ирбит, Екатеринбург, Златоуст, Челябинск. Дальше открывалась Сибирь.

Молодая стрелковая дивизия Блюхера, освободив 6 августа Тюмень, рвалась вперед — за реку Тобол, к городам Тобольску и Ишиму. Ее 151-я бригада, в частях которой находился начдив, форсировала Тобол. Двигаясь по нелегким лесным дорогам и таежным топям, она день ото дня настойчиво оттесняла колчаковцев к линии тракта Ишим — Тобольск. 152-я бригада, круто повернув от Тюмени на северо-восток, вела ожесточенные бои с белогвардейцами и к началу сентября овладела Тобольском. 153-я бригада находилась в резерве, она осталась в Тюмени в распоряжении штаба дивизии.

Адмирал Колчак понимал, что не только утрачивает инициативу, терпя поражение за поражением, но и стоит на грани катастрофы и может потерять все. Он принимает энергичные меры для восстановления положения: собрав воедино все людские и технические ресурсы, сосредоточенные восточнее Петропавловска и Ишима, делает попытку взять реванш за недавние неудачи. Сначала наносит мощный концентрированный удар по 5-й армии. В междуречье Тобола и Ишима завязываются кровопролитные бои. Части Красной армии не выдерживают натиска белогвардейцев и отступают за реку Тобол.

В середине сентября колчаковцы начали массированное контрнаступление против 3-й армии. В результате прорыва фронта в трудную ситуацию попадает 29-я стрелковая дивизия. Одна из ее бригад была полностью разбита, в результате чего создалась угроза захвата белыми города Ялуторовска. Командарм приказывает Блюхеру срочно перебросить в этот район из Тюмени 153-ю бригаду, передав ее в оперативное подчинение начдива-29.

29-я дивизия все дальше и дальше откатывалась на запад, оставляя своего левого соседа, 51-ю дивизию Блюхера, один на один с отборными, хорошо укомплектованными колчаковскими 7-й и 15-й пехотными дивизиями. Кроме того, против двух измотанных красных бригад были брошены отдельные специальные части, поддерживаемые военной флотилией и авиацией. Колчаковский генерал Франк, погрузив в Томске на пароходы свои ударные батальоны — морскую пехоту, отправил их вверх по реке, чтобы отсечь от основных сил Красной армии оказавшиеся впереди бригады 51-й дивизии.

К этому времени 151-я бригада подошла к городу Ишиму и сосредоточивала силы для его захвата. И тут Блюхер узнает, что вместе с бригадой он оказался отрезанным от своего штаба. Пришлось отказаться от захвата Ишима и отойти с тракта в леса.

Одновременно белые отсекали от остальных сил 3-й армии 152-ю бригаду. Созданная Колчаком мобильная ударная группа выбила с занятых позиций 454-й и 455-й полки 152-й бригады и 27 сентября захватила Тобольск. Противник рассчитывал вклиниться в глубокий тыл 3-й армии. Вот почему группа Франка, не задерживаясь, стремительно двинулась дальше вверх по реке Тобол. Колчаковское командование ставило перед собой две цели: одна — далекоидущая — взять Тюмень и далее нанести серию рассекающих ударов в направлении Екатеринбурга; другая — ближайшая — как можно быстрее соединиться в районе Ялуторовска со своими войсками, рассеянными 29-ю дивизию, плотно сомкнуть кольцо вокруг двух бригад 51-й дивизии и уничтожить их...

Командующим Восточным фронтом в это время был В. А. Ольдерогге, членом Реввоенсовета — Б. П. Позерн. И Ольдерогге, и Позерн, и, в целом, всё руководство фронта прилагали немалые усилия, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону, но переломить неблагоприятный ход событий не удавалось.

Ленин по этому поводу написал негодующее письмо С. И. Гусеву: «Т. Гусев! Вникая в письмо Склянского (!) (о положении дел 15/IX) и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо.

Успокаивать и успокаивать, это — плохая тактика. Выходит „игра в спокойствие“. А на деле у нас застой — почти развал. На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и „успокоились“. Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСР, если не будут приняты *энергичные* (здесь и далее выделено Лениным. — *Н. В.*) меры. Выпускать из рук победу — позор.

Видимо, наш РВСР „командует“, не интересуясь или не умея следить за *исполнением*. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель».

Вести о взятии Тобольска и окружении блохеровских частей вызвали у Колчака прилив оптимизма и укрепили веру в приближающуюся победу. В связи с этим он изъявил желание лично ознакомиться с делами во фронтовой полосе низовья Иртыша, для чего отправился из Омска в Тобольск на пароходе «Товарпор». Штабисты уверяли: успех обеспечен, Блюхер и остатки его бригад либо сдадутся, либо будут разгромлены. Адмирал был в предвкушении успеха предстоящей блестящей операции...

Зажатые в районе села Ашлык со всех сторон белыми, части Блюхера (1827 человек и 12 орудий) находились почти в безвыходном положении. Боеприпасы на исходе, кончилось продовольствие, и, самое главное, никакой связи ни со штабом армии, ни со штабом своей дивизии.

И вдруг в стане окруженных появляются связные Маландин и Вылегжанин. Каким образом? Что за люди?..

Ответы на эти вопросы мы получили спустя шестьдесят с лишним лет благодаря историческим расследованиям работников музея «Штаб-квартира В. К. Блюхера» в Тюмени.

...С фотографий смотрят на нас два молодых человека с гладко зачесанными волосами. Строгие, даже суровые лица. На груди у каждого — боевой орден Красного Знамени. Читаем приказ Реввоенсовета Республики от 26 марта 1924 года № 74 за подписью М. Фрунзе о награждении красноармейцев А. Вылегжанина и Г. Маландина орденами Красного Знамени...

Ниже — скупое описание подвига краеведами-исследователями.

Колчак наседал, Красная армия отчаянно сопротивлялась. На рубеже реки Тобол целый месяц шли кровопролитные бои. Тяжелее всех приходилось 51-й стрелковой дивизии. Связи с начдивом Блюхером нет. Необходимо передать ему секретное донесение из штаба. Кто это сделает? Вызвались бойцы роты связи 2-й бригады Александр Вылегжанин и Геннадий Маландин. Родом они с Северного Урала, обоим по семнадцать лет, добровольцы Красной армии.

Смельчаки шли от Тобольска в сторону Ашлыка, что в Вагайском районе. Была середина сентября 1919-го. Первые три дня питались сухарями. Затем двое суток — без крошки во рту. Решились заглянуть в одну деревню (знать бы какую!), занятую белыми. Рисковали, конечно. А что делать: еда кончилась, силы на исходе, но путь еще долгий — через непроходимые леса и болота. Нужно подкрепиться у добрых людей, чтобы идти дальше...

Одетые в крестьянскую одежду, связисты назвались подводчиками, насильно мобилизованными в Красную армию. Колчаковцы поверили...

29 сентября пакет в целости и сохранности был доставлен Блюхеру. И сразу же Вылегжанин и Маландин двинулись в обратный путь с ответным донесением начдива. Возвращение оказалось не легче — сто с лишним километров по топям, так как кругом — белые. 17 суток блуждали

красноармейцы без проводника по урману. Мучили холод и голод. Наконец набрали на деревню, где располагался дивизионный лазарет...

Из секретного донесения штаба, доставленного связистами, Блюхер теперь знал сложившуюся на фронте ситуацию. В донесении осажденным частям предлагались выходы из создавшегося положения.

Как действует и что предпринимает в этих условиях Блюхер? Он ищет единственно верное решение. Перебирает множество вариантов и останавливается на одном, весьма неожиданном. Начдив предлагает спутать противнику карты. Он не пойдет на запад, к Тюмени, как рекомендовало командование 3-й армии (это содержалось в донесении штаба); не двинется и на юг, куда откатилась 29-я дивизия. Он избирает путь на север, к Тобольску, и с тыла нападет на ударную белогвардейскую группу.

Обратимся к «Истории 51-й дивизии», написанной по горячим следам всего лишь шесть лет спустя после тех незабываемых драматических событий.

«Общее руководство было утеряно. Обстановка к тому времени (конец сентября 1919 года. — *Н. В.*) сложилась для частей 151-й бригады, очутившихся в кольце вместе с 456-м полком, 1-м батальоном 454-го полка и 2-м дивизионом легартдива, довольно скверная. Хотя 151-я бригада и находилась в тылу и не имела связи с дивизией, но ситуация все-таки была ясна, и тов. Блюхер принял решение — пожертвовать оставшимися в тылу частями, но задержать противника и выиграть время. Это геройское решение (вряд ли это решение можно назвать геройским, скорее оно было принято из-за безвыходного положения. — *Н. В.*) проводится в жизнь. Составляется группа из 453-го полка и остатков 456-го и 454-го полков с легким дивизионом артиллерии. Двум другим полкам 151-й бригады дается задача выйти к Богалину по Ашлыкским болотам на поддержку своим частям. 30 сентября план боевых действий начинает приводиться в исполнение. Командование группой берет на себя тов. Блюхер».

В архиве имеется листок, на котором Блюхером от руки написан приказ: «*Командование группой, состоящей из 453-го полка, батальонов 454-го, 456-го полков и 2-го артдивизиона беру на себя с задачей к исходу суток 9 октября выйти в район г. Тобольска и занять последний, чтобы положить конец наступлению противника вдоль по течению р. Тоболи. Требую от лиц командного состава... напряжения всех сил и энергии и выполнить поставленную задачу, твердо помня, что только быстрое и энергичное выполнение операции обеспечивает успех. *Обращаю внимание* командного состава на бережливое расходование патронов, так как при полной изолированности группы на пополнение ими рассчитывать не приходится. Начдив-51 Блюхер» (подчеркнуто Блюхером. — *Н. В.*).*

Обстановка действительно была чрезвычайной. Блюхер знал: его небольшой группе (менее двух тысяч человек) противостояли лучшие дивизии белых — Ижевская, Воткинская и Тобольская. В тот период об этих дивизиях распространялись всякие страшные слухи: например, что они сформированы из сыновей уральских фабрикантов и кулаков, что в Ижевской и Воткинской имеются фанатично преданные адмиралу Колчаку особые офицерские полки, жестоко расправляющиеся с простым народом...

Об Ижевской и Воткинской дивизиях мы сегодня знаем подлинную правду. Они не были сформированы из сыновей фабрикантов и кулаков, и в них не было фанатично преданных Колчаку офицерских полков. Поначалу это было боевое ополчение из восставших в 1918 году уральцев для защиты от Красной армии, затем ополчение постепенно преобразовывалось в настоящие воинские части, оформившиеся позже в Ижевскую и Воткинскую дивизии. Их возглавляли не генералы и офицеры дворянской крови, а свои — рабочие и крестьяне, которые в большинстве были солдатами, отличившимися на германской войне, награжденные Георгиевскими крестами, заслужившие офицерские чины. Белые сначала с подозрением относились к ижевцам и воткинцам. У них,

например, боевыми знаменами были красные флаги, командиров они выбирали из своей среды и называли их «товарищами». Адмирал Колчак послал к ним с инспекцией генерала Тихмеева, который донес, что части рабочих представляют собой великолепные боевые единицы, хорошо организованы и горят желанием драться с красными.

Колчак по отношению к этим частям проводил умную политику, так как они играли и важную идеологическую роль. Ижевцы и воткинцы говорили, что они сражаются за свой завод, после освобождения которого все, кто хочет, смогут вернуться домой и только желающие останутся в рядах дивизии; они дрались с особым упорством, чтобы потом с чистой совестью вернуться к родным очагам. Форма военной одежды и ижевцев, и воткинцев была одинаковой, погоны и петлицы синего цвета; отличались лишь буквы на погонах: у ижевцев — «И», у воткинцев — «В».

Непререкаемым авторитетом в этих дивизиях, особенно в Ижевской, пользовались командиры всех степеней. К комдиву генералу Молчанову ижевцы относились с особым уважением: высокий, худой, с большими усами и горящими глазами, он мало отличался от своих подчиненных, носил серую солдатскую шинель и дешевую гимнастерку с синими погонами, на которых буква «И» и белые (матерчатые, а не серебряные) генеральские зигзаги...

Викторин Михайлович Молчанов — участник Первой мировой войны, был ранен на фронте и попал в германский плен, откуда весной 1918 года бежал. В Прикамье возглавил отряд крестьян «самообороны», сопротивлявшийся продотрядам большевиков по реализации продразверстки. Возглавил восстание в Елабужском уезде. В Гражданскую войну примкнул к Белому движению. Когда из повстанческих отрядов образовалась Ижевская бригада, стал ее командиром.

Цитируем далее «Историю 51-й дивизии»:

«Первого октября группа, имея во главе 453-й полк (исполняющий обязанности комполка Ольшевский Ф. И.), двинулась от деревни Багай в северном направлении по левому берегу Иртыша на деревни Лепехино и Старый Погост. Впереди находились конные и пешие разведчики. Расположенные на господствующих высотах, за протекающей по болотистой равнине рекой, деревни представляли прекрасные позиции для обороны.

Эскадрон казачьего полка не ожидал нашего наступления... Заняв деревни, 453-й полк преследовал противника и на плечах его ворвался в с. Кугалевское, где остановился на ночлег. Отсюда предстояло свернуть к проселку, ведущему на тракт Тобольск — Тюмень, пройти по самому берегу Иртыша под угрозой обстрела сторожевым охранением противника.

Узкая дорога под обстрелом в 250–300 шагов, болота, не дающие никакой возможности обойти опасный участок, желание скрыть направление и силы отряда вынудили группу принять все меры предосторожности».

Что это за меры? Первая: двинуться из села Кугалевское глубокой ночью. Вторая: исключить при движении любой шум, хорошо смазать дегтем колеса телег и орудий, не разговаривать. Третья: ни одной вспышки огня, никакого курения...

Части с обозами и артиллерией прошли под самым носом белых в абсолютно полной тишине. К рассвету они незаметно сосредоточились в восьми верстах от Иртыша. Когда противник опомнился, было уже поздно. Высадившаяся с пароходов колчаковская морская пехота наткнулась на батальон 454-го полка Ивана Боряева и тут же рассеялась под губительным огнем. Морпехи бежали кто куда. Пулеметная команда попала в плен со всеми своими пулеметами.

2 октября группа Блюхера неожиданно атаковала белых у деревень Бакшеево и Каудабаево. Противник в панике отступил, бросая оружие. Части группы безостановочно пробивались вперед.

В ночь на 4 октября 453-й полк и батальон 456-го полка, возглавляемый Иваном Богдановым, незаметно подошли к деревне Бакетово и окружили ее, противник также был застигнут врасплох. В этом бою блохеровцы захватили 40 пленных, 60 лошадей, несколько пулеметов и много патронов.

Пользуясь темнотой, белые скрылись в окрестных лесах. Из расспросов пленных выяснилось, что деревню занимал дивизион Петропавловского уланского полка, высланный для преследования красных частей, оставивших Тобольск. Об отряде Блюхера они имели весьма туманные сведения как об оставшемся в тылу батальоне численностью чуть более 200 человек, без оружия и патронов.

В 3 часа ночи группа двинулась дальше и к утру подошла к деревне Найденная. Противник не знал, что за части атакуют деревню, и никак не предполагал, что это блохеровцы. Пытаясь задержать наступающих, колчаковцы открыли ураганный огонь, однако спустя полчаса были выбиты из окопов.

По донесениям разведчиков, у деревни Русаново, лежащей на пути движения группы, среди широкой равнины сосредоточилось до двух полков белогвардейской пехоты, занявших удобные для обороны позиции.

Блюхер, развернув группу в боевую линию и при поддержке артиллеристов 2-го артдивизиона, которым командовал Архангельский, перешел в фронтальное наступление. Бой был напряженным, две первые атаки красных частей были отбиты...

После небольшой передышки Блюхер бросает в тыл противника резервный батальон 453-го полка под командованием Степана Горшкова, который вынудил белых оставить позиции. Упорный бой продолжался свыше четырех часов. Потери как с одной, так и с другой стороны были очень большие. Блохеровцы захватили много пленных, оружия и патронов. Взяв Русаново, группа Блюхера продвинулась до Юрт-Иртышатских высот и закрепилась вблизи деревни Мамаево...

С Юрт-Иртышатских высот в ясное осеннее утро был хорошо виден расположенный за Иртышом в 11 верстах город Тобольск, его белые здания и золоченые купола церквей.

Окружавшие Мамаево леса дали возможность подойти вплотную к деревне и завязать бой. Артиллерия была бессильна оказать поддержку частям Блюхера, и противник контратаками заставил их немного отойти, но лишь для того, чтобы с новой силой броситься вперед. Колчаковцы, как ни сопротивлялись, вынуждены были оставить Мамаево. Блюхер занял тракт и этим отрезал части противника от Тобольска. Но в руках противника оставалась река Тобол с бронепароходами. Легкая артиллерия блохеровцев не могла соперничать с пароходными тяжелыми орудиями, к тому же борта судов имели мощную защиту (канонерка «Мария» была, например, покрыта броней в 6 дюймов). Поэтому бронепароходы представляли серьезную угрозу.

Заняв Мамаево, исполняющий обязанности командира 453-го полка Федор Ольшевский подключился к оставленной проводной линии связи противника. Из телефонного разговора командира 27-го колчаковского полка, занимавшего Щукино, с командующим тобольской группой генералом Франком он узнал: части белых организованно оттягиваются от Богалино и не позже 8 октября будут у деревни Щукино... Тобольск спешно укрепляется, переправа охраняется бронепароходами; тракт в направлении Богалино занят белогвардейским отрядом Колесникова и 27-м полком, им ставилась задача задержать группу Блюхера до подхода Воткинской дивизии.

Воспользовавшись перехваченными сведениями, Блюхер наносит упреждающий удар. Его группа в ночь на 6 октября неожиданно нападает на Щукино, выбивает оттуда 27-й белогвардейский полк. 7 октября части группы занимают деревню Куримово.

Однако все части с обозами, артиллерией и ранеными, число которых к тому времени дошло до 400 человек, оказываются на трехверстном пространстве, окруженном со всех сторон белыми. Противник пускает в дело два гидроплана, но разбомбить блохеровцев им не удается. Огонь артиллерии и пехотинцев заставляет гидропланы держаться на большой высоте. Вместо бомбардировки они разбрасывают листовки с призывом к красноармейцам убить командиров и комиссаров, выдать начдива Блюхера и сдать.

Несмотря на тяжесть положения, скудный рацион (все время питались одной картошкой), листовки белых на красноармейцев никакого морального воздействия не оказали.

В ночь на 8 октября был собран совет, на котором присутствовали Блюхер, Ольшевский, Боряев, Богданов, Архангельский и комбаты. Было решено утром ударить по противнику и попытаться выйти из кольца. В ту же ночь в 5 часов утра был слышен шум на реке Иртыш. Как потом оказалось, это высаживались белые части.

Атака на рассвете не получилась. Противник (усиленный выгрузившейся ночью с пароходов Воткинской дивизией), в 10 раз превосходивший красные части численностью и вооружением, сам атаковал группу Блюхера, заставил оставить Мамаево и сосредоточиться на двухверстном расстоянии. Тыл был прикрыт непроходимыми болотами.

В 9 часов утра белые продолжили наступление, обрушив на блюхеровцев лавину свинца и снарядов. К 12 часам бой достиг необычайного напряжения. Все резервы, исключая две роты 453-го полка, были исчерпаны. Изнемогающие части едва сдерживали натиск колчаковцев. Белые бросали в бой все новые и новые силы. Было отбито шесть атак, когда, не выдержав адского огня и не в силах противостоять превосходящим силам неприятеля, Блюхер решает использовать две резервные роты...

С наступлением сумерек комбат Горшков получает приказ начдива любой ценой пройти со своими людьми болотами в тыл противника и застать врасплох его резервные части. Это было отчаянное решение Блюхера, который понимал, что следующий день может стать для его группы последним.

Степан Дмитриевич Горшков, таежный охотник, привыкший с детства к выслеживанию зверей, благополучно провел по болоту своих бойцов, которые утопали в трясине почти по горло. Выйдя в тыл резервного полка противника, мокрые, замерзшие бойцы Горшкова с криками «ура!» неожиданно ударили в штыки. Это ошеломило противника. Блюхеровцы, услышав крики в тылу врага, поняли: атака Горшкова удалась. Воодушевленные этим, красные части с неведомой доселе яростью атаковали колчаковцев с фронта, заставив их бежать с занятых позиций...

Прорвав кольцо западни Щукино — Куримово — Мамаево, обессиленная группа Блюхера вышла к селу Богоярское. Еще в течение трех дней до соединения с основными силами дивизии группе пришлось отбивать нападения противника. Колчаковцы, используя бронепароходы, не раз пытались высадить десант в тыл Блюхеру, но все попытки успеха не имели. Красная артиллерия успешно преграждала путь бронепароходам, один из которых был даже подбит.

В белых изданиях «Телеграфно-газета» и «Ижевский защитник» наряду с публикациями о борьбе с торговлей спиртными напитками, произволе большевистских продотрядов, смертных казнях в Красной армии замелькали сообщения об успехах ижевцев и воткинцев в сражениях против войск большевиков. Писалось и о крупном поражении красных полков Блюхера в районе населенных пунктов Щукино и Мамаево, о том, что сам большевистский начдив едва не попал в плен и чудом избежал смерти, спрятавшись с небольшой кучкой красноармейцев в лесу среди болот...

Части, вырвавшиеся из колчаковской западни, залечивали раны, приводили себя в порядок. Вот только месяц октябрь — время резкого ухудшения погоды — для этого был весьма неподходящим. Ежедневно шли дожди или падал мокрый снег, дули пронизывающие холодные ветры. Главная коммуникационная линия — тракт Тюмень — Тобольск, по которой производился подвоз продовольствия, обмундирования и боеприпасов, превратилась в сплошное болото. По этой дороге с трудом можно было перемещаться даже пешком.

И в это трудное время дивизия Блюхера получает приказ о переходе в наступление. Для дивизии этот приказ был в полном смысле слова убийственным. Начались массовые потери личного состава: бойцы гибли не только в жестоких боевых схватках, но и от болезней, особенно выбивал красноармейцев из строя тиф. И все-таки дивизия теснила врага. После продолжительных тяжелых боев в районе Куймово колчаковцы отступили за реку Тобол. В ночь на 22 октября части 153-й

бригады — 457-й и 458-й полки, переправившись под покровом темноты на левый берег Тобола, заняли Тобольск...

Дивизия Блюхера участвовала почти во всех завершающих операциях по освобождению Сибири от колчаковцев.

14 ноября ее части одновременно с 5-й армией вышли в район Омска. В конце ноября в связи с реорганизацией Восточного фронта 51-я дивизия была передана в состав 5-й армии, а после ликвидации колчаковских войск в Сибири ее вывели в резерв главного командования Красной армии.

В декабре 1919 года она располагалась в районе Ново-Николаевска. В городе и в окружавших его поселках и деревнях свирепствовал тиф, не работали предприятия, не было топлива, продовольствия. Блюхер, будучи начальником гарнизона, прилагал немалые усилия по восстановлению нормальной жизни в губернском центре, его особая забота — борьба с тифом. Но бороться с ним было трудно: не хватало врачей, медикаментов. Тиф буквально косил людей. И все-таки к весне страшная эпидемия была побеждена.

В резерве 51 — я дивизия находилась до июля 1920 года. Ее бойцы занимались хозяйственными работами: восстанавливали разрушенную войной Сибирскую железную дорогу, Черемховские каменноугольные копи и т. д.

В мае 1920 года Блюхер был освобожден от командования дивизией и назначен начальником Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны. Но на этой должности он пробыл всего месяц.

НА ВРАНГЕЛЯ!

Стоял солнечный июнь, прекрасная пора в Сибири, он олицетворяет здесь не начало лета, а середину весны.

Блюхер любил июнь: тепло, промытый частыми дождями воздух, яркая зелень травы и деревьев.

Василий и его молодая жена Галина встретили июнь 1920 года переполненные счастьем. Служебных забот у начальника Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны в этот период было немного, и Василий мог уделять жене больше времени. Они часто гуляли по берегу Ангары, строя радужные планы дальнейшей семейной жизни.

В самый разгар июньской поры безмятежная жизнь молодоженов прервалась — Блюхера с сектора войск внутренней охраны неожиданно возвращают на прежнюю должность начальника-военкома 51-й дивизии, которой предстояло в срочном порядке передислоцироваться на врангелевский фронт...

Будущий командующий войсками Южного фронта Михаил Фрунзе так объяснил необходимость срочной переброски дивизии Блюхера на борьбу с Врангелем: на юге России понадобилось создать надежный заслон против новой контрреволюционной волны, хлынувшей на Украину через крымские перешейки. Поэтому командование было вынуждено снять из Сибири 51-ю стрелковую дивизию и направить ее на этот ставший важнейшим участок борьбы за советскую власть.

В 15-ю годовщину разгрома Врангеля Василий Блюхер в очерке «Победа храбрых», опубликованном в газете «Красная звезда» 14 ноября 1935 года, писал: «Остатки контрреволюционных армий Юга, Дона, Кубани укрылись в Крыму. Отсюда они грозили нашей юной республике... Вооруженная мировой буржуазией, впитавшая десятки тысяч офицеров, насыщенная артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками и авиацией, располагавшая большими массами конницы, в том числе бронированной кавалерией, армия Врангеля превратилась в грозную боевую силу...»

Как случилось, что ничем не примечательный генерал-лейтенант Врангель^[12] вдруг встал в один ряд с такими «титанами» антибольшевизма, как Колчак и Деникин? Каким образом Петр Николаевич

Врангель сдвинул с пьедестала самого Антона Ивановича Деникина^[13] и возглавил так называемые Вооруженные силы Юга России, сконцентрировавшиеся в середине 1920 года в Крыму?

Первые расхождения Врангеля с Деникиным обнаружались еще в апреле — мае 1919 года. Сначала Врангель осторожно критиковал стратегические решения главнокомандующего, затем постепенно перешел к нападкам на всё деникинское правление. Он посылал Деникину письма, в которых выражал свое осуждение положения на фронте и в тылу. Содержание этих писем распространялось в офицерской среде, что породило движение «идейных» сторонников Врангеля. Авторитет Врангеля стремительно рос, его стали сравнивать с Деникиным, и это сравнение было не в пользу последнего. Даже внешность Врангеля способствовала росту его престижа. В отличие от медлительного рыхлого Деникина, всем своим видом напоминавшего купца средней руки, Врангель демонстрировал настоящую солдатскую выправку. Высокого роста, с неестественно длинной шеей, он всеми силами старался произвести впечатление сильной личности.

В январе 1920 года Деникин откомандировал Врангеля в Крым фактически без всякого назначения, а в феврале совсем «уволнил от службы» строптивного генерала, который был вынужден уехать в Константинополь.

В апреле Добровольческая армия^[14] под Новороссийском потерпела от красных жестокое поражение. Остатки разбитых войск эвакуировались в Крым. Деникин осознал: карта его бита и ему лучше уйти. По его приказу в Севастополе состоялось совещание высших командных чинов (на которое из Константинополя англичане доставили Врангеля), призванное выбрать ему преемника. Совещание под нажимом англичан высказалось за Врангеля, которому Деникин и передал власть.

Врангель энергично взялся за дело. На первых порах он добился многого. Армия под его руководством была выведена из шокового состояния, переформирована, вооружена и сведена в мощные соединения. Союзники (Англия, Франция) признали новое Крымское правительство и принялись оказывать ему всяческое содействие. Белый Севастополь стал магнитом для врагов революции и политических эмигрантов всех мастей.

В первых числах июня Врангель опубликовал «Воззвание к русским людям», в котором объяснял, за что он воюет: «За то, чтобы русский народ сам выбрал себе хозяина». Позже в газете «Великая Россия» появилось уточнение: «Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха — Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — Россия будет республикой».

Новоиспеченный главком крымской Русской армией с большим размахом развернул подготовку к широкой кампании борьбы с Советами с учетом польского наступления и реальной помощи союзников. Он рассчитывал массированным ударом овладеть Северной Таврией с ее богатейшими людскими и материальными ресурсами, затем левым крылом форсировать Днепр и соединиться с войсками Польши. Правый фланг Русской армии был заострен на Донбасс и земли Войска Донского, куда так рвались побросавшие в Новороссийске коней казаки. Серьезные надежды возлагались и на кубанские десанты. Врангель, как в свое время Корнилов и Деникин, еще раз нацелился на Кубань и надеялся поднять кубанцев против Советов.

Перед началом кампании Русская армия была разделена на три группы. Корпус генерала Слащева высадился восточнее Перекопа, у деревни Кирилловка. Через Чонгарские переправы, ближе к перекопской группе, двигался корпус генерала Писарева. Непосредственно на перекопском направлении атаковали кутеповский корпус и приданная ему 2-я кавалерийская дивизия генерала Морозова.

Боевой состав войск белых определялся в двадцать пять тысяч штыков, до десяти тысяч сабель и поддерживался большим количеством, по меркам Гражданской войны, танков, броневозов, аэропланов и бронепоездов.

51-я дивизия двинулась с востока на юг России в начале июля 1920 года. А 2 августа Блюхер, уже с Украины, докладывал главкому Вооруженными силами РСФСР С. С. Каменеву о боевом и численном составе прибывающей на станцию Апостолово вверенной ему дивизии: «51-я стрелковая дивизия в представленных ей 93 эшелонах 1 июля сего года начала переброску со ст. Ангара на запад по трем направлениям (Екатеринбург — Симбирск — Самара) и головными эшелонами 21 июля приступила к разгрузке на ст. Апостолово. Общее сосредоточение дивизии закончится в последних числах августа.

Численный состав дивизии. Боевой состав дивизии по состоянию на 15 июля: комсостава и лиц административно-хозяйственной службы — 1276, бойцов пехоты — 10 596, бойцов вообще — 1044.

Дивизия насчитывает в частях: винтовок — 12 139, сабель — 1179, пулеметов — 201, бомбометов — 6, орудий 3-дюймовых — 24, тяжелых — 8, автоматических ружей Люиса, Шоша и других — 41 и на складах артснабжения: винтовок 3-линейных пехотного образца — 1582, то же, драгунского образца — 281, пулеметов — 2, автоматических ружей — 3, шашек — 31.

Комсостав. Всего в дивизии командного состава — 1038 и лиц административно-хозяйственных — 238. Из строевых командиров бывших офицеров всего только 347 и красных офицеров — 58, что составляет только 39 % комсостава, получившего хотя бы минимальную специальную подготовку, остальные 61 % не имеют таковой. Учитывая это, во время стоянки в армейском резерве велись комбригами и комполками ежедневные двухчасовые занятия с младшим комсоставом, уровень технических познаний которого благодаря этому немного повысился, но все же заставляет желать замены более подготовленными лицами комсостава.

Некомплект красноармейцев, комсостава, лошадей. На 15 июля некомплект в дивизии до полного штата достигает весьма внушительной цифры в 23 861^[15] человек и 9028 лошадей. В ротах из-за большого некомплекта бойцов сплошь и рядом насчитывается только по 40–60 штыков. Специальные команды: пешие разведчики, пулеметчики и т. д., доведены до штатного числа. Также стоянка дивизии позволила обучить специалистов гранатометчиков по 10 на каждую роту или команду. На пополнение красноармейцами из 5-й армии, за отсутствием у последней достаточного количества ресурсов, рассчитывать в достаточной мере не пришлось, так как армия за все время стоянки и перед отправлением не могла дать более чем 1200 красноармейцев. Обещано также 400 человек в инженерный батальон дивизии, но такое пополнение еще не прибыло. С младшим комсоставом обстоит дело еще печальнее, так как, несмотря на то что откомандировывались на курсы младшего комсостава сотни наилучших и более развитых старых красноармейцев, обратно же получалось весьма незначительное количество, не достигшее даже нескольких десятков красных офицеров, с весьма слабой технической подготовкой.

Все вместе взятое выдвигает на первый план вопрос о немедленном пополнении 51-й стрелковой дивизии достаточным количеством красноармейцев и младшего комсостава, так как в настоящем своем численном составе дивизия длительных военных операций выдержать не в состоянии и стрелковым батальонам придется в силу своей малочисленности решать ротные боевые задачи.

С конским составом в дивизии вопрос обстоит все время остро, так как закупочные комиссии из-за низких цен и кулацкого настроения части крестьян ничего не дали. Особенно остро обстоит вопрос с конским составом в 153-й бригаде и в частях артиллерии. Легкая артиллерия не имеет артпарков, тяжелая не в состоянии передвигать орудия своими средствами. Были приняты в отношении тяжелой и гаубичной артиллерии следующие меры: из случайной закупки в Семипалатинской области дано 40 коней, из Ново-Николаевского конского запаса дается 90 коней, преимущественно из ветлазаретов по выздоровлении, 5-я армия направила вслед для укомплектования той же тяжелой артиллерии 197 коней, о прибытии каких донесений не поступало. Обещано в Ново-Николаевске из конского запаса дать для дивизии еще 600 коней и Помглавкомом по Сибири из Омска 200 лошадей арттипа, но выполнение этих нарядов крайне сомнительно, так как многочисленные предыдущие наряды не выполнялись под теми или иными предлогами. Для приемки коней в районе Ново-Николаевска и Омска оставлена специальная комиссия. Из-за большого некомплекта конского состава части дивизии вынуждены прибегать при совершении похода к большому количеству обывательских подвод.

Переходя к оценке частей 51-й дивизии и их характеристике, следует отметить, что вообще дивизия молодая, сформирована в составе 3-й армии лишь 15 августа 1919 г. в районе завода Талица Камышловского уезда в обстановке военных действий, так что части, вошедшие в состав дивизии, фактически своих военных действий не прекращали и, вследствие своей разбросанности по фронту в 450 верст, представляли для формирования дивизии ряд чрезвычайных трудностей, еще до сего времени отражающихся на придании дивизии общего равномерного характера. Преследуя отступающего противника, только что сформированная дивизия заняла Тюмень и ряд укрепленных позиций по берегам Тобола. Выбив противника из укрепленных позиций, дивизия в конце сентября 1919 г. заняла с боем район Тобольска, где в начале октября подверглась окружению превосходящими силами противника и, пробившись из кольца, вышла на линию р. Тобола. Быстро оправившись, дивизия снова решительно перешла в наступление и заняла снова Тобольск; преследуя противника в общем направлении на Тару — Омск, вышла в район последнего почти одновременно с занятием его красными войсками, т. е. 14 ноября 1919 г. Продолжая движение на восток без боя, дивизия 25 ноября была передана из 3-й армии в 5-ю армию и по приказу последней начала 15 декабря сосредотачиваться в районе Ново-Николаевска в армейском резерве. Передвинутая впоследствии главными частями в район Нижнеудинск — Канск, дивизия окончательно сосредоточилась в районе Усолья к первым числам июня, где вплоть до начала погрузки на запад производила частично тактические занятия...

Штаб дивизии. Начальником штаба дивизии с 14 марта состоит бывший наштадив-26 С. М. Белицкий — слушатель старшего курса академии красного Генерального штаба; старшим помнаштадивом по оперативной части — В. А. Баранов — бывший офицер, в Красной Армии с 1918 г., беспартийный, все время на штабных должностях; старшим помощником по разведывательной части — Н. С. Ловейко — бывший офицер, в Красной Армии с 1918 г., заведовал ранее разведкой в 26-й дивизии; старшим помощником по административной части — В. И. Островский — бывший офицер, в Красной Армии с 1919 г., беспартийный; начальником связи дивизии — С. Ф. Гулин — коммунист, в Красной Армии с 1918 г., красный офицер связи; топографом дивизии — А. А. Чирков — беспартийный, в Красной Армии с начала 1919 г. Штаб в техническом отношении оборудован весьма высоко и работает продуктивно. Штабы бригад и общая обстановка дела связи дивизии удовлетворительны...

Политорганы дивизии. Численный состав: комсостав и административно-хозяйственный — 74, людей — 130.

Дивизия имеет отдел ВЧК, ревтрибунал. Политотдел и Долевую комиссию по борьбе с дезертирством. Результатом работы всех политорганов явилось наличие на 1 июля в дивизии 2765 коммунистов и 1200 кандидатов, что на численный состав дивизии дает от 15 до 20 % военнотружущих, связанных помимо служебного долга еще и партийной дисциплиной. Комсостав дивизии состоит в своем большинстве из коммунистов (467) и кандидатов (209). Комячеек в дивизии — 263, контрольно-хозяйственных советов — 258, культпросветов — 152, школ грамотности — 146 (неграмотных в дивизии — 3500, малограмотных — 6949, из коих учащихся в школах — 3249), школ II ступени — 8, клубов красноармейских — 15, музыкальных кружков — 14, драматических кружков — 41, изб-читален — 72, библиотек — 148 (с 41 318 книг). Политработа в дивизии, находящаяся еще в стадии развития, все же дает результаты — политически здоровое состояние дивизии. Это особенно ярко выразилось в продуктивности добровольных работ во время организованных субботников и воскресников. За период с 1 по 20 июня отработано 620 000 рабочих часов.

Оценка дивизии. Стоянка дивизии в армейском резерве 5-й армии дала возможность подтянуть дивизию в организационном и строевом отношении. Учитывая разнородность частей, вошедших в состав дивизии, приходится оценить дивизию с точки зрения боеспособности как выше средней, при условии удовлетворения вышеизложенных ее насущных нужд».

Дивизия разгружалась на станции Апостолово в нервной обстановке. Войска Врангеля безнаказанно рвали фронт, наносили опасные удары по обескровленным красным частям.

Южный фронт на то время (накануне он был переименован в Юго-Западный) являлся одним из «больных» мест для Советской республики. Врангель держал в своих руках значительную часть юга

Украины и в начале августа контролировал весь левый берег Днепра от устья до Каховки, а на северо-востоке угрожал Александровску (ныне Запорожье).

Основные силы Красной армии к тому моменту находились на белопольском фронте, и активно противостоять Врангелю было некому. Огромный по протяженности фронт с трудом сдерживала небольшая по численности 13-я армия, разделенная на две группы войск: одна располагалась на правом берегу Днепра в районе Бериславля, другая — на левом в районе Александровск — Орехов.

Боевой инициативой владели белогвардейцы. Дальнейшие успехи их создавали серьезную угрозу Донбассу и всему тылу фронта.

«Стратегическая обстановка на Крымском фронте, — писал впоследствии командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров, — становилась все более грозной и требовала принятия самых решительных мер, чтобы повернуть ход событий на этом участке».

Меры принимались. Командование укрепляло 13-ю армию, пополняя ее личным составом и вооружением. Командующим армией стал И. П. Уборевич. Правобережную группу возглавил Р. П. Эйдеман. По рекомендации члена РВС Юго-Западного фронта И. В. Сталина комиссаром группы был назначен Л. З. Мехлис.

В ночь на 7 августа, когда дивизия Блюхера только на треть разгрузилась из железнодорожных эшелонов на станцию Апостолово, Правобережная группа начала форсирование Днепра. 52-й и Латышской стрелковым дивизиям была поставлена задача захватить плацдарм, с которого впоследствии развить наступление на Перекоп. По общему плану замыслилось ударами по сходящимся направлениям силами Правобережной группы из района Бериславля и Левобережной группы из района Александровска охватить живую силу противника в Северной Таврии^[16] и разгромить ее между Днепром и Крымским перешейком.

Форсирование прошло нормально, 52-я и Латышская дивизии, овладев Каховкой и Алеши, начали продвигаться к Мелитополю. 51-я дивизия, двинувшаяся вслед за ними на левый берег Днепра, сосредоточилась во втором эшелоне и приступила к созданию обороны в районе Каховки.

К сожалению, передовые красные части развить успех не смогли. Вскоре противник оттеснил их к Каховке. Ценой больших потерь они отбивались в течение нескольких дней от наседавших белогвардейцев. 52-я и Латышская дивизии отступили за позиции 51-й дивизии. Как ни пытались врангелевцы сбросить в Днепр бригады дивизии Блюхера, сделать им это было не под силу.

Блюхер отрицательно охарактеризовал операцию по наступлению в ночь на 7 августа. Он считал ее преждевременной и плохо подготовленной. В докладной записке командующему армией Уборевичу он выражал свое недовольство тем, что наступление начали, не дождавшись полного позиционного сосредоточения 51-й дивизии, равнявшейся по численности почти всей наступавшей группе. Неоправданная поспешность боевых действий не позволила достичь решающего превосходства сил над врагом. «Моя дивизия, находясь в процессе сосредоточения, — писал Блюхер в докладной, — не могла принять в начальном форсировании Днепра участия, а если бы и приняла, то, будучи без тылов, принесла бы малую пользу и в худшем случае подверглась бы частичному поражению».

Критическое замечание начдива 51-й дивизии не понравилось командарму, и это, по-видимому, сказалось на последующих отношениях Уборевича и Блюхера. Где бы они в будущем ни пересекались по службе, всегда проявляли друг к другу сухую сдержанность.

КАХОВСКИЙ ПЛАЦДАРМ

51-я дивизия Блюхера прочно закрепилась на Каховском плацдарме. В конце августа, в период второго наступления войск 13-й армии, ее части вышли в район Серогозы. Здесь они столкнулись с весьма боеспособным врангелевским конным корпусом Барбовича. В упорных и кровопролитных боях, развернувшихся в районе Серогозы, конница Барбовича понесла значительные потери, полки 51-й дивизии организованно отошли на исходные позиции на Каховском плацдарме.

Военная ситуация на фронте на сентябрь — начало октября 1920 года характеризовалась следующим образом: части 13-й армии, составлявшие так называемую Левобережную группу, вместе со 2-й Конной армией должны были нанести удар от Александровска на Мелитополь, но с задачей не справились; Правобережная группа держала район Каховки, которая находилась на кратчайшем пути к Крыму и не только сдерживала прорыв Врангеля к Криворожью и Донбассу, но и мешала соединению с войсками Польши. Эту занозу Врангель болезненно чувствовал и не раз пытался вырвать, периодически атакуя Каховский плацдарм. Все эти атаки успешно отбивались каховско-бериславской группой, командование которой было возложено на Блюхера.

В первой половине октября Врангель решает покончить с «занозой» раз и навсегда. Части его армии переправляются у Кичкаса с задачей захватить Апостолово — базу красного фронта, а также атаковать по правому берегу Днепра тыл Каховки, одновременно вторым корпусом Витковского нанести удар по Каховскому плацдарму со стороны Дмитровка — Черненько.

По свидетельствам командования 13-й армии, попытка Врангеля с 8 по 14 октября нанести решающий удар по Красной армии в районе Кичкаса и Каховского плацдарма закончилась полным провалом. Во время атаки плацдарма белые потеряли все свои танки: они были либо уничтожены, либо захвачены частями 51-й дивизии.

Бывший помощник начальника штаба 51-й дивизии А. Макаров рассказывал: «Дивизия занимала ответственный участок — Каховский плацдарм. Штаб находился в Бериславле.

Помню, когда начались упорные бои, в штабе кипела напряженная работа. Ежеминутно звенели телефоны, непрерывно стучали аппараты Морзе. К штабу то и дело подъезжали мотоциклисты, конные посыльные. Принимались сводки, отдавались приказания.

Наштадив т. Датюк теребил своих помощников, особенно по разведке, добываясь нужных сведений о противнике для доклада тов. Блюхеру...»

14 октября Врангель применил против частей дивизии танки «Рено» французского производства. Но штаб и, естественно, Блюхер благодаря усилиям наших разведчиков о них знали заранее. Танки, выгрузившись в Севастопольском порту, двигались к фронту несколько дней через Симферополь, Юшунь, Перекоп, Чаплинку. Не выпуская их из поля зрения, разведке удалось фиксировать время пребывания их в каждом из этих пунктов. Одновременно был установлен приблизительный организационный состав танкового отряда. Экипажи танков состояли исключительно из офицеров.

Блюхер приказал тщательно готовить бойцов и артиллерию к борьбе с бронированными чудовищами. Несколько раз сам лично выступал перед красноармейцами, разъясняя, как следует поражать танки. «Дело нехитрое, только не трусить, — учил Блюхер. — Кидай гранату в гусеницу и падай лицом вниз. Как прогремит взрыв и танк остановится, влезай к нему наверх и затыкай чем попало его глазницы...»

Другой участник тех событий, Д. Федоров, так описывал бой 14 октября. 2-й армейский корпус генерала Витковского третьи сутки вел наступление против основных сил Красной армии на Каховском плацдарме. Противник не только имел численное превосходство перед частями 51-й дивизии Блюхера, но и широко использовал мощную технику. Под селом Бербеевка вражеская пехота пошла в атаку под прикрытием тяжелых французских танков и бронемашин. Наши командиры и красноармейцы впервые лицом к лицу столкнулись со стальными машинами. Но бойцы не дрогнули. На пути движения танков и бронемашин они рыли ямы, набрасывали бревна, камни — все, что находили под рукой. Многие смельчаки вскакивали на броню, стреляли из винтовок в смотровые щели, бросали в бойницы гранаты. В тот день врангелевцы потерпели серьезное поражение на большом протяжении линии фронта и вынуждены были в беспорядке отступить, оставив на поле боя почти все танки и несколько бронемашин. Сотни солдат и офицеров были захвачены в плен.

Здесь, на Каховском плацдарме, Блюхер показал себя творческим фортификатором и искусным военным тактиком. Опираясь на опыт создания Вятского укрепрайона, он вместе с военным инженером Д. М. Карбышевым разрабатывает план по устройству глубокоэшелонированных

оборонительных участков плацдарма. За короткий срок были оборудованы фи линии проволочных заграждений, которые имели между собой ходы сообщений, несколько опорных пунктов, вырыты противотанковые рвы. Незащищенные открытые участки минировались.

Располагая данными о том, что Врангель имеет броневики и танки, Блюхер организует мощную артиллерийскую и противотанковую оборону. Он приказывает на наиболее опасных направлениях установить специальные орудия, которые должны бить прямой наводкой в упор по атакующим бронемашинам и танкам.

По тому времени это было новым словом в военном искусстве.

В действующей армии проводились реорганизация и кадровые перестановки. Вместо Эйдемана командующим Правобережной группой был назначен Блюхер. В этот период на Каховском плацдарме побывал член РВС Юго-Западного фронта Сталин. Его пребывание на плацдарме описал С. Голубов в своей книге «Когда крепости не сдаются», вышедшей в 1954 году. Фамилия «врага народа» Блюхера в ней, естественно, не называется, есть лишь какой-то безымянный «морально угнетенный» командующий Правобережной группой, ставящий под сомнение реальность тех темпов работ, которые задал Сталин. А вот для комиссара группы Льва Захаровича Мехлиса автор не пожалел красок: именно он, боевой, инициативный комиссар, четко докладывал члену РВС фронта о положении дел на плацдарме при безмолвствовавшем командующем группой...

Образовался новый Южный фронт во главе с Михаилом Фрунзе. Была создана 6-я армия под командованием К. А. Авксентьевского. Началась широкомасштабная подготовка к решающим боям за Крым.

На крымском направлении военная обстановка постепенно стабилизировалась. Для 51-й дивизии главной по-прежнему оставалась задача прочно удерживать Каховский плацдарм, с которого намечалось нанести решающие удары по врангелевской армии. Дивизия получила подкрепление: из Казани прибыла вновь сформированная Огневая бригада, которой командовал отлично подготовленный по тому времени артиллерист Ринк. Это была мощная часть, у которой на вооружении в достаточном количестве имелись пушки, минометы, огнеметы и пулеметы. И Василий Блюхер всеми силами старался создать мощнейшую оборону на прибрежной полосе левого берега Днепра.

В конце октября дивизию посетила авторитетная делегация из Москвы. В ознаменование победоносных боев на Каховском плацдарме Московский совет принял шефство над 51-й дивизией. В торжественной обстановке, в присутствии командующего Южным фронтом Фрунзе и нового командарма-6 А. И. Корка депутаты Моссовета вручили блюхеровцам Красное знамя Москвы, на котором было написано: «Уничтожь Врангеля!». Дивизии присваивалось почетное наименование «Московская». Все красноармейцы получили подарки от своих новых шефов — табак, кисеты, носовые платки, белье, мыло, бритвы, кружки, конфеты, печенье...

27 октября 1920 года по частям дивизии был объявлен приказ о наступлении на Перекоп. Завязались упорные бои с белыми в Натальино, Чаплинке, Преображенке...

Красная армия готовилась к наступлению на Перекоп. Была специально создана Перекопская группа во главе с Блюхером. В нее включены 51-я дивизия, Огневая бригада Ринка и эскадроны Отдельной кавалерийской части под командованием Козленкова. Фрунзе поставил Блюхеру труднейшую задачу — атаковать перекопские укрепления в лоб.

Близилась, как писал Блюхер, заключительные аккорды беспощадной битвы с Врангелем.

План взятия Перекопа был составлен заранее.

Что собой представлял Перекоп? Семикилометровый старинный Турецкий вал высотой до восьми метров, превращенный врангелевцами в грозную крепость. По его вершине тянулась линия окопов,

блиндажей, убежищ. Склоны вала опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. На перешейке белые установили свыше 70 орудий и 150 пулеметов. А перед валом вырыт ров глубиной до десяти и шириной сорок метров. Обойти Перекоп нельзя — справа морской залив, слева воды неглубокого, но топкого Сиваша.

И вот эту неприступную крепость предстояло брать штурмом.

Накануне боев Блюхер еще раз тщательно продумывал непосредственную схему наступательных действий. Основа плана ясна: фронтальный удар по Перекопу и удары с флангов. Основной удар — в лоб противника. А как наносить его? Одним кулаком сразу или по частям? Блюхер решил, что атаковать Турецкий вал нужно волнами. Задача первой волны — расчистить проходы в обороне противника. Вторая волна — непосредственно штурмовики. Надо иметь не менее шести батальонов, развернутых на фронте прорыва. Они должны пробиться к валу. Для третьей волны главное — любой ценой закрепиться на занятых позициях противника. И, наконец, четвертая и, может быть, пятая волны — резервные части, которые будут развивать добытый боевой успех...

К полудню 29 октября полки 152-й бригады вышли на исходные позиции в 6–8 километрах от Турецкого вала.

Для преодоления проволочных заграждений технических средств имелось очень мало: ножницы и ручные гранаты в небольшом количестве. Зато соломенные маты и собственные шинели, чтобы набрасывать их на колючую проволоку, — у каждого бойца.

АТАКА ТУРЕЦКОГО ВАЛА

Это — хроникальные записки героического штурма Перекопа.

...В темень уходили полки, дивизии, шаг за шагом приближаясь к Турецкому валу. Холодный, промозглый рассвет 30 октября застал красные части на небольшом «прыщике», именуемом на картах «высота 9,3».

В тумане, заволакивающем подход к Турецкому валу, все клокотало и ревело. Прорываются сквозь туман огненные языки, сигнализирующие о залпах белых орудий, несущих тонны смертоносного металла...

Степь напротив Турецкого вала заполнена войсками перекопской группы. Это роты и батальоны полков 152-й бригады Боряева, Огневой ударной группы Ринка и кавалерийские эскадроны Козленкова. За ночь группа захватила две линии укреплений и в бурном натиске докатилась почти до самого рва перед Турецким валом. Тяжелые 8-дюймовые снаряды ложатся вокруг «9,3», поднимая высокие фонтаны земли, засыпающей людей и лошадей. Каждую минуту проносятся запыхавшиеся ординарцы, беспрерывно звонит телефон. Один сообщил радостную весть: «6-я рота 456-го полка Рязанова ворвалась через Рогатки на вал. Другие полки переходят в новую атаку».

Но вскоре неудача постигла безумно смелую 6-ю роту. Броневики белых отбросили ее от вала. Белые переходят в контратаки. 456-й полк, неся потери, дерется за каждый выступ, за каждое укрытие... 1-й ударный полк приходит на помощь 456-му полку и вместе с ним загоняет белых на вал.

...Утро 31 октября. Бойцы 152-й бригады — в 250–300 метрах от вала. Холодно. Бойцы вдавились в старые, оставшиеся от апрельских боев окопы...

Огневая бригада при поддержке 152-й бригады атакует восточную часть вала, но под сильным огнем противника залегает перед проволочным заграждением. Было ясно, что усилиями только перекопской группы, без согласованного наступления других частей 6-й армии через Сиваш взять Перекоп не удастся.

Поэтому в ночь на 2 ноября части группы были отведены на 7–8 километров к северо-западу от вала, и лишь охранение, менявшееся каждую ночь, наблюдало за противником, мешая ему восстанавливать разрушенные заграждения. Группа вместе с другими частями 6-й армии вела

деятельную подготовку к решительному штурму крымских перешейков. Разведка искала броды через «гнилое море».

Холода усиливались. Ударили морозы. Раздетые, разутые красноармейцы кутались во что попало. Сведения о наличии бродов на Сиваше подтверждались. Проверили — действительно: Сиваш пройти кое-где можно.

...К полю сражения подтянулись 15-я и 52-я дивизии. Вместе со 153-й бригадой и Отдельной кавалерийской бригадой перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полуостров, во фланг и тыл перекопской позиции. 152-я бригада и Огневая ударная 51-й дивизии готовились для лобовой атаки Турецкого вала.

В Чаплинку, где располагался штаб 51-й дивизии, для личного руководства операциями приехал Фрунзе. Он сутки находился рядом с Блюхером.

...В ночь на 8 ноября 15-я, 52-я дивизии, 153-я и Отдельная бригады 51-й дивизии на пронизывающем морозе, утопая в болотах Сиваша, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем, таща на себе орудия и пулеметы, двинулись в атаку Литовского полуострова.

Раненые падали в воду, многие тонули. Красноармейцы, обморозившие руки, ноги, уши, легко раненные, редко уходили в тыл. Утром 8 ноября они добрались до окопов белых и, порвав проволоку, штыками выбили войска генерала Фостикова.

Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Напряжение нарастало. Почему молчит артиллерия? И лишь в девятом часу, когда туман рассеялся, все 65 орудий 51-й дивизии открыли беглый огонь. И тут же в ответ с Турецкого вала — шквал огня белых. Семикилометровое пространство под валом и на валу сплошь покрылось воронками.

В 12 часов в бой пошла первая волна. Полки Огневой и 152-й бригад с 453-м полком ринулись на штурм. Неся огромные потери, они все ближе подходили к Турецкому валу.

Через час поднялась вторая волна наступающих цепей.

На Литовском полуострове белые бросают в контратаку 13-ю и 34-ю дивизии.

Третья волна. Красноармейцы Огневой ударной, 152-й бригад и 453-го полка вновь атакуют Турецкий вал. Блюхер с передовой командой выдвинулся ближе к атакующим. Он приказывает пустить перед пехотой броневики. Продвижение ускорилося. Но у самого рва путь наступающим цепям преградили проволочные заграждения. Пехота начинает рвать их щипцами, рубить тесаками... Цепи остановились.

...Блюхера вызвал к телеграфному аппарату Фрунзе: «Сиваш заливают водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

И Блюхер бросает на помощь третьей волне четвертую. Вперед, вперед! Изнуренные части, собрав последние силы, с криком «ура!» кидаются на последний штурм...

В 3 часа ночи 9 ноября неприступный Перекоп пал.

Анализируя ход штурма перекопских укреплений, думается, необходимо снова особо выделить творческое начало в полководческом таланте Блюхера. Как и при обороне Каховского плацдарма, он и здесь проявил нестандартные подходы. Командуя ударной группой прорыва сильно укрепленных позиций белогвардейских войск, Блюхер умело применил сочетание фронтального удара с обходом позиций врага с флангов. И самое главное, принял рискованное решение бить в лоб неприступной врангелевской обороны четырьмя людскими волнами до полной победы.

...На рассвете 9 ноября штаб 51-й дивизии передислоцировался в Армянский Базар. Бой постепенно уходит к югу и разгорается на юшуньских позициях. Командиры и бойцы дивизии без пищи и воды, с ограниченным количеством боеприпасов снова бросаются на прорыв 3-й и 4-й линий юшуньских

позиций, оплетенных густыми сетями из колючей проволоки. Там на каждый километр самой узкой части фронта приходилось до 40 орудий разных калибров и около сотни пулеметов белогвардейцев.

...В ночь на 11 ноября 151-я бригада захватывает почтовую станцию. Все резервы 51-й дивизии брошены к Юшуну. Между тем белые потеснили 15-ю и 52-ю дивизии и создали угрозу Армянску. 151-я бригада 51-й дивизии, отбив контратаку марковцев, при поддержке Латышской дивизии в 9 часов захватывает железнодорожную станцию Юшунь.

...В 12 часов в штаб армии пришло радиосообщение: «Части 51-й дивизии прорвали последние позиции белых и твердой ногой ступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит».

...15 ноября 51-я дивизия заняла Севастополь, на следующий день — Ялту.

Блюхер доложил во все инстанции — командарму, комфронта, Реввоенсовету Республики, Московскому совету, председателю Совета труда и обороны Ленину о том, что его доблестная 51-я дивизия прорвала перекопские укрепления, пробила дорогу в Крым; враг разгромлен окончательно.

В ответ — высокие оценки начдиву, его героической дивизии, всем бойцам фронта.

Реввоенсовет 1-й Конной армии приветствовал Блюхера как «красного вождя и победителя на Перекопе и Юшуне» и преподнес ему золотые часы.

М. В. Фрунзе: «51-я дивизия в последних боях против Врангеля покрыла себя неувядаемой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой и, потеряв 75 % состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым».

Московский совет: «Моссовет с гордостью и революционным воодушевлением узнал, что железные полки славной 51-й Московской дивизии одними из первых вошли в Севастополь. Ее боевые подвиги составляют славнейшую страницу в борьбе пролетариата за свое полное освобождение».

В. И. Ленин: «Бойцам Южного фронта товарищеский привет и благодарность за проявленную ими беззаветную храбрость, исключительную энергию и политическую сознательность...»

Это была блистательная победа. О Блюхере вновь заговорили как о выдающемся пролетарском полководце. Он был награжден вторым орденом Красного Знамени. Орденом Красного Знамени была отмечена и 51-я дивизия, ей присвоено почетное наименование Перекопская.

Вместе с тем победа над Врангелем была омрачена огромными людскими жертвами: погибли и были искалечены сотни, тысячи бойцов и командиров. Из всех соединений и частей, участвовавших в боях за Крым, дивизия Блюхера понесла самые большие потери.

Можно ли было избежать таких потерь? Войны выигрываются либо числом, либо умением. Всё зависит от руководства войсками, от уровня подготовленности командно-штабных кадров, от их умения правильно планировать и искусно проводить боевые операции.

Вину за большие людские потери 51-й дивизии в Перекопской операции, естественно, несет лично Блюхер — как начдив. В то же время в тех невероятно тяжелых условиях, в которых проходил штурм Турецкого вала, без значительных жертв обойтись было невозможно. А штурмовать укрепления Перекопа или не штурмовать — выбора не было: он выполнял приказ высших военных инстанций.

Официально, на людях, Блюхер никогда не высказывал критики в адрес командования армии и фронта по поводу разработки операций и руководства боевыми действиями против Врангеля (кроме августа 1920 года в докладной записке командующему 13-й армией И. П. Уборевичу). Но в узком

кругу родных и близких он нередко, мягко говоря, намекал на бездарность некоторых «стратегов». По свидетельству дочери Блюхера Зои, ее мать — Галина Павловна — говорила, что Василий Константинович очень раздражался, когда читал в газетах, слышат по радио чрезмерное прославление Фрунзе, Мехлиса, других военачальников, якобы проявивших исключительный талант и замечательные организаторские способности при разгроме Врангеля. А роль его, Блюхера, непосредственно возглавлявшего красные войска на полях сражений, проводшего блестящие боевые операции на Каховском плацдарме и при штурме Перекопа, постоянно умаляли.

Галина Покровская-Блюхер в октябре 1938 года на следствии рассказывала: после завершения крымской кампании Василий Блюхер сетовал на недооценку Москвой его как военного самородка, осуществившего в тяжелейших условиях взятие неприступных Перекопских укреплений. Под его непосредственным командованием героическая 51-я дивизия сломала хребет Врангелю, но главные лавры победителя достались Михаилу Фрунзе...

51-я дивизия расположилась на отдых и пополнение в районе Симферополя. До крайности измотанный в период непрерывных боев, постоянно испытывавший огромное морально-психологическое и физическое напряжение, Василий Блюхер теперь чувствовал себя совершенно неработоспособным. Давало о себе знать и ранение, полученное им в германскую войну. Командующий фронтом предоставил ему длительный отпуск для восстановления сил.

Полмесяца он валялся в постели, потом предложил жене поехать на его родину в Барщинку. Галина боялась за ребенка (у них с Василием к тому времени родилась дочь Зоя), но все же согласилась.

На службу Василий вернулся в феврале 1921 года. Дивизия дислоцировалась в Одесской губернии, и Блюхер был назначен начальником гарнизона Одессы и начальником войск Одесской губернии. Посвежевший за отпуск, он с присущей ему энергией приступил к исполнению новых для него обязанностей. Наряду с налаживанием боевой учебы молодого пополнения частей и подразделений дивизии пришлось помогать местным органам власти в восстановлении разрушенного хозяйства. Красноармейцы участвовали в строительстве жилья, ремонте дорог, мостов, в весенних полевых работах.

Наступил май, и Блюхеру пришлось покинуть Одессу, навсегда проститься со ставшей ему родной 51-й стрелковой дивизией. Как в начале июля 1920 года, когда он с востока был направлен на юг России, так теперь ему предстояло совершить обратный путь с юга на восток. Революционный военный совет Советской республики командировал его в Дальневосточную республику (ДВР)^[17].

Переезд из Одессы в Читу для семьи Блюхера был длительным, трудным и трагическим. Накануне отъезда заболела маленькая Зоя, и врачи рекомендовали отложить отъезд в Читу до выздоровления девочки. Но Василий не мог нарушить приказ, а Галина не хотела оставаться в Одессе без мужа. Решили ехать с больной девочкой: в дороге за Зоей будет смотреть гостившая в это время у Блюхеров сестра Галины Варвара Павловна, медсестра по образованию. В пути состояние девочки резко ухудшилось, и она умерла прямо в поезде. Блюхеры сделали остановку в Иркутске, где на местном кладбище похоронили дочь, не дожившую до года.

Для молодой семьи это был тяжелейший удар. Василий перенес его мужественно, Галину постигшее горе буквально раздавило.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

К началу 20-х годов XX века российский Дальний Восток разрывали на части японцы, американцы, англичане, французы, китайцы и белые атаманы разных мастей. Советская власть боролась с ними как могла, но до конца овладеть Приморьем, Хабаровским краем, Амурской областью, Забайкальем и, главное, прочно удерживать их в своих руках сил не хватало.

В апреле 1920 года экспедиционные силы США, Франции, Англии, Италии, чехословацкий корпус бесславно покинули территорию Дальнего Востока. Но осталось японское военное присутствие: на

владивостокском рейде — военно-морская эскадра, по линии железной дороги от Владивостока до Забайкалья — сухопутные войска.

В Западном Забайкалье утвердилось правительство во главе с большевиками. Во многих местах Приморья, Приамурья и Восточного Забайкалья установилась советская власть. Но Амурская область и часть Восточного Забайкалья не были территориально связаны с Западным Забайкальем. Их разъединяла зона, занятая остатками армии Колчака, белоказаками атамана Г. М. Семенова и японскими войсками. Она клином врезалась в центр Забайкалья, образуя так называемую «читинскую пробку». Надо было найти такие формы борьбы, которые позволили бы избежать открытых военных столкновений Республики Советов с Японией.

Руководство РСФСР решает создать Дальневосточную республику, которая стала бы своеобразным заслоном для Советской республики от ударов Японии.

28 марта 1920 года состоялся съезд трудящихся Забайкалья, провозгласивший рождение на территории Дальнего Востока — от Байкала до Тихого океана — самостоятельной Дальневосточной республики. При этом политическое управление республикой, говорилось в постановлении съезда, будет осуществлять Дальбюро ЦК РКП(б).

С образованием ДВР забайкальские партизанские отряды превратились в Народно-революционную армию (НРА). Главнокомандующим НРА правительство ДВР назначило Г. Х. Эйхе. В ноябре «читинская пробка» ликвидируется, Народно-революционная армия освобождает Забайкалье от белогвардейцев и иностранных интервентов.

Несмотря на успехи в Центральном Забайкалье, ситуация на Дальнем Востоке по-прежнему оставалась сложной. Японцы, хотя на словах признавали ДВР, продолжали оккупировать значительную часть ее территории.

26 мая во Владивостоке белогвардейцы при явной помощи японских войск совершили контрреволюционный переворот. В Приморском крае к власти пришло марионеточное правительство во главе с фабрикантами братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми. Началось опасное противостояние между Приморской республикой Меркуловых, поддерживаемой японскими интервентами, и ДВР. Чтобы хоть как-то сдержать оккупационные аппетиты Японии, правительство ДВР на невыгодных для себя условиях договорилось о создании временной нейтральной зоны между территориями двух республик: Дальневосточной и Меркуловской...

В это трудное для Советской России время Москва направляет на Дальний Восток свои лучшие политические и военные кадры. Для укрепления руководства Вооруженными силами ДВР в середине июня 1921 года в Читу прибыл Василий Блюхер.

По приезде в ДВР Блюхер узнает, что приказом Реввоенсовета Советской республики № 197 от 14 июня 1921 года он награжден третьим орденом Красного Знамени с формулировкой «За выдающуюся храбрость, военный талант и организаторские способности, проявленные в борьбе с Дутовым и другими белогвардейцами в 1918 году». Это вызвало в нем прилив честолюбия и гордости: РВСР хотя и с опозданием на три года, но признал-таки его значительную роль в разгроме атамана Дутова, а заполнившая душу гордость была от сознания того, что он одним из первых в Республике стал кавалером трех орденов Красного Знамени. Василий был окрылен неожиданным известием, оно придало ему сил и энергии для решения трудных задач на новом месте.

Он с головой погружается в работу. Знакомясь с Народно-революционной армией, Блюхер видел, какое тяжелое ему досталось наследие. В частях царил анархия, не хватало оружия, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, предстояла нелегкая борьба по искоренению «партизанщины» у народноармейцев, повышению военного уровня личного состава.

Яркой иллюстрацией воинского «порядка», царившего в то время в частях НРА, является рассказ Блюхера о собрании командного и политического состава Дальневосточной армии и участников Гражданской войны на Дальнем Востоке в феврале 1937 года: «Вот возьмем командира Забайкальской кавалерийской дивизии тов. Коротаява^[18]. Я его люблю, он человек заслуженный.

Сейчас он закончил три академии. В 1921 году приезжаю к нему и говорю: „Постройте для смотра дивизию“, а он отвечает: „Это невозможно“. Я приказываю: „Выстраивайте на парад!“ А он говорит: „Не послушаюсь: бойцы в бой пойдут, а на парад не выйдут“. Я говорю: „Какая это армия, которая на парад не идет, ведь парад — это демонстрация наших сил, она вселяет в нас уверенность. На параде мы видим, что представляем крупную силу“. Говорю ему: „Дайте мне строевую записку“. А он отвечает: „Какую записку?“ Я говорю: „Строевую, в которой должно быть сказано: сколько в дивизии людей, лошадей, повозок; сколько людей в строю, в госпитале и просто на хлебников“. Я должен вам сказать, что в дивизии числилось 4800 человек, а в строю — 920 человек... Такое же положение было и в других частях...»

На 1 июля 1921 года численность Народно-революционной армии по штатам определялась в 198 тысяч человек. В действительности же в армейских частях было только 76 тысяч. Республика не располагала ни финансовыми, ни материально-техническими средствами для содержания не только штатного, но и наличного состава армии...

Изучив состояние дел, Блюхер предлагает правительству в целях укрепления армии учредить при военном министре Республики Военный совет. Предложение принимается. Председателем учрежденного Военного совета, главнокомандующим всеми вооруженными силами и военным министром ДВР назначается Блюхер. Членами Военного совета стали М. И. Губельман и В. И. Буров. Позже Бурова сменил С. М. Серышев.

Блюхер отправляет в ЦК РКП(б) доклад с анализом военно-политической ситуации как внутри вооруженных сил ДВР, так и вокруг них. В докладе он информирует ЦК: «Существующие отношения правительства и Совмина к армии можно определенно отметить как индифферентные. Жизнь армии, ее нуждами ни правительство, ни Совет министров, по-видимому, не интересовались, было стремление ничего не отпускать, урезывать и за счет армии содержать в продовольственном и вещевом отношениях гражданские учреждения».

Блюхер считает порядок расходования золотой валюты, высылаемой Советской Россией для нужд НРА, ненормальным. Для того чтобы его нормализовать, он просит вмешательства Москвы.

Каково отношение к «буферу» народноармейцев? С одной стороны — непонимание задач его создания, с другой — недоверие, рассеять которое можно, только если повернуться лицом к нуждам армии.

Снабжение армии находится в руках большинства нечестных работников, ненавидящих правопорядки ДВР и настроенных контрреволюционно.

Исключительно плохо решаются продовольственный и вещевой вопросы. Жалкие подачки из центральных органов убили в войсках всякую веру в возможность планомерного получения необходимых видов довольствия и заставили части искать средства на жизнь несвойственным им путем. Многие занялись производственно-коммерческой деятельностью — заготовкой дров, обжигом извести, гонкой смолы и рядом других промыслов. Реализуя на рынках полученные продукты производства, они за вырученные деньги приобретают обмундирование, питание и т. д. В итоге строевые части превратились в трудчасти, где личный состав не имеет возможности заниматься главным своим делом — боевой подготовкой.

Такое же отвратительное обеспечение войск холодным и стрелковым оружием, артиллерией, лошадьми...

Блюхер приводит красноречивые примеры. Пехотные части вооружены на 50–70 процентов. Оружие — винтовки, карабины, дробовики; наполовину русские, на одну треть японские, остальные французские, английские и другие... В кавалерии НРА лишь 10 процентов конников имеют шашки... В артиллерийских подразделениях тягловых лошадей практически нет...

Блюхер подробно излагает выявленные серьезные недостатки в бронечастях (бронепоезда), авиачастях, в автотранспортных, инженерных и связных подразделениях.

Не лучшее положение с командным и рядовым составом армии. 80 процентов бойцов подлежат демобилизации по возрасту, но демобилизация не проводится, отсюда — рост дезертирства. Младших командиров никто не готовит, они ничем не отличаются от рядовых народоармейцев.

Начальствующий командный состав — от взвода и выше — Блюхер разделил на три группы. К первой он отнес тех, кто происходит из местных партизан: это были люди, как правило, неграмотные или малограмотные, но отлично разбирающиеся в боевой обстановке, имеющие навыки ведения войны в местных условиях. Однако недостаток этих командиров состоял в том, что многие из них не могут отвыкнуть от старых принципов партизанской самостоятельности, зачастую не считаются с указаниями высшего командования.

Вторая группа — ранее присланные из Советской России в НРА командиры Красной армии. Пользуясь правами советских работников, они занимают ответственные должности, хотя в большинстве случаев по уровню военных и технических знаний им не соответствуют.

Третья группа — бывшие офицеры каппелевских и семеновских частей, «спецы». В армию они пошли ввиду безвыходного положения. Идеи НРА им чужды; многие из них недовольны новыми порядками в Дальневосточной республике. «Спецы» являются наиболее подходящим «материалом» для белояпонского шпионажа.

В конце доклада Блюхер заключает: «Должен констатировать безотрадную картину состояния армии. Необходимы срочные меры улучшения снабжения всем необходимым, чтобы армия не развалилась и могла бы оказаться боеспособной, тем более что тучи реакции на Дальнем Востоке сгущаются и, возможно, армии придется грудью встретить врага для защиты интересов трудящихся не только ДВР, но и Советской России... Верю, что Советская Россия придет на помощь в деле улучшения состояния армии во всех отношениях и даст то, в чем она терпит недостаток, и этим самым предотвратит надвигающуюся катастрофу».

Уже в первые месяцы пребывания на посту председателя Военного совета, главкома вооруженными силами и военного министра ДВР Блюхер проявляет себя не только как грамотный, целеустремленный военачальник, но и как крепкий хозяйственник, зрелый политик.

Блюхер остро ставит перед правительством ДВР вопрос о кардинальной реорганизации армии со значительным сокращением ее численности. Он добивается от Москвы перечисления на нужды вооруженных сил полутора миллионов рублей золотом.

Предложенная Блюхером схема оздоровления вооруженных сил республики начала работать. Активно проводилась демобилизация по возрасту и призыв молодежи. Боевые части сокращались на треть, а штабы, различные тыловые учреждения в два, нередко и в три раза. К ноябрю в НРА под ружьем осталось 38 тысяч человек. Но это уже была совсем другая армия, в которой «дух партизанщины» постепенно уходил в прошлое, она обретала черты регулярного войска.

«В ходе реорганизации, — указывал в одном из своих приказов Блюхер, — надо сделать армию однородной по возрасту и по физической выносливости. Сокращая НРА, мы еще преследуем цель усилить ее обеспечение продовольствием, вещевым имуществом, вооружением. Лучше иметь меньше полков и дивизий, но зато укомплектованных до полного штата, снабженных всем необходимым, чем множество малочисленных и, значит, малобоеспособных частей... Надо также поставить во главу угла политическое воспитание и обучение личного состава военному мастерству. Только хорошо обученные и идейно воспитанные бойцы могут составить крепкие, надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач».

В этот период наряду с организационными мероприятиями по укреплению вооруженных сил республики Блюхеру нужно было решать и другие не менее сложные и ответственные задачи на дипломатическом и боевом фронтах.

В конце июля перед Блюхером на одно из первых мест встала борьба с Унгерном.

Роман Федорович Унгерн-Штернберг, потомок рыцарей времен Крестовых походов, родился в 1885 году в австрийском городе Граце. Затем вместе с родителями переехал в Россию, окончил в Санкт-Петербурге Морской кадетский корпус. Участвовал в войне с Японией. В 1908 году стал офицером Забайкальского казачьего войска и снова отправился на Дальний Восток. Там он зарекомендовал себя выносливым воином и лихим наездником. А еще, по словам людей, лично знавших Унгерна, прослыл человеком упрямым и жестоким.

В Первую мировую войну есаул Унгерн получил за храбрость пять орденов, в том числе офицерский Георгиевский крест. В 1917-м он принял участие в Корниловском мятеже. После его подавления отправился в Маньчжурию, примкнув к своему фронтовому другу есаулу Григорию Семенову, ставшему правителем восточных окраин России.

В сентябре 1918-го, после того как белые взяли столицу Забайкалья Читу, Унгерн на два года осел в Даурии. Здесь он сформировал знаменитую конную Азиатскую дивизию из казаков, бурят, монголов, корейцев и других народов Востока. Произведенный Семеновым в генерал-майоры, барон установил в Даурии суровый режим личной власти.

С поражением каппелевских и семеновских войск в Забайкалье и их уходом на монгольскую территорию дивизия Унгерна была с помощью Японии переформирована, снабжена оружием, боеприпасами, различным снаряжением. Она представляла собой хорошо организованную, мощную боевую силу в 12 тысяч штыков и сабель. Барон повел ее в глубь Внешней Монголии, в направлении столицы — Ургы. 4 февраля 1921 года Унгерн выбил из Ургы китайские войска и занял ее. Укрепившись там, собрал разбросанные по монгольской территории белогвардейские отряды и, увеличив дивизию до 14 тысяч бойцов, с середины весны начал осуществлять периодические вторжения в пределы Дальневосточной республики.

Японцы, воспользовавшись этим, приступили к подготовке наступления на Хабаровск: обустроивали так называемую нейтральную зону, откуда планировали наносить удары по красным; переправляли из Маньчжурии по КВЖД в Приморскую область каппелевские корпуса (сам генерал Каппель^[19] к этому времени умер). Японцы надеялись, что боевые акции Унгерна отвлекут военные силы ДВР в Забайкалье и тем облегчат прорыв белогвардейцев на север Приморья и захват Хабаровска.

В последнее время Азиатская дивизия Унгерна заметно активизировала налеты на ДВР, неся погромы и смерть в мирные приграничные города, деревни и поселки. За эти «успехи» Семенов присваивает барону звание генерал-лейтенанта.

Разрозненные, слабо обученные отряды Народно-революционной армии молодой Дальневосточной республики вначале не могли дать достойный отпор Унгерну. Однако, по мере того как усилиями нового военного министра ДВР эти отряды превращались в организованную боеспособную силу, действия барона становились все менее успешными.

В одно из нападений Унгерну удалось вклиниться довольно далеко в глубь территории Забайкалья и подойти вплотную к реке Никой. Его части заняли несколько населенных пунктов в 10–20 километрах от Троицко-Савска, а также проникли в районы Ван-Курена и Селенгинска, угрожали Верхнеудинску. Блюхер немедленно принимает ответные меры. Он сносится с командованием 5-й армии, дислоцированной в Иркутской области, и договаривается о скоординированных военных действиях против Унгерна.

В этой напряженной обстановке Блюхер по телеграфу непосредственно руководит действиями начальников гарнизонов, командиров частей. Вот фрагмент его разговора по прямому проводу с начальником гарнизона Верхнеудинска Головачевым 2 августа 1921 года:

«— У аппарата начальник гарнизона Верхнеудинска Головачев.

— У аппарата Блюхер. Здравствуйте, товарищ Головачев! Сообщите последние сведения о противнике.

Головачев. Противник занимает Селенгинскую Думу, Гусино-Озерский дацан, Верхне-Убукун. Селенгинск еще не занят. Численность противника от 4000 до 5000 сабель. Командующим группой войск 5-й армии приняты меры к недопущению переправы унгернского отряда, 800 штыков и 270 сабель, на правый берег реки Селенги.

Блюхер. Мне передали, что из Верхнеудинска правительство ДВР и отдельные министерства забрасываются телеграммами, чрезвычайно нервными по содержанию, если не сказать больше.

Головачев. Нервность телеграмм вызвана серьезным положением, которое для Верхнеудинска действительно таково...

Блюхер. Прошу передать ответственным работникам, что за посылку таких телеграмм буду требовать суда... Вам даны необходимые распоряжения для приведения запасного полка в порядок, а начальнику Всевобуча — об организации территориальных частей и коммунистических отрядов, а равно и отрядов из революционно настроенного населения для борьбы с Унгерном. Завтра выясню, какие распоряжения были отданы начальником Всевобуча... Вследствие недостаточной энергии, проявляемой начальником Всевобуча, приказываю вам совместно с обкомом партии приступить к формированию территориального полка. Нужно количество винтовок и боеприпасов срочно затребуйте от начальника снабжения НРА, которому прикажу незамедлительно их выслать. Средства связи в возможном количестве по выяснении наших запасов вам будут высланы, за исключением мотоциклетов, которых у нас нет. Аэропланов послать вам не могу за отсутствием исправных аппаратов... В случае движения противника на Верхнеудинск вам будет переброшен бронепоезд. Принимайте меры, как начгар, к проведению необходимых мер по обороне города. Формируйте территориальный полк и отряды, как я указывал уже выше, требуйте оказания содействия партийных организаций и используйте для этого все силы и средства города. Для обозов и прибывающей артиллерии завтра же мобилизуйте лошадей в гражданских учреждениях, а в случае необходимости — у граждан города. О ходе событий на фронте и принимаемых мерах доносите мне.

Из моего разговора с командующим 5-й армией выяснилось: части Унгерна перешли с юга в решительное наступление по правому и левому берегу Селенги. Не исключен захват Унгерном Верхнеудинска. Вы должны готовиться... Все ли вам понятно?

Головачев. Все понятно, товарищ главком, и меры, диктуемые вами, будут приняты».

Совместными усилиями НРА и Красной армии Советской России наступавшие части Унгерна были изрядно потрепаны и отступили в Монголию. По просьбе временного монгольского правительства войска ДВР пересекли монгольскую границу и помогли монгольской Народно-революционной армии освободить Ургу.

Унгерн уже не мог противостоять обученным и хорошо вооруженным войскам ДВР. С остатками своих войск он отошел на север в безводные степные районы. НРА плотно блокировала участки, где располагались потрепанные полки Унгерна, и после решающего сражения у Гусиноозерского дацана (крупнейшего ламаистского монастыря в Бурятии) барон понял, что попал в смертельное кольцо.

Бывшая гроза юга Забайкалья — Азиатская дивизия — металась в агонии в поисках спасительного выхода из окружения. «Нас обложили, как волков. Мы уже не думали о сопротивлении, все мысли лишь о том, как выскользнуть из расставленных нам капканов», — рассказывал потом один из плененных сподвижников Унгерна.

В начале августа барон с горсткой всадников вырвался из кольца и растворился в северо-монгольских степях. Однако в ночь на 22 августа «верные» подчиненные генерала-кумира предательски арестовали его и выдали командованию одной из частей Народно-революционной армии.

15 сентября 1921 года в Новониколаевске (ныне Новосибирск) белый генерал-лейтенант Р. Ф. Унгерн-Штернберг был расстрелян по приговору чрезвычайного трибунала.

В августе 1921 года в Китае, в городе Дайрене (в поздние годы — Дальний), открылась русско-японская конференция (закрылась в апреле 1922 года), на которой шли переговоры между Дальневосточной республикой и Японией об эвакуации японских войск с Северного Сахалина, из Приморья и Николаевска-на-Амуре. Делегацию ДВР возглавлял заместитель председателя Совета министров Ф. Н. Петров^[20].

Японскую сторону представлял опытный работник министерства иностранных дел Мацushima. Хитрый дипломат вел переговоры многословно, всячески затягивая их. Японии нужно было выиграть время для подготовки наступления сформировавшейся Повстанческой армии против ДВР. Мацushima пытался обходить обсуждение главного вопроса — об эвакуации японских войск с территории Дальневосточной республики. Он мотивировал это тем, что слабо разбирается в военных делах и ждет приезда профессионалов. Да и в русской делегации нет военных специалистов.

Федор Николаевич Петров обратился к главе ДВР Александру Михайловичу Краснощекову^[21] с просьбой дополнить делегацию военными представителями. И вскоре в Дайрен прибыл главком Блюхер с группой советников. Несколько позднее приехали и японские генералы во главе с Танакой.

Генералы Токио повели себя совсем не так, как дипломат Мацushima. Они сразу же заявили о «кровных интересах японской нации на Дальнем Востоке», о «законных притязаниях Японии на территории Приамурья, Приморья и часть острова Сахалин». Все предложения Блюхера и его советников генералы безапелляционно отклоняли и диктовали свои, явно неприемлемые условия.

Как позже рассказывал Блюхер, представители Японии предъявили Дальневосточной республике 17 требований, основные из которых сводились к следующему:

1. Сделать Владивосток вольным городом, поставив его под иностранный контроль.
2. Пересмотреть рыболовную конвенцию, расширив права японских рыбопромышленников.
3. Не вводить на территории ДВР коммунистического режима и сохранить принцип частной собственности не только для японских, но и для русских граждан (понимай: белогвардейцев).
4. Отменить на территории ДВР ограничения японским подданным в горной и лесной промышленности, торговле, земледелии, предоставив японцам право собственности на землю.
5. Предоставить свободное каботажное плавание и плавание по внутренним рекам ДВР судам под японским флагом.
6. Срыть и взорвать все наши укрепления по морскому побережью Владивостока и по границе с Кореей, в будущем же никогда их не восстанавливать.
7. Признать свободное официальное пребывание и путешествие японских миссий и отдельных японских чинов по всей территории ДВР.
8. Никогда не иметь военного флота в водах Тихого океана и уничтожить существующий флот.
9. Передать японскому правительству северную часть острова Сахалин на 80 лет.

В свою очередь, японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя.

Эти наглые требования делегация Дальневосточной республики, естественно, отвергла. В ответ японцы заявили, что найдут другое русское правительство, которое подпишет этот договор (имея в виду, конечно, владивостокское белогвардейское)...

В первых числах декабря Блюхер получил шифрованную телеграмму от своего зама Трифонова, в которой сообщалось, что так называемая белоповстанческая армия генерала Молчанова^[22] вышла из

нейтральной полосы, охраняемой японскими войсками, и развернула наступление на позиции НРА в районе станции Уссури. Малочисленные части народоармейцев не устояли и оставили станцию. Противник атаковал на всем фронте, отбросив народно-революционные подразделения на линию Муравьево — Амурский — Рождественка. Белые рвались к Хабаровску. Участие в боях японцев не отмечено.

Блюхер сразу же оценил всю опасность наступления Молчанова. Если белогвардейские части так легко и быстро продвигаются к Хабаровску, значит, на их пути нет достаточных сил Народно-революционной армии. Поэтому он остро поставил перед Петровым вопрос о своем отъезде с конференции. «Мне нужно на фронт. Необходимо остановить Молчанова. Чем быстрее мы разобьем белогвардейцев, тем быстрее японцы примут наши предложения о выводе своих войск», — убеждал он Петрова...

Во второй половине декабря Блюхер отбыл из Китая в Читу. Отбыл вместе с женой.

Каким образом Галина Покровская оказалась с Василием Блюхером в Дайрене? Дело в том, что по предложению Блюхера она была официально включена в состав дополнительной делегации: при формировании в середине сентября группы военного министра ДВР на переговоры между Дальневосточной республикой и Японией потребовалась машинистка, ею и стала Галина.

О пребывании с мужем в Дайрене во время работы русско-японской конференции она, арестованная в октябре 1938 года, на допросе даст чудовищные показания против мужа и себя. Галина расскажет, что в группе Блюхера находились в качестве военных советников лично доверенные ему люди, в частности его старый и верный соратник по боевым делам на Урале, в Сибири и Крыму Русяев Виктор Сергеевич и новый сподвижник, бывший барон, Розен Георгий Николаевич. До работы в аппарате военного министра ДВР этот Розен проживал с семьей в японской столице, затем уехал в Читу, оставив жену в Японии. «В Дайрене, — заявит следствию Галина, — Блюхер занимался шпионской деятельностью в пользу Японии. Активную помощь в этом ему оказывали Русяев и Розен. Помогала и я; муж дважды поручал мне передавать пакеты представителям японской разведки».

ВОЛОЧАЕВКА — ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРЕКОП

Приехав из Китая в Читу, Василий Блюхер ужаснулся, настолько катастрофическим было положение на фронте.

Генерал Молчанов сработал расчетливо, умело и в то же время решительно. Его белоповстанческие войска были хорошо организованы и вооружены. Они атаковали позиции частей НРА с выгодного плацдарма — из нейтральной зоны, охранявшейся японскими дивизиями. Белогвардейцы двумя колоннами двинулись вдоль железной дороги и в обход ее на север от Спасска по реке Уссури. Части Народно-революционной армии пытались оказать им сопротивление под Иманом, Бикином и Казакевичевом, но быстро были сломлены. После ожесточенных боев в районе Новотроицкого они, неся большие потери, отошли к Хабаровску.

Блюхер анализировал: успеху наступления белогвардейцев способствовали многие факторы. Во-первых, генерал Молчанов выбрал удачный момент, когда шла реорганизация партизанских отрядов в регулярные части Народно-революционной армии, когда из отрядов, переформировываемых в регулярные войска, увольнялись старшие по возрасту бойцы, составлявшие основную массу отрядов, а молодые еще не призывались, и поэтому полки по своему составу были малочисленны. Во-вторых, дальневосточная Народно-революционная армия испытывала огромные трудности с продовольствием и вооружением.

Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР категорически потребовали от Блюхера любой ценой задержать дальнейшее продвижение противника и разгромить его.

Блюхер начал действовать. Для оперативного руководства борьбой с белоповстанческой армией генерала Молчанова были созданы штаб и военный совет Восточного фронта во главе с командующим С. М. Серышевым^[23] и членами военного совета П. П. Постышевым и Б. Н. Мельниковым. На фронт спешно перебрасывались из Забайкалья 1-я отдельная Читинская стрелковая трехполковая бригада и Троицко-Савский кавполк. Все имевшиеся в республике запасы теплого обмундирования, продовольствия, боеприпасов были направлены в сражающиеся с белогвардейцами части.

Положение на фронте не улучшалось. Полки Народно-революционной армии беспорядочно отступали. Серышев отдал приказ оставить Хабаровск, и в ночь на 22 декабря весь правый берег Амура был уже в руках белых.

Легкие победы поднимали воинственный дух войск генерала Молчанова, белоповстанческие полки стремительно двигались на запад. Они захватили Волочаевку, на очереди была железнодорожная станция Ин.

Василий Блюхер был недоволен действиями штаба Восточного фронта и лично командующего. Когда он ознакомился с содержанием приказа Серышева об отступлении частей НРА и карательных мерах против народноармейцев, то понял, что командование фронта излишне нервничает. В результате оно не смогло глубоко осмыслить причины неудач на фронте и свело их в основном к преступной беспечности и халатности многих командиров и комиссаров и трусости рядовых бойцов.

Приказ Серышева был вреден для войск фронта, его нужно аннулировать. Но как? Отменить решение главкома — значит, подорвать авторитет комфронта. И Блюхер убеждает Степана Серышева отменить свой приказ.

Неимоверными усилиями откат фронта удалось приостановить под Ином. Но в целом сложившаяся накануне нового, 1922 года обстановка удручала. Стояли лютые морозы. Собравшиеся в небольшом поселке Ин части Народно-революционной армии, плохо одетые, голодные, необходимо было привести в порядок после панического отступления.

Дальбюро и правительство ДВР приступили к срочной мобилизации на фронт всех мужчин, способных держать в руках оружие. Срочно формировались партизанские отряды в тылу белых. Для этого создавались военно-революционные штабы народных мстителей в Хабаровском крае и Приамурье.

Блюхер работал дни и ночи. Он бился над задачей: как приостановить активное продвижение противника, собрать силы в мощный кулак и ударить по врагу так, чтобы не только остановить его, но и отбросить назад.

Для этого создавалась ударная боевая группа под командованием соратника Блюхера Н. Д. Томина. Первые ее части уже были на подходе к станции Ин. Спешили эшелоны с подразделениями, сформированными из коммунистов Забайкалья и Амурской области, курсантов Центральных читинских курсов, шли вагоны с оружием, с собранным населением продовольствием, теплой одеждой — полушубками, валенками, шапками, рукавицами...

В ночь на 28 декабря белоповстанческие части Поволжской бригады под командованием генерала Сахарова неожиданно начали наступление на станцию Ин с целью окружить и уничтожить гарнизон народноармейцев. Камский стрелковый полк обошел с севера правый фланг частей НРА, Уфимский кавалерийский совершил стремительный рейд с юга. Основные силы бригады Сахарова — Уфимский и Волжский пехотные полки ударили в лоб по станции, вдоль линии железной дороги. Первым в жестокий бой с белогвардейцами вступил резервный полк, и новобранцы не выдержали бешеного натиска противника, дрогнули, стали отходить. Но командир и комиссар полка все же сумели развернуть бойцов и бросить их в контратаку. На помощь пехотинцам подошел Отдельный пластунский отряд Федора Петрова-Тетерина. Пластуны подняли в ружье команду бронепоезда № 8

под командованием Ивана Дробышевского. Дружный огонь пушек и пулеметов бронепоезда решил исход боя.

В бою за Ин потерпели поражение и Камский стрелковый, и Уфимский кавалерийский полки белых. Стрелковый полк был взят подразделениями народноармейцев в кольцо и едва не уничтожен полностью; его командир полковник Сотников был убит. Понесли большие потери и уфимские кавалеристы. Урон Поволжской бригады составил в целом около 300 убитых и раненых, 50 белогвардейцев были взяты в плен.

Наступление бригады Сахарова захлебнулось.

Инский бой имел большое значение для народноармейцев: это была первая победа над молчановскими войсками, весть о которой тут же разнеслась по всему Восточному фронту. У бойцов и командиров НРА укрепилась вера в свои силы.

Блюхер радовался: наконец-то пришел успех. В телеграмме командующему фронтом Серышеву он просил передать всему личному составу, принимавшему участие в инском бою, глубокую благодарность военного совета и правительства ДВР, особо отличившихся представить к награде.

Белые отступили к станции Ольгохте и спешно стали укреплять свои позиции в районе Волочаевки. Инская группа попыталась на плечах белоповстанческих войск занять Ольгохту, но из этого ничего не вышло.

Окрыленные успехом под Ином, штаб и командующий фронтом Серышев намечали в первой декаде января 1922 года осуществить масштабное наступление в районе Волочаевки с перспективой освободить Хабаровск. Блюхер был против этой идеи. Он считал, что до полного сосредоточения на фронте всей Забайкальской группы и проведения тщательной подготовки наступление начинать нельзя; иначе оно будет безуспешным. Главком предложил свой план операции в районе Волочаевки.

О несогласии с идеей командования Восточного фронта свидетельствует разговор Блюхера по прямому проводу с Серышевым 10 января:

«У аппарата Серышев.

Блюхер. Здравствуйте, Степан Михайлович!.. Решил вас вызвать к аппарату, с тем чтобы выяснить задачу ваших войск на ближайшие дни. Прошу сообщить, прежде чем перейти к этим разговорам, обстановку на фронте и ваши предположения.

Серышев. Здравствуйте, товарищ главком! Вчера в разговоре с вами я уже напоминал о накапливании в Ольгохте, Волочаевке частей 2-го каппелевского корпуса... Всю ночь противник проявлял большую активность и продвижение своих разведпартий к ст. Ин, зажег мост между 2-й и 3-й казармами западнее Ольгохты. Я решил, что дальше мы задыхаться на проклятом участке ст. Ин — Ольгохта не можем ввиду неимения на этом участке возможности вести какую-нибудь сторожевую службу. Получив от начальника Инской группы удовлетворительные сведения о состоянии наших войск, выявивших большой подъем идти вперед, я дал приказ ликвидировать группу противника на Ольгохте, развивая успех до Волочаевки включительно, ибо считаю нужным надломить 2-й корпус каппелевских войск, чтобы иметь возможность выиграть пространство и время для развертывания благоприятных условий подходящим подкреплениям. Мое мнение: эта операция достигнет успеха. Мосты все исправлены, выезжал на боеучасток с товарищем Томиным. Мой план — захватывать с собой части, по № 31/оп^[24], только изменяю путь следования Троицко-Савского кавалерийского полка и место его сосредоточения. Полк должен был идти — ст. Ин, Луговская, Забелевский, теперь — Ольгохта, Волочаевка, Самарка, Орловка. Его задача — уничтожить перед собой противника и облегчить нашим пехотным частям овладение Волочаевкой...

Блюхер. Товарищ Серышев, вчера, прося оставить Троицко-Савский полк на ст. Ин, вы мотивировали это тем, что не имеется полной уверенности в удержании ст. Ин в случае перехода противника в наступление... Сегодня вы от вчерашней неуверенности перешли к убеждению, что

сможете не только отбросить наступающего противника, но и занять ст. Волочаевку. Свое решение перейти в наступление вы мотивируете тем, что задыхаетесь на проклятом участке ст. Ин — Ольгохта и что не можете на этом участке вести какую-нибудь сторожевую службу. Эти противоречия мне непонятны. Поэтому я вынужден потребовать от вас выполнения следующего плана: перешедшего в наступление противника разбить и отбросить к Волочаевке, не переходя своими частями в решительное наступление до полного сосредоточения кавалерийского дивизиона Читинской бригады в районе ст. Ин. Этот дивизион сменить на ст. Тихонькая сводным отрядом, сформировать который вам надлежит из частей тыла в районе ст. Вира. Второй этап операции должен состоять в следующем: 5-й, 6-й и Особый Амурский полки составляют сводную стрелковую бригаду, которая переходит в наступление по линии железной дороги на Волочаевку. 4-й кавалерийский полк, Троицко-Савский полк, кавалерийский дивизион Читинской бригады составляют сводную кавалерийскую бригаду, обеспечивая успех наступления сводной стрелковой бригады, наносят удар по непосредственному тылу волочаевской группы противника. Отряд Шевчука с этой же целью с севера наступает на Дежневку. Второй этап имеет задачей овладение районом Волочаевки. На выполнение этой задачи мною своевременно будет отдан вам приказ. Без приказа и моего распоряжения наступать не разрешаю. И, наконец, третий этап — овладение Хабаровском и уничтожение противника в районе его — должен начаться только после занятия Волочаевки и проводиться следующим образом: Особый Амурский пехотный полк, 6-й пехотный полк и вся сводная кавалерийская бригада, объединенная командованием Томина, составляют ударную группу и направляются через Новгородское — Ново-Троицкое, захватывая Казакевичево, на ст. Корфовская, разъезд Красная речка с задачей отрезать пути отступления противника на юг и уничтожить его живую силу. Отряд Шевчука и 5-й пехотный полк составляют группу, задача которой — наступление на Хабаровск по железной дороге. Вот идея занятия Хабаровска и уничтожения в его районе живой силы противника. Она для успешного завершения требует не поспешного и случайного решения, а строгой предусмотрительности и соответствующей подготовки.

Теперь же, т. е. в ближайшие дни, к ней следует подготовляться... Не подготовившись, к решительному наступлению не переходить. Ваш план 31/оп значительно в деталях расходится с намеченным мной планом, поэтому должен быть отменен, так как намеченная в нем разбросанность частей и отсутствие концентрированного удара по противнику может вызвать неуспех...»

28 января для непосредственного руководства боевыми операциями на станцию Ин прибыл Блюхер вместе с полевым штабом. Впоследствии он вспоминал, что по приезде в Ин сразу же дал задание в 6 часов выстроить войска для осмотра. Комиссар фронта Постышев^[25] возразил ему: «Зачем парад, когда надо воевать? Зря поморозим людей». Блюхер ответил: парад нужен для того, чтобы люди видели, что войск много, чтобы бойцы поняли, что наступило время дисциплины и порядка, без которых ничего нельзя сделать. Во имя этого можно померзнуть на параде. «Проехались по фронту, устроили митинг, и впервые армия прошла церемониальным маршем, — вспоминает Блюхер. — Я сказал Постышеву: „Теперь будем наступать на Волочаевку. Почувствовали регулярную армию?..“».

Блюхер с головой ушел в подготовку операции. Фактическое командование фронтом в это время перешло в его руки. Серышев, формально числясь командующим, на практике стал помощником главкома.

Я. З. Покус, командир Сводной стрелковой бригады, участвовавшей в боях за Волочаевский узел, говорил о Блюхере, что тот поражал его своим трудолюбием и трудоспособностью. Почти ежедневно он заканчивал работу в четыре часа утра, вел непрерывно переговоры, давал приказания, составлял планы, вникал в самые, казалось бы, мелкие дела. Когда кончался трудовой день, он любил в кругу друзей за чашкой чая вспоминать эпизоды перекопских боев, уральского похода, делился своими думами. Невзирая на жестокие морозы главком торопился с завершением подготовки к наступлению. К выполнению этой задачи он подходил не только как военный специалист, но и как государственный деятель — затягивание операции грозило серьезными осложнениями как международного, так и внутреннего порядка.

Наступление намечалось на 10 февраля. Штаб готовил, по плану Блюхера, выдвижение двух групп. Одна группа — Инская (Сводная стрелковая бригада Якова Покуса и партизанские отряды) — наносила удар по Волочаевке по правому флангу и в случае успеха должна была преследовать противника до Хабаровска. Другая — Забайкальская (ею руководил Николай Томин) в составе 1-го и 2-го Читинских пехотных полков, Троицко-Савского кавдивизиона, легкого артиллерийского дивизиона и 1-й Отдельной читинской бригады — действовала по левому флангу в направлении на Верхне-Спасскую и Нижне-Спасскую и в последующем на поселок Казакевичево.

Надо сказать, подготовку наступления осложняло отсутствие у командования НРА точных данных о противнике; разведка, как ни старалась, добыть их не сумела. Было лишь известно, что главные силы белоповстанческой армии расположены в районе Волочаевки, Дежневой, Даниловки.

Что касается белых, то они определенно знали количественный и качественный состав красных войск, места их сосредоточения и намерение в ближайшее время перейти в наступление. Поэтому всеми силами укрепляли оборону, и прежде всего Волочаевку, стремясь превратить ее в настоящую крепость.

Генерал Молчанов рассчитывал прочно закрепиться в Волочаевке. Она становилась главным стратегическим узлом как для Народно-революционной армии, так и для белоповстанческой. Для НРА она была ключом к Приморью, для белогвардейцев — к Забайкалью и Восточной Сибири.

Волочаевский узел имел выгодную для оборонительных позиций местность. Линия фронта здесь тянулась с севера на юг и пролегла через ряд сопок с господствующей возвышенностью Июнь-Карань, деревню Волочаевку и далее вплоть до реки Амур, заканчиваясь в деревне Нижне-Спасской. Общая протяженность фронта — около 20 километров.

Противник стянул сюда свои лучшие части. Оборонительный рубеж состоял из изгороди с восемью рядами колючей проволоки. Брустверы из мешков с землей были засыпаны снегом и политы водой. Пулеметные и артиллерийские площадки располагались на выгодных позициях, подходы к ним были тщательно пристреляны.

Молчанов считал сооруженный рубеж непреодолимым для армии Блюхера. Он говорил: красные расшибуют здесь свой лоб, для того чтобы взять Волочаевку, им надо иметь не менее десяти тысяч бойцов, а у НРА столько войск не имеется.

У Народно-революционной армии действительно столько бойцов не имелось. В 1936 году заместитель командующего войсками ОКДВА комкор М. В. Сангурский опубликовал в «Тихоокеанской звезде» статью к 15-летию боев под Волочаевкой (он участвовал в этих боях), в которой указывал, что правительство ДВР из-за отсутствия средств было вынуждено в очень неподходящий момент пойти на сокращение Народно-революционной армии. Это сокращение непосредственно отразилось на боевом составе войск Восточного фронта. К 10 февраля 1922 года против войск Молчанова сосредоточилось 6200 штыков, 1400 сабель. Кроме того, народноармейцы несравнимо уступали противнику в боевой выучке. И по технической оснащенности НРА была крайне слаба.

Соотношение сил народноармейцев и укрепившихся в Волочаевке белогвардейцев было не в пользу НРА. А как известно, по теории военного искусства, части, ведущие наступление, должны обязательно значительно превосходить обороняющегося противника как численно, так и по своей технической оснащенности. Такого превосходства тут и в помине не было.

9 февраля Блюхер отдал приказ Покусу и Томину быть полностью готовыми к ночному наступлению.

Накануне он направил с парламентаром П. Подеревянским письмо командующему белоповстанческими войсками генералу Молчанову, в котором писал: «Какое же солнце предпочитаете Вы видеть на Дальнем Востоке? То, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы? Какая участь Вам более нравится — участь Колчака,

Врангеля или Унгерна или жребий честного гражданина своей революционной Родины?.. Я — солдат революции и хочу говорить с Вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек... Именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите сопротивление и сложите оружие...»

Генерал Молчанов на обращение Блюхера не ответил...

В ночь на 10 февраля войска НРА начали разворачиваться, а утром — жестокие, полные драматизма и героизма бои.

По воспоминаниям Покуса, И некая группа начала сражение с восходом солнца при трескучем морозе. 5-й пехотный и 4-й кавалерийский полки сравнительно благополучно обошли Волочаевку с севера и достигли проволочных заграждений. Батальон Особого Амурского полка атаковал в центре. Одновременно 6-й пехотный полк вышел на противника с юга.

Бой, завязавшийся по всему фронту, стал затягиваться. Артиллерия сильно отстала от пехоты и заняла неудачную диспозицию, наблюдательных пунктов не было. Бойцы изматывались в глубоком снегу. Приданный группе 4-й кавалерийский полк действовать в конном строю не мог. Спешившись, конники прикрывали левый фланг 5-го полка.

Белые оборонялись стойко, рационально используя преимущества своей укрепленной позиции. Когда народноармейцы стали преодолевать проволочные заграждения, на них обрушился шквал ружейного и пулеметного огня. Огонь велся организованно, прицельно, на заранее пристрелянной дистанции. Бойцы десятками падали в снег, скошенные пулями, не успев даже подойти к проволоке.

К 17 часам все атаки частей Инской группы белые отбили. Потери были большие: 428 человек убитыми, ранеными и замерзшими.

В ночь подразделения народноармейцев, участвовавшие в дневном бою, отошли от линии проволочных заграждений на 500–600 метров. Мороз достигал 42 градусов по Цельсию — начались обморожения.

Противник отводил в течение ночи свои войска греться в деревню, у народноармейцев такой возможности не было. Пользовались примитивными укрытиями. В одно из отапливаемых помещений размером не более 25 квадратных метров свезли до 400 человек раненых и обмороженных. Здесь же коротали ночь главком Блюхер, комиссар Постышев и комфронта Серышев...

А Забайкальская группа войск Томина, выдвинувшаяся с Ольгохты, заняла поселок Забеловский, выбила противника из разъезда Поперечный. В течение дня она вела упорные бои за овладение селениями Верхне-Спасское и Нижне-Спасское; к вечеру они были взяты.

Инская группа 11 февраля наступление не возобновила. Вели себя пассивно и белые. Блюхер приказал привести в порядок потрепанные части, пополнить их свежими силами, починить железнодорожные мосты, чтобы можно было пустить в дело бронепоезда.

Временное затишье активно использовалось для сбора сведений о противнике. В деревне Архангельское были захвачены оперативные документы, из которых следовало, что командование белоповстанческой армии главный удар красных ожидает не в центре обороны, а на правом фланге фронта. Это подтверждала начавшаяся переброска туда некоторых частей.

К вечеру все мосты, лежащие на пути к Волочаевке, саперы НРА подправили, и к исходным пунктам подтянулись бронепоезда № 8 и № 9. Блюхер и штаб фронта принимают решение: с рассветом 12 февраля нанести основной удар по противнику в центре волочаевских позиций и одновременно дополнительный — с юга.

По рассказу одного из участников волочаевских боев В. Голионко, на рассвете 12 февраля по полкам пролетел приказ главкома: «Взять Волочаевку любой ценой!»

С орудийным сигналом поддерживающих наступление бронепоездов пехота, утопая по пояс в сугробах, двинулась на врага. Скаты господствующей высоты Июнь-Карань изрыты канавами, но из-за того, что они были засыпаны снегом, бойцы их не замечали. Преодолеть такие ловушки под силу не каждому. Когда народноармейцы достигли проволочных заграждений, противник открыл огонь из всех видов оружия. Но остановить их было уже нельзя. Они ломали рогатки, рубили ключую проволоку лопатами, топорами, рвали прикладами...

Губительный огонь скосил первые цепи атакующих. На смену им накатывались новые; пехотинцы рвались вперед, падали, вставали, ползли. Ободряющий клич командиров то затихал, то вновь раздавался, переходя в ревушее «ура» бойцов.

Наконец красные артиллеристы меткими залпами подавили наиболее опасные огневые точки врага, пробиты несколько брешей в заградительных проволочных рядах, куда тут же устремились атакующие. Белые дрогнули. Их бронепоезд, обстреливавший наступающих с фланга, начал отходить. Покидали окопы и стрелки переднего края обороны. Сопротивление белоповстанцев было сломлено. Командная высота Июнь-Карань пала...

Войска Молчанова оставили станцию и поселок Волочаевку, спешно проскочили Хабаровск, боясь быть отрезанными от спасительной для них нейтральной зоны, контролируемой японцами. Обходная колонна Забайкальской группы Томина, преодолевая тяжелые условия местности и бездорожья, нанесла ощутимый удар по левому флангу белоповстанцев и теперь угрожала закрыть им путь в Приморье. Молчановские части задержались у станций Розенгартовка и Бикин. Здесь они оказали народноармейцам упорное сопротивление.

Блюхер, чтобы избежать новых бессмысленных потерь, направил генералу Молчанову второе письмо:

«Я еще раз, теперь уже в последний, призываю Вас, генерал, к честному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой роли, которую чужая воля навязала Вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов.

Вы не ответили на мое первое письмо, потому ли, что Ваши руки разучились писать искренние русские слова без диктовки закулисных суфлеров, или потому, что Вы еще верите в торжество реакционной приморской кривды над русской революционной правдой, меня это интересует мало.

Но любовь к моему великому народу, поднявшемуся как один за свою Республику, и нежелание проливать его драгоценную кровь властно диктуют мне обязанность, как революционера и гражданина великой революционной России, сделать еще попытку обратиться к Вашим уже разбитым нами рядам с братским напоминанием Ваших обязанностей перед Родиной.

Попытайтесь, генерал, воскресить в своей душе действительную любовь к своей Родине, найти солдатское мужество сознаться в ошибках перед русским делом Дальнего Востока и сделать из этого честный вывод.

В своем письме, отправленном Вам перед боем под Волочаевкой, я указывал Вам на закулисную дипломатическую работу интервентов, которая идет теперь за Вашей спиной, на ненужность Вашего сопротивления.

Теперь боями под Волочаевкой и Казакевичево Народно-революционная армия доказала Вам безумие дальнейшей борьбы против народной воли.

Сделайте из этого честный вывод и покоритесь воле трудового русского народа без дальнейшей упорной игры человеческими головами, которые доверили Вам свою судьбу.

Вся Ваша авантюра — марионеточная затея тех чужих, продающих Россию рук, о которых Вы осведомлены не хуже меня и которые продадут Вас в ту минуту, когда им понадобится уходить под крыло японских и других империалистов.

Как всякая марионеточная авантюра, она обречена на скорый крах, и Вы уже почувствовали это по тем могучим ударам, которые нанесла Вам, кадровому офицерству, Рабоче-Крестьянская, сермяжная Народно-революционная сила. Не пора ли подумать о дальнейшем?

Мне хотелось бы знать, какое же количество жертв, какое число русских трупов необходимо еще, чтобы убедить Вас в бесполезности и бесплодности Вашей последней попытки бороться с силою революционного русского народа, на пепле хозяйственной разрухи воздвигающего свою новую государственность?

Какое число русских мучеников приказано Вам бросить к подножию японского и другого чужеземного капитала?

Сколько русских страдальческих костей необходимо, чтобы устроить мостовую для более удобного проезда интервентских автомобилей по русскому Дальнему Востоку?

Нет, генерал, мы этого не позволим. Мы, мужики, защищающие свое родное достояние, свою родную революционную русскую землю, впервые в течение столетий увидевшие свою истинно народную власть.

Понятно ли Вам теперь то упорство, с которым бьются под Красным знаменем наши стойкие революционные полки за свою великую новую Красную Русь? Мы победим, ибо мы боремся за прогрессивные начала в истории, за новую в мире государственность, за право русского народа строить свою жизнь так, как подсказывают ему его пробужденные от векового оцепенения силы.

Вы погибнете, ибо Вы продали шпагу для защиты чужеземных интересов кучке глупых и жадных коммерсантов, на чужие деньги купившей ваши русские души для достижения целей, не имеющих ничего общего с историческими задачами национального возрождения, но зато имеющих тесную связь с интересами иностранного кошелька, пытающегося за дешевую цену по вашим телам проникнуть к использованию наших русских богатств на Дальнем Востоке.

Оглянитесь назад, и Вы увидите наглые физиономии этих торгашей народной кровью, этих людей, потерявших всякое национальное чувство и срамящих низкопоклонством перед чужеземцами самое имя русского человека ради ничтожных подачек и животного страха. Неужели Вы будете продолжать помогать им в их вредной для великого русского дела продажной работе? Среди ваших рядов во время боев под Волочаевкой и Казакевичево я заметил много дельных людей, необходимых в настоящую минуту для государственной работы в России и Дальневосточной республике. Не губите их в угоду чужеземному золоту, и грядущая история нашей страны скажет Вам за это спасибо.

Их технические знания необходимы для дела возрождения хозяйственной жизни нашей Родины — не делайте из них наемных кондотьеров иностранного капитала, а возвратите их Родине, которая их ждет, как заблудших сыновей.

Единственный выход для Вас, и выход почетный, при теперешнем Вашем положении — это сложить братоубийственное оружие и закончить последнюю вспышку гражданской войны честным солдатским признанием в своем заблуждении и отказом от дальнейшей службы чужеземным штабам.

Наши силы и наши исторические цели слишком велики для того, чтобы в данный момент заниматься мелкою местью по отношению к Вам и к тем, кто идет за Вами.

Слова: „Свободный народ не мстит“ — есть голая историческая правда, и Ваши офицеры, которые находятся у нас в плену, могут Вам засвидетельствовать ее, равно как и те многочисленные колчаковцы, которые доблестно бьются в наших рядах за свое родное русское дело, свою молодую Дальневосточную республику.

А что они честно и доблестно бьются, в этом Вы, генерал, уже имели не один случай убедиться!

Еще раз подтверждаю Вам мое твердое решение не дать Вас в обиду в случае добровольной сдачи оружия. Но прошу не обижаться, если при продолжении борьбы это оружие будет вырвано из Ваших рук тем жестоким способом, который диктуется всей исторической обстановкой.

Для того чтобы облегчить Ваше положение, я предлагаю Вам следующее:

1. Не допуская каких-либо обид и оскорблений, я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на родину всем подчиненным Вам войскам.
2. Командному составу я предлагаю в случае нежелания возвратиться в Советскую Россию занять соответствующие места в рядах Народно-революционной армии.
3. Вам лично с группой лучших Ваших офицеров предлагаю соответствующую должность в рядах Народно-революционной армии, так как такие люди нам необходимы.
4. Ваш ответ будет ожидаться мною в срочном порядке через подателя этого письма.

Председатель Военного совета и Военный министр, Главнокомандующий БЛЮХЕР».

Молчанов вновь не отреагировал на предложения Блюхера...

И тогда войска НРА всей своей мощью обрушились на закрепившихся под Розенгартовкой и Бикином молчановцев. Потерпев разгромное поражение, белоповстанческие части покатались дальше на юг, под защиту интервентов...

Победа досталась нелегко, за нее была заплачена очень высокая цена. НРА понесла непомерно большие потери.

Блюхер приказал собрать тела всех погибших, похоронить в братской могиле на вершине сопки Июнь-Карань и над могилой поставить памятник, достойный их славы.

Доблесть, стойкость и отвага многих народноармейцев была отмечена высокими наградами. За проявленные мужество и героизм 6-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени и переименован впоследствии в 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский полк. Орденом Красного Знамени был также награжден бронепоезд № 8.

Бои под Волочаевкой многие современники сравнивали с перекопскими боями и называли Волочаевку дальневосточным Перекопом. Как на юге России со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине, так теперь на Дальнем Востоке под Волочаевкой нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервенции.

Василий Блюхер так определил историческое последствие этих боев: «Значение Волочаевки заключается в политическом понимании событий. Тогда решался вопрос о судьбе Дальнего Востока, окончательной ликвидации интервенции против нашей страны. Японцы при помощи марионеточного белогвардейского правительства (во Владивостоке) рассчитывали превратить Дальневосточный край в свою колонию. В целях укрепления его позиции, поднятия международного престижа они накануне Вашингтонской конференции бросили белогвардейскую армию в наступление. В случае успеха они заявили бы на конференции о том, что на Дальнем Востоке есть русское правительство, которое просит их остаться...

Разбив белогвардейскую армию и прогнав ее обратно под защиту японских штыков, мы перед всем миром показали, что на русском Дальнем Востоке нет иного правительства, кроме правительства Читы, то есть Дальневосточной республики. Этим самым мы вырвали у империалистов и белогвардейцев повод для того, чтобы просить японцев „сохранить порядок“ на Дальнем Востоке.

Второе значение Волочаевки заключается в том, что в ходе подготовки к этому решающему бою мы по-настоящему поставили вопрос об организации кадровой армии. Волочаевка была рубиконом между недостаточно организованной партизанской борьбой за советский Дальний Восток и зарождением регулярной армии».

После боев под Волочаевкой и освобождения Хабаровска война на Дальнем Востоке не закончилась. Предстояло освободить Южное Приморье. Но эту задачу Блюхеру решать не пришлось: в июле 1922 года он был отозван Реввоенсоветом Республики в Москву. Вскоре вместо него в ДВР прибыл И. П. Уборевич.

Дальний Восток Блюхер покидал с щемящим сердцем. Прощаясь с бойцами и командирами НРА, он говорил: «С любовью и преклонением вспоминаю и буду вспоминать всегда боевые страницы истории нашей героической армии, покрывшей в зимнем амурском походе 1921–1922 годов боевые знамена революции новой славой... Расставаясь с вами, родные красные орлы, я уношу в своем сердце горделивую радость достигнутых вами побед...»

В связи с отъездом Блюхера из ДВР газеты отводили целые страницы рассказам о нем. Правительство ДВР на специальном заседании устроило торжественное чествование Блюхера. За огромный вклад в создание регулярной Народно-революционной армии, за умелое руководство войсками при разгроме белоповстанцев Совет министров Дальневосточной республики зачислил В. К. Блюхера навсегда почетным бойцом Народно-революционной армии с занесением в списки 1-й роты 4-го Волочаевского ордена Красного Знамени стрелкового полка.

Секретариат Дальбюро ЦК РКП(б) на своем также специальном заседании принял постановление № 47 от 11 июля 1922 года об отъезде В. К. Блюхера — главкома и военмина ДВР в Советскую Россию: «Ввиду отъезда т. Блюхера Секретариат Дальбюро считает необходимым констатировать, что военная работа в ДВР т. Блюхера в продолжение года была основана на твердых принципах создания регулярной боеспособной дисциплинированной армии и направлена к планомерному изживанию партизанства в армии.

В труднейших экономических условиях при сохранившемся в 1921 г. глубоком партизанском настроении в Народно-революционной армии т. Блюхеру вместе с Военсоветом НРА удалось достигнуть решительного перелома в настроении народноармейских масс и вести упорную борьбу с регулярными белогвардейскими войсками в Приморье, нанеся им крупные поражения.

Работу по организации Народно-революционной армии ДВР, которая прошла под руководством т. Блюхера, Секретариат Дальбюро считает первой правильной и планомерной работой, которая была проделана за время существования ДВР.

Это постановление внести на утверждение Дальбюро и сообщить в ЦК РКП и в копии Реввоенсовету РСФСР».

Уезжал Блюхер из ДВР с семьей, которая за год жизни здесь увеличилась вдвое.

Как мы знаем, дочь Блюхеров Зоя умерла по пути из Одессы в Читу. Ее смерть не выходила из головы Галины, она очень хотела иметь ребенка...

Летом в Забайкалье из голодающего Поволжья пришел состав с детьми-сиротами. Изможденных ребятшек распределяли по приютам, многие местные жители брали их в свои семьи. Василий предложил жене взять ребенка. Галина с сестрой Варварой поехали на вокзал. Вскоре они привезли в дом худенькую девочку. «Это Катя, — сказала Галина. Глаза ее впервые за долгое время улыбались. — Она круглая сирота. Будем растить ее, как родную дочку».

А 22 апреля 1922 года Галина родила сына. Радости в семье не было границ...

Теперь у Блюхеров было двое детей: шестилетняя дочь Катя и четырехмесячный сын Всеволод.

В ПЕТРОГРАД

В Москве Василий Блюхер обратился к руководству Реввоенсовета Республики с просьбой направить его на учебу в военный вуз или на курсы. Его, известного на всю страну первого краснознаменца, прославленного военачальника, была готова принять без экзаменов Академия Генерального штаба. Однако заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский во время беседы с

Блюхером сказал: «Мы бы с радостью рекомендовали вас, Василий Константинович, в академию. Только не можем пока. Красной армии сейчас нужны опытные, преданные советской власти командиры». «Тогда дайте мне небольшую должность, — попросил Блюхер, — с тем чтобы не в ущерб службе я имел возможность учиться заочно». Но и эта просьба не была удовлетворена. Его назначили командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса, который только начинал формироваться из дивизий, оказавшихся после Гражданской войны на территории Петроградского военного округа.

Об этом своем назначении Блюхер позже писал в служебной анкете:

«Назначен комкором 1 стр. корпуса, приказ РВСР № 181 от 26/08–1922 г. и вступил в командование корпусом 30/09–1922 г. по август 1923 г.

Назначен ВРИД начальника гарнизона гор. Петрограда с исполнением обязанностей командира 1 стр. корпуса — 1923 г., 27 апреля.

Убыл в гор. Москву в распоряжение нач. воен. морской инспекции т. Гусева для работ по заданиям инспекции — 1923 г., 6 сентября.

Вступил в командование 1-м стрелковым корпусом по возвращении из командировки в гор. Москву. Назначен комендантом Ленинградского укрепрайона — 1924 г., февраль — апрель».

Части будущего стрелкового корпуса были расквартированы в Петрограде и его окрестностях, между собой никак не контактировали и подчинялись напрямую штабу округа. Предстояла большая организаторская работа, которая с первых дней всецело поглотила Блюхера.

Вместе со своим заместителем Я. Ф. Фабрициусом он занялся сплочением частей, наведением в них воинского порядка. На первом плане стояла задача всемерного повышения боевой готовности и боеспособности войск корпуса, строительства новых укреппозиций.

Кроме этого, Блюхер исполнял возложенные на него обязанности начальника гарнизона Петрограда. Это была серьезная дополнительная ответственность, которую он нес на своих плечах.

Новая служба требовала не только большого физического и морального напряжения, но и соответствующих новому времени знаний. Сказывалось то, что у Блюхера нет академической подготовки. Да и вообще за годы, которые прошли для него в напряженной боевой обстановке, он сильно отстал в вопросах военной теории. У него, конечно, образование не ахти какое: за плечами церковно-приходская школа и годичные курсы в университете Шинявского. Но даже из того, что имел, подрастерял немало. Необходимо основательно заняться повышением общеобразовательного уровня. Здесь, в Петрограде, для этого имелись прекрасные возможности: библиотека Главного штаба, Публичная библиотека. Блюхер поставил цель: заниматься по жесткому графику — по часу-два в день. Составил специальное расписание занятий по русскому языку, математике, физике, географии, истории, философии и строго ему следовал. Одновременно постоянно штудировал вопросы военного дела.

Василий редко бывал дома с семьей, больше находился в дивизиях, полках, ротах.

Однажды, вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в полку, которым он командовал в 1923 году, совершенно неожиданно появился комкор Блюхер. «Я очень много о нем слышал, но встретился с ним впервые. Встреча с В. К. Блюхером была большим событием для всех бойцов и командиров полка. К нам его пригласил посмотреть учебно-воспитательную работу комдив Г. Д. Гай...

Прежде всего Блюхер тщательно ознакомился с организацией питания личного состава и остался доволен приготовлением пищи. Уходя из кухни, он крепко пожал руки всем поварам. Надо было видеть их лица! Потом обошел все общежития и культурно-просветительные учреждения полка и в заключение осмотра спросил:

— Как у вас обстоит дело с боевой готовностью? Ведь вы стоите недалеко от границы.

Я ответил, что личный состав полка хорошо понимает свою задачу и всегда готов выполнить воинский долг перед Родиной.

— Ну что ж, это похвально. Дайте полку сигнал „тревога“.

Этого я, откровенно говоря, не ожидал, но не растерялся.

Обращаясь к дежурному по полку, приказал:

— Подайте сигнал „боевая тревога“.

Через час полк был собран в районе расположения. Блюхер очень внимательно проверил выюки всадников, их вооружение, снаряжение и общую боевую готовность. Особенно тщательно он осмотрел пулеметный эскадрон и сделал довольно суровое замечание одному пулеметному расчету, у которого не была, как положено по тревоге, залита вода в пулемет и не имелось никакого ее запаса.

— Вы знаете, к чему эта оплошность приводит на войне? — спросил Блюхер.

Бойцы молчали и порядком краснели...

После отбоя Блюхер обратился к полку:

— Спасибо вам, товарищи бойцы и командиры, за честный солдатский труд... Будьте всегда готовы выполнить боевой приказ нашей великой Родины!

В ответ раздалось громовое „Ура!“. Было видно, что бойцов тронули и взволновали теплые слова Блюхера.

Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, Василий Константинович Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца...»

И все-таки Блюхер находил время, в основном в выходные дни и вечерние часы, чтобы вместе с женой гулять по городу, в котором он жил и работал более полутора десятка лет назад в годы своей юности. Они регулярно посещали с Галиной театры, кино, музеи. Дети оставались дома с домработницей Нюрой...

Бывшая домработница Блюхеров Анна Дмитриевна Городишина, по-простому Нюра, прожила длинную жизнь. В 1988 году, будучи в 87-летнем возрасте, она вспоминала, как попала в семью Блюхера, как жилось ей там.

Нюра родилась в селе Бугельки Петербургской губернии, рано лишилась родителей: они умерли во время какой-то эпидемии. Кроме нее остались сиротами брат и две сестры. Жить было нечем, и пришлось пойти по миру с сумой. Гражданская война раскидала их по свету, растеряли они друг друга. В 1923 году Нюра узнала от односельчан: в деревне Шушелово под Петроградом объявился брат Федька, и отправилась его разыскивать. Приехала в Шушелово, но Федьку там не нашла. В деревне как раз гостила у своих родственников Галина Павловна Блюхер. Она и предложила девушке-сироте стать домработницей. Нюра согласилась, и вскоре Галина Павловна забрала ее в большой город — Петроград.

Нюра тепло была принята и хозяином, большим военным человеком Василием Константиновичем Блюхером, и младшим его братом Павлом. Она быстро сдружилась с приемной дочерью Катей и малышом Всеволодом, а также с его няней — Гашей.

У Анны Дмитриевны сохранилась поблекшая фотография — свидетельство того, что она была своим человеком в семье Блюхер. Снимок был сделан в 1924 году в фотосалоне П. Жукова на углу Невского проспекта и Морской улицы, о чем говорила фигурная виньетка владельца салона. На

обратной стороне надпись: «Нюре — в память прожитых дней вместе. Г. Блюхер. 12/02–24 г. Петроград».

«Приближался праздник Красной армии, — вспоминала Анна Дмитриевна, — и Василь Константиныч и Галя решили на карточку сняться всем вместе. Поехали на Невский, нарядные такие!.. И на карточке получились все красивые. Вот на диване сидят сам Василь Константиныч и рядом Галя. На руках у них дети — Зоя и Всеволод. Катенька справа стоит. А это Павел, брат родной Василя Константиныча... Ну и я тут же стою, мне в ту пору как раз двадцать три года исполнилось...» Анна Дмитриевна с гордостью подчеркнула, что карточку ей подарила и подписала лично сама Галина Павловна.

Анна Дмитриевна рассказывала: «Квартира у них была в центре города, хорошая, просторная. Василь Константинович ведь заслуженный командир Красной Армии. Все время, конечно, пропадал на службе. Поэтому я редко его видела в доме. Все больше с Галиной Павловной по хозяйству, на кухне, да помогала Гаши за детьми глядеть. У Блюхеров-то сначала было двое детей: сын Всеволод и приемная — Катя. Потом стало трое. При мне уже родилась дочка Зоя».

Анна Дмитриевна признавалась: мало уж что помнит, и добавляла: «Лишнего придумывать не стану. Только одно скажу: семья была славная. Галя уважала своего мужа, заботилась о нем. А Василь Константиныч, помнится, много смеялся; больно веселый был человек да ватрушки любил очень. Как праздник какой подходил или гостей ждали, так мне Галина и говорит: „Ну, Нюра, пора ватрушки ставить“».

Из рассказа Анны Дмитриевны Городишиной выходило, что у Василя Константиновича и Галины Павловны были безоблачные отношения. Однако это не совсем так. В петроградский период супружества между Блюхером и Галиной стали возникать довольно частые ссоры, которые в конечном итоге привели к разрыву их брака.

Дочь Зоя Васильевна в своих воспоминаниях указывала: «Отец относился к моей маме с большой нежностью. Вместе с тем он был человек настроения. При плохом настроении к нему не подходи. Но мама этой особенностью его характера порой пренебрегала, в результате вспыхивали острые конфликты, которые день ото дня накапливали между ними неприязнь». И еще одно качество натуры отца выделила Зоя Васильевна: его пылкую влюбчивость в молодых красивых женщин. Всё это, по ее мнению, и приводило к крупным размолвкам Василя Константиновича с Галиной Павловной.

Помимо службы и учебы значительное место в петроградской жизни Блюхера занимала общественная деятельность. Он был избран членом Петросвета и членом Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Участвуя в работе сессий ВЦИКа, Блюхер познакомился с интересными людьми — партийными и государственными деятелями страны: Орджоникидзе, Каменевым, Троцким, Гусевым, Енукидзе. Памятной для него была IV сессия ВЦИКа девятого созыва, проходившая в Москве в конце октября 1922 года. Сессия приняла важные законоположения: кодекс законов о труде, кодекс законов о земле, гражданский кодекс, проект положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах, положение о Всероссийской сельскохозяйственной выставке. Здесь Василий Блюхер впервые увидел Ленина.

После IV сессии ВЦИКа Блюхер обратился к Сергею Сергеевичу Каменеву, бывшему в тот период главнокомандующим Вооруженными силами Республики и членом РВС Республики, с ходатайством о предоставлении ему возможности учиться на Высших военных академических курсах (ВВАК). Каменев удовлетворил его ходатайство, и Блюхер был зачислен на курсы на сентябрь 1923 года. Однако учеба на курсах откладывалась. РВС привлек его к работе в Высшей военно-морской инспекции. 6 сентября 1923 года он убыл в Москву в распоряжение начальника этой инспекции С. И. Гусева, где пробыл до февраля 1924 года.

К этому времени отношения Василия с женой Галиной разладились окончательно, и он ушел из семьи. В июле 1924 года состоялось официальное расторжение брака, но Василий, как и прежде, продолжал материально обеспечивать жену и детей.

В августе произошло событие, которое круто изменило его жизнь. В Китае началась народно-освободительная война. Глава китайского Национально-революционного правительства доктор Сунь Ятсен^[26] обратился к советскому руководству за поддержкой и помощью. СССР тотчас откликнулся на его просьбу. В Китай срочно поставляются техника и вооружение, направляются советские специалисты. В этой связи мирная военно-организаторская служба Блюхера в Петрограде была неожиданно прервана: он получил приказ отбыть в Китай в качестве главного военного советника.

Блюхер уезжал из Петрограда во Владивосток в спешном порядке, но не проститься с семьей не мог. Галина встретила его со слезами: «Это всё... Навсегда расстанемся?..» Дрогнула душа у Василия: «Я за вами приеду... Как только представится возможность...»

Должность командира-комиссара 1-го стрелкового корпуса он передал бывшему своему сослуживцу по ДВР М. В. Сангурскому. Потом, почти через десять лет, судьба вновь сведет их вместе, и опять на Дальнем Востоке — в Особой Дальневосточной армии.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК КИТАЯ

Во Владивостоке стояла золотая осень. Город-порт на краю Русской земли встретил Василия Блюхера, прибывшего сюда московским экспрессом в первых числах октября 1924 года, пестрой массой снующих по улицам деловых людей и шумом морского прибоя. Как мечтал Василий прибыть сюда в 22-м победителем Молчанова! Мечта не сбылась. По не зависящим от него обстоятельствам тогда принес Владивостоку освобождение Уборевич. Ну что ж, хотя бы теперь погулять здесь день-другой. И опять вмешались обстоятельства. Группа военных специалистов, в состав которой входил Блюхер, через сутки морем отправлялась в Китай. А Василию еще надо оформить заграничный паспорт на имя Уральского В. В.^[27], как сказал руководитель загранслужбы, «на всякий случай». В Китае в те годы — период колониального унижения страны — паспорт въезжающим в страну вообще не требовался. Достаточно было быть европейцем, чтобы никто не посмел спрашивать ваши документы. Для иностранцев не существовало никаких прописок или регистрации. Но Василий Блюхер ехал в Китай не в поисках острых ощущений и даже не в туристическую поездку, а на ответственную работу в качестве официального главного военного советника Национально-революционного правительства.

По дороге от Петрограда до Владивостока Василий старательно знакомился с китайской историей. Особенно с начала XX столетия. Хотя, конечно, понимал: этого для полного представления о стране было недостаточно, но общее представление все же получил.

Китай на рубеже XIX–XX веков являл собой полуколонию, богатые западные державы стремились разорвать страну на части. В 1911 году произошла революция, которая низложила императора. И сразу же страну разделили между собой различные военно-феодальные клики. Министры, генералы, маршалы, а потом и генералиссимусы вцепились друг в друга мертвой хваткой. В своей борьбе они пытались заручиться поддержкой империалистических государств, чьи интересы были весьма далеки от интересов китайского народа.

На этом фоне в стране нарастала национально-освободительная борьба, ширилось движение за проведение демократических преобразований.

Власть в Китае (даже номинальная) непрерывно переходила из одних рук в другие. Некоторое время всекитайское пекинское правительство возглавлял ставленник анхуэйских^[28] милитаристов Дуань Цижуй. Он контролировал Северный Китай, в том числе и столицу. Чжилийская группировка во главе с У Пейфу захватила бассейн реки Янцзы. На юге власть принадлежала гуанси-гуандунской группе, руководимой генералом Чэнь Цзюньмином. В Северо-Восточном Китае воцарился лидер мукденской клики, бывший хунхуз Чжан Цзолин. Вокруг этих группировок, а часто и внутри них,

бушевало мутное море мелких милитаристов, власть которых нередко распространялась всего лишь на одну провинцию.

К середине 20-го года чжилийцы разгромили войска аньхуэйской группировки и заняли Пекин. Прошло совсем немного времени, и между недавними союзниками — чжилийцами и мукденцами вспыхнула война. В борьбе за власть решающую роль сыграли американские доллары. Подкупленный парламент избрал президентом прямого ставленника североамериканских монополий реакционера Цао Куня.

А на юге страны против чжилийской группировки выступил Чэнь Цзюньмин. Стремясь использовать авторитет и популярность в народе лидера националистической партии (гоминьдана) Сунь Ятсена, Чэнь Цзюньмин обратился к нему с предложением организовать новое китайское правительство в Гуанчжоу (Кантоне^[29]). В апреле 1921 года Сунь Ятсен был провозглашен президентом Китая. Однако власть нового правительства распространялась лишь на несколько южных провинций. Кроме того, используя в демагогических целях лозунг защиты республики и имя Сунь Ятсена, Чэнь Цзюньмин позже порвал и с республикой, и с вождем гоиньдана, совершив вооруженный переворот. Сунь Ятсен был вынужден перебраться из Гуанчжоу в Шанхай. Через полгода, когда генерал Чэнь Цзюньмин потерпел поражение в одном из конфликтов с соседями-милитаристами, Сунь Ятсен вновь сформировал в Гуанчжоу свое правительство.

С этого времени Гуанчжоу превращается в опорный центр освободительной борьбы в Китае. Здесь открывается 1-й съезд гоиньдана. Съезд принимает специальный манифест, в котором провозглашается политическая платформа гоиньдана. Она состояла из «трех народных принципов» Сунь Ятсена: «национализм», «демократизм» и «народное благоденствие». «Национализм» предполагал движение китайского народа за освобождение от империалистического гнета, «демократизм» — предоставление народу широких политических прав. Принцип «народного благоденствия» предусматривал проведение земельной реформы и ограничение капитала. Для осуществления этой программы Сунь Ятсен выдвинул «три основные установки»: «союз с Россией», «союз с компартией», «поддержка крестьян и рабочих»...

Блюхер прибыл в китайский порт Гуанчжоу в конце октября на советском военном корабле «Боровский». И сразу же, прямо на борту «Воровского», он встретился с Сунь Ятсеном, представившись ему генералом Уральским. Беседа проходила в дружеской обстановке и длилась несколько часов. Сунь Ятсен остался доволен новым советским главным военным советником. В разное время в Китае находились военные советники В. К. Путна, А. Я. Лапин, Т. А. Бесчастнов, Е. А. Яковлев, Н. И. Кончиц, Е. В. Тесленко, Н. В. Куйбышев и другие советские командиры. Периодически происходила их ротация. До Блюхера группу военных советников возглавлял П. А. Павлов, один из известных военачальников Красной армии. В середине 1924 года он трагически погиб: утонул в реке Дунцзян.

Сунь Ятсен подытожил беседу словами: «Оставайтесь с нами и помогайте своим опытом нашему делу. Я верю вам, цзян-цзюнь^[30] Уральский...»

Потом были встречи в советской политической миссии, которую возглавлял М. М. Бородин^[31], и, конечно, в колонии военных советников. Посольство Советского Союза в Китае во главе с чрезвычайным и полномочным послом Л. М. Караханом Блюхер посетить пока не мог: оно находилось в Пекине...

Приезд Блюхера совпал с завершением первого периода китайской революции — периода собирания и расстановки революционных сил, рождения Национально-революционной армии (НРА). Молодой армии Китая многого недоставало, и в первую очередь — вооружения и боеприпасов. Испытывала она и острую нехватку преданных, хорошо подготовленных командных кадров.

Основной созидательной базой НРА в то время была специальная военная школа, недавно открывшаяся на острове Вампу^[32]. Поэтому по прибытии в Гуанчжоу Блюхер в первую очередь

обратил внимание на эту школу. Уже через неделю он пригласил к себе всех советских советников, работавших в школе Вампу.

«До приезда в Китай никто из нас, — вспоминает А. И. Черепанов, бывший в то время старшим военным советником в школе, — с Блюхером не встречался. Известно лишь было, что Василий Константинович в работе требователен, любит строгий порядок...»

К назначенному времени все советники были в сборе. Вошел Блюхер, остановился около дверей, как бы желая рассмотреть всех со стороны. Они, в свою очередь, по-солдатски вытянувшись, внимательно разглядывали среднего роста, плотного, одетого в серый костюм человека. Всех поразил пристальный взгляд серых глаз под густыми бровями.

После того как советники представились, Блюхер поделился с ними наблюдениями, сделанными им за первые дни пребывания на китайской земле. Время от времени он задавал самые разнообразные вопросы, как бы желая проверить правильность своих выводов. Характер беседы всех слегка удивил: советники не могли понять, почему Блюхер предварительно не выслушал подготовленный ими доклад о школе. Лишь потом сообразили, что нужные фактические сведения он уже получил в аппарате главного советника в Гуанчжоу.

«Позднее, — вспоминает далее Черепанов, — мы оценили метод работы Блюхера. Перед тем как принимать решение о той или иной операции, он никогда не выслушивал наших общих соображений. Вместо этого он заранее давал каждому отработать для него отдельный вопрос. По конкретным вопросам Блюхер обращался к китайским деятелям. Собрав все данные, Блюхер внимательно изучал их, потом принимал решение и объявлял его нам для выполнения».

«Война в целом и каждая операция, — любил подчеркивать Блюхер, — прежде всего математика, расчет». В дальнейшем советники убедятся, что рассчитывать, взвешивать все «за» и «против» Блюхер умел мастерски.

В эту первую беседу с советниками Блюхер, неожиданно для всех, спросил:

— Сколько стоит содержание одного курсанта?

Никто из присутствующих не смог ответить, сославшись на то, что его предшественник на посту главного советника запретил вникать в эти вопросы.

— Но вы же прекрасно знаете, — возразил Блюхер, — что при организации школы Вампу доктор Сунь Ятсен не располагал ни денежными средствами, ни оружием. Сейчас поставлен вопрос о расширении школы. При определении необходимых для этого дополнительных средств я должен верить на слово китайским генералам, а мне нужно принять участие в расчетах. Так что вы обязаны во всех деталях знать экономику школы, полка или соединения, при котором состоите советниками. Иначе наши советы не будут полноценными.

С этой первой встречи Блюхер взял школу Вампу под личное попечение. Он внимательно следил за совершенствованием в ней учебного процесса, форм и методов воспитательной работы с курсантами и вообще в целом за ее развитием. При его содействии из СССР в Кантон прибыл пароход с оборудованием для школы. Началось поступление и первого советского оружия: винтовок, пулеметов, орудий и т. д.

Надо подчеркнуть, что оснащение китайской армии советским вооружением стало одной из важнейших забот Блюхера. За небольшой промежуток времени правительство Сунь Ятсена получило 40 тысяч винтовок, около 42 миллионов патронов, 48 орудий, 12 горных пушек, более 10 тысяч ручных гранат, 230 пулеметов, 18 бомбометов, 3 самолета и другое вооружение.

Первое знакомство Блюхера с местными генералами состоялось на официальном приеме у Сунь Ятсена. Блюхер был одет в китайскую военную форму без знаков различия, обут в высокие сапоги. Генералам запомнилась одна интересная черта: главный военный советник умел внимательно выслушивать своих собеседников и вызывать их на откровенность. Речь его текла неторопливо и уверенно.

Новый главный военный советник сравнительно быстро вписался в китайскую атмосферу, глубоко изучил военно-политическую обстановку, сложившуюся к концу 1924 года вокруг территории, контролируемой правительством Сунь Ятсена. Несмотря на то что она была очень сложной, запутанной и постоянно меняющейся, он все же выделил главные направления решения не терпящих отлагательства задач. Революционная провинция Гуандун была зажата четырьмя фронтами: Восточным, Северным, Западным и Юго-Западным. На этих фронтах положение пока было более-менее стабильным. Правитель крупнейшей фынтяньской (мукденской) группировки Чэнь Цзюньмин испытывал материальные затруднения и пытался разнять своих передравшихся генералов. Это вынуждало его до поры до времени оставаться пассивным.

Восточный фронт удерживался юньнаньскими, гуансийскими и частично гуанчжоускими частями общей численностью около 20 тысяч солдат.

Юго-западный фронт по линии Лодин — Эньпин обороняли части 3-й дивизии гуанчжоуской армии (численностью около трех тысяч человек). Против них сосредоточились восьмитысячные войска генерала Дэн Бэньина, сторонника Чэнь Цзюньмина.

Западная часть провинции находилась в руках генерала Линь Цинтина, ориентировавшегося на гуанчжоуское правительство.

И вдруг в январе на севере произошло открытое столкновение между группировками милитаристов, которое привело к окончательному разрыву между чжилийской и фынтяньской кликами. Маньчжурский диктатор Чжан Цзолин — глава фынтяньцев официально объявил войну пекинскому правительству.

К этому времени резко ухудшилась обстановка в Гуанчжоу. Чэнь Цзюньмину удалось ослабить разногласия между подчиненными ему генералами. Он открыто поставил вопрос о нападении на революционный Гуандун. Гуанчжоуское купечество послало к нему делегацию с просьбой об освобождении города от «красного большевизма», обещало ему поддержку и денежную помощь.

Над суньятсеновским руководством нависли сразу две угрозы — с севера и с востока. Встала дилемма: принять решение о военном выступлении против чжилийцев или нанести удар на Восточном фронте.

Блюхер настаивал на том, чтобы упредить Чэнь Цзюньмина и первыми ударить по его армии. Он требовал срочно готовиться к Восточному походу. По его настоянию было проведено совещание членов своеобразного президиума правительства, на котором присутствовали: он сам, Ху Ханьминь, замещавший в то время Сунь Ятсена (он находился в поездке в Шанхай и затем в Японию), командующий гуанчжоуской армией генерал Сюй Чунчжи и командующий юньнаньской армией Ян Симинь. Обсуждалось положение на Восточном фронте. Участники совещания в принципе соглашались с необходимостью Восточного похода, однако посчитали, что уход на восток верных правительству частей создаст угрозу захвата Гуанчжоу войсками Фань Шишэня^[33]. Подстрекаемый англичанами и компрадорами^[34], Фань Шишэнь мог, в случае нажима Чэнь Цзюньмина, сразу же перебросить свои части в район Гуанчжоу. Было решено следить за частями Фань Шишэня и в случае необходимости быть готовыми к их разоружению.

Таким образом, предложение Блюхера о наступлении на Восточном фронте было отклонено...

Аппарат военных советников во главе с Блюхером усиленно занимался строительством новой армии Китая. Развернулась коренная реорганизация старых войск, армия пополнялась тысячами добровольцев, в основном из числа революционно настроенных молодых рабочих, проводились напряженная тактическая подготовка новобранцев и одновременно их политическое воспитание. Этим занимались как советские военные советники, так и первые выпускники школы Вампу.

Здесь следует сказать об исключительных трудностях, с которыми столкнулись наши специалисты, приехав работать в Китай. Они ведь попали в среду, очень и очень далекую от российских условий,

общались с людьми, чей язык, психология, мировоззрение, нравы и обычаи казались им непостижимыми. Надо было приспособиться к незнакомой среде и одновременно суметь повлиять на нее, изменить ее в интересах революции, в интересах китайского народа.

И еще одна особенность. Хотя партия гоминьдан и имела революционную направленность, она не была народной партией. Как ни старался Сунь Ятсен при помощи Коминтерна и китайских коммунистов в начале 1924 года реорганизовать ее, придать ей классовый характер, она продолжала оставаться выразителем и защитником интересов всей китайской нации. Причем значительным влиянием в ней пользовались представители помещичье-буржуазных кругов и военные. Рабочих и крестьян в партии представляли коммунисты, вошедшие в гоминьдан с согласия Сунь Ятсена. Но коммунисты еще не располагали прочной социальной опорой, не имели поддержки массовых организаций, и впоследствии это в конечном счете и определило поражение революции.

Нужно признать: наши советники далеко не сразу нашли общий язык с китайскими революционерами, а с некоторыми из гоминьдановских деятелей у них вообще не установилось товарищеских взаимоотношений. Например, сложно складывались отношения Блюхера с китайским генералитетом. Несмотря на великое уважение и доверие между Блюхером и Сунь Ятсеном, предложения советских военных советников не всегда находили поддержку.

Сунь Ятсен хорошо знал своих генералов, присягавших ему на верность, провозглашавших его генералиссимусом, а на деле стремившихся сделать его своей марионеткой. Естественно, поэтому он соразмерял формы, методы и темпы претворения в жизнь своих идей и планов с конкретными условиями.

Пределы своих возможностей Сунь Ятсен оценивал трезво. Он видел, в каких делах может рассчитывать на понимание товарищей по партии, а в каких они не пойдут за ним, а если и пойдут, то не до конца. Не заблуждался он и в отношении политических союзников, на которых полагаться можно было с большой опаской.

Поэтому вряд ли можно оценивать действия Сунь Ятсена в тот период как непоследовательные, хотя часто они таковыми выглядели. Но эти действия соответствовали тем целям, которые он ставил перед собой и возглавляемой им партией, тем методам, которые вытекали из его политических убеждений и взглядов. Различного рода маневры, к которым прибегал Сунь Ятсен, диктовались не в последнюю очередь его неослабным стремлением сохранить мир и согласие в той разношерстной массе политических и военных деятелей, которые группировались вокруг него. Сунь Ятсену были чужды и правые гоминьдановцы с их тупым консерватизмом, доходившим до мракобесия; в то же время его волновала и тревожила чересчур энергичная деятельность коммунистов.

И все же вопреки всему Национально-революционная армия нового Китая благодаря неустанному труду советских военных советников постепенно превращалась в организованную, боеспособную силу. В ней воцарялся дух революционной героики и стремления к решительной борьбе за новую счастливую жизнь народа.

По инициативе Блюхера был создан Военный совет при ЦИКе гоминьдана, в который вошли: Ляо Чжункай, Ху Ханьминь, генералы Сюй Чунчжи, Чан Кайши, Ян Симинь и — в качестве советника — Уральский-Блюхер. В середине декабря он добивается объединения командования в руках Военного совета. По его настоянию 22 декабря состоялась военная конференция генералов и командиров дивизий.

Под непосредственным руководством Блюхера началась разработка стратегических планов Восточного и Северного походов.

Между тем военная активность милитаристов все более нарастала. Враги Сунь Ятсена стремились лишить его возможности влиять на дальнейший ход событий в стране, а для этого необходимо было ликвидировать его опору в Гуанчжоу. Вся китайская реакция объединялась для борьбы против кантонского правительства.

Верхушка гоминьдана волновалась: сможет ли при таком положении правительство удержать в своих руках Гуанчжоу? Блюхер отвечал на этот вопрос совершенно твердо: «Сможет». И хотя Сунь Ятсен был в отъезде, главный военный советник уверил правительство, что Гуанчжоу устоит. Но его беспокоила несогласованность действий отдельных «союзнических» соединений правительственной армии. Пользуясь этим, Чэнь Цзюньмин мог разгромить «союзников» по отдельности или нанести им большой урон. Поэтому главный военный советник возлагал большую надежду на твердость недавно избранного главнокомандующим Восточным фронтом юньнаньского командарма генерала Ян Симиня.

На очередном военном совете Блюхер изложил свой план Восточного похода. Суть его заключалась в немедленной организации контрнаступления лучших соединений Национально-революционной армии против генерала Чэнь Цзюньмина. Два корпуса юньнаньцев двинутся по долине реки Дунцзян на Боло — Хэюань — Ухуа — Синин. Гуансийские войска под командованием генерала Лю Чжэньхуана должны овладеть крепостью Вэйчжоу.

Ударной будет группа правительственных войск в составе пехотной дивизии и пехотной отдельной бригады, а также отдельного полка Гуанчжоуской армии и двух пехотных полков Вампу...

У генералов возникли вопросы и сомнения: «Кто будет защищать Гуанчжоу?» «Советский цзян-цзюнь считает, что величайшей крепостью Вэйчжоу, которую за две тысячи лет никто не смог взять, можно овладеть штурмом?»

Блюхер ответил на эти вопросы спокойно: «Во время похода Гуанчжоу прикроет с севера Хунаньская армия генерала Тань Янкая, а с юго-запада — Гуанчжоуский корпус генерала Ляо Хэнкая... А крепость Вэйчжоу мы штурмовать не будем. Мы ее обойдем и блокируем одним полком».

План похода был принят.

Восточный поход начался 2 февраля и закончился 21 марта 1925 года. В этом походе Национально-революционная армия впервые одержала крупную победу в борьбе с милитаристами и компрадорами. НРА освободила обширный район на побережье Южно-Китайского моря, более семи тысяч солдат неприятеля были взяты в плен, захвачено 13 тысяч винтовок разных систем, 110 пулеметов, 36 орудий, свыше 8 миллионов патронов разных калибров, почти 2000 снарядов.

Блюхер, непосредственно участвовавший в осуществлении всех крупных сражений, был доволен итогами Восточного похода. Удалось разбить численно превосходящего противника. Значительно окрепло положение революционного правительства Сунь Ятсена. Жаль, что вождь гоминьдана не дожил до этой первой большой победы — он умер в Пекине от рака печени 12 марта 1925 года.

Глубоко проанализировав боевой опыт первого Восточного похода, Блюхер уже в начале апреля стал детально разрабатывать план полного освобождения провинции Гуандун. Но принять участие в его реализации ему не пришлось.

В Китае Блюхер часто болел: его беспокоили ранение, полученное на германском фронте, и прицепившийся к нему уже здесь фотодерматит. К лету 1925 года болезни окончательно скрутили его. Врачи настаивали на отъезде в Советский Союз. Посол СССР в Китае Карахан сообщал в Народный комиссариат иностранных дел: «К большому сожалению, Блюхеру приходится уезжать из Кантона, ибо он совершенно разболелся и его дальнейшее пребывание там абсолютно невозможно. Упускать его из Китая было бы очень жаль, ибо он соединяет в себе, как никто из других работников, качества военного и политика. Он очень хорошо приспособился и ориентируется в китайской обстановке, у него поразительное чутье, которое в самые трудные моменты давало возможность ему нащупать правильное решение».

Действительно, советский главный военный советник пользовался в Китае всеобщим уважением. Тот же Карахан докладывал в Москву: «На имя гоминьдановского ЦИК поступают телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение нашим комсоставом и в особенности тов. Блюхером... Наши товарищи обыкновенно идут впереди всех, и тов. Блюхер, против китайского

обыкновения, по которому генералу полагается сидеть по крайней мере за сто верст от военных действий, сам присутствует постоянно на фронте. В один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев».

23 июля Блюхер отбыл в Советский Союз на лечение. А с началом октября Народно-революционная армия начала наступление. Ожесточенные бои разгорелись вокруг знаменитой крепости Вэйчжоу. Командующий Чан Кайши^[35] не верил, что крепость будет взята. 13 октября 1925 года, впервые за многовековую историю, крепость Вэйчжоу пала.

К концу года на всей территории провинций Гуандун была установлена власть Национально-революционного правительства Китая.

Первый и второй Восточные походы явились реальной пробой сил в сражениях между войсками милитаристов и революционными частями, они упрочили молодую власть в Гуандуне. У политических и военных деятелей гоминьдана окрепла уверенность в своих силах. Восточные походы помогли создать на юге Китая прочный плацдарм и базу для дальнейшего развертывания революции.

Все понимали: зарождавшаяся Национально-революционная армия должна стать главным фактором в дальнейшем развитии китайской революции. Поэтому деятельность наших политических и военных советников сосредоточивалась в основном на подготовке и организации революционных войск. Однако это было не так просто. Дело в том, что новая армия и ее командный состав, даже пройдя соответствующую политическую школу и усвоив основное содержание «трех народных принципов» Сунь Ятсена, сохраняли многие черты наемных войск, о чем с достаточной очевидностью свидетельствовали военные кампании в Гуандуне. Мало чем отличались от своих врагов, коллег по военному ремеслу, и генералы Национально-революционной армии, старавшиеся использовать любой случай для усиления своей власти, удовлетворения своих амбиций, для своего возвышения. Они охотно произносили революционные лозунги в духе идей Сунь Ятсена, уверяли в преданности революционному делу, но при этом не забывали о личных выгодах. Типичным представителем таких генералов был Чан Кайши. Он оказался умнее, хитрее других, сумев к марту 1926 года сконцентрировать в своих руках военную и политическую власть в лагере революции.

Упрочение на территории провинций Гуандун власти Национально-революционного правительства вызвало у великих держав, в первую очередь у Великобритании и Японии, большое раздражение. В феврале 1926 года английская эскадра предприняла попытку заблокировать с моря Кантон. Спустя полмесяца японские корабли обрушили шквал огня на сосредоточение национальных войск близ Тяньцзиня. 17 марта правительства США, Англии, Франции, Италии и Японии в ультимативной форме потребовали прекращения боевых действий в районе Пекина. Получив мощную поддержку западных стран, армии маньчжурского правителя генерала Чжан Цзолина и главы чжилийской группировки У Пейфу незамедлительно двинулись на Пекин. На севере Китая вновь воцарился режим милитаристов.

Революция терпела поражение. Этим воспользовались правые гоминьдана и прежде всего Чан Кайши. В ночь на 20 марта 1926 года он ввел в Гуанчжоу военное положение. Началась охота за коммунистами и руководителями революционных профсоюзов. Но народ не поддержал контрреволюционный путч. Чан Кайши был вынужден отступить. Через два месяца он будет клясться в верности делу революции...

После отъезда Блюхера в СССР в Гуандуне произошли значительные перемены. В начале марта в связи со смертью Сунь Ятсена обострилась обстановка внутри гоминьдана. Правое крыло требовало разрыва отношений с коммунистами, растущее влияние которых вызывало тревогу в помещичье-буржуазных кругах страны. Правые опасались, что рабочее и крестьянское движение развернет против них борьбу, поэтому 20 марта пошли на контрреволюционный переворот.

Начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов, находясь в это время в Китае во главе советской военной делегации (под псевдонимом Ивановский), писал: «Мы получили возможность ознакомиться с внутренними противоречиями, действующими в Кантоне и нашедшими себе

выражение в событиях 20 марта». Изучая произошедшие события, Бубнов пришел к выводу: мартовское выступление Чан Кайши, приведшее к отстранению от руководства гоминьданом и Национальным правительством левых и коммунистов, представляет собой результат не случайных верхушечных комбинаций или некоторых частных ошибок, а серьезного политического обострения социальных конфликтов внутри самого Гуандуна.

Исходя из учета обстановки, которая сложилась после 20 марта, он принял решение освободить начальника южно-китайской группы русских военных советников Н. В. Куйбышева^[36] и начальника его штаба В. П. Рогачева от занимаемых ими должностей. Бубнов направил в правительство СССР письмо с анализом политического и военного положения в Китае, в котором подчеркивал, что, несмотря на осложнение обстановки в Гуандуне и негативные изменения в партии гоминьдан, вопрос о Северном походе с повестки дня не снят. Для успешного осуществления похода необходимо на пост главного военного советника назначить авторитетного военного и политического деятеля. По его мнению, самым подходящим кандидатом мог быть Блюхер.

И ВНОВЬ — В ГУАНДУН

Выступление Чан Кайши 20 марта, в результате которого от руководства гоминьданом и Национальным правительством были отстранены левые и коммунисты, резко изменило обстановку в Китае в худшую сторону. Китайская революция оказалась в серьезной опасности. Многотысячные армии Чжан Цзолина и У Пейфу начали окружение Пекина. Создалась реальная угроза его захвата. В этих условиях аппарат советских советников, находившихся в Пекине, вынужден был покинуть столицу и отбыть сложным путем через пустыню Гоби, Ургу (Улан-Батор), Верхнеудинск (Улан-Удэ), Владивосток и морем — в Гуанчжоу.

Руководителем переезда аппарата советников Бородин назначил Черепанова. Экспедиция с большими трудностями добралась до Владивостока. Во Владивостоке Черепанов усадил членов экспедиции на пароход, идущий в Гуанчжоу, а сам задержался для того, чтобы подобрать для Бородина ряд работников...

По прошествии нескольких дней Черепанов, сделав все свои дела, собрался на очередном пароходе плыть в Гуанчжоу и неожиданно встретился с Блюхером, который по предложению Бубнова вновь был назначен главным военным советником Национального правительства Китая и теперь, после лечения в СССР, направлялся в Гуанчжоу, чтобы занять прежний свой пост.

С Блюхером ехала жена. За год разлуки Василий забыл все ссоры с Галиной и сдержал данное ей слово: он вез семью в Китай.

Работники загранслужбы спросили у Блюхера: какую фамилию поставить в загранпаспорте? Тот улыбнулся: «Пишите Галин — жена у меня Галина». А имя и отчество? «Дети у меня Зоя и Всеволод, давайте: Зой Всеволодович». — «Зой?.. — Работники загранслужбы смеются. — Имени-то такого нет». «А что, имена — это только те, что в святцах?» — парировал Блюхер...

«Василий Константинович, — вспоминает Черепанов, — сердечно меня обнял, а затем познакомил с супругой, Галиной Павловной, и детьми: Севой и Зоей.

На пароходе он все время что-то читал; позже выяснилось, что он изучал материалы разгоревшейся тогда в партии дискуссии.

Чтобы скоротать нудно тянущееся в море время, мы часто играли в карты, особенно в „шестьдесят шесть“. Сознаюсь, что мы с Галиной Павловной, которая была моим партнером, действовали нечисто, жульничали. Мы заранее сговорились о системе сигнализации, с помощью которой подсказывали друг другу очередные ходы. Таким путем мы Василию Константиновичу и его партнеру одну за другой „накладывали шубы“. Блюхер явно злился. Он очень не любил проигрывать. Я и ранее замечал, что, попав в шахматной партии в невыгодное положение, он делал вид, что ему что-то неотложно нужно сделать по службе, и выходил. Вернувшись, он говорил: „Я что-то все свои замыслы позабыл, давайте начнем сначала!“ — и смешивал фигуры. Так и в „шестьдесят шесть“ он готов был сражаться без конца, лишь бы отыграться, в итоге обед и ужин задерживались на час-два.

Мы с Галиной Павловной решили, что плутовать себе дороже. Так Блюхер вынудил нас играть честно».

В середине мая 1926 года Блюхер, на этот раз под псевдонимом Галин З. В., приступил к исполнению обязанностей главного военного советника. К этому времени шла активная работа по подготовке Северной экспедиции, о которой он говорил еще в сентябре минувшего года в своей директивной статье «Перспективы дальнейшей работы на юге, или Большой план военной работы гоминьдана на 1926 г.». В проекте плана Северного похода, разработанном под руководством Чан Кайши в отсутствие Блюхера, предусматривалось одновременное выступление против двух крупных группировок войск милитаристов Чжан Цзолина и У Пейфу. Блюхер имел свое мнение по поводу ведения наступательных действий сразу на двух направлениях. Он считал: нужно противника бить поодиночке.

Блюхер докладывал в июле в Москву, что с первых дней после его приезда в Китай и все последующее время он борется за изменение проекта плана Северного похода, разработанного в его отсутствие китайскими военными специалистами, так как этот проект непригоден. Необходимо ограничить операцию «Северный поход» пределами провинции Хунань. Но Чан Кайши и поддерживающие его военспецы стоят на своем. Наркоминдел Блюхеру посоветовал не обострять отношения.

Гоминьдановские генералы упорно сопротивлялись мнению Блюхера-Галина. Однако железная логика главного советского советника все же взяла верх. 23 июня на очередном заседании военного совета они согласились на изменение проекта плана Северного похода и отказались от немедленного движения в Цзянси. В новом плане в качестве основной задачи первого этапа похода определялось нанесение удара по армии У Пейфу. Конечная цель этого этапа военных действий — взятие Ухани^[37], «осинового гнезда» главы чжилийской клики.

К началу Северной экспедиции по предложению Блюхера-Галина Национально-революционная армия была реформирована и состояла из семи корпусов. Общая численность войск НРА перед походом составила почти 100 тысяч человек. Этой силой цзян-цзюнь Галин намеревался разбить 270 тысяч хорошо вооруженных и обученных солдат противника. Главнокомандующий НРА Чан Кайши с трудом верил в это: ведь Национально-революционной армии противостояли две самые мощные армии милитаристов, возглавляемые опытными генералами У Пейфу и Сунь Чуаньфаном^[38]. А Блюхер-Галин верил: рабоче-крестьянская армия молодого Китая победит. На что он рассчитывал? На высокий дух бойцов и командиров, а также на избранные им стратегию и тактику. Войска НРА будут громить милитаристов в два этапа — это раз; умелое использование разрозненности и отсутствия единого командования в лагере противника — это два.

Было решено сначала разбить чжилийскую военную группировку У Пейфу и освободить провинции Хунань и Хубей. Затем ударить на восток, нанести поражение армии Сунь Чуаньфана и присоединить к Национально-революционному фронту провинции Цзянси, Фудзянь, Аньхой, Цзянсу и другие.

Перед Северным походом все семьи советских военных специалистов в целях их безопасности были отправлены в СССР. Позаботился о своевременном отъезде из Китая жены с детьми и Блюхер. Галина отбыла на пароходе во Владивосток и поселилась в гостинице «Золотой Рог» в ожидании разрешения мужа на возвращение ее в Гуанчжоу...

Наступление началось в октябре. Корпуса НРА стремительно атаковали Чжучжоу и Лилин и вскоре овладели ими. Отступая, генерал У Пейфу сосредоточивал главные силы у станции Денсичао. Это был выгодный для обороны рубеж, на котором генерал рассчитывал не только остановить войска НРА, но и нанести им поражение.

Блюхер-Галин по данным разведки знал, что у Денсичао противник имеет до двенадцати полков пехоты. У НРА же на этом направлении — только шесть полков. Несмотря на перевес сил в пользу У

Пейфу, цзян-цзюнь Галин принял решение атаковать. Главком Чан Кайши запротестовал: «Не брать нам Денсичао». «Всю ответственность беру на себя», — сказал Галин.

В результате ожесточенного сражения, длившегося почти сутки, станция Денсичао пала. Так же была взята Чанша. У Пейфу с остатками уцелевшей армии откатился к озерам Лянцзи и Хуантин...

Предстояло выбить войска У Пейфу из междуозерья, где были построены прочные оборонительные укрепления. И с этой сложной задачей НРА справилась блестяще. Вопреки китайскому обычаю воевать днем, Блюхер-Галин выдвинул идею: «Наступать ночью. Внезапными атаками. Без единого выстрела». И это сработало. В ночь на 30 августа части НРА атаковали позиции противника на всех участках фронта и прорвали все линии вражеской обороны. Утром они захватили Ханьян и Ханькоу.

Но в руках У Пейфу оставался очень сильный опорный пункт — первоклассная крепость Учан. Больше месяца бомбардировали кантонцы осажденную крепость. В конце концов в начале октября 1926 года неприступный Учан сдался.

С овладением городов Ханькоу, Ханьяна и Учана была решена участь Уханя — важнейшего экономического и политического центра бассейна реки Янцзы.

Провинции Хунань и Хубэй освобождены. Дальше — все силы на борьбу с армией Сун Чуаньфана.

Второй этап Северного похода начался в последних числах октября. Он был назван третьей Цзянсийской операцией, план которой с особой тщательностью разработал Блюхер-Галин. Накануне, в середине сентября, Народно-революционная армия по амбиционному велению Чан Кайши (не согласованному с Галиным) предприняла наступление на Цзянси и потерпела поражение. Блюхер учел горький опыт бездарного главкома. Он составил приказ о новом наступлении, в котором подробно ставил задачи корпусам и дивизиям, рекомендовал избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций, искать решения в обходе их и фланговых ударах.

С первых же боев стало ясно, что с армией Сунь Чуаньфана справиться будет нелегко. «Войска Сунь Чуаньфана дерутся отлично, — писал Блюхер. — Они отличаются от нас внешним видом, рослостью, хорошо снабжены, имеют много пулеметов и орудий. Несмотря на огромное техническое и численное превосходство, наша южная мелкота ведет себя в бою выше всяких похвал... Победу покупаем исключительно упорством, штыком и ночными атаками...»

Неудачное сентябрьское наступление на Цзянси войск НРА под своим личным руководством остудило пыл главкома Чан Кайши. Теперь Чан руководство войсками всецело отдал цзян-цзюню Галину. И Блюхер показал высочайшее искусство управления боевыми действиями. Пример тому — так называемая Наньчанская операция. В ходе ее корпуса НРА нанесли сокрушительные удары по району Дэань-Махуйлин, по городам Цзюцзян, Туцзяп и железнодорожному узлу Наньчан.

Цзянсийские войска были разбиты окончательно в первой декаде ноября. В плен взято около 40 тысяч солдат, захвачено огромное количество винтовок, пулеметов, несколько десятков орудий и другого вооружения. После освобождения провинции Цзянси НРА вступила в провинцию Аньхуэй и к концу ноября овладела ее столицей — Аньцином. Сунь Чуаньфан с остатками своей армии отступил к Шанхаю и Нанкину.

Овладев четыремя важнейшими провинциями на Янцзы, гуанчжоуское правительство сразу же поставило вопрос о новой столице революционного Китая. Перемещение руководства в Центральный Китай было необходимо потому, что правительство рисковало превратиться в провинциальный гуандунский орган, не оказывающий серьезного влияния на ход революции. Новым центром со всех точек зрения целесообразнее всего было бы сделать освобожденный Ухань: там поднималась мощная борьба народа с компрадорской буржуазией. Но Чан Кайши высказался за Наньчан. Во-первых, Ухань был взят военными силами, которые Чаном не контролировались. Во-вторых, как лидер «правых», он был заинтересован в изоляции правительства от влияния широко развертывающихся массовых выступлений. Чан Кайши хотел добиться от ЦИКа гоминьдана форсирования продвижения армии на Нанкин и Шанхай. По взятии Шанхая он рассчитывал

установить контакт с империалистическими силами и заручиться их поддержкой, чтобы окончательно расправиться с компартией и народным движением.

Между «правыми» и «левыми» гоминьдановцами началась борьба: «левые» — за Ханькоу, «правые», во главе с Чан Кайши, — за Наньчан. Для Чана Наньчан был наиболее желанной столицей, так как он мог служить приманкой для отдельных милитаристов. В те времена этот тихий город торговцев, ремесленников и мелкой бюрократии называли «теплым местом настоящих, бывших и будущих чиновников». Когда в Цзянси развернулось народное движение, то многие богатеи из провинциальных местечек сбежали в Наньчан.

И все-таки на заседании Политбюро ЦИКа гоминьдана было принято решение о переносе столицы в Ухань, и первая группа, составлявшая большинство гуанчжоуского правительства, переехала в Ханькоу. Вместе с ней перебазировались из Кантона и советские представительства, а также политические и военные советники.

Оставшиеся члены правительства и Чан Кайши сосредоточились в Наньчане. Бородин и Блюхер предостерегали «левых» гоминьдановцев: этот раскол — опасный предвестник трагического завтрашнего дня революции.

Первая группа правительственного большинства, переехав в Ханькоу, тут же объявила себя высшей властью. «Уханьцы» приняли постановление: всем членам и кандидатам в члены ЦИКа гоминьдана необходимо немедленно прибыть в Ухань на пленум. Чан Кайши, в свою очередь, в срочном порядке созвал в Наньчане Политбюро ЦИКа гоминьдана. Его не смущало, что заседание не было достаточно представительным, главное — разорвать ЦИК и склонить на свою сторону как можно больше колеблющихся «левых»...

Блюхер-Галин вместе со своими помощниками продолжал работать в частях Национально-революционной армии, недавно победившей отборные силы северных милитаристов. Но он видел, что «левые» все больше и больше проявляют колебания: они то принимали чрезвычайно революционные решения, то сдавали противникам свои позиции совершенно без боя. В противовес им Чан Кайши твердо держал курс на сосредоточение всей власти в своих руках, на подавление левых сил и проводил его весьма последовательно, искусно ведя при этом демагогическую маскировку. До победы в Северном походе Чан был более зависим от революционных сил, теперь же он мог вновь выступить активным проводником идей «20 марта». Его позиция отражала настроения и намерения всей китайской реакции, напуганной подъемом масс.

В Ханькоу, в условиях усиливающейся нестабильности в гоминьдане и, соответственно, в НРА, Блюхер почувствовал необходимость более тесного сотрудничества его аппарата военных советников с работниками политического аппарата Бородина. Бородин и Блюхер служили одному делу, однако их миссии — политическая и военная — функционировали отдельно и взаимной ответственности не несли.

Частые в последнее время встречи Бородина и Блюхера посвящались в основном обсуждению обстановки в Китае. Из этих обсуждений они делали важные для себя выводы. Главным и весьма неутешительным был следующий: «левые» в Ухане с каждым днем становились все ненадежнее, среди них наметилось расслоение. Набирала силу та часть гоминьдановцев, которая рассуждала так: «Нам мешают работать в массах коммунисты, значит, мы должны выбить коммунистов с их позиций в массах». Эти «левые» все более и более сближались с центристами и «правыми». В экономической и социальной политике они пытались во имя единства национально-революционного фронта сглаживать острые углы, по возможности избегать решительных действий даже тогда, когда к ним явно вынуждали обстоятельства.

Другая часть, наоборот, становилась на крайне революционные, даже экстремистские позиции. Эта часть, по характеристике Бородина, «бряцала оружием только на словах, на самом же деле она к решительной схватке не готовилась».

Чан Кайши умело использовал складывающуюся ситуацию. Он понимал, что для подавления масс надо в первую очередь лишить их руководства, и поэтому стремился ликвидировать

гоминьдановские комитеты, где преобладали коммунисты и «левые». Главной силой, при помощи которой можно решить свои антинародные замыслы, он считал военщину. А она охотно спланировалась вокруг Чана, ибо осознала: с революцией крестьян и рабочих ей не по пути.

Уже в ноябре — декабре 1926 года военщина стала самовольно подавлять революционное движение на местах. Некоторые командиры производили налеты на крестьянские и рабочие союзы. Вожаков народных объединений объявляли бандитами и жестоко избивали. Развертывающееся широкое революционное движение очень напугало многих офицеров и генералов — вчерашних горячих сторонников угнетенного народа — и бросило в стан самых ярых контрреволюционеров...

Как-то в военную миссию Блюхера по служебным делам зашел советник Политического управления (ПУР)^[39] Национально-революционной армии Китая Теруни — худощавый, небольшого роста армянин (настоящее его имя Тьер Таиров). С ним была девушка: приятное молодое лицо, острые карие глаза.

— Галина... — представилась она с улыбкой.

Блюхер вздрогнул.

Спутница Теруни сделала паузу, добавила с подчеркнутой интонацией:

— Галина Александровна Кольчугина. Служу в консульстве, секретарем-переводчиком Пличе^[40].

В ответ Блюхер назвал себя просто:

— Галин.

— Я много о вас слышала...

С того дня, как Блюхер «положил глаз» на смазливую сотрудницу консульства, Галина Кольчугина стала частенько появляться в военной миссии...

Перед новым, 1927 годом Блюхер послал во Владивосток письмо, в котором признался жене, что встретил женщину, которую полюбил всем сердцем, и она его тоже искренне любит. Затем через пару дней послал второе, в котором назвал имя этой женщины — Галина Кольчугина — и сообщил, что он на ней женится.

Это был окончательный разрыв Василия Блюхера со своей первой женой — Галиной Покровской...

Бывший старший переводчик Блюхера М. И. Казанин в своей книге «В штабе Блюхера» посвятил Кольчугиной и Блюхеру несколько страниц. Он не знает, каким образом договорились между собой Блюхер и консул Пличе, только через некоторое время после знакомства Василия Константиновича с Кольчугиной она перешла из консульства на постоянную работу в аппарат военной миссии.

О том, что Кольчугина работает в военной миссии и что она жена Блюхера, Казанин услышал от своего друга Михаила Мазурина (его настоящее имя — Эммануил Моисеевич Абрамсон), однажды упомянувшего в разговоре уехавшую во Владивосток «первую жену Блюхера».

— Ты говоришь: «первая жена», а что, у него теперь вторая?

— Да, и тоже Галина, и твоя приятельница. Училась с тобой.

Казанин широко раскрыл глаза:

— Училась со мной?

— Галину Кольчугину помнишь?..

Кто такая Галина Кольчугина? В 1938 году, когда она будет арестована, в протоколе ее допроса от 24 октября в анкетной его части написано: «Кольчугина-Блюхер Галина Александровна, 1899 года рождения, уроженка г. Харькова, русская, беспартийная, служащая, до ареста слушательница военного факультета Академии связи им. Подбельского».

О себе Галина рассказывала: родилась в Харькове, выросла в Харбине; в Харбин ее ребенком вывезла мать, которая работала акушеркой на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), отца своего она не помнит.

В 1906 году мать отдала девочку в русскую школу (тогда же в ту школу пошел в первый класс и Миша Казанин, живший с родителями в Харбине). Окончив школу, Галина поступила в коммерческое училище^[41]. После училища пыталась устроиться в Харбине по торговой части, но не получилось, и тогда она отправилась искать счастья в Петроград. Там она становится студенткой историко-филологического факультета женских Бестужевских курсов. В мае 1917 года, завершив второй курс, она уехала на летние каникулы в Харбин к матери. Вернуться в Петроград, чтобы продолжить учебу, уже не смогла. В стране началась смута, Дальний Восток был отрезан от Центральной России выступлениями белогвардейцев и разнообразных банд.

Жизнь в Харбине требовала немалых денег, и Галина стала работать в частной гимназии Генерозовой преподавателем русского языка. Одновременно давала уроки на дому детям из состоятельных семей.

Через одну из своих учениц — Филю Кауфман — познакомилась с ее братом Львом Григорьевичем, который после развала русско-германского фронта бежал из России в Харбин. Между Галиной и Львом завязалась дружба. Лев переехал в Пекин, работал литературным сотрудником в городской газете. Связь друг с другом они не прервали, регулярно обмениваясь письмами. В 1921 году Кауфман покинул Пекин. Спустя некоторое время Галина получила от него весточку из советского Приморья. Лев сообщал, что сотрудничает во владивостокской газете «Красное знамя» и своим положением очень доволен. В следующих письмах он настойчиво приглашал ее приехать к нему, предлагал руку и сердце. В феврале 1923 года они поженились.

Во Владивостоке Галина поступила делопроизводителем-машинисткой в Приморское Управление уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Через год Кауфмана перевели в Москву, в Восточный отдел Коминтерна, а жену его трудоустроили в журнале «Коминтерн» на должность технического секретаря.

В апреле 1925 года Галина рассталась со Львом и уехала в Харбин к больной матери. Из Народного комиссариата иностранных дел ее известили телеграммой, что ей предлагается работа в советском консульстве в Шанхае, а оттуда она была перенаправлена в консульство в Ханькоу.

...Михаил Казанин встретил Кольчугину на улице. Со школьной поры она мало изменилась: все то же живое лицо, лукавые глаза и та же легкая, дразнящая манера разговора.

Она пригласила Михаила зайти, посидеть, вспомнить детскую дружбу. Но Казанин в гости не пошел. Ему, рядовому работнику, казалось неуместным становиться на короткую ногу с прославленным героем Гражданской войны только потому, что тот женился на его школьной подруге...

Блюхер занимал особняк на набережной Янцзы, на самом краю одной из бывших английских концессий. Он и Галина жили наверху, на нижнем этаже располагалось Информбюро, место работы и обитания Казанина.

Однажды утром вниз сошла Галина и сообщила Казанину, что начальство направляет ее в его распоряжение. Ее обязанности: печатать на машинке и вообще делать все, что он потребует. Но буквально через два дня она с извинением сказала: больше приходить не сможет. Значит, муж притворился к другу детства.

Так прекратилось их кратковременное сотрудничество, но друзьями они остались...

В феврале 1927 года Галин-Блюхер и весь его штаб переехали из Ханькоу в Наньчан, где со своими главными силами, своего рода преторианской гвардией, располагался Чан Кайши. Ханькоу в это время представлял собой оплот демократии. Здесь были промышленность, рабочие союзы, боевое студенчество и, наконец, ЦК китайской компартии. Такое средоточие «левых» — явно неподходящее место для Чана. Он предпочитал отсиживаться в тихом провинциальном Наньчане, вдали от студентов и рабочих. Там же находился и его штаб. Чтобы не выпускать Чан Кайши из поля зрения и не допустить открытого с ним разрыва, и было принято решение перебазировать в Наньчан военную миссию Блюхера...

С началом 1927 года партия гоминьдан, первую скрипку в которой теперь играли не столько политики, сколько военные, уже открыто стояла на защите интересов буржуазии и помещиков. Генералитет, одержав решающие победы в Северном походе, высказывался против проведения даже самых незначительных социальных реформ, категорически выступал против удовлетворения как политических, так и экономических требований рабочих и крестьян.

В ответ на давление компрадоров и репрессии военщины революционное движение в полукOLONIALном Китае к этому периоду достигло невиданного размаха. Докатилось оно и до Шанхая. Весной там произошло восстание рабочих. 22 марта войска НРА пришли им на помощь: были освобождены Шанхай и Нанкин. Но эта победа революционных сил была последней.

Советские политические и военные советники прилагали немалые усилия, чтобы закрепить завоевания революции в интересах трудящихся масс, но объективные возможности для этого отсутствовали. Наши советники слишком уповали на коммунистов, однако те не оправдали их надежд. Разрыв гоминьдана с коммунистами был во многом обусловлен ультралевыми замашками последних. А самостоятельно гоминьдановцы не могли, да и не хотели спасти дело ими же начатой революции.

Вступление Национально-революционной армии в Шанхай, оплот иностранного капитала, вначале вызвало сильный испуг у внутренних и внешних реакционеров. Но страх их был напрасным. Меньше чем через полмесяца после появления в Шанхае НРА ее главнокомандующим Чан Кайши со своими «мартовцами»^[42] осуществил давно готовившийся им контрреволюционный переворот. Улицы Шанхая были залиты кровью рабочих. 11 апреля 1927 года бойня достигла апогея. По приказу Чан Кайши была жестоко подавлена мирная демонстрация трудящихся у его штаб-квартиры. Солдаты грузовиками вывозили с улиц убитых демонстрантов. Шанхайский кровавый разгул «мартовцев» дал старт путчам в других провинциях. В середине апреля в Гуанчжоу путчисты расстреляли свыше двух тысяч человек. По стране гулял лозунг «Убей коммуниста!». Коммунисты повсеместно подвергались пыткам и уничтожению. Чан Кайши буквально утопил в крови суньятсеновскую революцию.

Чан Кайши сформировал в Нанкине новое, «свое» правительство. Была запрещена компартия. Профсоюзы и другие демократические организации ставились вне закона, к ним применялся жестокий террор. С середины 1927 года гоминьдан, начинавшаяся как партия национального освобождения, окончательно превратилась в партию национального предательства. Уханьское правительство, как ни старалось, совладать с Чан Кайши оказалось не в силах.

В этих условиях наши советники не могли больше оставаться в Китае. Как ни тяжело, но пришлось признать, что достигнутые завоевания китайского народа, его успехи в борьбе за национальную свободу и независимость в результате предательства кучки руководителей гоминьдана сведены к нулю.

К концу лета 1927 года Блюхер разболелся. Он выглядел подавленным морально и совершенно истощенным физически. Опять мучили старые раны и фотодерматит, перешедший в себорейную экзему, которая покрыла его голову и лицо розово-желтыми нестерпимо свербящими пятнами.

Но вопреки всему он считал, что пребывание в Китае как его самого, так и возглавляемых им военных советников в течение почти трех лет сыграло важнейшую роль в китайской революции. Вклад в создание Национально-революционной армии и в достижение этой армией блестящих побед, особенно в Великом Северном походе против китайских милитаристов, никому не отнять.

Действительно, успехи НРА напрямую связывали прежде всего с именем Блюхера-Галина не только в самом Китае, но и далеко за его пределами. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, работавший в 1926–1927 годах в Китае, свидетельствовал: «Помню, как всполошились французские журналисты, обнаружив, что у Сунь Ятсена основным советником по военным вопросам является некий человек плотного телосложения, с постоянной улыбкой на явно европейском лице. Кто этот иностранец, дающий чрезвычайно квалифицированные рекомендации? Распространился слух, что он будто — отставной французский генерал Гален. Сотрудники генштаба Франции тщетно искали в своем военно-учетном столе личного состава такую фамилию и в ответ на вопросы журналистов лишь пожимали плечами. Тогда дотошные газетчики приступили к поискам с другого конца и докопались, что мифический француз — это не кто иной, как герой Гражданской войны в Советской России, приехавший в Китай по приглашению доктора Сунь Ятсена... Блюхер».

Народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, находясь в Китае, в сентябре 1927 года писал Сталину: «...С величайшим восторгом Евг. Чен^[43] отзывался о Галине, причем он сказал, что Чан Кайши и другие связанные с ним генералы, несмотря на все случившееся, относятся с величайшим уважением к т. Галину. Все признают, что именно он был главным инициатором превращения Южной армии из средневековой в модернизированную, он же был автором совершенно новой для Китая тактики южных армий, которая должна признаться образцовой.

Громадные успехи южных армий и их блестящая тактика, сначала при завоевании Гуандуня, а затем при движении на Янцзы, были совершенной неожиданностью для всех и для иностранцев, а это заслуга т. Галина».

Люди, хорошо знавшие Блюхера по совместной работе в Китае, оставили яркие воспоминания о нем.

М. Казанин: «Первое, что бросилось в глаза при встрече с Блюхером и осталось навсегда в сознании, — это, я бы сказал, его счастливая внешность и счастливая манера: перед вами стоял и с вами общался красивый, привлекательный, очень простой и в то же время очень сильный и сдержанный человек... Запоминался открытый взор серых глаз под темными густыми бровями. Были в нем крестьянская основательность и рабочая гордость... и те черты, что он перенял от лучшей части военной среды, — мужество, немногословие, быстрота суждения, неограниченное доверие к боевым товарищам, высокое представление о долге, чести, слове».

А. Хмелев: «Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение не встречалось овациями населения... Для китайского населения имя Галина стало нарицательным, теперь уже всех русских советников зовут Галиными».

Е. Аверин: «Авторитет себе Галин создал невероятно высокий. Наши советники говорят, что не проходит того дня, чтобы кто-либо из китайцев не спросил, где находится Галин, скоро ли он придет... Верили Галину китайцы абсолютно. Каждое его заявление по вопросам, касающимся военных действий, считается законом. Курьезно, что Галин умел выставить на фронт таких генералов, которые в течение всей жизни не вылезали из кабинета. К примеру, Тань Янькай никогда не бывал на фронте. Стоило только Галину сказать, что Тань Янькаю надо бы быть на фронте, как старик немедленно выехал».

Но было бы неверным считать, что Блюхеру в Китае работалось легко. Он постоянно пребывал в напряжении. Его окружала непростая среда: с одной стороны, неприязнь многих честолюбивых местных генералов, с другой — недоброжелатели, завистники, которых было немало среди советских советников, особенно в политическом аппарате Бородина.

В 90-х годах минувшего столетия в Центральном государственном архиве Советской армии были обнаружены ранее неизвестные материалы о китайском периоде деятельности Блюхера-Галина. Приведу отрывок из письма М. Г. Ефремова (бывшего военного советника в Китае, заместителя Блюхера; псевдоним Ефремова — Арнольд) наркому обороны Ворошилову:

«...Часто при таком весьма прочно организованном аппарате из своих людей Бородин^[44] крутит нами как хочет, несмотря на то, что мы — военнополитические работники — тянем самую тяжелую работу под ежеминутной опасностью. Вся эта публика — Теруни, Калачев, Синани, Тарханов^[45] — лакейничают перед Бородиным и ведут разведку среди нас, военных, а потом шепчут ему все, что захочется...

Тов. Сергеев, наш лучший герой-летчик, по-товарищески возмущаясь, передает, что т. Галин, будучи занятым, везет всю тяжесть на себе всего этого великого похода, сам не замечает, как к нему подсовывается вся вредная для нас бражка, которая часто роняет авторитет Блюхера... Все лавры побед приписывает Бородин себе и своим сотрудникам, и, конечно, Вы в Москве знаете как о главном двигателе — Бородине, тогда как главным двигающим действующим лицом является Блюхер с военными работниками, который каждую свою каплю сил и знаний, будучи не совсем здоровым (измотался на фронте), отдает победе НРА.

Фактически командует НРА ум Блюхера, а не главком Чан Кайши, каждый раз теряющийся в серьезной обстановке, как военной, так и политической.

Это голая правда, Климент Ефремович, когда-нибудь из других источников узнаете. А может, уже знаете от Карахана и др.».

Деятельность Блюхера в Китае была отмечена четвертым орденом Красного Знамени.

Но есть основание предполагать: Блюхер за работу в Китае награжден не одним, а двумя орденами. Пребывание в те годы в Китае советских работников было под большим секретом. Поэтому даже в приказах Реввоенсовета Республики формулировки настолько вуалировались, что совершенно невозможно понять, за какие заслуги отмечен человек. К периоду работы Блюхера в Китае относятся приказы РВСР № 664 и № 25/2 от 1927 и 1928 годов о награждении его орденом Красного Знамени. Два приказа, значит — и две награды. Однако Блюхер получил только один орден. Как вспоминала Г. Л. Безверхова-Блюхер, ее муж говорил, что за Китай у него два «Красного Знамени», но один орден «где-то заплутал».

В Центральном государственном архиве Советской армии есть протокол Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) за номером 7 от 15 декабря 1926 года о представлении Блюхера В. К. к ордену Красного Знамени, а также секретная поздравительная телеграмма наркома обороны Ворошилова: «Ханькоу. Бородину. Галину. 24 декабря 1926 г. Инстанция наградила вас, Галина и Бородина, орденом Красного Знамени, сердечно поздравляю. Прошу предоставить список инструкторов, советников, заслуживающих награждения орденом Красного Знамени или другими наградами. Награждения орденами в прессе не сообщать. Мезенцев^[46]».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

В условиях кровавого террора против коммунистов и суньятсеновских сторонников, развязанного Чан Кайши, и разжигания ненависти к СССР советские советники не могли больше оставаться в Китае. С июня до августа 1927 года они жили на чемоданах, все знали: вот-вот поступит приказ покинуть страну.

По свидетельству Казанина, Блюхер и Галина Кольчугина выехали из Китая в числе самых последних сотрудников военной миссии.

В день перед отъездом Казанин зашел к Блюхеру попрощаться. Галина угощала чаем. Сидели в небольшой гостиной наверху. Дверь на веранду была открыта, было много света и воздуха, плетеная мебель усиливала впечатление легкости, даже невесомости. Блюхер был в белом костюме, мог показаться абсолютно светским человеком до тех пор, пока взгляд не падал случайно на его крепкие

рабочие руки. А она — сама женственность, глядела на мужа глазами откровенно влюбленной женщины...

Казанин обратился к Василию Константиновичу с просьбой разрешить ему поехать в Советский Союз не через Владивосток или Монголию — такой маршрут выбирали многие, а через Харбин: там жили его родные, должен подъехать брат, и будет нечто вроде семейного сбора. «Какие могут быть возражения?!» — удивился Блюхер. Потом он поинтересовался у Казанина, доволен ли тот расчетом, хватит ли ему денег на поездку. Казанин заверил: получил все, как положено, и денег хватит. Блюхер задержал его руку в своей руке, сказал: «Если вам нужно что-нибудь, пожалуйста, скажите, не стесняйтесь».

Больше Блюхера и Галину в Китае Казанин не видел. Позже узнал, что 11 августа они с Галиной отправились в Москву. Их сопровождал старый царский генерал Шалавин, которого Казанин однажды встретил в Наньчане. Это произошло в приемной штаба Блюхера. Там стоял длинный стол, накрытый к завтраку. За столом сидел подтянутый седеющий военный и с аппетитом ел овсяную кашу. В такой духоте есть горячую кашу было подвигом. А он, не довольствуясь этим, взял из миски три яйца всмятку и выпустил их на кашу. Затем все это полил консервированным молоком и густо посыпал сахаром. Казанин был загипнотизирован завидным аппетитом старого военного. Вскоре он узнал, что этот «оригинал» — генерал Шалавин, перешедший на советскую службу. Он возглавлял в Китае охрану Блюхера-Галина. Генерал буквально прикрывал собой Блюхера в кишевшем белогвардейцами городе; нельзя было найти более верного и преданного человека.

По приезде в Москву Блюхер сразу попал в руки врачей. Ему был поставлен диагноз: себорейная экзема, остро выраженная неврастения и гипертонический криз. Блюхер не соглашался на госпитализацию и просил оставить его на домашнем режиме.

Василий и Галина обосновались в столице в двухкомнатном номере гостиницы «Метрополь», почти каждый день у них бывали гости — сослуживцы по китайской миссии.

Казанин вспоминал: уже живя в Москве, он в один из зимних дней повстречался со своим другом Абрамсоном-Мазуриным, который работал ученым секретарем НИИ имени Сунь Ятсена, и тот поинтересовался у него, был ли он у Блюхера. Казанин ответил, что не был. «Зайди, — посоветовал Абрамсон, — мы уже навещали его».

Как-то вечером он с женой отправился к Блюхеру. Галина была одна, очень обрадовалась гостям. Через несколько минут пришел Блюхер с судками — он ходил за обедом. Разговорились, из беседы выяснилось, что нового назначения Василий Константинович еще не получил, но в «верхах» якобы поговаривают о возможном назначении его помощником или заместителем к кому-то из крупных военачальников. Блюхер ни к кому в заместители идти не хочет и просит направить его в Ленинград в 1-й стрелковый корпус, который он возглавлял до поездки в Китай. Наркомат обороны пока никакого решения не принял. Казанин рассказал, кто из бывших военных советников куда устроился на работу.

Блюхер посещал Наркомат обороны чуть ли не ежедневно. При его очередном разговоре с наркомом Ворошиловым о предстоящей службе тот сказал: «Отдыхай, Василий, служба от тебя никуда не денется. А пока зайди в лечотдел, там путевка тебе приготовлена».

В лечотделе предложили поехать продолжить лечение и одновременно отдохнуть на Кавказские Минеральные Воды — в Железноводск. Блюхер не возражал, тем более что это было полезно и для Галины, ждавшей ребенка.

Из Железноводска они вернулись в Москву с родившимся сыном Василием...

После Минеральных Вод Блюхер еще более полугодом проходил реабилитационный курс в домашних условиях. Постепенно отступила себорея, притихла неврастения. Но от бесполезного времяпрепровождения он стал «закисать»; беспокойная натура его жаждала деятельности.

Наконец, приказ состоялся: Блюхер, вопреки его желанию, получил назначение помощником И. Э. Якира^[47], командующего войсками Украинского военного округа.

УКРАИНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

Блюхер уезжал в Харьков^[48] без энтузиазма. Идти в помощники к Якиру ему, человеку самолюбивому, не хотелось. Да и Галина, хотя по рождению была харьковчанкой, ехать на Украину отказывалась. Она основательно встраивалась в московскую жизнь, поступила слушательницей на военный факультет Академии связи и параллельно преподавала китайский язык. К тому же Василию, за несколько дней до отъезда к новому месту службы, выделили квартиру на Чистых прудах. Галина была рада этому — у нее теперь есть настоящее жилье в столице! На семейном совете решили: она пока останется с маленьким сыном Василием в Москве.

Иона Эммануилович Якир с первых дней вступления Блюхера в должность помощника командующего войсками У ВО проявил к нему достойное уважение. Между ними установились искренне-доверительные отношения не только как между товарищами-единомышленниками по службе, но и просто как между добрыми друзьями. Василий Константинович часто бывал желанным гостем семьи Якиров. Для Сарры Лазаревны, жены Ионы Эммануиловича, и шестилетнего сына Якира Пети он вскоре стал своим человеком.

Однако дружба дружбой, а служебные дела требовали соблюдения субординации и проявления принципиальности. По характеру Якир и Блюхер были людьми разными: Иона — дипломатичный, мягкий, Василий — прямолинейный, жесткий.

Блюхер нередко ездил в соединения и части вместе с Якиром. У командующего округом была своеобразная манера изучать положение дел в войсках. Например, придет в дивизию, сначала обойдет казармы, поговорит с людьми, а уж потом приходит в кабинет комдива. Поздоровается, побеседует о работе, о питании красноармейцев, не забудет расспросить про семью и вдруг предлагает, как это было в 23-й дивизии:

— Вот что, товарищ Лукин (командир 23-й дивизии. — *Н. В.*), прикажите-ка доставить сюда пулемет.

И вот пулемет на столе комдива.

— А теперь, товарищ Лукин, пригласите сюда начальника штаба, что-то я забывать стал устройство «максима». Помогите-ка мне, пожалуйста, как вдвоем можно быстро разобрать и собрать пулемет, да расскажите, какие могут быть неисправности при стрельбе и как их устранять.

Командир и начальник штаба начинают объяснять, а Якир своими многочисленными вопросами прямо-таки вгоняет их в пот, а под конец благодарит:

— Спасибо вам. Теперь мне все ясно. Странное дело, до сих пор я не мог понять, почему у такого опытного командира дивизии неважнецки стреляют пулеметчики. — Минутная неловкая пауза заканчивается вопросом: — Как вы думаете, товарищ Лукин, ваши пулеметчики научатся лучше стрелять или нужна помощь штаба округа?

— Научатся, товарищ командующий. Обязательно научатся. Зачем беспокоить штаб округа, сами справимся.

— Вот и чудесно. Я тоже думаю, что сами справитесь. Через месяц заеду опять и побываем с вами на стрельбище. До свидания!

После такого урока командир дивизии и начальник штаба всю неделю трудятся, изучая «максим». Подготовившись, едут в полки и по примеру командующего проверяют, как знают пулемет и другое оружие командиры полков, батальонов, рот. И к следующему визиту Якира весь командный и политический состав дивизии уже знает оружие отлично.

Блюхер иногда тактично подшучивал над Якиром:

— Ну вы — Суворов... Прямо настоящий генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Это ведь его стиль подхода к подчиненным...

Как-то в конце весны 1929 года Якир приболел и был вынужден поехать для лечения за границу. Обязанности командующего войсками округа принял на себя Блюхер.

В это время по плану штаба округа в войсках проводились инспекторские стрельбы. В ходе их inspectирующий комкор И. К. Грязнов вскрыл в 44-й стрелковой дивизии факт очковтирательства. Об этом немедленно доложили Блюхеру. Василий Константинович прибыл на стрельбище и был страшно возмущен происшедшим. Он издал приказ по войскам КВО, в котором осудил 44-ю дивизию за очковтирательство. Дивизией командовал герой Гражданской войны Казимир Францевич Квятек. Блюхер отстранил его от должности, дав тем самым понять, что обман никому не может быть прощен.

Случай из ряда вон выходящий. Вернушемуся с лечения Якиру сразу же доложили об этом. Иона Эммануилович похвалил Блюхера и работников штаба округа за проявленную непримиримость, но Василию Константиновичу все же указал, что реагировать нужно было несколько иначе:

— Вы обвинили в нечестности целое соединение. Правильно ли это? Не совсем. Виноваты ведь отдельные люди, а вы наложили пятно на всю дивизию, имеющую славное боевое прошлое. Правого и виноватого различать нужно. Уверены ли вы, что к этому позорному случаю причастны товарищ Квятек, комиссар дивизии, партийная организация, комсомольцы?

С одной стороны, Якиру не хотелось ущемлять самолюбие своего заместителя, с другой — надо было исправить ошибку. Как поступить?

Командующий объявил результаты стрельб недействительными, вызвал из Винницы опытного командира дивизии Даненберга и приказал ему со всей строгостью, без всяких скидок, но объективно произвести проверку 44-й дивизии по той же программе. Вскоре Даненберг доложил, что части дивизии всю программу выполнили хорошо.

Якир вернул Квятека на должность и восстановил доброе имя дивизии, выразив надежду, что ее личный состав впредь не потерпит в своих рядах тех, кто нечестно относится к службе.

Блюхер чувствовал себя неловко, но спокойно проглотил пилюлю. Несколько работников штаба округа, в их числе начальник политического управления Лаврентьев и комкор Грязнов, остались недовольны разрешением Якиром этого вопроса, посчитав, что командующий допустил либерализм. Они разделяли позицию Блюхера.

На стороне Якира были член Военного совета Кучмин, начальник оперативного отдела Ивановский и другие. Особенно горячую поддержку командующему оказал начальник штаба Лебедев. Он выступил на совещании окружного комсостава с яркой речью в защиту Ионы Эммануиловича, который восстановил справедливость в отношении 44-й дивизии. Павел Павлович Лебедев, генерал-майор старой русской армии, перешедший на сторону советской власти, не так давно служил под началом Якира, но относился к нему с глубоким уважением и всячески поддерживал его авторитет.

Пока Блюхер находился на Украине, Галина с сыном безвыездно жила в Москве. Ее опекали, о ней заботились сослуживцы Василия Константиновича, коллеги по академии, а также ее подруги — Зоя Дубасова, сблизившаяся с Галиной во время работы в Китае, Лидия Багуцкая, Екатерина Бакулина и другие.

В УВО Блюхер проработал до августа 1929 года, затем ему было предложено возглавить организовывавшуюся на Дальнем Востоке Особую Дальневосточную армию.

Из-за загруженности по службе Блюхер редко приезжал из Харькова в Москву, а теперь, с переводом его на Дальний Восток, встречи с семьей стали еще реже.

Долгая разлука не могла не сказаться на семейных отношениях Василия и Галины. В 1931-м и в начале 1932 года Галина периодически приезжала в Хабаровск к мужу, но со временем поняла: их чувства охладели.

Кольчугина была жизнерадостной, общительной женщиной, поэтому в ее квартире на Чистых прудах частыми гостями были писатели, поэты, дипломаты, сотрудники Коминтерна, военные. Хотя между Галиной и Блюхером супружеские отношения были разорваны, Василий продолжал навещать бывшую жену. В его квартире на Чистых прудах, приезжая в Москву, всегда останавливались сослуживцы — Фельдман, Гулин, Слинкин, Крутов и младший брат Блюхера Павел со своей женой Лидией Багуцкой. Багуцкая была ближайшей подругой Галины — в свое время именно она познакомила ее с Павлом.

Блюхера тянуло на Чистые пруды. Тянуло потому, что там жил его сын. И кроме этого, общаться с Галиной ему по-прежнему было интересно.

КВЖД

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена в 1904 году. Общая протяженность главных путей — 1727 километров. На 1 января 1928 года на дороге насчитывалось 513 паровозов, 11 259 товарных и 714 пассажирских вагонов. На КВЖД работало более 30 тысяч человек. В 1927 году по дороге было перевезено около пяти миллионов тонн грузов; в 1928 году только транзитных пассажиров свыше шести тысяч.

Идея ее строительства возникла в связи с сооружением Великого Сибирского железнодорожного пути. Нужен был вывод железной дороги к морю: либо по северному берегу Амура, либо напрямую через Маньчжурию. Второй вариант сокращал протяженность дороги более чем на 600 километров и был значительно дешевле.

Дорогу начали строить в 1897 году, и через семь лет она была готова для эксплуатации. КВЖД российской казне обошлась в 460 миллионов рублей.

После Октябрьской революции законный владелец дороги — Советская Россия — под давлением США и Франции утратила на КВЖД часть своих прав. Дорога переходила под охрану китайских войск. США расположили свои войска в Харбине, а японцы — на станции Маньчжурия. Дорога использовалась иностранными интервентами, вторгшимися в Сибирь. Французское, чехословацкое, японское и другие военные командования за перевозку по КВЖД воинских частей и грузов расплачивались бумажными обязательствами, которые не намеревались погашать.

Дорога управлялась советской администрацией, но это управление становилось все более формальным. Китайские власти самочинно установили порядок, по которому КВЖД должна была бесплатно перевозить и содержать китайские войска. Управляющий Иванов воспротивился этому, и тогда власти Китая пригрозили ему и всей его администрации арестом. В январе 1926 года свою угрозу они реализовали: в Харбине был арестован Иванов. Многих служащих администрации бросили в тюрьмы. Только твердая позиция советского правительства заставила отступить распоясавшихся китайских милитаристов. Управляющий и другие советские служащие были освобождены. Но провокации на КВЖД не прекратились и продолжались еще три года...

11 июня 1929 года радиостанции и газеты Советского Союза сообщили тревожные вести: китайские войска захватили Китайско-Восточную железную дорогу по всей линии. Телеграфная связь прервана, торговое представительство СССР, отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота закрыты и опечатаны. Управляющему КВЖД поставлен ультиматум: передать управление дорогой назначенному китайскими властями лицу. Когда, ссылаясь на договорные обязательства, управляющий отказался выполнить это наглое требование, он и его помощник были отстранены от исполнения своих обязанностей. В должность вступили китайские ставленники. Начальники служб тяги, движения и другие советские служащие были

изгнаны, их места заняли белогвардейцы. Профсоюзы и кооперативы служащих ликвидированы. Арестовано несколько сотен человек. Вдоль советской границы наблюдается сосредоточение маньчжурских войск.

Подогреваемые влиятельными силами США, Англии и других западных государств, враждебно настроенных к Советскому Союзу, власти Китая развернули ожесточенную пропагандистскую борьбу против Страны Советов.

Начались прямые военные провокации. 18 и 19 июля у поселка Турий Рог китайские солдаты перешли границу на реке Беленхэ, а в районе села Иман обстреляли дозоры пограничной охраны. 24 июля на реке Сунгари у деревни Зарубино китайцы открыли огонь по советскому торговому пароходу «Брянта». В тот же день канонерская лодка «Беднота», находившаяся в устье реки, подверглась интенсивному пулеметному обстрелу с китайской стороны.

Советское правительство заявляло решительные протесты, однако Китай на них не реагировал. Китайские власти вели себя нагло, уверовав в свою безнаказанность. Они надеялись на поддержку Запада, которая резко возросла после захвата КВЖД.

В течение лета северные провинции Китая были превращены в огромный плацдарм для нападения на Советский Союз. Правящая маньчжурская клика милитаристов развернула антикоммунистическую кампанию. Маршал Чжан Сюэлян со своими подручными в Мукдене угрожал нападением на СССР и обещал в пух и прах разбить Красную армию.

Угроза для нашей страны существовала и на западных границах, но советское правительство видело: на Дальнем Востоке белокитайская военщина может развязать серьезный широкомасштабный вооруженный конфликт в самое ближайшее время. Поэтому нужно было срочно принять необходимые меры.

6 августа 1929 года был издан приказ РВС СССР, в котором говорилось: «1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование „Особая Дальневосточная армия“. 2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера. 3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей».

Выбор Блюхера командующим советскими вооруженными силами в этом отдаленном от центра России районе ни в Наркомате обороны, ни в дальневосточных войсках в тогдашних условиях не вызывал сомнения. Кому как не краснознаменцу номер один, герою Перекопа и Волочаевки, «китайскому» генералу Галину доверить руководство ОДВА.

За рубежом появление Блюхера на Дальнем Востоке вызвало шок. Английский журнал «Чайна ревью» писал, что одним из наиболее резких контрастов в нынешнем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галин. Создается положение, которое может оказаться небывалым в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящим деятелем в армии враждебного государства и с безукоризненным знанием сил противника.

К границам Советского Союза из глубины Китая непрерывно шли подкрепления. Зашевелились белогвардейцы — семеновцы, хорватовцы, калмыковцы и прочие, которые в свое время бежали из Советской России: они хотели взять реванш за прошлое, приняв участие в новом походе на Советы.

Китайская сторона располагала почти 300-тысячной армией и еще белогвардейскими формированиями в 70 тысяч человек. Вся эта армада была сосредоточена на важных стратегических направлениях: в районах станций Маньчжурия, Чжайланор, Хайлар, Цицикар; на благовещенской линии — в устье реки Сунгари (Лахасусу, Фугдин) и в Приморье.

В сентябре провокации на границе участились и стали носить более агрессивный характер. Блюхер ежедневно докладывал о них в центр. 9 сентября Наркомат иностранных дел СССР направил ноту Китаю, вновь обратив самое серьезное внимание нанкинских и мукденских правительств на тяжелые последствия, которые могут иметь место в случае новых провокационных действий со стороны китайских войск и поддерживаемых ими белогвардейцев.

И на этот раз заявление советского правительства китайские власти не приняли во внимание.

Небольшой китайский город Лахасусу (он стоит на слиянии Сунгари с Амуром) белокитайцы превратили в базу для систематических нападений на советскую территорию. 22-тысячный гарнизон Лахасусу имел на вооружении артиллерию, бомбометы, пулеметы и, главное, поддерживался базировавшейся у городского берега Сунгарийской флотилией. Флотилия состояла из трех канонерских лодок, легкого крейсера, четырех вооруженных пароходов и нескольких железных барж с пушками и пулеметами. Благодаря флотилии китайцы могли быстро перебрасывать войска от Харбина к устью Сунгари, а также в случае необходимости оказывать мощную артиллерийскую поддержку наземным частям гарнизона.

В устье Сунгари ставились мины, их нередко срывало с якорей ветром, и они дрейфовали в Амур. Кроме того, с базы специально запускались плавучие мины, которые создавали громадную опасность для советского судоходства по Амуру.

С Лахасусу постоянно совершались враждебные вылазки. 10 октября, например, в районе Польнь — Масляный Завод китайцы захватили плоты с лесом, предназначенным для строительства красноармейских казарм. Вечером того же дня советский катер «Пика» подвергся нападению со стороны китайской канонерской лодки. А 11 октября вся Сунгарийская флотилия неожиданно приняла боевой порядок против наших военных судов, стоящих на Амуре. Советские корабли, не оказав сопротивления, отошли.

Руководство СССР все время заявляло, что конфликт с Китаем будет решать только мирным путем. Командирам и бойцам ОДВА давались строжайшие указания ни в коем случае не отвечать огнем на провокации. Выдержка и еще раз выдержка, неоднократно подчеркивал Блюхер, выступая перед красноармейцами. В одном из приказов по войскам армии он писал: «Враждебные действия противной стороны нельзя рассматривать иначе, как сознательную провокацию. По-видимому, они замышляют нечто большее, чем творимое на КВЖД и налеты на границу... Я призываю всех к величайшей бдительности. Еще раз заявляю, что наше правительство в данном конфликте придерживается неизменной политики мира и принимает все зависящие от него меры к разрешению его мирным путем.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допуская впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков».

Видимо, захват китайцами плотов с лесом и нападение Сунгарийской флотилии на советские военные суда на Амуре, по мнению Блюхера, стали тем исключительным случаем, когда можно в полной мере применить оружие в целях собственной самообороны. Командарм отдал приказ: 12 октября уничтожить китайскую Сунгарийскую флотилию и разрушить оборонительные сооружения в районе города Лахасусу.

Сунгарийская операция была разработана не за один день, она готовилась заранее. Главным автором ее был Блюхер, соавторами начальник штаба ОДВА А. Я. Лапин (Лапильш), командующий Амурской флотилией Я. И. Озолин (Озолин), командир 2-й Приамурской стрелковой дивизии И. А. Онуфриев и авиатор Э. П. Карклин.

Общая численность привлекаемых к операции сил составляла 1117 человек пехоты, авиация имела 15 бомбардировщиков и 6 гидросамолетов, Амурская флотилия располагала 8 боевыми кораблями.

Что касается белокитайских сил, то по людскому составу они превосходили наши войска почти в двадцать раз.

Общее руководство операцией возлагалось на Лапина.

На рассвете 12 октября корабли Амурской речной флотилии с десантными полками 2-й Приамурской дивизии направились к устью Сунгари. При подходе к устью корабельная артиллерия открыла по противнику шквальный огонь. Затем самолеты 40-й бомбардировочной эскадрильи и 68-й гидроэскадрильи под командованием Карклина провели бомбометание по китайским судам и Лахасусу. Удары были внезапными и сокрушительными. Командоры флотилии и летчики потопили четыре боевых корабля и четыре баржи с военным имуществом противника, подавили береговые огневые точки. Канонерская лодка «Красный бурят» и минный заградитель «Сильный» высадили 5-й и 6-й стрелковые полки. Красноармейцы стремительно атаковали город...

К полудню Лапин донес Блюхеру: Лахасусу взят, остатки разбитых белокитайских частей во главе с адмиралом Шеном бежали в Фугдин; укрепленные позиции противника разрушены; трофеи — 5 барж, 10 орудий, 13 бомбометов, 10 пулеметов; китайцы потеряли убитыми 200 солдат и офицеров, 150 попали в плен; наши потери — 5 человек.

Через три дня войска ОДВА, принимавшие участие в операции, погрузились на корабли и вернулись на свою территорию.

Укрывшийся в Фугдине адмирал Шен не успокоился. Обстрелы и нападения на советскую территорию продолжались. Из Харбина в Фугдин прибывало подкрепление, город серьезно укреплялся. Разгромленная база Лахасусу была вновь занята китайцами. И Блюхер решает провести вторую операцию по разгрому гарнизонов противника вдоль Сунгари от Лахасусу до Фугдина и уничтожению остатков Сунгарийской флотилии.

Руководить операцией Блюхер поручил командующему Амурской флотилией Озолину.

29 октября десантные отряды 2-й Приамурской дивизии погрузились на суда и двинулись к Сунгари. На рейд Лахасусу вошли без боя, белокитайцы бежали в сопки. Десант продолжил движение вверх по Сунгари. Сутки спустя корабли Амурской флотилии были у Фугдина. Противник, подготовившийся к обороне, открыл сильный огонь, однако корабельные пушки быстро заставили китайцев замолчать. Подоспевшая авиация потопила все суда Сунгарийской флотилии.

Штурмовать город в лоб красноармейцы не стали, это привело бы к большим потерям. Были проведены стремительные обходные маневры. В результате трехчасового боя части китайского гарнизона отступили, оставив Фугдин.

2 ноября Амурская военная флотилия вернулась в Хабаровск.

Озолин доложил Блюхеру: «В ходе операции разгромлено осиное гнездо приамурской контрреволюции, уничтожены береговые укрепления противника, полностью разбита и потоплена Сунгарийская флотилия».

4 ноября американский посланник в Китае отправил в Вашингтон донесение, в котором указывал, что рейд Советов на Фугдин произвел удручающее впечатление на китайские круги, вызвал панические настроения в Харбине. По его мнению, русские, когда встанет Амур, предпримут новое, «более грандиозное наступление».

Разгром белокитайцев под Лахасусу и Фугдином обеспечил спокойствие на Амуре. А вот на границах Приморья и Забайкалья поиски китайцев не только не прекращались, а, наоборот, усиливались.

Операции под Лахасусу и Фугдином были проведены безупречно; они продемонстрировали великолепные боевые качества недавно созданной Блюхером армии. Китайцы были шокированы военной мощью красных. Превентивные ответные удары ОДВА на их систематические провокации они восприняли как начало войны Советского Союза против Китая.

Намерения начать большую войну с Китаем советское правительство не имело. Но преподать суровый урок зарвавшимся милитаристам было необходимо, чтобы надолго отбить у них желание посягать на границы СССР.

В ноябре в сообщениях ТАСС советское правительство всецело оправдало решительные жесткие действия командования Особой Дальневосточной армии. Китай принудил ОДВА принять контрмеры по защите наших границ и для обеспечения охраны пограничного населения и нашего тыла.

ДАЕШЬ ОТПОР!

Ударил морозы, лед сковал приграничные реки, естественные преграды исчезали, и китайская военщина резко активизировалась. Блюхер имел достоверные данные о готовящемся большом наступлении белокитайцев. Они жаждали поквитаться с Красной армией за сунгарийские поражения. Командование мукденских войск планировало предпринять две крупные операции: в Приморье — в районе Мишань-фу — и в Забайкалье.

Штаб ОДВА по приказу Блюхера срочно разрабатывает ответные меры. У приморской границы сосредоточивается сводная группа войск (1-я Тихоокеанская дивизия А. И. Черепанова, 9-я Отдельная кавалерийская бригада Д. А. Вайнерха, другие части и подразделения) под командованием Лапина. Одновременно в Забайкалье приводится в боевую готовность Забайкальская группа под командованием комкора С. С. Вострецова.

Чжалайнор-Маньчжурское направление к началу ноября стало наиболее опасным. Сюда белокитайцы стянули шесть пехотных бригад, кавдивизию, два бронепоезда, саперные и другие технические подразделения, а также несколько отрядов, сформированных из русских белогвардейцев. В целом эта группировка, возглавляемая генерал-лейтенантом Лян Чжуцзяном, насчитывала около 60 тысяч штыков и сабель. Лян хвастливо заявлял: он не сомневается в том, что разобьет войска цзян-цзюня Галина и дойдет до Читы...

Войскам Лян Чжуцзяна противостояли две стрелковые дивизии, кавбригада, кавдивизион, артиллерийский дивизион, саперный батальон, танковая рота, железнодорожная рота, три бронепоезда и легкобомбардировочная эскадрилья. В резерве, в читинском лагере, находилась 21-я Пермская стрелковая дивизия. Но она не была отмобилизована и содержалась по штатам (в большинстве сокращенным) мирного времени.

Части Забайкальской группы располагались в районе станиц Даурия, Борзя, Абагайтуевская и отслеживали все перемещения китайцев вдоль нашей границы.

Всё говорило о том, что китайцы вот-вот совершат нападение.

В середине ноября в Забайкалье прибыли командарм Блюхер и член РВС Н. Е. Доненко с готовым планом нанесения упреждающего удара по группировке Лян Чжуцзяна. План сводился к следующему: надежно прикрывая главными силами Читу, предпринять глубокий обходный маневр, прорваться севернее Маньчжурии к городу Чжалайнор, рассечь войска противника и уничтожить их по частям.

Обходный маневр, по замыслу Блюхера, должны совершить мобильные силы: 35-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада и Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион. В центре фронта сдерживать противника должны 36-я Забайкальская и 21-я Пермская стрелковые дивизии.

16 ноября китайские войска при поддержке артиллерии попытались напасть на станицу Абагайтуевскую и разъезд № 86. Это стало официальным поводом для ответных боевых действий советской стороны. По войскам Дальневосточной армии прокатился клич: «Даешь отпор!»

Операция началась в ночь на 17 ноября 1929 года. О ней рассказал в своих воспоминаниях участник Чжалайнор-Маньчжурской операции командир артиллерийской батареи 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады Г. И. Хетагуров.

Их бригада (командир К. К. Рокоссовский) под покровом темноты вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега Аргуни в тыл Чжалайнорской группировке противника. Стоял крепкий мороз, дул сильный встречный ветер. Даже полушубки не согревали людей.

Километрах в семи от Абагайтуевской бригада остановилась; необходимо еще раз проверить, как подготовлены кубанцы к бесшумной переправе по льду через Аргунь. Перед операцией войскам мобильной группы был объявлен приказ командарма о соблюдении величайшей скрытности сосредоточения и выдвижения на исходные позиции. Красноармейцам предписывалось подогнать снаряжение, не допускать шума, категорически запрещалось курение на марше. Колеса повозок и орудий рекомендовалось обмотать матерчатыми жгутами, дно и бока зарядных ящиков и патронных дуколов выложить войлоком, все железные соединения конской сбруи обернуть тряпками.

С восходом солнца передовые эскадроны бригады достигли железной дороги Чжалайнор — Харбин. Со стороны Чжалайнора появился поезд. Артиллеристы Хетагурова подбили паровоз, поезд остановился, из вагонов в панике высыпали солдаты и офицеры. Беспорядочно стреляя, они бросились в разные стороны. Их настигали конники, рубили саблями; лишь несколько человек сдались в плен. В числе сдавшихся в плен оказался и генерал, судорожно прижимавший к груди пухлый портфель. Генерала привели к Рокоссовскому, допросили. В результате допроса, а также из документов, содержащихся в портфеле, были получены весьма ценные данные о противнике.

Перевалив через железную дорогу, части кавбригады атаковали тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Чжалайнорский узел. Пехотинцы не выдержали натиска кубанцев, побежали. Им на выручку поспешила китайская и белогвардейская кавалерия. В кровавой рубке схлестнулись красные и белые конники. Большие потери несли обе сражавшиеся стороны. И все-таки кубанцы выиграли бой.

5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада со своей задачей справилась: обойдя Чжалайнор, она отрезала китайские войска от Хайлара.

Перед 36-й Сибирской дивизией стояла задача овладеть Чжалайнором с фронта. Подступы к Чжалайнорскому укрепрайону были непростыми. Между реками Аргунь и Мутная Протока долины были залиты осенними дождями, и теперь, когда ударили морозы, превратились в ледяные поля. Это благоприятствовало обороняющимся, а тем, кто наступал, создавало большие трудности.

Уже с первых часов завязавшиеся бои обрели ожесточенный характер. Цепи полков 36-й дивизии, несмотря на упорное сопротивление противника, неотвратимо давили на его позиции. Укрывшись в блиндажах, белокуитайцы сражались отчаянно и даже после занятия красноармейцами окопов продолжали драться.

К исходу 17 ноября дивизия, почти целиком уничтожив 14-й китайский полк, вплотную приблизилась к Чжалайнору, но овладеть городом не смогла.

Ранним утром авиаразведка обнаружила крупные силы белокуитайских войск, двигавшиеся от станции Цаган к осажденному Чжалайнорскому гарнизону. Блюхер реагирует быстро и жестко: он приказывает Вострецову поставить плотный огневой заслон подкреплению из Цагана и к 12 часам взять Чжалайнор.

Приказ командарма Забайкальская группа выполнила точно и в срок. Мощной артподготовкой цаганское подкрепление белокуитайцев было остановлено. Одновременным штурмом 36-й стрелковой дивизии и подошедшими полками 35-й стрелковой дивизии Чжалайнор к середине дня был захвачен. Остатки гарнизона попытались вырваться, но за городской чертой попали под клинки Кубанской кавбригады.

Захват Чжалайнора был первым этапом операции. Второй этап — Маньчжурия.

36-я дивизия вышла на южный участок Маньчжурского узла и соединилась с частями 21-й Пермской дивизии, блокировавшими укрепленный район с запада. Чжалайнор-Маньчжурская группировка оказалась в окружении войск ОДВА, ей окончательно были отрезаны все пути для отхода. Чтобы избежать напрасного кровопролития, командир Вострецов предъявил окруженным частям ультиматум о безоговорочной капитуляции. Командующий белокитайскими войсками Лян Чжуцзян капитулировать отказался.

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. На передовые линии наступающих войск выехали Блюхер и член РВС Доненко. Слух об этом моментально разнесся по фронту. Позже командир 35-й дивизии П. С. Иванов вспоминал о том, какое огромное влияние оказало на красноармейцев присутствие на поле боя командарма и члена РВС. Находясь в наиболее ответственных местах развертывающихся под Маньчжурией сражений, они нередко брали на себя руководство конкретным боем. Непосредственная живая связь с бойцами в значительной мере усиливала боевой дух подразделений и содействовала успеху.

Красные полки вновь штурмовали сильно укрепленные позиции. Здесь по рекомендации командарма, как под Перекопом и Волочаевкой, успешно применялся его метод прорыва обороны противника волнообразными атаками. Первый эшелон атакующих цепей занимал окопы переднего края, забрасывал гранатами блиндажи и, не задерживаясь, шел вперед в глубь обороны. Очистка блиндажей от вражеских солдат, подавление локальных очагов сопротивления производились вторым и третьим эшелонами.

108-й Белорецкий полк 36-й дивизии преодолевал наиболее укрепленную полосу китайской обороны. Неся большие потери, батальоны никак не могли пробить эту «проклятую полосу»: сказывалось пятикратное численное превосходство обороняющейся стороны. И тогда на этот участок была направлена единственная в Забайкальской группе рота танков МС-1. Появление на поле боя танков вызвало у противника панику. Командир 108-го полка отмечал потом, что танки оказали бойцам неоценимую боевую и особенно моральную поддержку. Своим появлением и огнем они вносили деморализацию в ряды противника. С помощью танков полк наконец опрокинул врага и ворвался на окраину станции Маньчжурия.

Утром многочисленные отряды китайской конницы и пехоты хлынули из города Маньчжурия на юг. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Кубанская кавалерийская бригада и Бурят-Монгольский кавдивизион с шашками наголо кинулись на прорывающихся китайцев. Поле покрылось телами убитых и раненых...

Части 36-й Сибирской и 21-й Пермской дивизий вошли в город. Гарнизон сдался. В плен попал весь штаб Чжалайнор-Маньчжурской группировки во главе с Лян Чжуцзяном.

К исходу 20 ноября Блюхер телеграфировал в Реввоенсовет Республики: «Чжалайнор занят 18 ноября, Маньчжурия — 20-го... Противник упорно сопротивлялся... Разгромлены полностью 15-я и 17-я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше 8 тысяч пленных... Захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около полутора тысяч.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжение и прочее.

Наши потери: убитых — 123 человека, раненых — 605 человек...

Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм».

Войска Забайкальской группы ОДВА в последующие дни овладели станцией Цаган и городом Хайлар.

К этому времени сводная группа Лапина разгромила в Приморье гарнизон Мишань-фу. Были захвачены штабы 1-й Мукденской кавалерийской дивизии и 1-й стрелковой бригады. В боях было уничтожено более тысячи белокитайцев.

Бесславный финал враждебных происков, проводимых правящими кругами Китая против СССР, заставил мукденское и нанкинское правительства пойти в конфликте с КВЖД на попятную.

Маньчжурский правитель маршал Чжан Сюэлян обратился к советским властям с предложением срочно начать переговоры об урегулировании советско-китайского конфликта. 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского протокола о восстановлении положения на КВЖД. Согласно протоколу все без исключения советские граждане, арестованные китайскими властями после 1 мая 1929 года и в связи с конфликтом, немедленно освобождались. Рабочим и служащим, уволенным с дороги, предоставлялось право вернуться на занимаемые ими до увольнения должности. Советское правительство соглашалось, в свою очередь, освободить арестованных в связи с конфликтом китайских граждан и интернированных китайских солдат и офицеров. Возобновлялись консульские отношения. На границах Китая и СССР восстанавливалось мирное положение. Китайские власти дали обязательство разоружить русские белогвардейские отряды. Войска обеих сторон отзывались на свои места дислокации.

Боевые успехи молодой Особой Дальневосточной армии были по достоинству отмечены высокими наградами страны. ОДВА за доблестные действия по защите Родины была награждена орденом Красного Знамени и отныне именовалась Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Ордена Красного Знамени удостоились свыше 500 командиров и красноармейцев, участвовавших в боях против белокитайцев.

Орденом Красного Знамени были награждены Доненко и Лапин.

Командующий Забайкальской группой войск Вострецов был отмечен Почетным революционным оружием.

В это время была учреждена новая государственная награда — орден Красной Звезды. Революционный Военный совет Союза ССР вошел во ВЦИК СССР с обращением: «Боевые успехи Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма были достигнуты под выдающимся и искусным руководством командующего этой армией товарища Блюхера Василия Константиновича. РВС СССР ходатайствует о награждении Блюхера орденом Красной Звезды».

В мае 1930 года Блюхер стал первым в Советском Союзе кавалером ордена Красной Звезды.

ОСОБАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

В долинах и на сопках Маньчжурии отгремели артиллерийские залпы, стихли пулеметные очереди. Больше не слышно боевого клича дальневосточных красноармейцев «Даешь отпор!». Но в войсках еще свежи воспоминания о минувших сражениях: бойцы и командиры обсуждали бои с белокитайцами во время конфликта на КВЖД.

Блюхер в конце 1929 года провел большой сбор командно-политического состава армии, на котором были подведены итоги советско-китайского вооруженного столкновения.

Командарм выступил с обстоятельным докладом. Он проанализировал действия каждой дивизии, бригады, отдельной части, конкретно отметил их удачи и промахи. Блюхер был строг и справедлив в оперативно-тактических оценках.

Затем он остановился на поучительном опыте действий объединенных сил во время операций на реке Сунгари и в Забайкалье. Блестящий успех Сунгарийской операции, считал Блюхер, — это результат слаженности и четкости взаимодействия флота, пехоты и авиации. Те же четкость, слаженность и абсолютное понимание общих целей представителей всех родов войск принесли победу и в Чжалайнор-Маньчжурской операции. Особо он выделил умелое маневрирование на поле боя кавалерии и пехоты. Глубокий обход конницей укрепленных позиций позволял при согласованных усилиях со стрелками брать в кольцо крупные войсковые соединения противника.

Блюхер был прекрасным аналитиком. Он мастерски разбирал любую проведенную операцию и извлекал из нее необходимый урок. При этом обязательно расставлял оценки сделанному: это — «хорошо», вот это — «очень хорошо», это — «отлично», а вот это сработано «плохо» и «очень плохо».

В заключение сбора Блюхер произнес короткую пламенную речь: «Родина дала высшую оценку нашей боевой работы — Особая Дальневосточная армия награждена орденом Красного Знамени... Так не пожалеем сил, приумножая боевое могущество Страны Советов. Будем всегда помнить: мы краснознаменцы, мы на границе, мы на линии огня. Лозунг „Даешь отпор!“ не снимайте с повестки дня. Отпор беспощадный, сокрушающий, на каждое нарушение наших рубежей, на каждую вражескую вылазку. Да здравствует отпор!»

Блюхер был отличным оратором, умел зажечь слушателей. И на этот раз он попал в точку. Буквально на следующий день его речь участники сбора разнесли по войскам. Не исключено, что под ее влиянием Александр Поморский написал песню, в которой были такие слова:

...И слушает страна настороженным ухом:
Враг точит нож и лезет на рожон.
И слушает страна — приказывает Блюхер:
Дивизия, в охрану, на кордон!
Стоим на страже
Всегда, всегда.
Но если скажет страна труда:
Винтовку в руки!
В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!

Эту маршевую песню в 30-е годы пела вся страна.

(ОКДВА) Особая Краснознаменная Дальневосточная армия — таково теперь было официальное название армии — переходила на рельсы мирной учебы. Получив на старте своего формирования боевое крещение, в организационном отношении она оставалась еще «сырой» военной организацией. Блюхер убедился в этом, когда в начале 1930 года совершил объезд войск армии, ознакомился с состоянием казарм, парков техники, проверил боеготовность. Соединения, отдельные части нуждались в упорядочении их структур, в обустройстве мест постоянного базирования, в укреплении грамотными, высококвалифицированными командными кадрами. Но первоочередной была, конечно, задача по совершенствованию боевой подготовки. Блюхер потребовал от командиров всех степеней резко усилить тактическую подготовку войск, больше проводить выходов в поле — совершать длительные марши в условиях горно-таежной местности, форсировать водные преграды, отбатывать боевое взаимодействие.

Константин Рокоссовский, бывший командир 5-й Кубанской бригады, писал о своем пребывании в ОКДВА: «С самым большим удовольствием вспоминаю службу... в Забайкалье, в Особой Дальневосточной армии. Хорошее было время». Он отмечал, что это было время напряженной, эффективной боевой учебы как бойцов, так и командиров, время поднятия порядка и дисциплины в частях. Полевые выходы чередовались с занятиями в городках, со строительством казарм, конюшен для лошадей. И вместе с тем всегда находились часы для отдыха личного состава. Например, он, заядлый охотник и рыболов, как бы ни был загружен работой, мог побродить в сопках с ружьем или посидеть с удочкой у речки.

В июне 1930 года открылся XVI съезд РКП (б), делегатом которого большевики Дальневосточного края избрали Блюхера. Участником партийных съездов он никогда еще не был, и это стало для него событием. В Москве он впервые близко увидел всех высших руководителей страны. И конечно же Сталина. Блюхер встречался с ним десять лет назад на Каховском плацдарме. Тогда Сталин был

членом РВС Юго-Западного фронта, а теперь он — вождь, генеральный секретарь ЦК партии, руководитель Советского Союза.

На съезде Блюхер оказался в центре внимания всех делегатов. От имени РККА^[49] ему было поручено приветствовать партийный форум.

На сцену Большого театра он поднялся с развернутым знаменем ОКДВА, со своими соратниками — героями недавних боев на КВЖД. Президиум и зал встали.

Председательствующий М. И. Калинин предоставил Блюхеру слово, всех попросил занять свои места, но делегаты не сели, стоя слушали речь командующего ОКДВА.

Блюхер говорил:

— Особая Дальневосточная армия, один из отрядов Рабоче-крестьянской Красной армии, была вынуждена показать: на страну строящегося социализма мировая буржуазия безнаказанно нападать не может...

Съезд аплодировал.

— Особая Дальневосточная армия не является по своим техническим качествам лучшей частью нашей Рабоче-крестьянской Красной армии. И пример Особой Дальневосточной армии, свидетелями которого мы были, говорит о том, что, если бы нам навязали войну на других фронтах, мы противнику сумели бы показать, что мы умеем защищать диктатуру рабочего класса и пролетарскую революцию с не меньшей настойчивостью, чем это сделала Особая Дальневосточная армия...

Гром аплодисментов.

— Позвольте заверить вас, что, если в будущем повторится новая попытка помешать нашему социалистическому строительству, попытка напасть на наши границы, Красная армия сможет с еще большей решительностью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью умереть за дело пролетариата, защищая наши границы.

И снова гром аплодисментов...

В перерыве к Блюхеру подошел Сталин.

— Хорошо выступили, товарищ Блюхер, — сказал он, пожимая ему руку, и добавил: — Вы искренний человек, я верю вам. — Затем предложил: — Где ваша делегация, давайте вместе на память сфотографируемся.

Блюхер всегда считал: чтобы работать слаженно, эффективно, нужно иметь сплоченную команду единомышленников, которой всецело доверяешь. И раньше, где бы он ни находился, какую бы командную должность ни занимал, и теперь, являясь командармом, он собирал вокруг себя преданных друзей. Бывший соратник Блюхера по Гражданской войне М. Д. Голубых говорил о нем: «Величие Василия Константиновича заключается не только в том, что он сам был способным человеком, но и в том, что своими способностями он не подавлял своих товарищей, а ценил их мнение, уважительно относился к ним, не сковывал их инициативу. Этим он покорял сердца... Судите сами: я работал с Василием Константиновичем в 1917 году в Челябинске, работал в его штабе в партизанском отряде, в штабе 30-й дивизии, в штабе 51-й дивизии. Никакой отдел кадров меня не перебрасывал, никто не переводил... Переводил меня Василий Константинович...»

В разное время на различные командные должности в ОКДВА по просьбе Блюхера были назначены его старые сослуживцы: Я. К. Берзин, И. К. Грязнов, М. Г. Ефремов, М. В. Калмыков, Б. К. Колчигин, А. Я. Лапин, Я. З. Покус, М. В. Сангурский, Г. Д. Хаханьян и многие другие.

Расставляя на ключевые посты в армии надежных людей, Блюхер начал реорганизацию частей и соединений. Он обратился к наркому обороны с предложением изменить структуру и состав Забайкальской группы войск с целью ее усиления.

В 1931 году Япония вторглась в Маньчжурию, создав серьезную угрозу советским дальневосточным границам. Самурайская верхушка готовилась к войне против Советского Союза. Сооружались аэродромы, строились военные городки, создавались укрепленные районы. Японцы нарушали границу, стремясь забросить в наш тыл шпионов и диверсантов; проводили многочисленные провокации на КВЖД. В японской печати раздавались призывы к нападению на СССР, военное ведомство издало специальные карты «великой Японской империи».

После Второй мировой войны были опубликованы секретные документы из архивов высших ведомств Токио. В одном из таких документов японский военный атташе в Москве Касахара писал в 1931 году генеральному штабу в Токио: «Если Япония намеревается существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать — рано или поздно — столкновения с СССР...» И далее: «Нам нужно будет осуществить продвижение, по меньшей мере, до Байкала. В том случае, если мы остановимся на байкальской линии, Япония должна будет рассматривать оккупированный Дальневосточный край как часть владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена».

В этих условиях укрепление ОКДВА на Забайкальском военном театре было совершенно оправданным. К апрелю 1932 года Забайкальская группа войск возросла почти втрое. В нее вошли 9-й стрелковый корпус, 57-я и 36-я Забайкальская стрелковые дивизии, 15-я кавалерийская дивизия (бывшая 5-я Кубанская бригада), 22-я кавалерийская дивизия, Бурят-Монгольская кавалерийская бригада (бывший Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион), танковая бригада, авиационные и другие части. Командующим группой стал комкор Б. С. Горбачев, затем И. К. Грязнов.

Укреплялось и приморское направление. Здесь формировались территориальные части вдоль линии границы.

Весной 1932 года газета ОКДВА «Тревога» опубликовала приказ командарма Блюхера, в котором были поставлены задачи боевой и политической подготовки на предстоящее лето.

«Обостренная международная обстановка и явная подготовка империалистов к войне против СССР, — говорилось в нем, — требуют от нас неослабной бдительности и постоянной боевой готовности. Поэтому задача подготовки к летнему периоду должна быть нами выполнена организованно и в максимально короткий срок.

Сейчас же необходимо подвести итоги большой проделанной нами работы, отметить достижения, выявить недочеты, которые еще имеют место в боевой подготовке, всеми мероприятиями добиться полной ликвидации этих недочетов, в первую очередь в стрелковой подготовке начсостава, чтобы зимнюю учебу закончить с полным успехом и подготовленными вступить в летний период обучения.

Опыт показывает, что своевременно и успешно начинают летнюю учебу те части, которые хорошо продумали, материально своевременно обеспечили и выполнили план подготовки к летнему периоду.

А там, где все это не додумано до конца и до мелочей, где господствует расчет на самотек, — там мы наблюдаем опоздание в выполнении плана подготовки материальной части, большое отвлечение бойцов на оборудование лагерей и на другие работы; в результате — запоздание, неорганизованное начало летней учебы».

В качестве первой задачи Блюхер требует в совершенстве овладеть техникой. Овладеть этой техникой для общевойскового командира — значит достигнуть высокого умения в организации взаимодействия войск, насыщенных новыми техническими средствами. Этого можно добиться только на основе практического освоения расчетных данных, определяющих тактические возможности технических средств.

К этим требованиям необходимо прибавить безукоризненное овладение техникой штабной службы, навыками организации и руководства боевой подготовкой войск. Эта задача должна пронизывать все тактические учения, всю тренировку частей во взаимодействии разных родов войск.

Вторая задача — отрядные учения. Эти учения, особенно летом, для начальствующего состава имеют своим главным назначением приобретение практических навыков применения технических средств борьбы. Поэтому командование должно принять все меры к тому, чтобы использование дорогостоящей материальной части было проведено на отрядных учениях с наибольшей эффективностью с точки зрения освоения ее начальствующим составом.

Одновременно от всего личного состава и особенно технических частей, подчеркивается в приказе командарма, нужно добиваться отличного знания новой материальной части, полного овладения искусством безаварийного вождения боевых машин в условиях сложных форм боя, трудной, лесисто-гористой, с ограниченной сетью дорог местности и при предельном отрыве от базы.

Третья задача — управление боем. Непременным условием полного выполнения центральной, решающей задачи — управление боем соединенных родов войск — является такая подготовка штабов, которая превратила бы их в действительные аппараты управления командования, четко, безотказно работающие и во всех отношениях в процессе всего боя обеспечивающие принятие и проведение в жизнь решений командира.

Важно, чтобы каждый командир и боец проникся серьезным отношением к выполнению своих служебных обязанностей. Необходимо изжить совершенно нетерпимое, наблюдающееся кое-где положение, когда на отрядных учениях целые группы людей слоняются без дела.

Четвертая задача — растить искусного стрелка. В летний период необходимо подготовить законченного самостоятельного волевого стрелка, умеющего вести меткий прицельный огонь в разнообразных условиях боевой обстановки по движущимся и появляющимся на короткий срок целям.

Весь комплекс боевой подготовки должен выковывать из начальствующего состава высококвалифицированного огневого начальника, грамотно и четко руководящего огнем своего подразделения, по-ворошиловски владеющего личным оружием и с требуемой полнотой освоившего сложные формы стрельб, массированных огневых средств...

Задачи, поставленные в приказе по боевой и политической подготовке на 1932 год, в последующем исполнялись неукоснительно. Блюхер вел жесткий контроль их выполнения как через своих помощников, так и сам лично.

Дважды Герой Советского Союза маршал Н. И. Крылов (в 30-е годы он был командиром стрелкового полка 1-й Тихоокеанской дивизии) вспоминал: «...Мы находились на тактических маневрах. Они проходили в Приморье, в трудных условиях (горно-лесистая местность, частые дожди). К нам прибыл В. К. Блюхер. Он интересовался нашим лагерным бытом, настроением командиров и бойцов, а затем неожиданно объявил тревогу. Под его руководством полк совершил 110-километровый марш и с ходу вступил в бой с „противником“... С поставленной задачей мы справились успешно. Подводя итоги, командарм сказал: „Вижу, что приказ мой по боевой и политической подготовке на лето выполняете“... Годы службы на Дальнем Востоке памяты для меня тем, что редкий день проходил у нас без тревог. Повышенная боевая готовность, подобная той, к которой привыкли пограничники, постепенно становилась в гарнизонах обычным состоянием».

И это правда. Различные комиссии из Центра отмечали, как значительно за два-три года после конфликта на КВЖД вырос уровень войск ОКДВА. Заслуга Блюхера в этом была несомненна.

Будущий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, служивший в ОКДВА начальником штаба, писал, что военачальник Блюхер во многом напоминал ему Уборевича. Он пользовался примерно теми же методами и приемами организации обучения войск, часто проводил оперативно-тактические учения, практиковал проведение военных игр в масштабе армии и соединений и нередко сам являлся их участником. Старался использовать любой повод, чтобы учить части и соединения, причем

отдавал предпочтение не теории в кабинете или на плацу, а практике, приближенной к боевой обстановке.

Как личность, он несколько отличался от Уборевича. Менее сухой, не столь резкий, чаще шутливый, Блюхер казался более доступным. Однако при близком знакомстве с ним оказывалось: эти отличия носили чисто внешний характер, а с деловой точки зрения они оба были высочайшими профессионалами. В целом Уборевич был чуть собраннее, пожалуй, чуть организованнее, Блюхер — человек более размашистый, более открытый. Но им обоим было присуще такое важнейшее качество полководца, как широта мышления.

На Дальнем Востоке Блюхер стремился наладить тесные, не только служебные, но и товарищеские связи с руководителями органов местной власти. В 1929–1930 годах первым секретарем Далькрайкома был Иван Николаевич Перепечко, из черниговских крестьян. Настоящей дружбы с ним у Блюхера не сложилось, но совместная административно-политическая работа была плодотворной.

Доверительные отношения установились у него с председателем крайисполкома Г. М. Крутовым, полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю Т. Д. Дерибасом, его заместителем С. И. Западным. Крутов и Западный новые для Блюхера люди, а с Терентием Дмитриевичем Дерибасом он был знаком давно, еще по совместной борьбе с колчаковцами. Дерибас получил назначение на Дальний Восток почти одновременно со вступлением Блюхера в должность командующего ОДВА.

Через восемь лет, 6 ноября 1938 года, Блюхер, находясь во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, в своих показаниях писал: «По возвращению на ДВосток со мной пытался установить дружбу, связь Перепечко, бывший первым секретарем ДВкрайкома, сначала сам, потом через свою жену Монастырскую. Но эту дружбу-связь я отклонял, т. к. он был в рядах рабочей оппозиции¹⁵⁰¹, и эта связь меня могла скомпрометировать... В том же году, с приездом Дерибаса на ДВосток в качестве начальника управления ОГПУ по ДВостоку, я вскоре сдружился с ним, поделился с ним своими настроениями, также с Западным, который всегда присутствовал на пьяных вечерах. Постепенно связь эта расширялась: сначала с Крутовым, председателем крайисполкома, потом в 1931 году с приехавшим на ДВосток Бергавиновым, с которым у меня установились особенно тесные связи, которые продолжались и после его отъезда с ДВостока. После отъезда Бергавинова на ДВосток первым секретарем приезжает Лаврентьев, с которым у меня сразу же восстанавливается завязавшаяся дружба еще на Украине в 1929 году, когда он был начальником политического управления Украинского военного округа... Эти — Дерибас, Крутов, Бергавинов, Лаврентьев... — привязывали меня к себе еще и тем, что широко использовали мое честолюбие, подчеркивая всюду (на заседаниях, конференциях, съездах) мою исключительную роль на ДВостоке и в Гражданской войне, создавая этим мне широкий авторитет в рабоче-крестьянских массах и в армии»...

Здесь, на Дальнем Востоке, Василий Блюхер повстречал свою последнюю любовь — Глафиру Безверхову, которая станет его женой на оставшиеся шесть лет жизни.

«Как я встретила с Блюхером? — позже вспоминала она. — Вообще-то все произошло случайно. Хотя, кто знает, может, это — судьба...

Мы жили в Хабаровске. Жили очень бедно. Семья сравнительно большая: четверо детей — два мальчика и две девочки; я самая младшая. Отец, Лука Трифонович Безверхов, инвалид русско-японской войны, мама, Прасковья Григорьевна, домашняя хозяйка, неграмотная.

По улице Артиллерийской, где мы жили, по соседству с нами стоял двухэтажный особняк из красного кирпича, в котором до 1929 года находилось китайское консульство. Но в 29-м году произошел конфликт на КВЖД, и сотрудники консульства срочно выехали из особняка, в нем вскоре разместилась штаб-квартира командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера.

Блюхера я в глаза никогда не видела и не могла представить его себе в образе обыкновенного человека. После того как конфликт на КВЖД разрешился полным разгромом китайских войск, слава командарма Блюхера разнеслась на весь Дальний Восток. О нем говорили с большой любовью, и у нас в семье — тоже.

Как-то в майский день мама послала меня по домашним делам к нашим знакомым Ждановым (Василий Жданов был шофером Блюхера), которые жили во дворе штаб-квартиры командующего ОДВА. Помню, стою я в маленькой кухне, у круглой, обитой железом печи, вдруг открывается дверь и входит мужчина. Он сдержанно поздоровался, спросил, не знаю ли я, где Вася, и, не дождавшись моего ответа, попросил передать ему, что машина будет нужна к двенадцати часам...

Вот с той майской встречи с Блюхером все и началось...»

Глафира стала женой 42-летнего командарма Василия Константиновича Блюхера, когда ей шел семнадцатый год. Позже жена начальника политуправления ОДВА Г. Д. Хаханьяна Эмма Карапетовна, увидев как-то летом 1937 года на даче Блюхера веселую гурьбу детей, которыми верховодила Глафира, сказала ей: «Василий Константинович, может быть, потому и женился на тебе, такой молодой, что хотел иметь дом, в котором царили бы молодость, радость, детский гул...»

Глафира и Василий Константинович прожили вместе (не регистрируя брак) всего шесть лет. У них родились двое детей: дочь Ваира в 1933 году и сын Василин в 1938-м. Интересна история имени дочери. Как рассказывала Глафира Лукинична, они с мужем договорились заранее, что если будет дочь, то имя ей даст он, а если сын — она. И вот появилась дочь. Блюхер перебрал множество имен и ни на одном не остановился. Он поделился своими мучениями с первым секретарем крайкома Л. И. Лаврентьевым (он по национальности грузин, настоящая его фамилия Картвелишвили), с семьей которого они с Глафирой были очень дружны. На что тот с готовностью предложил: «Назовите Джаваирой, по-кавказски значит: „самая дорогая, самая любимая“». «А что, так и назовем, только без первых трех букв, — принял Василий Константинович его предложение. — Пусть наша самая дорогая, самая любимая дочь будет Ваирой — от наших имен: ВАСилий и ГлаФИРА»...

ПРИГЛЯНУЛСЯ ХОЗЯИНУ

Осенью 1932 года Блюхер почувствовал себя плохо: снова обострились старые болезни. По настоянию врачей в конце октября он уехал на лечение в Москву в Кремлевскую больницу.

В этот период произошло печальное событие — ушла из жизни жена Сталина Надежда Аллилуева.

10 ноября Блюхер увидел в «Правде» помещенный на первой странице портрет Аллилуевой в траурной рамке и сообщение от ЦК ВКП(б), которое кончалось следующими словами: «...в ночь на 9 ноября внезапно скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева». Помещено было также письмо ЦК ВКП(б) — членов Политбюро, секретарей ЦК и их жен. В нем говорилось: «Память о Надежде Сергеевне, как о преданнейшей большевичке, жене, близком друге и верной помощнице товарища Сталина, будет всегда нам дорога». Подписи: Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина (жена В. М. Молотова. — *Н. В.*), Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан (Сермус) (жена А. А. Андреева. — *Н. В.*), Мария Каганович, Татьяна Постышева, Ашхен Микоян, Ворошилов, Молотов, Орджоникидзе, Куйбышев, Калинин, Каганович, Постышев, Андреев, Киров, Микоян, Енукидзе.

Блюхер совсем недавно познакомился с женой Сталина в Кремлевской больнице. В домашнем архиве Глафиры Лукиничны Безверховой-Блюхер есть фотография, на которой Василий Константинович запечатлен в больничном халате, рядом — Н. С. Аллилуева и ее дочь Светлана. Надежда Сергеевна показалась Блюхеру женщиной тихой и скромной, никак не проявлявшей себя супругой вождя.

Некролог в «Правде» о внезапной кончине Надежды Сергеевны Аллилуевой потряс его. Как это случилось?..

С некоторыми из подписавших письмо Блюхер находился в приятельских отношениях, как, например, с Постышевым и Енукидзе. Он связался по телефону с Павлом Петровичем Постышевым, но тот о причине смерти Аллилуевой толком сказать ничего не смог. Сообщил лишь, что Хозяин (так в начале 30-х стали заглазно называть Сталина) в связи со смертью Аллилуевой «страшно растерялся». Причиной растерянности была, естественно, неожиданная потеря жены, и главное — Аллилуева своей смертью посеяла определенные предположения насчет Сталина. Слишком загадочным был ее уход из жизни. Что будут думать и говорить о нем в стране и за рубежом?..

Сталин-человек боролся со Сталиным-вождем.

Вскоре в кремлевском окружении стало известно, что вождь остро поставил вопрос: «Могу ли я оставаться на своем посту? Как отнесутся к этой семейной драме люди, товарищи?» Блюхеру рассказал Амель Сафронович Енукидзе: Политбюро рассмотрело эту ситуацию и решило просить Сталина не уходить в отставку. Но Хозяин продолжал настаивать на своем, и Сергею Мироновичу Кирову пришлось долго уговаривать его не уходить со своего поста. В конце концов Сталин согласился, но поставил условие: не нужно сообщать народу истинную причину смерти Аллилуевой. И тогда из Кремля распространили информацию, что жена вождя скончалась от приступа аппендицита...

Но в это поверили немногие, большинство же полагало, что Аллилуева покончила с собой. Ходили слухи, что она не одобряла политику мужа по проведению в стране насильственной коллективизации, не раз укоряла его за то, что из-за коллективизации в деревнях царит голод, недовольные крестьяне восстанут против советской власти. 8 ноября в доме Ворошилова было праздничное застолье по поводу 15-й годовщины Великой Октябрьской революции. И будто в присутствии большой компании Надежда Сергеевна завела с супругом спор на болезненную тему. Сталин осыпал ее грубой бранью, она в слезах убежала к себе на квартиру и там покончила с собой.

Пребывание на лечении Блюхер активно использовал для деловых и товарищеских встреч. Встречи были разные, с разными людьми: с чиновниками из Наркомата обороны, с друзьями, с которыми когда-то вместе работал.

Важной для Блюхера была встреча с Серго Орджоникидзе, с которым он сблизился еще в 1930 году через кавказских товарищей, в частности Бесо Ламинадзе и Авеля Енукидзе. Григорий Константинович рассказал о Кобе^[51]. Блюхер впервые услышал от Серго историю происхождения партийной клички Сталина. Будучи учеником Горийского духовного училища, Сосо Джугашвили запоем читал книги. Однажды ему попался роман Александра Казбеги «Отцеубийца». Мальчик буквально проглотил его за три дня. Бесстрашный герой романа, немногословный Коба, стал его кумиром. С той поры он поклялся, что будет во всем следовать Кобе: приходить в трудную минуту на помощь друзьям, бороться с несправедливостью. Сосо стал называть себя Кобой и требовал от одноклассников, чтобы и они его так звали.

Рассказывая о Сталине, Орджоникидзе говорил:

— Человек сложный, с противоречивым характером. Обладая железной волей, он в то же время может поддаваться почти детским слабостям. К поставленной цели идет, ни перед чем не останавливаясь. Кого возненавидит — раздавит, кого полюбит — многое может простить... Вы, Василий Константинович, я думаю, ему приглянулись.

Несколько встреч было у Блюхера с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, начальником Главного политического управления Красной армии Я. Б. Гамарником, другими работниками военного ведомства.

Перед наркомом Блюхер ставил вопросы оборонительного строительства на Дальнем Востоке, создания новых формирований, прежде всего полнокровных частей укрепленных районов. Особой темой был колхозный корпус^[52]. Ворошилов держал на контроле выполнение постановления о создании первого в Советском Союзе и РККА стрелкового колхозного корпуса. Корпус наряду с

боевой службой и учебой занимался и сельским хозяйством, снабжая армию и край основными продуктами питания, и вместе с тем способствовал тому, что на Дальнем Востоке оставались многие увольняемые в запас красноармейцы и младшие командиры с семьями, что было крайне важно для дальнейшего развития всей экономики края, для создания столь остро нужных ОКДВА собственных мобилизационных ресурсов.

В конце одной из бесед Ворошилов коснулся личной жизни Блюхера:

— Мне доложили, что ты, Василий, вроде в третий раз женился. На зеленой несовершеннолетке?..

В последние годы соратники, коллеги по работе, местные партийные и советские руководители, столичные начальники, члены правительства и ЦК обращались к Блюхеру на «вы», по имени-отчеству или по фамилии. Соответственно и он им отвечал тем же. И только один человек — Ворошилов — говорил ему «ты» и называл просто по имени. То ли это было знаком особого к нему расположения, то ли — высокомерия...

На вопрос наркома Блюхер отреагировал спокойно:

— Сердцу, Климент Ефремович, не прикажешь.

— А как же Кольчугина? У нее ведь сын от тебя.

— С ней мы расстались. От сына я не отказываюсь.

— Смотри, как бы не сломал ты себе шею из-за своего влюбчивого сердца.

С Гамарником беседы проходили в более мягком тоне. Блюхер близко узнал Яна Борисовича в начале года, когда тот приезжал на Дальний Восток для изучения положения дел в ОКДВА. Тогда они нашли общий язык, прониклись друг к другу доверием. И в первую их встречу, и теперь Блюхер и Гамарник говорили об угрозе Советскому Союзу со стороны японцев, захвативших Северный Китай, о необходимости укрепления границы. Начальник Главпура пообещал значительно пополнить этой осенью политорганы Дальневосточной армии молодыми, образованными кадрами.

Как и Ворошилов, Гамарник не обошел стороной отношения Блюхера с Глафирой Безверховой. Он не одобрил связь прославленного военачальника с молодой девушкой и предостерег от возможных последствий.

Последствия отношений Блюхера с молодой «простушкой» проявились через три года и едва не обернулись для Василия Константиновича и Глафиры трагедией. В книге «Воспоминания о муже — Маршале В. К. Блюхере» Глафира Лукинична поведала о том, как Гамарник потребовал от Блюхера, чтобы тот «убрал» ее.

Гамарник приезжал в Хабаровск летом 1936 года инспектировать ОКДВА. Встреча его с Блюхером носила официальный характер. После нее Василий Константинович пришел домой хмурым, озабоченным. Гамарник провел в Хабаровске совсем немного времени и вскоре уехал в Москву. Провожать высокого московского гостя, как это было принято, Блюхер не пошел, сказавшись больным. Но потом все же решил догнать его, чтобы, видимо, объясниться. Вернулся мрачным. Долго молчал, затем не выдержал, рассказал жене, что у него с Гамарником состоялся тяжелый разговор. Глафира Лукинична пишет в книге: «Гамарник предложил мужу убрать меня как лицо подставное („Объявим ее замешанной в шпионаже, тем самым обелим вас...“). На это Василий Константинович ответил: „Она не только моя жена, но и мать моего ребенка, и, пока я жив, ни один волос не упадет с ее головы“».

Надо сказать, что этот неприятный разговор Гамарника с Блюхером, к счастью, никаких негативных последствий не имел. Может, потому, что в наркоматовских верхах знали: Блюхер из тех, кто приглянулся Хозяину. Однако в душе его этот разговор оставил жгучую горечь. Со временем она ослабнет и, кажется, совсем пройдет; между Василием Константиновичем и Яном Борисовичем, как и прежде, будут доверительные отношения. И все же...

Из столицы Блюхер часто посылал письма Глафире. В одном из первых он писал: «... В этот приезд в Москву, как никогда раньше, я убедился, что друзей настоящих у меня куда меньше, чем я думал, а врагов оказалось неизмеримо больше, чем я считал. Неприятностей мне Москва наделала много и служебно-деловых, и личных, в последних не последнюю роль играла и ты (женитьбу Блюхера на юной девушке отрицательно восприняли как официальные высокопоставленные должностные лица в Наркомате обороны, так и многие его сослуживцы. — *Н. В.*). Каждый из моих больших и малых врагишков внес свою лепту, чтобы брызнуть и свою каплю грязи, а в результате получился довольно вонючий букет. Непонятно, зачем это нужно кой-каким людишкам. Что это: непонимание или зависть? Видимо, то и другое.

Не пойми эти строки за упадок, нет, грязные лужи я обхожу и плюю на них, в серьезных вопросах даю отпор, но обволакивающая клевета, жалобы и, прости за резкость, вонь все же дают себя чувствовать на каждом шагу. Ну, черт с ними... Мои силы укрепляет мысль, что Главный Хозяин верит мне...» Трагическая ошибка Блюхера, как потом он поймет, состояла в том, что он поверил в искренность отношения к себе вождя.

В следующем письме Глафире Блюхер сообщал: «24-го вечером был консилиум... Нервная система найдена в исключительно расшатанном состоянии с последствиями на зрение. Гемоглобин в крови 90 проц. — показатель хороший. Основной мой недуг — высыпание на теле и лице — приписывают кишечнику, который дает постоянное отравление организму, т. е. то же, что было и пять лет назад... Намечен сложный курс месячного лечения, требующий моего пребывания в больнице, на что я и дал свое согласие. За границу не поеду, нет ни желания, ни настроения. Самочувствие и настроение у меня отвратительное, ибо почти убежден, что мои „друзья“ готовят мне еще какую-то крупную гадость».

Кто были эти «врагишки», «людишки», «друзья», «брызгавшие» в Блюхера грязью и готовившие ему «крупную гадость»? Ни в архивных материалах, ни в воспоминаниях его современников ни одно конкретное имя не называется.

24 ноября 1932 года умерла мать Блюхера, Анна Васильевна. Для Василия Константиновича это был тяжелый удар. Поехать на похороны не было никакой возможности. В письме Глафире он писал: «... Я остро почувствовал ту большую утрату, которая принесла мне смерть матери... Отношения между людьми иногда складываются странно. Живет рядом близкий человек, а ты ходишь мимо и не замечаешь его, и боль утраты почувствуешь лишь тогда, когда этого человека вдруг не станет. Так произошло и со мной...»

9 декабря Блюхера под псевдонимом Всеволод Васильевич Сибирцев направили в Германию для более глубокого медицинского обследования. Но заметных результатов поездки в берлинский госпиталь не принесла — точного диагноза там не установили, и поэтому лечение в основном было таким же, что и в Кремлевской больнице.

Вернулся он в Хабаровск в январе 1933 года.

Через три месяца после кончины матери, 24 февраля 1933 года, умер Константин Павлович, отец Василия Константиновича. Он всю жизнь прожил в Барщинке; к сыну в Хабаровск переехать вместе с Анной Васильевной не захотел. Его похоронили дочь Александра Пятибратова и младший сын Павел на кладбище в Георгиевском-Раменье.

В связи с натянутыми отношениями с японцами правительство СССР постоянно укрепляло Дальневосточную армию не только новыми частями и подразделениями, современным оружием и новейшей техникой, но и опытными командирами и политработниками.

24 октября 1933 года помощником командующего ОКДВА был назначен И. Ф. Федыко. Блюхер нашел в Иване Федоровиче Федыко верного помощника. Когда встал вопрос о создании Приморской группы войск ОКДВА, Блюхер без колебаний предложил поставить во главе ее Федыко. С ним Василий Константинович проработает рука об руку до 1937 года. С Приморской группы войск

командарм 2-го ранга Федько уйдет на должность командующего Киевским военным округом, а в январе 1938 года будет назначен заместителем народного комиссара обороны Союза ССР.

В этот же период в ОКДВА был назначен начальником политуправления Л. Н. Аронштам. В Гражданскую войну он был комиссаром отряда, полка, дивизии. После войны — на различных военно-политических должностях. В Особую Дальневосточную армию пришел с Приволжского военного округа, где был членом Военного совета. Как прекрасно зарекомендовавший себя в качестве главного политработника ОКДВА, армейский комиссар 2-го ранга Лазарь Наумович Аронштам затем был выдвинут в политуправление РККА заместителем начальника ПУРа.

И Федько, и Аронштам, и многие другие сослуживцы по Особой Дальневосточной армии стали для Василия Константиновича Блюхера не только боевыми соратниками, но и настоящими друзьями до конца его жизни. Хотя будущее, к сожалению, преподнесет ему неожиданные сюрпризы относительно некоторых его «настоящих друзей»...

КТО СТОИТ ЗА УБИЙСТВОМ КИРОВА?

1 декабря 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК партии Сергей Миронович Киров...

По радио и в газетах сообщалось об обстоятельствах смерти Кирова. Он готовился к докладу по итогам ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б), который должен был сделать на собрании партийного актива Ленинградской области. В приемной в это время находился некий Леонид Николаев, бывший служащий РКИ^[53]. Когда Киров выходил из кабинета, Николаев выстрелил ему в голову из револьвера. Убийца был задержан. Смертельно раненного Кирова в бессознательном состоянии перенесли в кабинет, где ему была оказана первая медицинская помощь. Прибывшие профессора Добротворский, Джанелидзе, Гесс и другие застали Кирова без пульса и дыхания. Несмотря на предпринятые меры (впрыскивание адреналина, эфира, камфоры и кофеина, а также искусственное дыхание), вернуть Кирова к жизни не удалось...

Весть об убийстве Кирова застала Блюхера в поезде. В конце ноября он по вызову Наркомата обороны выехал в Москву. Василий Константинович по обыкновению взял с собой в столицу жену Глафиру; дети остались в Хабаровске с бабушкой Анной (матерью Глафиры) и няней Гашей. По рассказу Глафиры Лукиничны, за сутки до Москвы, в ночь на 2 декабря, порученец Блюхера Василий Некрасов вдруг открыл дверь в купе своим ключом и взволнованно сказал: «Товарищ командующий, товарища Кирова убили!» — «Что ты несешь?! Что говоришь?!» — вскинулся Блюхер.

Личное знакомство Блюхера с Кировым произошло в 30-м году на XVI съезде. В один из перерывов между заседаниями Блюхер оказался в кругу разговаривавших между собой Рыкова, Косиора, Енукидзе, Ворошилова и Кирова. Сергей Миронович выделялся среди них своей простотой, умением слушать собеседника и вовремя, не перебивая других, вступить в разговор. Руководитель ленинградских большевиков покорила Василия Константиновича доброжелательностью и обаянием.

Потом Блюхер виделся с Кировым в каждый очередной приезд в Москву на пленумах ЦК, заседаниях Верховного Совета СССР. Они вели искренние, заинтересованные обсуждения ситуации в партии — о «правых», «левых» уклонах, о положении дел в Красной армии и в целом в стране. В начале 30-х годов такие обсуждения среди партийных руководителей, правительственных чиновников, военачальников были еще возможны.

В начале года Блюхер приезжал в Москву на XVII съезд. Они встретились как добрые старые приятели. И как прежде вели доверительные разговоры.

Блюхер и тогда поехал в Москву всей семьей. Остановились в гостинице «Националь», в двух номерах: в одном — Василий Константинович с женой, в другом, напротив, — няня с детьми. Приходя с заседаний, Блюхер рассказывал Глафире о том, что происходит на съезде, о докладах, о выступлениях делегатов. Однажды сказал, что намечается рассредоточение власти из одних рук. Возможно, Хозяину придется потесниться. В генсеки, по всей видимости, будет выдвинут Сергей

Миронович Киров. Поделившись своими предположениями, он предупредил жену, чтобы она, как всегда, об этом — никому ни слова.

В кулуарах съезда ходили разговоры, что в последние годы возвышение Сталина как генерального секретаря партии достигло опасного уровня. Работники аппарата ЦК и даже ближайшие сподвижники генсека, особенно из числа старой партийной гвардии, с трудом скрывали возмущение при его грубых окриках, резких выпадах, злой иронии. В Сталине все больше возрастало недоверие к людям, неадекватность в симпатиях и антипатиях к ним. Он становился все более замкнутым, все реже выезжал куда-либо, избегал выступлений перед массами, почти не общался с народом...

Вместе с тем к 1934 году Киров стал одной из центральных фигур в партии и государстве. В Политбюро все более повышается его активность, его горячо поддерживают Серго Орджоникидзе, Валерьян Куйбышев и другие, с ним вынуждены считаться Молотов, Каганович, Ворошилов, хотя они всегда являлись главной опорой Сталина. К началу 1934 года в Политбюро сложилась устойчивая группа: Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Косиор — составлявшая здоровое ядро партийной верхушки. Сталин не мог уже безраздельно доминировать, но, как умный и лукавый властолюбец, продолжал держать в своих руках все нити управления партией и страной.

Как мы теперь знаем, после XVII съезда ВКП(б) многие его делегаты, прежде всего те из них, кто был знаком с «завещанием» Ленина^[54], считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу. Заменить его вполне мог Киров и из-за его огромной популярности, и в связи с его триумфом на самом съезде. В ходе выборов нового состава Центрального Комитета против Сталина голосовало около трехсот делегатов, тогда как против Кирова всего четыре человека. Съезд тем самым отчетливо выразил свое отношение к вождю. Тем не менее генеральным секретарем вновь был избран Сталин. А вот последствия голосования для большинства участников съезда оказались трагическими. Из 1966 делегатов с решающим и совещательным голосом (около 80 процентов из них вступили в партию до 1921 года) 1108 человек были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Около 70 процентов членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на съезде, подверглись репрессиям. В число обреченных попал и Киров, который в глазах Сталина стал одним из главных его противников.

Хозяин после съезда сделал неприятное для себя заключение: в партии зреют серьезные силы, несогласные с его курсом и пытающиеся оказать ему решительное противодействие... Отсюда вывод: эти силы необходимо постепенно, без малейшего сомнения уничтожить.

Блюхер не верил, что убийство Кирова совершил террорист-одиночка. За спиной Николаева стоял кто-то всесильный, Николаев — только орудие в руках могучей организации. В беседах с товарищами проскальзывали догадки, что к покушению причастны ответственные работники органов государственной безопасности, и в первую очередь заместитель наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды Я. С. Агранов и его ближайший человек И. В. Запорожец. Агранов давно в ОГПУ — НКВД, на протяжении многих лет занимает руководящие должности. На следующий день после убийства Кирова он занял место снятого с должности начальника Ленинградского УНКВД Ф. Д. Медведя. Запорожец — выдвиженец Ягоды и Агранова, в 1932 году по их рекомендации он был назначен первым заместителем начальника Ленинградского управления НКВД...

Говорили: при выборе исполнителя злодейского убийства организаторы остановились на Николаеве не случайно. Он в свое время работал в органах НКВД, затем в РКИ, и отовсюду был изгнан. Ему внушалось, что в неустойчивости его судьбы виноваты руководители Ленинграда, и прежде всего Киров. М. В. Росляков, в то время член Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), рассказывал: была подброшена и грязная сплетня о близких отношениях Кирова с Мильдой Драуле, женой Николаева. Тем самым разжигалось в Николаеве чувство ревности, желание рассчитаться с «соперником». С апреля 1934 года до дня убийства Николаев всячески отлынивал от предлагаемой ему работы, но, очевидно, получил те 30 сребреников, которыми с древних времен оплачивают вероломство и предательство. В течение последних шести-семи месяцев Николаев дважды подбирался к Кирову, и органы НКВД дважды его отпускали безнаказанным.

Так кто же этот всемогущий человек, которому подчинены и могучая организация, и ответственные работники органов государственной безопасности, и террорист-одиночка Николаев?..

Блюхер, оставаясь наедине с самим собой, размышлял: а знал ли Сталин о готовившемся покушении на Кирова? Может, знал, а может, догадывался. Организаторы убийства, вероятно, хорошо понимали, что вождь видит в Кирове опасного соперника, что растущий авторитет Мироныча, как называли в народе Кирова, начинает ставить под сомнение монополию руководства Сталина. И они ударили по Кирову. Ударили без промаха, будучи уверенными, что тяжелых последствий для них не наступит. Сталин не случайно с первого часа после убийства взял под свой пристальный контроль ведение разбирательства случившегося, подобрал верного человека — Ежова, которому вместе с Аграновым поручил провести «тщательное следствие»...

Блюхеру вспомнилось, как прошлым летом в один из выходных дней собрались он, Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Западный на берегу Амура на даче УНКВД. Изрядно выпили и, как водится в таких случаях, повели разговоры на «горячие» темы: о высших руководителях страны, о закулисной жизни партии. Терентий Дмитриевич Дерибас привез свежий номер журнала «Большевик», в котором была опубликована статья Лаврентия Берии, восхвалявшая Сталина. Дерибас смеялся: «Представляете, какую реакцию эта статья вызвала у многих... Особенно у кавказских товарищей. Надо было видеть бурное возмущение Берией Авеля Енукидзе...»^[55] А Лаврентьев поведал об одном случае, рассказанном Кировым в кругу друзей: «Иду я со Сталиным по Кремлю, нам навстречу Иванов-Кавказский^[56], улыбаясь, приветствует нас и в адрес Сталина бросает: „Здорово, хозяин!“ Сталин ему не ответил, лишь ожег его злым взглядом. А мне сказал раздраженно: „Хозяин — это что-то байское. Дурак!“ Не поздоровится теперь бедному Иванову-Кавказскому...»

Эти откровенные намеки в отношении Сталина Блюхер тогда понимать не желал и позиции своей не скрывал. Дерибас с улыбкой и в то же время не без ехидства говорил: «У вас, Василий Константинович, мы знаем, трепетные чувства к Иосифу Виссарионовичу, а мы зубоскалим. Простите уж нас».

Сейчас к Сталину Блюхер относился несколько иначе. Он видел: восхваление вождя вышло за рамки разумного, обрело уродливые формы, а вождь принимает это как должное. Более того, Сталин безжалостно расправлялся с теми, чья популярность и авторитет приближались, как ему казалось, к его уровню, кто отказывался поддерживать его культ (например, жестоким репрессиям подверглись делегаты XVII съезда, проголосовавшие против Сталина). Блюхеру все чаще приходила мысль, что и Кирова убрали по его распоряжению. Не зря в Ленинграде и Москве ходили разговоры: «Мироныч стал жертвой своей популярности».

На прощании с Кировым Блюхер стоял в траурном карауле. Он сменял у гроба Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Микояна, Кагановича. Ему запомнился Сталин, стоявший у изголовья Сергея Мироновича. Лицо генсека было спокойно и непроницаемо. Казалось, он не на скорбной церемонии, а на заседании ЦК или партийного съезда и погружен в свои повседневные государственные думы...

На следующий день в газетах появилась директива Президиума ЦИК СССР, в которой следственным органам предлагалось вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесению судебных приговоров.

После прочтения этой директивы Блюхеру подумалось: «А почему Президиум ЦИК не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению?..»

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Идея об учреждении нового воинского звания для военачальников, внесших наибольший вклад в защиту советской страны, в кремлевских стенах витала еще в середине 1934 года, но впервые заговорили об этом на одном из заседаний Политбюро ЦК в начале 1935-го. Сталин предложил подумать о таком воинском ранге, как «маршал». Постепенно эта мысль вышла за кремлевские стены. Вскоре маршальское звание стало предметом обсуждения в коридорах ЦИКа, Совнаркома и, естественно, в среде военной верхушки.

И вот 20 сентября 1935 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление о введении персонального воинского звания командному и начальствующему составу РККА — Маршал Советского Союза. В постановлении указывалось, что это звание присваивается «выдающимся и особо отличившимся лицам высшего командного состава»...

Сталин изучал список возможных претендентов на присвоение маршальского звания: Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский... Раздумывал... Наконец, видимо, сделав выбор, взял карандаш, подчеркнул четыре первые фамилии и добавил к ним пятую — «Блюхер».

В ноябре Блюхер с женой отдыхали в санатории «Барвиха» под Москвой. В это время отмечалось 60-летие «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Василию Константиновичу позвонил комендант Кремля: Михаил Иванович приглашает Блюхера вместе с женой на празднование своего юбилея.

На юбилей Калинина съехалось большое число именитых гостей — весь цвет партийной и правительственной элиты. Вначале всё было очень торжественно, много говорилось тостов, добрых слов в адрес юбиляра. После застолья торжественность сменилась весельем с песнями и танцами. Буйно веселились военные, особенно в ударе были С. М. Буденный и А. И. Егоров: Семен Михайлович виртуозно играл на гармошке, а Александр Ильич лихо отплясывал.

Егоров подошел к Блюхеру, который в этот вечер среди военных был одним из самых «иконостасных»: на его груди блестели шесть высших наград страны — орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Александр Ильич жестом привлек внимание окружающих к наградам Блюхера и предложил посостязаться, произнеся на весь зал: «Давай спляшем! Кто кого из будущих маршалов перепляшет: ты — маршал Востока или я — маршал Запада?» Гости аплодисментами подбадривали Александра Ильича и Василия Константиновича, не аплодировали лишь Уборевич и Якир: они бросали на куражившегося Егорова снисходительные взгляды, а на Блюхера смотрели с холодной неприязнью.

За всей этой картиной внимательно наблюдал стоявший у стола, отдельно от других, Сталин. Улыбался...

Через двадцать лет А. В. Хрулев (в 1935 году он был начальником Главвоенстроя РККА) в справке, адресованной генеральному прокурору Р. А. Руденко, объяснит причину холодного отношения Якира и Уборевича к Блюхеру: «Блюхер жил изолированно от таких людей, как Тухачевский, Якир, Уборевич и другие высокопоставленные командующие войсками. Тем не менее звание маршала Блюхеру было присвоено, причем по личному предложению Сталина. Уборевич, Якир обиделись, естественно, завидовали Блюхеру — отсюда их неприязнь к нему...»

Официально маршальское звание было присвоено пяти известным в стране военачальникам: Буденному, Ворошилову, Егорову, Тухачевскому, Блюхеру через пять дней — 20 ноября 1935 года.

В адрес Блюхера посыпались поздравления от руководства страны, от коллег по работе, от сослуживцев, друзей, знакомых и незнакомых. Тысячи поздравлений! Это подогревало в нем тщеславие. Он — один из пяти самых «выдающихся и особо отличившихся» в стране военачальников!

Но прошло некоторое время, и в душе Василия Константиновича зашевелились сомнения...

Брошенная Егоровым на юбилее Калинина фраза о Блюхере: «маршал Востока» пристала к нему, и теперь нередко ее можно было услышать от разных людей.

Сын Блюхера Василий Васильевич вспоминал:

«Местом постоянной службы отца был Дальний Восток, и я на каникулы ездил к нему. Иногда отец определял меня в попутчики кому-нибудь из товарищей по службе или московских друзей. Помнится, довелось как-то ехать даже с самим начальником Главного политического управления РККА Гамарником. У Байкала произошел такой эпизод. Как только за окном вагона открылась необъятная водная гладь, Ян Борисович в полную силу своего красивого голоса запел: „Славное море, священный Байкал...“

Ехавшие с ним товарищи подхватили песню, а я молчал.

— Почему не поешь со всеми? — строго спросил армейский комиссар 1-го ранга.

— Слов не знаю...

— Да это ж одна из любимых песен твоего отца, — тряхнул черной окладистой бородой Гамарник. — А еще сын маршала Востока... Учи песню, повторяй за мной. Не осилишь — высажу в Улан-Удэ и отправлю обратно в Москву.

Я принял эти слова всерьез и, конечно, постарался, чтобы Ян Борисович не привел их в исполнение».

Василий не раз уже слышал, что его отца, командующего ОКДВА, дальневосточники называли «наш восточный маршал».

Люди, произносившие эту фразу, вовсе не хотели умалить значение заслуг Блюхера, но самого Василия Константиновича это задевало. Почему «маршал Востока»? Он — Маршал всего Советского Союза! Как и Ворошилов, Буденный, Тухачевский... Выходит, он периферийный маршал?

После возвращения из столицы в маршальском звании Василий Константинович буквально утонул в море народного обожания. Его приглашали на заводы, стройки, в колхозы, в учебные заведения, в школы, в семьи простых людей. Здесь, на восточном краю советской земли, ее жители считали Блюхера своим и относились к нему с искренней любовью и неподдельным восхищением.

Строители Комсомольска-на-Амуре, поздравляя Блюхера с маршалством, просили его приехать к ним на четвертую годовщину строительства города. Они писали: «Мы, рабочая ударная бригада плотников, горячо поздравляем тебя, Василий Константинович, с получением высшего военного звания Маршала Советского Союза. Все мы только что демобилизовались из рядов нашей славной ОКДВА и переживаем чувство гордости за тебя. Сейчас мы сменили винтовки и пулеметы на топоры и фуганки — строим город Комсомольск, овладеваем техникой строительного дела. Но если партия и правительство призовут нас в час опасности к оружию, то мы под твоим водительством, наш Красный Маршал, беспощадно и быстро сломишь хребет любому врагу».

11 июня 1936 года, за день до четырехлетней годовщины закладки города на Амуре (Блюхер 12 июня 1932 года положил первый символический камень в новостройку), маршал прибыл в Комсомольск на боевом корабле Амурской военной флотилии.

В печати так описывалось пребывание Блюхера в Комсомольске-на-Амуре:

«Несколько дней осматривал Василий Константинович строительство ряда предприятий, побывал в цехах, общежитиях, детских садах и школах, беседовал с рабочими и руководителями строек.

Принимая первую продукцию одной новостройки, командарм сказал:

— Я хоть и не специалист в этом деле, но продукция производит на меня отрадное впечатление. Новостройка увеличивает ценности нашей страны, обогащает наш Дальний Восток. Главное же заключается в том, что новостройка воздвигнута в тайге быстро, культурно и уже дает продукцию.

В заключение Блюхер рекомендовал лучше использовать механизмы и больше заботиться о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих.

Придавая большое значение развитию производительных сил в крае, Василий Константинович в то же время непрерывно укрепляет боевую мощь ОКДВА...»

Популярность Блюхера все увеличивалась, все газеты посвящали ему захватывающие статьи и очерки, рассказы о нем звучали по радио. Появились многочисленные плакаты, портреты: Блюхер в маршальской форме со звездами в петлицах и на рукавах, их развешивали на улицах городов и сел, в государственных учреждениях, в войсках, с ними трудящиеся выходили на праздничные демонстрации.

Орган Хабаровского краевого комитета партии газета «Тихоокеанская звезда» с восторгом писала: «Красивый человек Василий Константинович Блюхер! Красива его жизнь! Он прекраснейшей души человек — чуткий, отзывчивый. Его образ для всех — пример для подражания».

Константин Паустовский: «Имя Блюхера в последние годы неразрывно связано с Дальним Востоком; под его руководством наша дальневосточная граница превратилась в „границу из бетона“. Блюхер охраняет границу зорко, охраняет сильной рукой. Страна спокойна за этот далекий и сказочно богатый край. Он расцветает на глазах. По словам Блюхера, карта Дальнего Востока меняется непрерывно... Когда Блюхер говорит, что дальневосточная тайга расступается перед волей большевиков, в этой фразе точно и коротко выражен грандиозный процесс изумительного культурного и хозяйственного роста края...»

Маршал Советского Союза Блюхер — человек высокой революционной закалки, воспитанный ленинской и сталинской эпохой, человек громадного личного мужества и стойкости, прямооты и военного таланта, человек нового времени и новой, социалистической культуры».

Французский публицист А. Роллен по-своему нарисовал образ Блюхера, назвав его маршалом революции «с массивной и коренастой фигурой, с круглым и энергичным лицом, с квадратной и властной челюстью, с подвижными и пронизывающими глазами, с лицом, которому усы придают классический вид военного, немного грубого, хотя его жесты элегантны, и авторитетом, который обычно объясняют его исключительным личным магнетизмом, оказывающим влияние на лиц, соприкасающихся с ним... Блюхер непрестанно выступает в роли организатора»...

«ВОЕННО-ФАШИСТСКИЙ ЗАГОВОР» ТУХАЧЕВСКОГО

В середине мая 1937 года Василий Константинович Блюхер получил из Москвы телеграмму за подписью Ворошилова. Без объяснения причины ему предлагалось срочно прибыть в Наркомат обороны.

Он приехал в столицу 24 мая, и сразу же ему сказали здесь, что арестованы как враги народа Корк, Фельдман, Тухачевский, Эйдеман.

Блюхер знал, что под арестом уже находились (с августа 1936 года) известные военачальники Красной армии — командующий войсками Ленинградского военного округа В. М. Примаков и военный атташе в Лондоне В. К. Путна. Им вменялось участие в «военной троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации».

И вот новые аресты контрреволюционных заговорщиков.

В Наркомате обороны царил суматоха — спешно собирались постоянные члены Военного совета при наркомате обороны СССР, начальствующий состав с мест и руководящие работники центрального аппарата самого наркомата. Среди собиравшихся членов Военного совета ходил шепот: заговорщики готовили военный переворот в Кремле.

А 26 мая уже вслух говорили о постановлении ЦК, в котором указывалось, что на основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии

в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, они исключены из партии.

В коридоре наркомата Блюхер встретился с командующим Тихоокеанским флотом М. В. Викторовым и членом Военного совета Тихоокеанского флота Г. С. Окуневым. Викторов спросил недоумевающе:

— Неужели это правда, Василий Константинович?

Блюхер в ответ неопределенно пожал плечами.

30 мая Блюхер намеревался зайти в Политуправление РККА, чтобы пообщаться с Гамарником и Аронштамом. Ему хотелось поговорить с Яном Борисовичем и Лазарем Наумовичем по душам, как бывало раньше, о происходящих событиях. Но ни Гамарника, ни Аронштама на службе не оказалось. Дежурный ПУРа пояснил, что Гамарник болен и находится у себя на квартире, причина отсутствия Аронштама неизвестна. Дежурный еще не знал, что Политбюро приняло решение «отстранить Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета как работников, находившихся в тесной групповой связи с участниками военно-фашистского заговора».

Как вспоминала Глафира Безверхова-Блюхер, в мае 1937 года муж взял ее с собой в Москву. Поселились они в гостинице «Метрополь», в постоянно забронированном для Блюхера номере 387. 31 мая во второй половине дня к ним зашел Лаврентьев, первый секретарь Приморского крайкома, и предложил Василию Константиновичу навестить на квартире приболевшего Гамарника, с которым его связывали давние приятельские отношения.

Вернувшийся вечером от Гамарника Блюхер рассказал жене, что Ян Борисович болен несерьезно, опасного ничего нет.

На следующее утро Глафира, просматривая утреннюю почту, в одной из центральных газет — в «Правде» или «Известиях» — увидела заметку о том, что застрелился махровый враг народа Гамарник. С газетой в руках она влетела в комнату к мужу: «Прочти!» Сообщение потрясло Блюхера: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством»...

Чтобы успокоиться, Блюхер стал быстро ходить по комнате. Наконец остановился, сказал: «Теперь я понимаю: когда мы с Лаврентьевым вышли от Гамарника, во дворе стояла машина НКВД, при нас они не могли его арестовать. Ян Борисович, по-видимому, все знал, и решение покончить жизнь самоубийством было им уже принято; он только ждал нашего с Лаврентьевым ухода... Какая выдержка! Значит, в тот момент, когда мы отъехали и энкавэдэшники ринулись в дом, чтобы арестовать его, он застрелился... Успел...»

Потом, через день, Блюхеру рассказал заместитель начальника Политуправления РККА А. С. Булин, что 31 мая он и начальник управления делами НКО И. В. Смородинов по приказанию Ворошилова ездили на квартиру к Гамарнику и объявили ему приказ об увольнении его из РККА. После их ухода Гамарник застрелился...

1 июня в Кремле открылось расширенное заседание военного совета^[57] с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). С докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил Ворошилов. Перед докладом наркома все участники заседания были ознакомлены с показаниями «заговорщиков»: Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны. Это создало напряженную атмосферу в работе Военного совета.

Блюхер слушал Ворошилова, а думал о своем. Может, он хотел понять: как же случилось, что известные всей стране, заслуженные люди давно уже были иностранными шпионами? Все они имели огромные заслуги перед партией и правительством, им были присвоены высшие воинские звания: М. Н. Тухачевскому — Маршал Советского Союза, И. П. Уборевичу и И. Э. Якиру — командарм 1-го ранга, Я. Б. Гамарнику — армейский комиссар 1-го ранга, А. И. Корку — командарм 2-го ранга,

Р. П. Эйдеману, Б. М. Фельдману, В. М. Примакову, В. К. Путне — комкор. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а Тухачевский и Гамарник — орденом Ленина.

Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир избирались в состав ЦК ВКП(б), они, а также Корк, Эйдеман, Примаков являлись членами ЦИКа СССР. Тухачевский был заместителем наркома обороны СССР. Якир и Уборевич командовали Особыми военными округами — Киевским и Белорусским...

А может, Блюхер знал о заговоре?..

Ворошилов тем временем страстно утверждал:

— Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии.

Нарком призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил: как народный комиссар, он откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и других) уже начали разоблачать, он не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. «Моя вина в этом огромна, — каялся Ворошилов, — но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы».

В словах наркома чувствовалась ожесточенность, он говорил о «заговорщиках» с нескрываемой злостью, особенно о Тухачевском. Через годы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков объяснит это тем, что «Ворошилов очень не любил Тухачевского, прежде всего потому, что сам он в роли наркома обороны был человеком малокомпетентным, в то время как Тухачевский был крупным военным специалистом... Ворошилов так до конца и остался дилетантом в военных вопросах. никогда не знал их глубоко и серьезно». И еще была одна причина крайней ожесточенности Климента Ефремовича: он знал о намерении Тухачевского, Уборевича, Корка, Якира и Путны обратиться в правительство с требованием отстранить его от должности наркома обороны из-за неспособности квалифицированно руководить вооруженными силами.

На следующий день на Военном совете выступил Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране давно уже существовал «военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансируемый германскими фашистами». По его утверждению, руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора, — говорил Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером».

Сталин уверял, что из тринадцати названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, Сталин заявил: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых, передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал... Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион... Корк информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был военным атташе в Германии».

По словам Сталина, Рудзутак, Карахан, Енукидзе были завербованы немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера, Жозефиной Гензи (Енсен), и она же «помогла завербовать Тухачевского».

Сталин сообщил, что по военной линии уже арестовано 300–400 человек. Он высказал обвинение в адрес членов ЦК и кандидатов в члены ЦК: дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Бросил упрек он и в адрес органов разведки: «по военной линии они плохи, слабы, засорены шпионажем. Внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая на Германию, Японию и Польшу».

Участник этого Военного совета военком танковой бригады Белорусского военного округа бригадный комиссар Н. Г. Конюхов в своих воспоминаниях приводит отрывки из выступления Сталина 2 июня 1937 года. Есть среди них и касающиеся маршала Блюхера.

«— ...Кто бы мог подумать, что бывший член Военного совета ОКДВА Аронштам окажется изменником, а сегодня это факт^[58], — говорит Сталин. — Однажды он прибыл ко мне и поставил вопрос о снятии маршала Блюхера. Задаю вопрос Аронштаму:

— Кого бы вы хотели вместо Блюхера?

Аронштам ответил:

— Блюхер морально и физически разложился, забросил работу по воспитанию войск. Единственно, кто мог бы подойти вместо Блюхера, так это Уборевич или Якир.

— Проверю, тогда и приму решение, — ответил я Аронштаму.

И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять... Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним: мужик как мужик, неплохой...

Когда я поручил проверить заявление Аронштама, то оказалось, что Блюхер отличный командующий, знает свой округ и ведет большую работу по воспитанию войск... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо. Есть люди с 10-летним опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат.

Теперь же оказалось, что за спиной Аронштама стояла японская разведка, она требовала убрать Блюхера и назначить Уборевича или Якира из заговорщиков...»

По словам Конюхова, на заседании Военного совета Блюхер сидел в первом ряду, и все видели на его лице удовлетворение от похвалы Сталина...

Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и требуя таких сигналов, Сталин выдвинул тезис: «Если будет правда хотя бы на пять процентов, то и это хлеб».

Блюхера лихорадило. Это же кошмар какой-то! Верить или не верить всему тому, что говорил Сталин? Выходит, его боевые товарищи, которых он, Блюхер, считал порядочными людьми, оказались врагами... А Аронштам, Гамарник, Путна — каковы?..

В перерывах между заседаниями члены Военного совета обменивались мнениями, большинство из них склонялись к выводу: Тухачевский и остальные — предатели.

В прениях по докладу Ворошилова приняли участие 42 человека. Все они резко осуждали «заговорщиков», заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству. Первыми с горячими одобрениями своевременного раскрытия коварного «военно-политического заговора против Советской власти» и беспощадной критикой «заговорщиков» выступили маршалы Семен Михайлович Буденный, Александр Ильич Егоров. За ними обличительную речь¹⁵⁹¹ произнес и Василий Константинович Блюхер.

Из сорока двух выступивших военачальников на этом заседании Военного совета тридцать четыре были впоследствии арестованы как заговорщики, и в их числе — Блюхер.

В прежние приезды на заседания Военного совета Блюхер нередко устраивал в своем номере люкс радушные приемы многочисленных гостей. В этот раз никаких гостей не было. Раньше он и сам позволял себе шумно нагрянуть к кому-нибудь в гости, например к сослуживцу по Сибири Е. А. Щаденко или к бывшей жене Галине Кольчугиной. Теперь идти никуда не хотелось.

К нему иногда заглядывали Викторов и Хаханьян, проживавшие неподалеку, в соседних номерах. Но — ненадолго. Долгих бесед не получалось; через полчаса — максимум час они расходились в тревожном оцепенении, и он оставался один на один с мучившими его тяжелыми мыслями.

После завершения работы Военного совета началась подготовка судебного процесса по делу «о военном заговоре». Блюхер был в курсе всего происходящего. Ворошилов посвятил его: для рассмотрения дела «заговорщиков» планируется образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда. Нарком вел себя с ним дружески, называл, как всегда, по имени. «Учти, Василий, — сказал он многозначительно, — Сталин рекомендует включить тебя в это Специальное присутствие».

Следственная машина НКВД работала полным ходом. Активно шло разбирательство по делу о военном заговоре контрреволюционной фашистской организации.

7 июня Сталин вызвал к себе в кабинет главных государственных законников: генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского и председателя Военной коллегии Верховного суда В. В. Ульриха. Армвоенюрист 2-го ранга Ульрих предложил расширить состав Верховного суда СССР, введя в него запасных членов из числа высших военных работников — Буденного, Шапошникова, Белова, Каширина и Дыбенко. Блюхера в этом списке не было.

9 июня Сталин еще дважды принимал Вышинского: в начале и в конце дня. Во время второго приема, состоявшегося поздно вечером, прокурор в присутствии Молотова и Ежова ознакомил вожда с обвинительным заключением по делу Тухачевского.

В обвинительном заключении говорилось, что в апреле — мае 1937 года органами НКВД в Москве раскрыт и ликвидирован военно-троцкистский заговор, которым руководили Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация была образована в 1932–1933 годах по прямым указаниям германского генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Бухарина — Рыкова, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма. Обвинение квалифицировалось по статьям 58–16, 58–8 и 58–11 УК РСФСР.

На следующий день чрезвычайный пленум Верховного суда СССР принял постановление, которым учреждалось для рассмотрения дела о военно-политическом заговоре против советской власти Специальное судебное присутствие. В него вошли: председатель военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих, заместитель наркома обороны Я. И. Алкснис, командующий Дальневосточной армией В. К. Блюхер, командующий Московским военным округом С. М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И. П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П. Е. Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Н. Д. Каширин, а также командир 6-го казачьего корпуса Е. И. Горячев.

11 июня орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» на первой полосе поместила сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР и т. п.

По свидетельству бывшего члена Военной коллегии Верховного суда СССР И. М. Зарянова, участвовавшего в судебном процессе в качестве секретаря суда, инициатива создания этого Специального присутствия и привлечения в его состав известных в стране высших военных руководителей принадлежала Сталину. Выбор кандидатур был не случаен. Все они — участники Военного совета при наркомате обороны и выступали на июньском заседании совета в присутствии Сталина с резким осуждением «заговорщиков».

Вскоре состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, на котором было вынесено определение об утверждении обвинительного заключения, представленного Вышинским, и о предании заговорщиков суду.

В голове Блюхера все время крутилось библейское «не судите, да не судимы будете». Он сказал об этом своему давнему боевому товарищу Николаю Дмитриевичу Каширину, который ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Пройдет чуть более двух месяцев, и Каширин будет арестован за участие в «заговоре Тухачевского». В августе 1937 года он признается наркому Н. И. Ежову, что когда его утвердили членом Специального судебного присутствия, рассматривавшего дело о военно-политическом заговоре Тухачевского и других, то он «чувствовал себя не судьей, а подсудимым». Через год Каширина расстреляли как «врага народа»...

Но тогда, в июне 37-го, ни Блюхер, ни Каширин, как и многие из присутствовавших на судебном заседании, не знали, что в эти дни заводятся дела для будущих судов и над ними. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые уже дали показания о принадлежности к «военно-фашистскому заговору» многих руководящих военных работников РККА. Один только Фельдман назвал имена более сорока командиров и политработников — участников военно-троцкистского заговора. Были названы также Егоров, Блюхер, Дыбенко, Каширин и еще десятки других имен...

Судебное заседание проходило в закрытом режиме. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопрос председателя суда, признают ли они себя виновными, заявляли: признают. Они подтвердили в суде в основном все те показания, которые давали на следствии.

Блюхер слушал их с болью. Принимал ли он их показания за чистую монету или считал, что они оговаривают себя?

Вот выступление на судебном процессе Якира. Блюхер хорошо знал Иону Эммануиловича по совместной работе в 1928–1929 годах в Украинском военном округе, будучи его помощником. Это был, на его взгляд, честный человек, беспредельно преданный Родине. А сейчас Якир страстно «разоблачал» происки и Троцкого, и фашистских государств, и свою контрреволюционную деятельность, при этом всячески подчеркивая влияние на него Тухачевского, занимавшего главенствующую роль в заговоре. Якир утверждал, что Тухачевский был автором плана подготовки поражения Красной армии в будущей войне с Германией. Однако когда Блюхер задал конкретный вопрос о подготовке поражения Красной армии в будущей войне, Якир растерялся, проговорил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию».

Сегодня многие историки-исследователи, изучающие годы сталинских репрессий, приходят к выводу, что на судебных процессах «заговорщики» давали те показания, которые им велели давать следователи.

И зачастую это действительно было так. Накануне судебного процесса над группой Тухачевского начальник Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР Г. М. Леплевский провел оперативное совещание, на котором указал следователям еще раз «поработать» с подсудимыми, чтобы в суде они точно повторили те свои показания, что зафиксированы в протоколах допросов. «Постарайтесь заверить подсудимых, — наставлял начальник Особого

отдела, — что признание облегчит их участь». Всем следователям было приказано сопровождать своих подследственных в суд. Следователи находились с ними и в комнатах ожидания, и в зале суда.

Во время допроса на суде Тухачевского с резким осуждением его концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию выступил Буденный. Пытались изобличить Тухачевского и Уборевича в предательстве интересов Красной армии и некоторые другие члены Судебного присутствия. Но больше других задавали вопросы Блюхер, Белов и в особенности Алкснис, упорно добиваясь ответа от Корка по поводу передачи сведений представителям немецкого генерального штаба о войсках Московского военного округа. Корк отвечал, что неоднократно встречался с немцами на дипломатических приемах и во время бесед с ними сообщал только те сведения, которые не являлись секретными и были общеизвестны.

Произнося последнее слово в суде, все подсудимые продолжали клеветать на себя. И вместе с тем клялись в любви и преданности Родине, партии и лично товарищу Сталину.

Тем временем в республики, края и области страны летели срочные телеграммы со следующими указаниями: «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

И суд, как и определил Хозяин, закончился ночью 11 июня. В 23 часа 35 минут Ульрих огласил приговор о расстреле всех восьми осужденных (Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны) с конфискацией принадлежавшего им имущества и лишением воинских званий.

В ночь на 12 июня все тот же Ульрих вручил коменданту Военной коллегии Верховного суда СССР Игнатьеву предписание немедленно привести в исполнение приговор о расстреле Тухачевского и других осужденных, которое без задержки было выполнено. Акт о расстреле подписали присутствовавшие при исполнении приговора Вышинский, Ульрих, Цесарский, а также Игнатьев и комендант НКВД Блохин.

Утром все печатные органы и радиостанции Советского Союза сообщили о приведении приговора в исполнение. Это сообщение было объявлено и в приказе наркома Ворошилова по армии и флоту.

По указанию Сталина повсеместно прошли собрания и митинги, на которых трудящиеся заклеили позором «подлых заговорщиков».

На следующий день в среде высших военных работников Москвы кто-то пустил слух, что расстрелом осужденных заговорщиков командовал маршал Блюхер. Дошел ли этот слух до Василия Константиновича? Неизвестно. Во всяком случае, Блюхер никогда и нигде об этом не говорил. Думается, слух пустили те, в чьих интересах было бросить тень на очередного советского маршала...

В 1953 году в Германии вышла книга мемуаров Вальтера Хагена (псевдоним Вильгельма Хеттля, бывшего офицера 6-го управления РСХА — управления внешней разведки) «Секретный фронт». В главе «Как фальшивомонетчики убили советского маршала» он писал: «11 июня 1937 года советское информационное агентство ТАСС вызвало мировую сенсацию, сообщив, что по приказу наркома внутренних дел восемь старших генералов Красной Армии, среди которых бывший заместитель наркома обороны маршал Советского Союза Тухачевский, арестованы и предстали перед военным судом. Судебный процесс никаких сюрпризов не принес. Советская юридическая система была уже хорошо знакома миру, и пародия на юстицию, фарсовые судебные процессы против троцкистской оппозиции в 1936 году вместе с обилием не вызывающих доверия признаний обвиняемых были еще свежи в людской памяти. Никто потом не удивился, когда утверждалось, что Тухачевский и его товарищи признались, что они организовали подпольное оппозиционное движение, что они были в

связи с верховным военным командованием враждебной СССР державы и передавали сведения о Красной Армии...

Процесс против них открылся в 10 часов утра 10 июня... Через двенадцать часов после вынесения заговорщикам смертного приговора они были казнены. Взводом, осуществлявшим расстрел, как говорят, командовал, по приказу Сталина, маршал Блюхер...»

Спустя три года, в 1956 году, вышли воспоминания начальника 6-го отдела РСХА бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Вальтера Шелленберга (шефа Вильгельма Хеттля). Шелленберг рассказал о деле Тухачевского почти теми же словами, что и Хеттль.

Безусловно, верить рассказам Хеттля и Шелленберга о расстреле маршала Тухачевского и других осужденных военачальников взводом под командованием Блюхера нельзя. Думается, что германская разведка, создавая эту легенду, преследовала какую-то свою цель, оставшуюся для нас тайной...

Как уже говорилось выше, акт о расстреле «заговорщиков» был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, Игнатьевым и Блохиным. Сомнительно, чтобы первые трое по своему служебному положению выступали в роли палачей. Два последних — комендант Военной коллегии Верховного суда и комендант НКВД, скорее всего, и были непосредственными исполнителями приговора.

Как производился расстрел: взводом или отделением солдат? В НКВД по установившимся неписаным правилам это делали мастера-одиночки. Казни совершались в тюрьмах, в специальных камерах. Расстреливали приговоренных к высшей мере обычно из винтовки или револьвера, с близкого расстояния в упор — в затылок...

Блюхер возвращался в Хабаровск подавленным. Все время перед его глазами стояла картина суда над бывшими товарищами. Смертный приговор им подписало подавляющее большинство членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, лишь трое — Алкснис, Попов и он, Блюхер, воздержались^[60]. Но он все равно непосредственно причастен к осуждению...

Горела душа, Блюхер заливал ее коньяком. Порученцы, как могли, отвлекали его от тяжелых дум: завалили стол газетами, предлагали сыграть в карты... В карты играть он отказывался, а газеты изредка просматривал. Их страницы пестрели информацией о единодушном одобрении рабочими, колхозниками, интеллигенцией справедливого суда над предателями Страны Советов. Среди одобрявших были артисты Художественного театра Леонид Леонидов и Николай Хмелев, братья академики Сергей и Николай Вавиловы, писатели Александр Фадеев, Александр Серафимович, Всеволод Вишневский, Алексей Толстой...

Под рукой Блюхера оказался «Московский рабочий» за 6 июня 1937 года с выступлением на целую полосу первого секретаря Мосгоркома партии Н. С. Хрущева на московской областной конференции. Он поливал грязью троцкистского предателя, изменника Родины, врага народа Гамарника, который был членом городского комитета ВКП(б). «Это наша вина, мы проглядели, — негодовал Никита Сергеевич. — В результате этот подло маскировавшийся враг попал в состав ГК».

Маршал отбросил газету в сторону...

1937-й...

Блюхер вернулся в Хабаровск с тяжелым сердцем. Не только терзала совесть. Саднила боль за случившееся и вообще за все, что происходило и происходит в стране в этом году.

А ведь вступали в 1937-й с верой в прекрасное будущее. Ничто не предвещало недоброго.

Встретили Новый год, вспоминала Глафира Лукинична, весело. Для малышей и старших детей устроили новогоднюю елку дома. Собралось много ребятшек — нарядных, восторженных, с радостным блеском в глазах. Накрыли стол, всем были приготовлены подарки.

Василий Константинович приехал домой перекусить. Поел, устроившись на углу стола, и снова собрался в штаб. Вокруг был веселый детский гвалт. Уходя, уже у двери, он спросил у маленькой девочки, знает ли она стихи и песни. Девчушка потянула его за руку, усадила на диван, сама пристроилась рядом и, не спуская глаз с Василия Константиновича, стала читать один стишок за другим. Василий Константинович терпеливо, не прерывая, слушал ребенка, хотя и спешил...

В Доме Красной армии был праздничный концерт, затем бал-маскарад. Играл духовой оркестр. Блюхер танцевал с женщиной в маске, что не очень понравилось Глафире. Назло мужу она пошла танцевать с кем-то из мужчин. Это, естественно, не понравилось Василию Константиновичу. Потом разобрались, самим были смешны эти маленькие обиды.

Начало года обмануло добрые ожидания...

1937-й оказался ужасным годом. Уже в первые его месяцы произошли события, потрясшие страну.

Январь. Громкий процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», в который входили Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников, Н. И. Муралов. Общество волновалось, людей охватили тревога и страх перед «замаскированными террористами». Суд был скорым и суровым: «изменники Родины» понесли заслуженную кару — расстрел...

Февраль. За пять дней до открытия февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в ночь на 18 февраля умер пятидесятилетний «железный» нарком Серго Орджоникидзе.

От Дерибаса Блюхер узнал, что Орджоникидзе застрелился. Но какова причина самоубийства Серго, никто толком не знал. Ходили разные версии. Одна — довели. Сторонники этой версии шепотом произносили имя Сталина. Другая — плохое состояние здоровья: Орджоникидзе долгое время мучили болезни. В официальном же сообщении о его кончине говорилось, что он умер от разрыва сердца. Доктора Л. Левин, И. Ходоровский, которые составляли акт о смерти Орджоникидзе, вскоре были расстреляны. Они оказались в числе подсудимых по делу «правотроцкистско-бухаринского блока».

Май — июнь. Как уже рассказывалось выше, раскрытие органами НКВД контрреволюционного заговора во главе с Тухачевским...

На Пленуме ЦК Сталин выдвинул тезис: по мере успехов социалистического строительства сопротивление врагов нашей страны будет усиливаться, а классовая борьба — обостряться. Поэтому от «врагов» нужно избавляться.

Из окружения Блюхера один за другим стали выпадать соратники. Как вредители и шпионы были арестованы заместитель командующего ОКДВА М. В. Сангурский; начальник ВВС А. Я. Лапин; комкор-1, начальник Хабаровского гарнизона М. В. Калмыков; начальник бронетанковых войск армии И. И. Деревцов; командир корпуса Я. З. Покус; военный прокурор ОКДВА В. И. Малкис; помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению Г. А. Дзыза; редактор газеты ОКДВА «Тревога» И. С. Мирин; секретарь парторганизации штаба И. И. Садовников. Снят с поста командующего Тихоокеанским флотом флагман 1-го ранга М. В. Викторов...

Зачищалось и руководство края. Первый секретарь краевого комитета ВКП(б) Л. И. Лаврентьев был переведен в Крым и вскоре там арестован. Прошло совсем немного времени, и занявший его место И. М. Варейкис также попал под арест. Не избежал этой участи и Г. М. Крутов — председатель крайисполкома.

Блюхер еще не знал и даже не догадывался, что Москва начала разматывать дальневосточный клубок широкой сети «террористических организаций», якобы давно уже созданных и работающих для отторжения Дальнего Востока от СССР и передачи его Японии. В Наркомате внутренних дел

накапливались «сведения» о том, что к этим террористическим организациям причастны некоторые партийные и советские руководители края, должностные лица ОКДВА и УНКВД.

Тухачевский во время судебного процесса над ним и другими «заговорщиками» в письменном признании показал: «Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путьна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКДВА путем дискредитации командования. Лапин усиленно пропагандировал в ОКДВА теорию о том, что действия крупно организованными массами... для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь».

Признательные показания дали Сангурский, Лапин, Калмыков. Они подтвердили, что являлись членами правотроцкистской организации и вели подрывную деятельность.

Блюхера дважды приглашали на очную ставку с Сангурским, на которой бывший заместитель командарма при маршале решительно отвергал все, в чем его обвиняли. Через несколько дней после этих очных ставок Блюхеру передали короткое письмо от Сангурского: «Василий Константинович! Я дважды виделся с вами и дважды сдвинулся. Прощайте. Сангурский».

В начале августа в Хабаровск прибыл комиссар государственной безопасности 3-го ранга Г. С. Люшков. Он сменял Дерibasа, которого переводили на другую работу.

Для представления маршалу Люшков приехал в штаб ОКДВА лишь на третьи сутки.

37-летний генерал произвел на Василия Константиновича вполне приличное впечатление. На его груди сверкали ордена и знак Почетного работника ВЧК-ГПУ. Он был приветлив, улыбка, держался с почтительной вежливостью, представился достойно:

— Назначен начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю, командующим Дальневосточной погранохраны. Рекомендован в члены военного совета вверенной вам армии.

О Люшкове Блюхер узнал за неделю до его появления на Дальнем Востоке. Терентий Дмитриевич Дерibas по своим каналам был осведомлен, что в ближайшее время ему предложат новое место службы, а вместо него будет назначен Генрих Самойлович Люшков. Дерibas рассказал Василию Константиновичу краткую биографию своего сменщика.

Люшков родился в Одессе, в семье портного. Образование — несколько классов начальной школы. С двадцати лет в органах. При первом наркоме внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде занимал пост заместителя начальника секретно-политического отдела. Принимал активное участие в расследовании убийства Кирова, в работе по делам ленинградского террористического центра и троцкистско-зиновьевского центра в августе 1935 года. В начале 1936 года стал начальником УНКВД Азовско-Черноморского края, куда входил город Сочи — постоянное место отдыха Сталина. Будучи на глазах Хозяина, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Вскоре его взяли в Москву, где он был назначен начальником Управления пограничных войск НКВД. Член ЦК партии, депутат Верховного Совета СССР...

Беседа Блюхера с Люшковым длилась больше часа. Под конец Василий Константинович осторожно поинтересовался дальнейшей судьбой Дерibasа (Блюхер, конечно, утаил от нового начальника УНКВД Дальневосточного края, что с Терентием Дмитриевичем он в большой дружбе). Люшков на вопрос маршала ответил уклончиво:

— Судьбу комиссара государственной безопасности первого ранга Дерibasа будет решать Николай Иванович Ежов. — Чуть помедлив, добавил: — В согласовании с товарищем Сталиным.

Блюхер не знал, что в Москву уже ушли шифртелеграммы Люшкова об арестах сотрудников НКВД Дальневосточного края и генеральный комиссар госбезопасности Ежов доносил Сталину:

11.08.1937

Сов. секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы начальника УНКВД по Дальневосточному краю тов. ЛЮШКОВА. ВИЗЕЛЯ, ДАВЫДОВА и БУБЕННОГО приказал арестовать.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар госбезопасности ЕЖОВ.

НАРКОМВНУДЕЛ СССР тов. ЕЖОВУ

По истечении суток на допросе сегодня БАРМИНСКИЙ подал на Ваше имя заявление о своей принадлежности к правотроцкистской организации в УНКВД. Называет как участников ДЕРИБАСА, ЗАПАДНОГО, нач. отдела кадров ПОЛОЗОВА, бывшего начальника АХО БУБЕННОГО, нач. Приморского ОблУНКВД ВИЗЕЛЯ, нач. Амурского ОблУправления ДАВЫДОВА. Шпионскую деятельность пока отрицает.

О ПОЛОЗОВЕ я Вам докладывал как о троцкисте и с Вашей санкции его арестовал. ВИЗЕЛЬ снят Вашим приказом как троцкист, но до сих пор Ваш приказ не был выполнен. На мой вопрос ДЕРИБАС не мог дать никакого ответа.

ДАВЫДОВ — бывший белогвардеец, несмотря на выражение ему политического недоверия облпартконференции и его бездеятельности, ДЕРИБАС его не снял. Подозрительно все поведение ДЕРИБАСА. По моему приезду, несмотря на договоренность по телефону о личном свидании, предварительно послал на вокзал на разведку ЗАПАДНОГО, долго не появлялся в управлении и, как установлено, высматривал на смежной лестничной клетке, что делается в кабинете ЗАПАДНОГО, где я производил операцию. В разговоре со мною проявлял растерянность и раздражение по поводу своего снятия, крайнее любопытство к характеру показаний на ЗАПАДНОГО, БАРМИНСКОГО. ДЕРИБАС показывал мне харбинскую газету, где сказано о его аресте. Зная, что ЗАПАДНЫЙ допрашивается в своем кабинете, ДЕРИБАС появился там, объяснив мне, что искал меня. Подозреваем, что решил показать ЗАПАДНОМУ, что он не арестован...

Прошу телеграфировать санкцию на арест ВИЗЕЛЯ, ДАВЫДОВА, БУБЕННОГО.

ЛЮШКОВ.

На листе — рукописные резолюции: «Молотову, Ворошилову. Дерибаса придется арестовать. Ст.»; «За. В. Молотов, К. Ворошилов».

11.08.1937

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 62 184 начальника УНКВД по ДВК тов. ЛЮШКОВА.

Генеральный комиссар госбезопасности

ЕЖОВ.

НАРКОМВНУДЕЛ СССР тов. ЕЖОВУ

Арестованный по Вашей санкции № 7863 директор завода № 202 СЕРГЕЕВ показал об участии в правотроцкистском заговоре на ДВК. В троцкистскую организацию СЕРГЕЕВ завербован в 1932 году в Ленинграде зинovieвцем ЖДАНОВЫМ (бывшим директором судостроительного завода в

Комсомольске, арестован). Выезжая в 1933 году вместе с ЖДАНОВЫМ на Дальний Восток, получил задание от ПЯТАКОВА создать троцкистскую организацию на заводе № 202 и развернуть диверсионную работу.

По шпионско-диверсионной деятельности СЕРГЕЕВ был связан в Москве с МУКЛЕВИЧЕМ и СТРЕЛЬЦОВЫМ, на ДВК с краевым центром, из состава которого называет ЛАВРЕНТЬЕВА, ДЕРИБАСА, КРУТОВА, КОСИОРА. Диверсионная организация на заводе руководилась японским консульством во Владивостоке ВАТАНАБЕ и МИМУР, по прямому их заданию сорвано строительство военных кораблей. Связь с японцами по заданию организации поддерживали ДЯТЛОВСКИЙ, харбинец, завербован в правотроцкистскую организацию ЖДАНОВЫМ, и старший конструктор завода БОЖКО, завербованный в организацию кадровым троцкистом РАТНОВСКИМ. БОЖКО признался, что с начала 1934 года завербован для шпионской работы в Японии резидентом АРХАНГЕЛЬСКИМ, который связал его с японцем МОРИ. БОЖКО узаконил связи с японцами ТАМИНАВА и ТАКАХАСИ. Через БОЖКО СЕРГЕЕВЫМ РАТНОВСКОМУ переданы в разное время японской разведке производственные планы завода о строительстве спецсудов, также чертежи конструкции судов типа «Щука», «Ленинец». Названных СЕРГЕЕВЫМ участников организации арестовываем.

Дополнительно арестованы участники военно-фашистского заговора троцкисты в ОКДВА: КАЛНИН, главный инженер УВСП 460 СКО ОКДВА, военный инженер 2 ранга, не сознался. ГИТЕЛЬМАН Самсон Лазаревич, автогеносварщик мастерских погранбазы УКПВО, не сознался. БОЙКОВ Григорий Павлович, пом. нач. отделения разведывательного отдела ОКДВА, капитан, не сознался. МАЛОВ Роман Акимович, пом. нач. отделения разведывательного отдела ОКДВА, капитан, не сознался. СОЛОДУХИН Исай Иосифович, техник-интендант 2 ранга, не сознался. ЮЗЕФОВИЧ Борис Михайлович, начальник морского пограничного разведывательного пункта, майор, не сознался.

ЛЮШКОВ.

Вечером того же дня в кабинет Блюхера зашел начальник политуправления, член РВС ОКДВА Г. Д. Хаханьян. Григорий Давидович сообщил, что все руководство местного НКВД во главе с Дерибасом и Западным арестовано. Василий Константинович ужаснулся и тотчас позвонил Люшкову:

— Генрих Самойлович, мне доложили, что по вашему распоряжению взяты под арест Дерибас и Западный. Это правда?

— Правда. У меня имеются полномочия, — сухо ответил Люшков.

— Как же так? Дерибаса я знаю давно как преданного партии большевика... Я так не оставлю... Я выйду на Москву...

И опять Люшков сухо:

— С Москвой согласовано. — Голос его напрягся. — Хотел бы просить вас, Василий Константинович, впредь в данное дело не вмешиваться... Мы ведем расследование об антигосударственном заговоре...

Связь прервалась.

Блюхер был поражен. Значит, это решение сверху. Значит, можно считать: Дерибаса больше нет. Как нет больше Кирова, Орджоникидзе, Якира, Гамарника и многих других...

Наутро — новый доклад начальника штаба:

— Люшков арестовал почти весь руководящий состав Управления госбезопасности пограничной службы.

Командарм вышел на связь с Ворошиловым, пожаловался на «произвол» нового начальника УНКВД. Ответ наркома охладил Блюхера: не следует мешать Люшкову, Генрих Самойлович действует в

интересах обеспечения безопасности на Дальнем Востоке и в целом страны, действует по указанию Ежова.

Люшков продолжал бросать в тюрьму «заговорщиков», теперь уже и рядовых работников погранслужбы. За пограничниками пошли представители местной власти и простые граждане. Начались аресты среди военнослужащих ОКДВА, и Блюхер скрепя сердце выдавал «добро» на них.

«Тройки»^[61] выносили «врагам народа» сотни расстрельных приговоров и осуждений к десяти- и двадцати пятилетним срокам заключения. В состав этих «троек» в большинстве случаев входили секретарь крайкома Анисимов, прокурор Хитрово и Люшков. Председательствовал на них, как правило, Люшков.

Однажды Люшков в доверительной обстановке ознакомил Блюхера с показаниями Дерибаса и Полозова, касающимися непосредственно его.

Дерибас Т. Д.: «Между мною, Западным, Гамарником, Лаврентьевым, Крутовым, Аронштамом рассматривался вопрос об убийстве Блюхера. Убить его было нетрудно, т. к. охрана находилась в руках Западного. Теракт по отношению Блюхера должен был совершить Благовещенский — прокурор Дальневосточной железной дороги, который специально выслеживал Блюхера. Барминский С. А. (сотрудник НКВД, доверенный Дерибаса. — *Н. В.*) должен был совершить теракт. Он вел компрометацию Блюхера...»

Полозов В. Ф.: «Я участвовал в подготовке покушения на Блюхера по поручению Дерибаса. Дерибас хотел убить Блюхера из-за личной злости и ненависти к Блюхеру за его несговорчивость по части оценки линии Сталина и приближенных генсека».

— Видите, какой сюрприз вам готовил ваш друг, — сказал маршалу Люшков, выделив особой интонацией слова «ваш друг», подчеркивая этим, что хорошо осведомлен о близких отношениях Василия Константиновича с Терентием Дмитриевичем.

Изумленный Блюхер не находил слов. Неужели Дерибас хотел его уничтожить?.. А Гамарник, Лаврентьев, Крутов, Аронштам?.. Столько лет вместе, и вдруг оказалось, что они давно готовились к покушению на него... Нет, это невозможно... Это ложь, ложь, ложь... Люшков состряпал протоколы допроса и специально показал их Блюхеру с целью войти к нему в доверие.

В 1988 году в деле Т. Д. Дерибаса были обнаружены подлинные протоколы допросов, датированные 5 ноября 1937 года, именно с этими показаниями Дерибаса и Полозова...

Зачем понадобилось Терентию Дмитриевичу рассказывать о подготовке покушения на жизнь маршала? Возможно, он таким образом пытался спасти от ареста своего давнего товарища, отвести от него подозрение. Правду мы никогда не узнаем, Дерибас унес ее с собой в могилу: он был расстрелян как «враг народа»...

На глазах Блюхера резко возрастала роль и значение НКВД. После преобразования ОГПУ^[62] в Народный комиссариат внутренних дел в последнем сосредоточились все правоохранительные структуры: органы госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска, исправительно-трудовые лагеря. Численность аппарата НКВД значительно увеличилась. Комиссариат внутренних дел сравнился с Комиссариатом обороны по статусу званий работников и по материальному положению, а по полномочиям несравнимо превзошел его.

Блюхер видел, как ускоренными темпами создавалась широкая сеть лагерей для «врагов народа». С запада, юга и из центра Советского Союза в Сибирь и на Дальний Восток непрерывно шли поезда со спецпереселенцами.

По долгу командующего Дальневосточной армией Блюхер был причастен ко всему происходящему и, соответственно, вносил свою лепту в раскручивание процесса репрессий...

Он не знал, что судьба уготовила ему. Хотя предчувствие подсказывало: ничего хорошего для него не будет. Но гром еще не грянул.

В 90-е годы XX века, когда открылись многие государственные, партийные и ведомственные архивы и для историков стали доступны ранее секретные и совершенно секретные материалы, в архивном фонде ЦК КПСС был обнаружен документ: «Записка С. Г. Гендина¹⁶³¹ И. В. Сталину». На документе резолюция: «Мой архив. И. Сталин».

Сов. секретно.

ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания.

— Военно-политическая обстановка в Японии, по личному мнению и по ряду данных, полученных в иностранных и местных кругах, позволяет прийти к заключению, что выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае возрастут еще более.

Основаниями для такого заключения являлись:

а). Сообщение японского Генштаба германскому военному атташе полковнику Отту о том, что необходимо скорейшее окончание войны с Китаем и заключение мира на приемлемых условиях с тем, чтобы сосредоточенные на континенте военные силы Японии могли быть брошены против СССР...

По окончании войны с Китаем Япония без большого труда захватит внезапным нападением Владивосток и Приморье...

б). По имеющимся у Отта сведениям... руководящие круги понимают, что нападение на СССР с каждым годом становится все опаснее, и тем не менее создается впечатление, что в данное время более чем когда-либо они начинают верить в легкомысленные заверения военщины о сравнительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ввиду «неблагоприятности положения в СССР» ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином.

в). Несомненно, что установка «теперь или никогда» в отношении войны с СССР значительно популяризируется. Либеральный внук князя Сайондзи в разговоре со мной с сожалением констатировал наличие этой тенденции в кабинетских и капиталистических кругах. Он считает, что эта тенденция принимает часто характер политики катастроф. Он также говорил о смехотворной недооценке мощи СССР (об этом же говорил и Отт). Ведутся, например, серьезные разговоры о том, что есть основание рассчитывать на сепаратистские настроения маршала Блюхера, а поэтому в результате первого решительного удара можно будет достигнуть с ним мира на благоприятных для Японии условиях. (Отт с возмущением слушал сообщение высланного из Владивостока германского консула, который несколько месяцев тому назад со всей серьезностью рассказал группе офицеров из Генштаба, что при первом серьезном ударе японцев красноармейцы Владивостока и Приморья сдадутся в плен, чему японцы, видимо, абсолютно верят, находя в этом подтверждение широко распространенного, хотя и не всеобщего мнения по этому вопросу.)

Британский морской атташе капитан Роулинг также констатировал наличие этой тенденции, вызывающей у него недоумение, так как и его круги не знают ничего определенного по поводу последствий истории Тухачевского для мощи Красной Армии...

Ст. майор государственной безопасности
14 декабря 1937 г.¹⁶⁴¹ ГЕНДИН.

В показаниях Дерибаса и в записке Гендина Блюхеру даются прямо противоположные характеристики. Одна отражает его преданность Сталину, другая — его «сепаратистские настроения».

Есть еще одна характеристика Блюхера — в показаниях Тухачевского, сделанных им 1 июня 1937 года: «Во время разговора Якир сказал, что он совместно с Гамарником и Осепяном^[65] ведет работу по вовлечению в заговор политических работников армии. Тут же Якир спросил, что я думаю о настроениях Блюхера. Я ответил, что у него есть основания быть недовольным центральным аппаратом и армейским руководством, но что отношение к нему Сталина очень хорошее. Якир сказал, он хорошо знает Блюхера и при первой возможности прозондирует его настроение. Был ли такой зондаж — я не знаю».

ПЕРВОЕ ПОДОЗРЕНИЕ

Тема дальневосточного контрреволюционного заговора все более занимала внимание власти. Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берия в письме Сталину от 20 июля 1937 года писал:

«Дорогой Коба!

Следствие по делам контрреволюционеров Грузии разворачивается дальше, вскрывая новых участников гнуснейших преступлений против партии и советской власти. Арест Г. Мгалоблишвили, Л. Лаврентьева-Картвелишвили (Картвелишвили был исключен из партии и арестован 22 июня 1937 года в Крыму. — *Н. В.*), Ш. Элиава... проливает яркий свет на предательскую работу, которую вели они, состоя в контрреволюционной организации правых...

Опубликованы некоторые другие документы, преимущественно „документы Люшкова“, где указывается:

„По шпионско-диверсионной деятельности Сергеев был связан в Москве с Муклевичем и Стрелковым, на ДВК с краевым центром, из состава которого называет Лаврентьева, Дерибаса, Крутова“.

„... У Лаврентьева было одно совещание на квартире... распределялись министерские портфели“...

„Арестованный в Хабаровске бывший краевой прокурор Чернин признал свое участие в заговоре, связь с Лаврентьевым, Крутовым и другими активными заговорщиками“.

Вместе с Кабаковым и другими Лаврентьев был также назван в показаниях Яковлева:

„... Через Варейкиса — Баумана мы были связаны с группой правых в Москве — Каминским, Бубновым... на периферии — с руководящими работниками областных и краевых парторганизаций — правыми и троцкистами, возглавляющими антисоветские организации...“

БЕРИЯ».

Блюхер об этом письме Берии Сталину, естественно, не знал. Как и еще об одном документе, который был представлен Сталину в конце 1937 года и касающемся Дальнего Востока и лично его, маршала Блюхера.

10 декабря на стол Сталина легла темно-серая кожаная папка со стопкой листов машинописного текста с грифом «Совершенно секретно». Первый лист — сопроводительная Ежова: «Направляю полученный нами агентурным путем японский документальный материал — доклад бывшего японского военного атташе в Москве капитана Коотани — „Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)“, сделанный им на заседании японской дипломатической ассоциации в июле 1937 года.

Докладу Коотани предшествует вступительное слово начальника советской секции 2-го отдела японского генштаба полковника Касахара.

Членами японской дипломатической ассоциации являются виднейшие политические и военные деятели Японии. Заседания ассоциации секретны.

Народный комиссар внутренних дел

10.12.1937 г. *ЕЖОВ*».

Первые абзацы доклада капитана Коотани с предисловием полковника Касахара о положении дел в Советском Союзе, который он сделал на 99-м заседании японской дипломатической ассоциации, заинтересовали Сталина. Из материала следовало, что в Японии не верят в реальность «военно-фашистского заговора» в СССР. И бывший помощник японского военного атташе в Москве, и генштабист утверждали, что неправильно рассматривать расстрел Тухачевского и нескольких других руководителей Красной армии как результат вспыхнувшего в армии антисталинского движения. Правильно будет видеть в этом продолжение масштабных чисток, пронизывающих всю страну. Подобного рода процессы, надо полагать, будут иметь место и в дальнейшем.

В докладе подчеркивалось, что Сталин стремится достичь политического укрепления внутри страны и обеспечить себе свободу действий для проведения в жизнь своих планов. Он уже провел первый этап политического укрепления — урезание коммунистической партии...

Сталин с нарастающим интересом углублялся в чтение доклада капитана Коотани: «Ленин говорил, что партия будет непрерывно расти, но если предоставить ее рост самотеку, она начнет загнивать, ввиду чего необходимо в подходящие моменты устраивать чистки для изгнания всех чуждых элементов. Чистки неоднократно проводились в прошлом, но чистка, начатая в позапрошлом году, была первым шагом в задуманной Сталиным общей чистке внутри государства. Эта большая чистка была проведена под именем обмена партдокументов. Все партийные билеты были забраны, и всем тем, за кем было что-нибудь в прошлом, кто не оправдывал звания члена партии и кто представлял собой пассивный элемент, новые документы не выдавались... За период до середины прошлого года было, таким образом, исключено несколько сот тысяч человек...

Вслед за этой большой чисткой, в августе прошлого года имел место процесс так называемого объединенного центра, с Зиновьевым и Каменевым во главе. На этом процессе были, по указанию Сталина, опубликованы во всеобщее сведение показания подсудимых, которые уже привлекались по делу об убийстве Кирова и находились под надзором. 16 подсудимых было расстреляно. Это было второй стадией работы Сталина по чистке внутри страны. На процессе объединенного центра было названо имя расстрелянного сейчас Путьны, и уже во время процесса или непосредственно после него Путьна был арестован. Он занимал должность атташе в Лондоне и, как говорят, был под каким-то предлогом отозван и арестован на границе.

Не помню, кто именно дал показания на процессе Зиновьева — Каменева о том, что в Красной армии были созданы ячейки, замышлявшие убийство Ворошилова и других руководителей армии (может быть, и Сталина). С этого времени начались аресты и в армии...»

С особым вниманием, с карандашом в руках Сталин (он любил во время чтения делать в тексте пометки) прошелся по четвертому разделу доклада капитана Коотани «Отношения между Сталиным, Ворошиловым и Блюхером»: «Газеты пишут о напряженных отношениях между Сталиным и Ворошиловым либо между Ворошиловым и Блюхером, якобы возникших в результате дела Тухачевского. На эту тему ведется много разговоров. Я хочу высказать свое мнение по этому поводу.

И Сталин, и Ворошилов, как я уже говорил, представляют собой две руководящие фигуры в Политбюро. Если начать перебирать всех руководящих деятелей Политбюро или правительства, как Молотов, Калинин, Межлаук, Микоян, Каганович и т. д., то ни один из них не обладает такой популярностью и энергией, как Ворошилов. Часто говорят о Кагановиче, но он принадлежит к еврейской нации, которую не любит большая часть 170-миллионного населения СССР, и не обладает данными, чтобы вести за собой государство. В конечном счете, остается один Ворошилов. Прежде всего, он — руководитель армии численностью в 1 800 000. Даже Сталин со всей своей смелостью не может игнорировать эту громадную силу и вонзать в нее свой нож. Проводя такие решительные мероприятия, Сталин, несомненно, действует рука об руку с Ворошиловым, а кроме того, ему, кроме

Ворошилова, в данный момент не на кого опираться. Молотов — тип школьного учителя, Калинин — просто деревенщина, среди остальных нет крупных людей. Однако, учитывая растущую подозрительность Сталина, ни в коем случае нельзя поручиться, что Сталин в будущем не подведет Ворошилова, тем более принимая во внимание быстрые темпы перемен в России, о которых говорил полковник Касахара. Быть может, пока я здесь выступаю, в вечерних газетах уже появилось сообщение из Москвы: „Расстрел Ворошилова“ (хотя, конечно, если судить по сегодняшней обстановке, это еще невозможно).

Но вот на кого нужно обратить внимание — это на Ежова из ГПУ. Не он ли? Ежов еще молод и во многом напоминает погибшего Кирова. Благодаря нынешнему процессу он еще более вырос, и если его популярность в дальнейшем возрастет, то он, быть может, сможет стать опорой Сталина...

Далее, об отношениях между Блюхером и центром. Если бы со стороны Блюхера имели место выступления против власти, его ни в коем случае не держали бы на изолированном Дальнем Востоке, во главе 300-тысячной армии с 1200 самолетами и 1200 танками, против Маньчжурии и Японии, которые внушают им такие большие опасения. Это — доказательство того, что нынешняя власть и особенно Сталин доверяют Блюхеру. Если бы имелись хотя бы малейшие симптомы враждебности, которую якобы питает Блюхер, то ведь он и в прошлом, и в позапрошлом году несколько раз ездил в Москву, и от него в любой момент можно было избавиться. Это, однако, не делалось. С точки зрения самого Блюхера, на отдаленном Дальнем Востоке он ничего не может сделать, что бы ни предпринимало центральное правительство, но зато, без лишнего честолюбия, в нынешнем положении он царек Дальнего Востока. Если же все будет идти гладко, то, может быть, придет момент, когда и на его долю выпадет лакомый кусочек, и нет никакой необходимости идти на рожон против власти.

Поэтому я утверждаю, что все слухи об оппозиции Блюхера к комбинации Сталин — Ворошилов, о существовании каких-то осложнений или разногласий основаны также на надеждах, а не на фактах. Однако какие изменения это может претерпеть в будущем — неизвестно».

В этом разделе Сталин сделал несколько пометок — подчеркивания, вопросительные и восклицательные знаки, закавычивания. Строки, в которых Коотани называет Блюхера царьком Дальнего Востока, выделил жирной чертой...

Что думалось «отцу народов» во время чтения доклада бывшего помощника японского военного атташе в Москве? Может, в его цепкой памяти всплыли строки из немецкого военного журнала «Дойче Вер», где в июне, в связи с делом Тухачевского, в статье «Счастье и гибель Тухачевского» было написано: «История когда-нибудь скажет нам, какую роль он играл в действительности... Тухачевский хотел быть „русским Наполеоном“, который, однако, слишком рано раскрыл карты, либо же, как всегда, его предали в последний момент».

Немцы увидели в маршале Тухачевском «русского Наполеона», теперь японцы в маршале Блюхере — «царька Дальнего Востока»...

Возможно, именно в этот момент у Сталина возникло первое стойкое подозрение: а не причастен ли Блюхер к «военно-фашистскому заговору»?..

Отношения Блюхера с Ворошиловым внешне были равными и даже товарищескими (во всяком случае, со стороны Ворошилова). Однако командующий ОКДВА внутренне испытывал неприязнь к наркомму. Василий Константинович не раз делился с женой своими трудностями в работе с высшим начальством. Как-то он задумчиво сказал Глафире: «Если б не Главный Хозяин, Клим бы не в ковше, а в ложке воды утопил меня...»

После июня 1937 года, когда устранены были Тухачевский и Гамарник, их места заняли верные Сталину люди — Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис, Е. А. Щаденко, Блюхер ощутил, как усиливается на него давление. Прежде всего со стороны нового начальника Политического управления РККА Мехлиса. Лев Захарович, по всей видимости, не забыл ни «совместную» с Блюхером службу в 20-м году на

Врангелевском фронте, когда он был «энергичным» комиссаром Правобережной группы войск, а командующим «морально угнетенный», «безынициативный» Блюхер, ни 15-летний юбилей победы над Врангелем...

История с юбилеем победы над Врангелем такова. В ноябре 1935 года отмечалось 15-летие штурма Перекопа. Блюхер в это время отдыхал с семьей в санатории «Барвиха». К нему приехали журналисты записать воспоминания. Корреспонденты газеты «Правда» (главным редактором был в это время Мехлис) с машинисткой разместились на первом этаже в свободной комнате. Несколько позже, по договоренности с Блюхером главного редактора «Известий» Н. И. Бухарина, приехали «известинцы», тоже со своей машинисткой.

Глафира Лукинична вспоминала: «„Бухаринцев“ разместили, в секрете от „правдинцев“, в нашей спальне, которая сообщалась с гостиной через ванную комнату. Блюхер ходил по гостиной и диктовал, я сидела за столом и записывала. Порученец Василия Константиновича Некрасов брал у меня исписанные листки, относил „правдинцам“, у них забирал уже отпечатанный текст, клал мне на стол. Василий Константинович, ходя по комнате, перекладывал эти отпечатанные листки на стул, их брали „известинцы“... „Конспирация“ удалась, „правдинцы“, работая на первом этаже, подвоха не заметили.

Прочитав опубликованные в „Правде“ и „Известиях“ статьи, посвященные 15-летию Перекопа, Василий Константинович сказал: „Когда-нибудь я расплачусь за это, Мехлис мне этого не забудет“. „Известия“ напечатали воспоминания Блюхера почти в полном объеме, в „Правде“ статья была значительно сокращена. Василий Константинович считал, что Мехлис (в будущем, после ухода из жизни Гамарника, начальник Политуправления РККА) не простит ему того обстоятельства, что Блюхер не возвел его, Мехлиса, в ранг одной из центральных фигур, сыгравших видную роль во взятии Перекопа, и при малейшей возможности будет мстить».

И теперь он мстил. Продолжалось разрушение командно-политического ядра ОКДВА. Накануне 1938 года Мехлис вызвал в Москву начальника политуправления армии Хаханьяна для решения вопроса о его дальнейшей работе. Но никакого предложения по повышению по службе от начальника ПУРа не поступило: Хаханьян был арестован, объявлен «врагом народа» и вскоре расстрелян.

«ЦАРЕК» ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Был ли Блюхер, по утверждению японского военного дипломата, на самом деле «царьком» Дальнего Востока?

Конечно, Блюхер чувствовал себя здесь хозяином, непререкаемым авторитетом. Это чувство в нем породило и постепенно упрочило многолетнее положение главного военачальника мощной вооруженной силы на огромном пространстве отдаленного от центра восточного края страны. И безусловно, оно подогревалось славой героя Гражданской войны, победителя под Волочаевкой и на КВЖД.

А кроме того, Блюхер очень любил Дальний Восток, с которым у него многое было связано. По словам Глафиры Лукиничны Безверховой-Блюхер, Василий Константинович хотел умереть здесь и быть захороненным вместе с героями-волочаевцами. Он никогда не высказывал желания жить и работать в центральной части Союза. Хотя однажды, будучи в Москве (при поездке в Одинцово в гости к Дерibasу), у него вырвалось: может, уйти со службы, стать в Подмосковье или в другом месте директором завода или совхоза?.. Колол бы дрова, дети учились бы в столице... И тут же отверг — нет, он ни за что не оставит Дальний Восток.

Блюхер нередко роптал в адрес Центра: «Не понимают они там наших трудностей, оторванности от цивилизации, не знают условий жизни военнослужащих, да и всех наших дальневосточников».

Но эти трудности не затмевали Блюхеру красоты любимого края. Бывая весной в Приморье, он каждый раз восторгался красотой Сучанской долины, а окрестности Волочаевки, район вокруг сопки

Июнь-Карань, где в 22-м шли ожесточенные бои за советский Дальний Восток, называл «дальневосточной Швейцарией».

Василий Константинович был настоящим патриотом края, где жил и служил. Во всех публичных выступлениях, в личных беседах всегда называл Дальний Восток «прекрасным», «замечательным», «родным», «нашим», «моим». И непременно подчеркивал: «Мы никому никогда его не отдадим».

В последнем своем выступлении по краевому радио он страстно говорил: «Наш большевистский Дальний Восток — это поистине один из богатейших краев Страны Советов. Он огромен и полон неисчислимых богатств. Сердце радуется, когда видишь, как по-новому, по-советски шумит тайга, как люди осваивают необозримые пространства от Амура до Охотского моря, раскрывают тайны дальневосточных недр».

На Дальнем Востоке, как и по всей Советской стране, жить становится все лучше. Это, в частности, сказывается в том, что очень многие рабочие, техники, инженеры, прибывающие в край на временную работу, оседают в нем на долгие годы. Их захватывает наш родной Дальний Восток своей героикой, своими замечательными перспективами.

Но все же мало, слишком мало строителей в нашем крае. И мне кажется, это является следствием того, что трудящиеся Советского Союза мало о нем знают. В художественной литературе, на киноэкране до сих пор по-настоящему еще не показан новый большевистский Дальний Восток, пришедший на смену „дебрям Уссурийского края“, о которых в свое время писал Арсеньев...

Мы, дальневосточники, хотим, чтобы о нашей нынешней жизни узнали все трудящиеся страны...

Мы горячо любим наш край и никому его не отдадим. Мы будем бдительно и прочно охранять его от всякого нашествия со стороны врагов. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, Тихоокеанский флот, Краснознаменная погранохрана никогда и никому не позволят топтать советский цветущий большевистский дальневосточный огород. Мы это доказывали не раз».

Как вел себя «царек» с коллегами по работе, с друзьями, близкими? Каким был в быту? Если судить по публикациям в периодической печати, по воспоминаниям его соратников, по свидетельствам родственников, современников, то Блюхер предстает человеком хотя и противоречивым, но, безусловно, заслуживающим уважения.

Генерал армии А. В. Хрулев: «Блюхер много пил... Но это не мешало ему оставаться порядочным человеком. С товарищами по работе вел себя достойно. Был требовательным, но не унижал людей».

А. З. Кушешвили, бывший кинооператор Дальневосточной студии кинохроники, который однажды на первомайской демонстрации сфотографировал Блюхера с Дерibasом и Западным: «...Парад и демонстрация закончились, я подошел к Блюхеру и попросил разрешения сфотографировать. Только начал прицеливаться, появились Терентий Дмитриевич Дерibas и Семен Израилевич Западный. „Давайте, давайте, — позвал их Василий Константинович, — пристраивайтесь, сфотографируемся все вместе, на память...“ Он подтрунивал над Семеном Израилевичем, который был высокого роста. „Задал ты хлопот фотокорреспонденту. Как вот встать нам, чтобы все вышли в кадре... Ты хоть присядь, что ли“.

Раньше я не знал: каков он, легендарный Блюхер-человек в жизни, а не на „иконе“. И увидел: веселый, общительный, с людьми, ниже себя рангом, держится просто, как товарищ с товарищем.

Потом еще несколько раз мне посчастливилось общаться с Блюхером. И я навсегда сделал для себя о нем вывод: чудесный человек, чуткий, отзывчивый».

Военный корреспондент В. П. Гольцев: «Писать портрет маршала Блюхера одной розовой краской нельзя. Он был человек очень сложный: одновременно и могучий, и слабый. Он был сын своего времени — бурного, стремительного, революционного. Оно в своем захватывающем вихре несло и большие корабли, и разный строительный мусор. Блюхер был властолюбивой натурой, его поведение порой граничило с деспотизмом».

Дочь Зоя: «Отец был натура могучая, неумная, подчас противоречивая. В нем уживались железная воля, твердая решительность, порой жесткость, с удивительной мягкостью, чуткостью, сентиментальностью...»

Секретарь военного совета Дальневосточного фронта И. М. Крысько: «Я относился к Блюхеру с большим уважением. Он был очень требовательным, в то же время заботливым о подчиненных. Но был у него один „штрих“, к которому я относился неодобрительно, — злоупотребление спиртными напитками».

Порученец Блюхера С. А. Попов: «Блюхер был склонен к роскоши, нескромен в быту. Он построил на Амуре дорогую дачу, имел персональные моторные лодки. Устраивал вечера с выпивками, на которые приглашались женщины... Ко мне Блюхер относился справедливо».

В своих воспоминаниях вдова маршала просто и живо пишет о муже. От Блюхера веяло спокойным мужеством, он был красив и строг. Глаза синие, в последние годы сине-стальные. Он был гостеприимным хозяином, любил петь и танцевать, ценил острое словцо. Курил. Отдавал предпочтение папиросам «Аллегро» и «Строминг». Умел быть сдержанным, скромным. Как-то они пошли в ресторан. Когда появились в зале, все немедленно обернулись к ним, стали аплодировать. Официант церемонно провел знаменитую пару в кабину: «Что желаете?» Василий Константинович заказал себе пиво со льдом, а жене (она в то время была кормящей матерью) — молоко. Так скромно?.. Официант был очень удивлен...

Особенностью Блюхера была исключительная аккуратность во всем. Возьмем одежду: гимнастерка со свежим подкрахмаленным подворотничком, брюки-полубриджи строгого покроя, тщательно выглаженные. Летом ходил в сапогах, индивидуально сшитых в военной мастерской, зимой в фетровых бурках. Ремень носил широкий, с крупной металлической пряжкой. Португепя у него до конца жизни была одна, еще с Гражданской войны.

На отдыхе одевался, как правило, в штатское, особенно любил русскую косоворотку.

Жил Блюхер с семьей не во дворце — в небольшом благоустроенном особняке с круглосуточной охраной и прислугой. Имел дачу на берегу Амура в селе Богдановка в двенадцати километрах от города.

Легендарного маршала обычно представляют исключительной личностью, ни в чем непогрешимым, чуть ли не святым. А он ведь был обыкновенным, таким, как все. И человеческих слабостей, недостатков в нем было предостаточно.

В конце 90-х годов ушедшего века сильно постаревшая, тяжело больная вдова маршала порой говорила о нем: «Шикарно жил Василий Константинович. Любил он жизнь. Впадал во все тяжкие... Было... Всякое было... В последние годы крепко напивался. Ужасен бывал в эти моменты. Я даже уйти от него хотела...»

В другой раз говорила о нем иное: «Необыкновенный был человек Василий Константинович! В нем было все прекрасно: внешний вид, предупредительность в отношении с людьми... Он называл меня родной, любимой Рафушкой... Таким, как он, не гордиться нельзя...»

ИЗМЕНА КОМИССАРА НКВД ЛЮШКОВА

На Дальнем Востоке всё предвещало скорую военную бурю. Япония день ото дня нагнетала напряженность на советско-маньчжурской границе.

К середине лета 1938 года обстановка сложилась особо угрожающая.

В 30-е годы среди азиатских стран Япония была, пожалуй, единственной страной, которая шла вровень с перворазрядными капиталистическими государствами в области территориальных захватов. В 1931 году она напала на северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию) и образовала на оккупированной территории марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с императором Пу

И. Япония планировала после захвата Маньчжурии прибрать к рукам Монголию и Китай и затем, овладев всеми ресурсами Китая, перейти к завоеванию Индии, Малой Азии, Центральной Азии... Война против Советского Союза считалась неизбежной.

В последующие годы Япония спешным порядком строила в Маньчжурии военные заводы и арсеналы, аэродромы и казармы, прокладывала стратегические коммуникации. И всё это вблизи советской границы. В Маньчжоу-го разместилась 130-тысячная Квантунская армия, почти треть всех вооруженных сил Японии того времени. Кроме того, там находилось более ста тысяч войск императора Пу И.

Был принят закон о всеобщей мобилизации, который, как признал позднее бывший премьер-министр Японии Окада, служил целям подготовки к войне с СССР.

Генштаб Японии решил опробовать свою военную силу в противоборстве с Советским Союзом. На первом этапе предусматривался захват Владивостока, Уссурийска, Имана, а затем Хабаровска и Благовещенска.

Начиналось всё, как это характерно для военщины Японии, с провокаций. За три года (1936–1938) на границе СССР было зафиксировано 231 нарушение, из них 35 крупных боевых столкновений. В советских территориальных водах процветал хищнический лов рыбы. Японцы захватывали советские суда: «Терек», «Кузнецкстрой», «Рефрижератор № 1», катер «Отважный». Участились вооруженные инциденты на участках Турий Рог и у озера Ханка, Полтавского и Гродековского укрепленных районов.

Блюхер понимал: его армию ожидают серьезные испытания.

В начале июня особенно участились провокации в районе озера Хасан. Японский генеральный штаб устроил демонстрационную рекогносцировку сопки Заозерной, на которую были приглашены представители иностранных миссий, в частности высокопоставленные чины германской армии.

Блюхер в это время на Дальнем Востоке отсутствовал, был в Москве, где проходило награждение группы командиров ОКДВА. Василий Константинович получил второй орден Ленина, носить который ему, к сожалению, не пришлось; в архивах нет ни одной его фотографии с двумя орденами Ленина.

Вернувшись из столицы, Блюхер узнает невероятную новость: пропал начальник УНКВД Дальневосточного края Люшков.

Он выехал на проверку состояния границы с Маньчжурией. Трое суток инспектировал пограничные подразделения, проверял бдительность пограничников в нарядах. С особой тщательностью он изучал участок 59-го Посыетского погранотряда. Ночью 13 июня Люшков вместе с начальником отряда К. Гребенником и заместителем начальника разведотдела краевого управления лейтенантом госбезопасности К. Стрелковым вышли непосредственно к границе. Здесь Люшков сообщил начальнику погранзаставы, что намерен встретиться в «окне» с нелегальным агентом из Маньчжурии. По инструкции начальник заставы не должен видеть агента, поэтому Люшков велел подвести его к «окну», а затем отойти на полкилометра и ожидать дальнейших распоряжений.

Начальник погранзаставы ждал час, два — Люшков не возвращался. Заподозрив недоброе, рискуя за нарушение инструкций попасть под «тройку», он решился подойти близко к границе. Комиссара НКВД нигде не было. Страшное подозрение пронзило пограничника, он бросился к телефону, отдал команду поднять заставу в ружье...

О пропаже начальника УНКВД Дальневосточного края, командующего Дальневосточной погранохраной и члена Военного совета Дальневосточной армии немедленно доложили в Москву. Были подняты по тревоге близлежащие воинские части. В короткий срок тысячи людей прочесали весь участок местности в районе 59-го погранотряда. Но Люшков как в воду канул.

Сталин сделал вывод: начальника УНКВД Дальневосточного края похитила японская контрразведка.

Зарубежная советская агентура получила задание любой ценой установить местонахождение чекистского генерала. Ежов приказал арестовать всех причастных к исчезновению Люшкова.

Из агентурных источников поступили первые сведения о том, что высокопоставленный чекист бежал из СССР, сознательно перешел границу и сдался японским властям. Из Кремля последовал новый приказ: уничтожить Люшкова в любом месте, где только он будет обнаружен...

В советской прессе о побеге Люшкова долгие годы не сообщалось ничего.

В 2004 году в российской печати появились публикации об измене комиссара НКВД Люшкова и его побеге в Японию. В одной из них — «Комиссар, перебежчик, предатель» С. Николаева — по всем законам детективного жанра увлекательно рассказывалось о таинственном исчезновении чекистского генерала.

...Южная окраина Приморской области. Утро 13 июня 1938 года.

Полицейские Ханчунского погранполицейского отряда Катосима и Танобин не спеша обходили свой участок. Вдруг они уловили, что кто-то идет. Оба присели: в густом тумане показались очертания человека. Когда тот подошел на 40–50 метров, полицейские окликнули его. Человек мгновенно остановился, вытащил из-за пазухи два револьвера и бросил их на землю, а потом высоко поднял руки...

Нарушитель границы был одет в серый комбинезон.

Полицейские отвели его в с. Тойсон. Там он отдал свое удостоверение. С большим трудом записали они так, как поняли, фамилию и имя задержанного: Юсиков Енириф (то есть Люшков Генрих).

Уведомленный своими подчиненными о задержании перебежчика, в Тойсон немедленно выехал Суэки Хифуми, командир подразделения Ханчунского пограничного отряда. Там он увидел Люшкова. Под его комбинезоном — гимнастерка военного образца, черные брюки-галифе с красным кантом. На гимнастерке — три ордена. Полицейские доложили, что кроме двух револьверов у Люшкова обнаружено четыре тысячи маньчжурских гоби и 300 рублей.

После краткого опроса комиссара советской госбезопасности переодели в гражданское и отвезли в город Ханчун. Здесь по разрешению местной японской военной миссии он дал в отеле «Аконт Ямато» первое интервью.

Как писали западные журналисты, он «безжалостно разоблачал сталинскую безумную деятельность, направленную на борьбу с политическими противниками...».

Командование Квантунской армии предложило доставленному в Харбин Люшкову опубликовать в эмигрантских газетах и журналах открытое письмо о причинах своего бегства из СССР, что он и сделал. Наряду с заявлением и автобиографией Люшкова были помещены его фотография в военной форме, фотокопии партийного билета, удостоверения личности и депутата Верховного Совета СССР, пропуск на XVII партсъезд.

Неизвестно, какие документы Люшков передал японским властям, но в эмигрантской прессе указывалось, что он — большое приобретение для Японии, оказал японскому командованию значительную помощь в выявлении действительной мощи советских войск, расположенных на советско-маньчжурской границе...

Но не только за выдачу секретов государственной важности японские власти хорошо приняли Люшкова. Они знали: Люшков, прибыв на Дальний Восток, развязал невиданный и откровенный террор, им было скомпрометировано значительное число командно-политического состава войск, дислоцировавшихся на советско-маньчжурской границе...

Из стенограммы допроса Люшкова в штабе разведки Квантунской армии полковником Танаки:

«Танаки. Почему вы решили бежать и получить здесь политическое убежище?

Люшков. Я почувствовал, что мне грозит опасность.

Танаки. Какая именно опасность вам грозила?

Люшков. В конце мая я получил известие от ближайшего друга в НКВД, что Сталин приказал арестовать меня. Я узнал также, что Ежов откомандировывает в Хабаровск, где находится Дальневосточное управление НКВД, Мехлиса и Фриновского.

Танаки. Назовите вашего друга в НКВД.

Люшков. Прошу не требовать от меня этого. Скажу только, что этот человек — один из тех, кто занимает в НКВД положение сразу вслед за Ежовым. („Ближайшим другом“ Люшкова был заместитель наркома внутренних дел Абрам Левин. — *Н. В.*)

Танаки. Кто такие Мехлис и Фриновский?

Люшков. Мехлис — начальник Политуправления Красной Армии. Фриновский — заместитель Ежова. Оба пользуются большим доверием Сталина. Мехлис отвечает за чистку в Красной Армии, Фриновский отвечает за это в НКВД. Перед прибытием в Хабаровск я решил бежать.

Танаки. Чем вы вызвали гнев Сталина?

Люшков. До августа прошлого года я являлся начальником Управления пограничных войск НКВД. (Люшков умолчал, что в 1936–1937 годах был начальником УНКВД Азово-Черноморского края и одновременно председателем „тройки“, где уничтожил тысячи ни в чем не повинных людей. — *Н. В.*) Ежов направил меня на Дальний Восток наблюдать за действиями штаба Особой Дальневосточной армии. Сталин занимался тогда чисткой правых элементов. Мне было поручено выявлять их, в частности недовольных чисткой в штабе Особой Дальневосточной армии, которой командует Блюхер. О положении в штабе и в армии я был обязан докладывать непосредственно Сталину и Ежову. Но отыскать порочащие Блюхера факты я не смог, и мне нечего было сообщать в Москву. Поэтому Сталин и Ежов решили, что я заодно с недовольными элементами. Они задумали подвергнуть чистке вместе с Блюхером и меня».

Люшкова допрашивали сотрудники японской контрразведки. Предателя заставили выступить в печати. Он заявлял: его измена обусловлена тем, что «ленинские принципы перестали быть основой политики партии». Раньше, когда чекистский генерал одним росчерком пера отправлял на казнь тысячи невинных, «ленинские принципы» его устраивали. Теперь, когда машина репрессий стала работать и против ее создателей, угрожала лично ему, Люшкову, и некоторым его соратникам, таким же, как он, большевикам из числа так называемых «правых», генерал не на шутку перепугался.

То, что предатель «сливал» японцам важные секреты, волновало многих работников НКВД и штаба ОКДВА. Наряду с государственными тайнами на поверхность могли всплыть неприятные моменты из деятельности отдельных должностных лиц. Блюхер за себя не беспокоился: ему, как он считал, бояться нечего — Люшков не располагал компроматом на него. Это не то, что было в марте...

В марте проходил крупный судебный процесс по делу «правотроцкистского блока», на котором главными обвиняемыми были бывший член Политбюро ЦК Н. И. Бухарин, бывший член Политбюро ЦК и председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков, бывшие члены ЦК и наркомы Крестинский, Розенгольц, Гринько, Чернов. Тогда Василий Константинович со страхом ждал своего «разоблачения». Он боялся, что Бухарин и Рыков расскажут на суде об их контактах с командующим ОКДВА на XVI и XVII съездах ВКП(б). Особенно опасался, что Александр Иванович Рыков упомянет о письме, посланном им Блюхеру с предложением, в случае смены руководства страны, занять пост Ворошилова.

К счастью, тогда ни Бухарин, ни Рыков, ни другие подсудимые о маршале Блюхере не сказали ни слова. Но через полгода о его связях с «правыми» и злосчастном письме расскажет Берии Гулин, помощник командарма по связи, близкий Василию Константиновичу человек. Вот отдельные фрагменты из протокола допроса арестованного Сергея Фадеевича Гулина от 28 октября 1938 года:

«Вопрос. В 1930 году вы учились на курсах в Ленинграде и в середине учебы были отозваны Блюхером. Расскажите, чем вызывалась необходимость вашей поездки в Хабаровск?

Ответ. Телеграмму от Блюхера с предложением немедленно прибыть в Хабаровск я получил в начале мая 1930 года. В конце мая я приехал в Хабаровск и сразу пошел к Блюхеру на квартиру, где и застал его собирающимся в Москву. Я спросил Блюхера, почему он меня вызвал, может быть, на границе есть какие-нибудь неприятности? На это он мне ответил: „Ничего подобного. Я еду в Москву вместе с женой и в Москве, может быть, останусь. Я получил предложение А. И. Рыкова занять пост наркома по военно-морским делам, в Хабаровске нужен свой человек, который бы информировал о положении в ОКДВА“...

Вопрос. Что произошло после возвращения Блюхера из Москвы?

Ответ. Когда Блюхер был еще в Москве, в газетах я прочитал его выступление на съезде против „правых“ и, в частности, против Рыкова. Зная о том, что Блюхер полностью солидарен с Рыковым и получил от него даже приглашение занять пост наркома, выступление Блюхера на съезде меня очень удивило.

Когда Блюхер вернулся в Хабаровск, я пришел к нему на квартиру и спросил, что произошло с ним и почему он выступил на съезде против Рыкова и „правых“, тогда как сам полностью разделяет их взгляды? Блюхер ответил, что в Москве обстоятельства заставили его переориентироваться, и рассказал следующий эпизод.

В Москве Блюхер остановился в гостинице. Порученцы Блюхера, прибывшие вместе с ним — Попов и Крысько, — пропустили представителей Промпартии^[66], которые предлагали Блюхеру занять пост военного министра в случае, если они придут к власти.

Вопрос. Кто это — они?

Ответ. Промпартия. Блюхер якобы не дал им, т. е. представителям Промпартии, прямого ответа на их предложение.

О факте посещения Блюхера представителями Промпартии каким-то путем узнал Сталин. Он вызвал Блюхера к себе и имел специальный разговор. „Я, — говорил мне Блюхер, — на это Сталину ответил: прости, я был выпивши, мои порученцы пропустили их ко мне, поэтому я не помню, какие переговоры с ними вел“. Всю вину свалил на порученцев и на свое нетрезвое состояние. „Ты же понимаешь, — говорил мне Блюхер, — что после этого мне ничего не оставалось делать, как выступить на съезде против ‘правых’ и хоть как-то реабилитировать себя. Я это сделал, а в разговоре со Сталиным заявил ему, что я предан партии, что буду поддерживать партию, и предан лично Сталину“.

Вопрос. У Блюхера с Рыковым были встречи перед партсъездом?

Ответ. Да, перед тем как выступить на съезде, Блюхер встречался с Рыковым. Выступление Блюхера на партийном съезде против „правых“ было санкционировано Рыковым. Это делалось с целью маскировки, так как другого выхода в сложившейся обстановке, в связи с приемом представителей Промпартии, не было. Тогда же, как мне рассказывал Блюхер, он дал согласие Рыкову принять пост наркомвоенмора при победе „правых“.

Еще об истории одного письма, полученного Блюхером от Рыкова...

Вопрос. Хотите рассказать?

Ответ. Примерно полгода спустя после партсъезда (конец 1930 года. — *Н. В.*) в армии было совещание высшего командного состава. После совещания Блюхер устроил у себя на квартире банкет для командиров дивизий и корпусов. На этом банкете был и я. В середине банкета Блюхер стал сильно волноваться, вызвал к себе в кабинет жену, Галину Александровну (это вторая жена — Кольчугина), порученца Попова и начал их ругать. Я спросил Попова о причине этого волнения. Попов мне ответил, что комиссар дивизии Двинский и другие смотрели альбом, а в альбоме, по

предположению Блюхера, лежало письмо, полученное от Рыкова. Я спросил, что это за письмо? Попов мне сказал, что письмо получено давно, и передал его содержание. Я думаю, что и сейчас смогу почти в точности воспроизвести его: „Дорогой Василий Константинович, в ближайшее время должна произойти перемена в правительстве, и я рад вас видеть на посту главы всех вооруженных сил РККА. А. И. Рыков“.

Когда я сопоставил дату получения письма и разговор с Блюхером, я понял, что это и есть то письменное предложение, о котором говорил мне Блюхер в конце мая 1930 года, когда он отправлялся в Москву...

Вопрос. Что еще вы можете сообщить о Блюхере?

Ответ. Блюхер очень много пил. Особенно в последние годы. Он лечился в Москве от пьянства. В пьяном виде бил молодую жену Рафу. Я часто бывал вместе с Блюхером, общался с ним и его семьей. Почти ежедневно... Поэтому могу сказать, что образ жизни его был тяжелый. Он так пил, что на конференции даже доклад не мог сделать. Пил ночью и днем... Все это знали и скрывали. Например, он в вагон садился с утра, а вечером вылезал из него, так никуда и не поехав, пропьянствовав весь день...»

Это — серьезный компромат на маршала. Но он появится у НКВД только через полгода.

А сейчас от бегства предателя Люшкова лихорадило многих высоких начальников, и прежде всего в столице. Он рассказал японцам все, что знал. По линии НКВД выдал важнейшие из секретов — организацию советской агентурной сети в Японии, Китае и других тихоокеанских государствах, раскрыл всех перевербованных чекистами агентов, снабжавших японцев дезинформацией. Японские спецслужбы получили данные о том, как передаются в СССР шифровки от резидентов советской разведки, узнали их имена — Као и Лео. К счастью, кроме псевдонимов, Люшков об этих людях больше ничего не знал, поскольку с резидентами напрямую работал Центр.

Чекистский генерал-предатель был хорошо осведомлен о состоянии боеготовности СССР на Дальнем Востоке, расположении военных объектов, аэродромов, складов боеприпасов, образцах оружия, уровне подготовки личного состава частей и соединений Особой Дальневосточной армии.

Все эти важные сведения об обороноспособности советского Дальнего Востока, полученные от Люшкова, сыграют свою роль в подготовке японского правительства и его генштаба к нападению на Советский Союз.

Побег Люшкова коренным образом изменил отношение Сталина к Ежову. Хозяина с некоторых пор возмущали в нарком развратность и пьянство, а также «искривления» в борьбе с врагами народа. Авиаконструктор А. С. Яковлев в своих мемуарах поведал, как однажды Сталин при встрече с ним в 40-х годах разоткровенничался о Ежове: «Ежов — мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь к нему в Наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли».

Сталин готовил смещение Ежова. Он делал теперь ставку на Лаврентия Павловича Берия, своего верного земляка. Через два месяца Берия будет назначен первым заместителем наркома внутренних дел.

Блюхер хорошо знал Берия, который десять лет, с 1921 по 1931 год, был в руководстве ЧК — ГПУ Закавказья, жестоко расправлялся с партийным инакомыслием, потом стал первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, Закрайкома ВКП(б). Прочитав в газете в конце августа о назначении Берии заместителем главы НКВД, Глафира Лукинична спросила Василия Константиновича: хорошо это или плохо? Он ответил: «Плохо. Очень плохо».

Как ни бился Ежов, его люди найти и доставить в СССР или уничтожить на месте беглеца-изменника не смогли. О дальнейшей судьбе Люшкова мало что известно. По разным слухам, до 1945 года он будто бы обитал где-то в Маньчжурии, продолжал работать на японскую разведку. После 1945-го словно в воду канул.

В последнее время появились публикации, в которых говорится, что в конце июля 1945 года Люшкова видели в Дайрене, он работал в интересах Квантунской армии под фамилией Ямогучи Хасигюто. С разгромом советскими войсками Квантунской армии японцы решили устранить Люшкова.

Американский исследователь И. Кукс, долгие годы занимавшийся историей предательства Люшкова, утверждает, что в 1945 году, незадолго до занятия Дайрена советскими войсками, Люшков был убит.

«19 августа, вечером, начальник Дайренской японской военной миссии Такеока предложил Люшкову зайти для переговоров по его делу...

„Я имел намерение отравить Люшкова в кабинете, — давал потом показания Такеока, — для чего имел при себе в маленьком флакончике 5 граммов цианистого калия в кристаллах... Я предложил ему чай, рассчитывая незаметно положить в него яд... Однако Люшков чай не стал. Я стал вести разговор о том, чтобы он покончил самоубийством. Но Люшков отказался... Я предложил пойти в порт, подыскать судно, на котором он мог бы уплыть в Китай. На ступеньках к выходу во двор я быстро зашел вперед и внезапно из браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал“.

Далее — фрагмент допроса начальника разведывательного отделения этой миссии Аримица Кадзуо: „Такеока приказал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали поднимать его, человек застонал. Такеока приказал мне задушить этого человека, но я отказался. Тогда Такеока приказал его застрелить. Я взял пистолет и выстрелил в висок. Труп мы завернули в одеяло, отнесли его на задний двор, бросили на кучу угля...“

Той же ночью Такеока предложил труп кремировать как японского военнослужащего Ямогучи, покончившего жизнь самоубийством...»

В двадцатых числах июня 1938 года из Новосибирска в Хабаровск на место Люшкова был переведен начальник УНКВД старший майор госбезопасности Г. Ф. Горбач. Новый начальник УНКВД арестовал заместителя Люшкова, работавшего с ним еще в Азово-Черноморском крае, — Г. М. Осинина. Его должность занял майор госбезопасности М. С. Ямницкий.

Между Блюхером, Горбачем и Ямницким сложились деловые отношения, но они не стали ни дружескими, ни доверительными, какими были с Дерibasом и Западным.

НАПРЯЖЕНИЕ НА ГРАНИЦЕ

Генерал армии И. Н. Шкадов, участник боевых событий у озера Хасан, в своей книге «Озеро Хасан. Год 1938-й» обстоятельно описал обстановку накануне нападения японцев.

Что представлял собой район крупной военной провокации Японии против советского Дальнего Востока?

Посьетский район, самая южная оконечность дальневосточного Приморья, имел весьма важное значение: здесь сходились границы СССР, марионеточного государства Маньчжоу-го и Кореи. Граница Советского Союза с юга на север проходила по реке Тумэнь-ула (Туманган), отделяя советскую территорию от Кореи. Протянувшись так около 20 километров, граница с Кореей переходила в границу с Северо-Восточным Китаем (Маньчжурией) и отступала от реки. В этом месте между СССР и Кореей длинным узким языком вклинивалась территория Маньчжурии.

Почему японская военщина избрала для вооруженной авантюры район озера Хасан?

Ответ на этот вопрос следует искать в характере местности и особенностях топографии Посъетского района.

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или, как их называют в Приморье, сопки, находится всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой — в 130 километрах от Владивостока.

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километров на 60–70, то чем дальше на юг, тем все ближе она подходит к побережью. Здесь местность представляет собой узкую прибрежную полосу — низменную и сплошь болотистую, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. И только немногочисленные сопки возвышаются над болотистой равниной.

Такими сопками, открывающими обзор на Посъетский залив, являются высоты Заозерная и ее соседка с севера — Безымянная, по вершинам которых проходила граница с Китаем. Обе они являются частями одного скалистого кряжа, спускающегося на нашу сторону прямо в озеро Хасан.

Если бы японцам удалось захватить эти высоты, то у них появилась бы возможность держать под постоянным наблюдением и прямым огнем артиллерии весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посъета, угрожать всему побережью в направлении на Владивосток.

Конечно же, планируя свою авантюру, японская военщина рассчитывала на гарантированный успех. Ее убеждал в том очень трудный для организации нашей обороны характер местности. Если идти от границы в глубь советской территории, то сразу за сопками Заозерная и Безымянная увидишь озеро Хасан. Его северный и восточный берега находятся на расстоянии 150–200 метров от границы. Словом, обе сопки отделены от остальной советской территории довольно широкой водной преградой, которую можно обойти только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам. Болотистая местность и ограниченное количество дорог не позволяли нашему командованию в короткий срок подвести в этот район тяжелую артиллерию, эффективно использовать бронетанковую технику.

К форсированной подготовке крупного вооруженного конфликта в Приморье японцы приступили с начала 1937 года. Особое внимание они сосредоточили на участке, охраняемом Посъетским пограничным отрядом. Как свидетельствуют факты, участок обстоятельно изучался с суши, с моря и с воздуха.

Помимо явных провокационных выпадов на границе японцы вели тайную подготовку к военным действиям. В начале июня бойцы Посъетского погранотряда задержали на территории СССР группу японских диверсантов из 29 человек. Они намеревались провести ряд террористических актов и поджогов в приграничных районах, чтобы посеять панику среди местного населения.

Свои агрессивные намерения японцы подкрепляли крупным сосредоточением войск в Маньчжурии в непосредственной близости от нашей границы. Буквально накануне хасанских событий на участке Посъетского пограничного отряда (на этом участке 13 июня предатель Люшков перебежал к японцам) была сосредоточена пехотная Ранамская императорская дивизия с артиллерией, танками, кавалерией, бронепоездами.

В своих планах японский генеральный штаб отводил значительное место белоэмигрантам, обосновавшимся в Маньчжурии. На переговоры к атаману Семенову был направлен офицер штаба Ямаока. Как выяснилось позднее, Семенов получил указание в случае удачного развития операции в районе озера Хасан действовать без промедления «для закрепления тактического успеха».

В районе предполагаемых боевых действий японцы неоднократно организовывали с провокационной целью разнообразные учения, которые, как правило, заканчивались у самой линии государственной границы. Подобные демонстрации могущества и силы Страны восходящего солнца были не чем иным, как попыткой запугать нас.

3 июля 1938 года к высоте Заозерная, на которой находился пограничный наряд из двух бойцов, выдвинулось около роты японских солдат и офицеров... Но наши пограничники вели себя хладнокровно и сдержанно, внимательно наблюдая за действиями непрошенных гостей...

Несколько ранее, в мае 1938 года, за два месяца до начала боев у озера Хасан, японцы произвели инспекторскую проверку готовности войск к войне против Советского Союза, в которой приняли участие командующий Квантунской армией генерал Уэда и так называемый военный министр Маньчжоу-го Юй Чжишань.

После завершения инспектирования начальник штаба Квантунской армии сообщил заместителю военного министра Тодзю в Токио о готовности войск и о том, что местность, прилегающая к границе Советского Союза, всесторонне изучена.

Однако возведенный японцами за короткий срок железобетонный пояс оборонительных укреплений оставался, образно говоря, «без застежки» — господствующей высоты, которая имела важное оперативно-тактическое значение. Именно такой высотой и являлась сопка Заозерная.

Заозерная находилась в районе стыка трех государств: СССР, Китая и Кореи. Наша граница с Маньчжурией была сухопутной, а с Кореей шла по реке Туманган и далее — по морю. Сопка Заозерная, упирающаяся в водный рубеж, на этом участке в сочетании с другими чисто тактическими преимуществами местности значительно повышала боевую мощь японских фортификационных укреплений. Район реки Туманган и прибрежного участка Тихого океана мог образовать довольно крепкий фланг японского Хунчунского укрепрайона. Словом, тот, в чьих руках находились сопка Заозерная и примыкающие к ней высоты, имел, образно говоря, ключ от границы на этом направлении...

В июле в деревню Хомоку прибыл взвод японских солдат, который приступил к сооружению различных служебных построек вблизи Заозерной, установке воздушной линии связи. Это было еще одним доказательством того, что японцы ведут методическую, хорошо продуманную подготовку к захвату высоты.

Вот что сообщал в те дни командованию округа начальник Посьетского пограничного отряда Гребенник: «...Наблюдением с высоты Заозерной установлено: 20.7.38 г. с 11 часов 15 минут до 11 часов 40 минут в озере, что у деревни Хомоку, купалось 50 человек. В составе этой группы было два человека в белых костюмах и шляпах, которые стояли на берегу и вели наблюдение в сторону Заозерной. Купающиеся расквартированы в пос. Хомоку. До 20.7.38 г. указанные лица в пос. Хомоку не наблюдались...»

Надо отметить, что сопки Заозерная и Безымянная вызывали интерес японцев и в оперативном плане. Сопки эти невысоки (Заозерная — 150 метров), но с них можно без каких-либо оптических приборов детально просматривать побережье, железные дороги, тоннели, другие сооружения, прилегающие к границе. Имея в своих руках эти высоты, японцы могли бы держать под наблюдением, а в случае развязывания военных действий и под уничтожающим огнем весь участок нашей территории к югу и западу от Посьетского залива...

О происходящем на границе юга дальневосточного Приморья Блюхер регулярно докладывал Ворошилову. Но Москва и так знала о критическом положении на Дальнем Востоке. Нарком обороны требовал от командующего ОКДВА форсированно укреплять оборону на наиболее угрожаемых направлениях.

1 июля 1938 года приказом Ворошилова Особая Краснознаменная Дальневосточная армия преобразовалась в Дальневосточный фронт, командующим фронтом был утвержден маршал Блюхер.

Преобразовать ОКДВА во фронтовое объединение было не так просто. Срочно формировались две армии: 1-я Приморская (командующий комбриг К. П. Подлас) и 2-я Отдельная Краснознаменная (командующий комкор И. С. Конев). Из-за репрессий ощущался большой недокомплект

командно-политического состава в войсках. Несмотря на увеличение войск фронта более чем на 100 тысяч человек, этой мощной силы не чувствовалось: части были распылены на огромных пространствах, пополнение личного состава осуществлялось медленно, не хватало вооружения. В районе озера Хасан в срочном порядке сосредоточивалась 40-я стрелковая дивизия. Штаб работал неслаженно, так как укомплектовывался наспех.

20 июля японский посол Момору Сигемицу предъявил советскому правительству ультиматум о передаче Японии части территории СССР у озера Хасан, конкретно — высоты Безымянная и Заозерная. Японский дипломат угрожал: если сопки не будут переданы добровольно, императорская армия применит силу. На что нарком иностранных дел М. М. Литвинов ответил: «Если господин Сигемицу считает веским аргументом запугивание с позиции силы, перед которым отдельные государства действительно пасуют, то должен напомнить вам, что он не найдет успешного применения в Москве».

Ультиматум был отвергнут, и тогда японцы срочно передислоцировали в район озера Хасан ряд отборных соединений своей армии. Эти соединения и части были оснащены новейшей техникой и вооружены по штатам военного времени. Группировку поддерживал авиационный полк в составе семидесяти самолетов.

В свою очередь, 24 июля в ответ на сосредоточение японских войск военный совет Дальневосточного фронта отдает 1-й Приморской армии директиву немедленно подтянуть батальоны 118-го и 119-го стрелковых полков 40-й стрелковой дивизии и эскадрон 121-го кавалерийского полка в район Заречья. Всем сухопутным войскам, авиации, системе ПВО предписывалось перейти на положение полной боевой готовности. Пограничники получили указание соблюдать спокойствие и выдержку, не поддаваться на провокации, применять оружие только в случае прямого нападения японцев.

КОНФЛИКТ У СОПОК БЕЗЫМЯННАЯ И ЗАОЗЕРНАЯ

29 июля пограничная служба доложила: японские войска захватили Безымянную и Заозерную сопки.

Как развивались события?

29 июля, 16 часов 40 минут. Сопку Безымянная, где находились 11 пограничников во главе с лейтенантом Махалиным, атаковала японская рота пехотинцев. Потеряв пять человек убитыми, советские пограничники оставили сопку.

29 июля, 18 часов 00 минут. На помощь пограничникам Махалина из Пакшекори прибыли пограничная застава и рота поддержки под командованием лейтенанта Д. Левченко. Наши подразделения захватили высоту и отбросили японцев, нанеся им ощутимые потери.

30 июля. На высотах между сопками Безымянная и Заозерная занял оборону батальон 118-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии.

31 июля, 09 часов 25 минут. Сильным артиллерийским огнем японцев обстреляна сопка Заозерная, после этого три батальона японской пехоты напали одновременно на сопки Заозерная и Безымянная. Превосходство в силах было на стороне японцев, к тому же японская артиллерия непрерывно обстреливала советские подразделения, в то время как нашим артиллеристам было запрещено вести огонь по объектам на территории противника. Под натиском превосходящих сил противника наши стрелковые подразделения и пограничники, неся потери, отошли вдоль южного и северного берегов озера в глубь советской территории.

31 июля, 18 часов 10 минут. Советские войска разрозненными действиями отдельных рот и батальонов пытались вновь овладеть высотами, однако, не поддержанные в должной мере артиллерией и танками, не добились успеха.

1 августа. Получен приказ наркома обороны, в котором Ворошилов категорически потребовал «в пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию».

Из воспоминаний командующего Тихоокеанским флотом Н. Г. Кузнецова: «1 августа 1938 года Василий Константинович позвонил мне. Он спешно направлялся к месту боев и просил доставить его туда морем. К назначенному часу был приготовлен эсминец. Я выехал на аэродром встречать маршала. Было совсем рано, когда самолет совершил посадку.

В. К. Блюхер прибыл с П. И. Мазеповым. Маршал выглядел озабоченным и утомленным. „Как с перевозками? Много ли прибывает раненых?“ — поинтересовался он, едва мы отъехали от аэродрома. Я ответил, что грузы доставляются без задержки, а раненых немного, всех их разместили в морском госпитале.

Нигде не задерживаясь, мы подъехали к причалу, возле которого стояли корабли. На мостике эсминца маршал спросил, когда мы будем на месте, потом все всматривался вдаль, часто задумывался и не сразу отвечал на вопросы.

Район боевых действий был тяжелым. Подходы к месту боев для крупных подразделений затруднялись узким, труднопроходимым ущельем, к тому же туда вела единственная плохая дорога. Может, это и беспокоило маршала?..»

Блюхера беспокоило другое. В отличие от доклада погранслужбы, что на Безымянную первыми напали японцы, он располагал иной информацией — сначала наши нарушили границу. Выходило, что конфликт развязала советская сторона. Свое мнение он доложил в Москву и потребовал наказания виновных.

В ответной телеграмме нарком обороны Ворошилов назвал утверждения Блюхера чепухой.

В этот период в Хабаровске находились приехавшие из Москвы начальник Политического управления РККА Л. З. Мехлис и заместитель наркома внутренних дел М. П. Фриновский¹⁶⁷¹.

Из воспоминаний Глафиры Лукиничны: «Они были у нас дома вместе с членом Военного совета фронта П. И. Мазеповым. Собрались в кабинете Василия Константиновича. После разговора муж пришел в спальню за папиросами, внутренне взвинченный, попросил принести ему коньяк. Я стала возражать, просила его ни в коем случае не пить. Василий Константинович сказал, дословно: „Ты знаешь, сейчас мне крайне необходимо это: приехали акулы, которые хотят меня сожрать. Они меня сожрут или я их, не знаю — второе маловероятно“».

Приказ наркома обороны Ворошилова: «Смести и уничтожить интервентов» выполнен не был.

2 августа был отдан приказ частям 40-й стрелковой дивизии 39-го стрелкового корпуса немедленно выступить против японцев. Противник к этому времени успел прочно укрепиться на занятых высотах. Японская артиллерия располагалась на южном берегу реки Тумень-Ула и простреливала подходы к высотам с юга и с севера. Тем не менее командир 40-й дивизии докладывал в штаб Приморской армии: «Приказ выполнен, в 9.00 дивизия перешла в наступление и ведет успешные бои». Но он не доложил, вернее, побоялся доложить, что дивизия перешла в наступление, совершенно к нему не подготовившись. Совершив 200-километровый марш и не закончив сосредоточение, без предварительной рекогносцировки местности, не имея полных данных об обороне и огневых средствах противника, 40-я вслепую двинулась на японцев. Неудачно прошел и второй день — 3 августа. Из-за отсутствия должного взаимодействия артиллерии с пехотой стрелковые подразделения не имели огневой поддержки и в ходе наступления несли большие потери от артобстрелов противника. Все атаки были безрезультатны.

Итог наступления Москвой был оценен отрицательно. Как писал к 80-й годовщине конфликта на Хасане военный историк В. Золотарев в статье «Перед бурей», наступление с треском провалилось. «Из пяти артиллерийских дивизионов к полному бою успели подойти лишь несколько батарей. Из-за тумана стрелковые войска действовали без авиационной поддержки. Танки, экипажи которых не знали местности, застредали в болотах и канавах. Управление боем было крайне плохо организовано, к тому же множество начальников вмешивались в действия войск. В разговоре по прямому проводу на вопрос начальника Генерального штаба, какова боевая задача 40-й стрелковой дивизии, ее командир ответил, что получил три задачи — от фронта, армии и корпуса.

4 августа Главный военный совет направил на Дальний Восток директиву, в которой маршал Блюхер и начальник штаба Дальневосточного фронта комкор Г. М. Штерн предостерегались от повторения ошибки, совершенной 2–3 августа 40-й стрелковой дивизией. Директива обязывала организовать атаку высоты Заозерная с обоих флангов, имея фронт наступления на протяжении от озера Хасан до реки Тумень-Ула.

Для решения поставленных задач по освобождению советской территории к району озера Хасан были подтянуты другие соединения и части 39-го корпуса: 32-я стрелковая дивизия, 2-я механизированная бригада, а также ряд отдельных частей и подразделений. Войска 39-го корпуса имели на вооружении 673 ручных пулемета и 341 станковый, 58 орудий калибра 45 мм, 179 орудий калибра 76 мм, свыше 280 танков и шесть бронемашин и насчитывали около 23 тысяч человек личного состава, командовать которыми было приказано Штерну...»

В один из приездов с Хасана в Хабаровск Василий Константинович был в состоянии крайнего возбуждения, на грани срыва. Вместе с ним в маршальском салон-вагоне приехали Мехлис и Фриновский. На выходе из тамбура Блюхер в сердцах несколько раз повторил: «Всё предали, все предали». Успокаивая его, Глафира Лукинична просила не говорить так громко, в салоне все слышно... Из его рассказа она поняла, что Мехлис во время пребывания в районе боевых действий во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменить командующего. Он, Блюхер, был вынужден отменить один приказ Мехлиса 40-й дивизии. Говорил, что если бы этот приказ был выполнен, то дивизия была бы оскальпирована японцами.

Между Блюхером и Мехлисом непрерывно происходили стычки. Начальник политуправления РККА все время вмешивался в оперативную деятельность штаба фронта. По свидетельству секретаря Военного совета фронта И. М. Крысько, он слышал, как в кабинете происходили ссоры Блюхера с Мехлисом и Фриновским, нередко доходило до крика. Чтобы прохожие на улице не слышали этих перепалок, порученцы командующего приказывали шоферам машин, стоявшим у штаба, «прогреть моторы»...

Мехлис в каждом разговоре по телефону с Москвой взвинчивал руководство Наркомата обороны и лично Сталина сообщениями о нерешительности командования Дальневосточной армии и, в частности, о бездеятельности лично Блюхера.

Как-то Ворошилов позвонил по прямому проводу члену Военного совета Дальневосточного фронта Мазепову: «Что там у вас происходит?» Мазепов ответил, что ничего особенного. «А с Блюхером что?» Мазепов сообщил, что командующий заболел. «Товарищ Мазепов, — спросил нарком, — болезнь маршала проходит без участия Бахуса или же это имеет место?» Мазепов: «Отвечаю, что на протяжении последних трех дней у меня не сложилось оснований к тому, чтобы утверждать, что этот процесс болезни проходит с участием Бахуса. Было два случая во время обедов, когда он просил к столу коньяк и выпивал только две рюмки, большего не было».

Войска фронта продолжали вести ожесточенные, но пока безуспешные бои. Приказ наркома обороны все еще не был выполнен...

Из воспоминаний участника боев у озера Хасан В. Ф. Заржецкого, который был младшим командиром батальона связи, обслуживал в штабе телеграфные аппараты и непосредственно проводил переговоры с Москвой, Хабаровском, Краскином, где располагался полевой штаб фронта:

«В одну из ночей хасанских событий в мое присутствие на узле связи оперативный дежурный из Москвы запросил наш штаб: что происходит на Хасане и есть ли связь до сопки Заозерной, Пулеметной и Безымянной? До Краскино связь существовала, а дальше была нарушена.

Вскоре стало известно, что японцы заняли нашу территорию: сопки Заозерную, Пулеметную и Безымянную... Наши войска пытаются отбить их, но японцы, имея выгодные условия боя, с высот не уходят...

Рано утром вели переговоры с товарищем Ворошиловым командующий армией Подлас и начальник штаба армии Полковников, которые доложили об истинном положении в районе боевых действий.

...Мне несколько раз приходилось обеспечивать переговоры товарищей Блюхера, Рычагова, Штерна и Мехлиса с Москвой, с товарищем Сталиным, Ворошиловым... Помню хорошо приглушенный голос маршала Блюхера...»

Истинное положение в районе озера Хасан все еще не радовало.

Блюхер был вызван к прямому проводу для разговора со Сталиным. Диалог был недолгим, но красноречивым.

Сталин. Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер. Докладываю. Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову¹⁶⁸¹ приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталин. Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно.

Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задеть корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют японцы! Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины? Жду ответа.

Блюхер. Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в 11.20 — истребители. Рычагов обещает в 13 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, если Бряндинский полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполним их с большевистской точностью.

Мехлис после разговора Сталина с Блюхером по прямому проводу четко уловил дух отношения Хозяина с маршалом и тут же в нужном для Кремля русле стал разбираться в подлинных обстоятельствах неудачных действий ДКфронта на Хасане. Прежде всего, он «увидел» в позиции маршала двурушничество. «Порой трудно отличить, когда перед тобой выступает командующий или человек в маске», «Блюхер льет воду на мельницу японцев», — докладывал он в телеграммах Сталину и Ворошилову.

Бывший связист Заржецкий запомнил, как на завершающем этапе Хасанской операции Мехлис вел со Сталиным разговор. На вопрос Сталина: «Где товарищ Блюхер и что он говорит?» — Мехлис ответил: «Блюхер у себя в вагоне, никого не принимает. Морально больной, и все время повторяет — „Мою армию ошельмовали“ и „Не считайте меня больше командующим“».

5 августа началось решительное наступление на японцев.

Под руководством Штерна 32-я и 40-я стрелковые дивизии совместно со 2-й механизированной бригадой нанесли с юга и с севера удары по всей группировке противника западнее озера Хасан. Нанесение ударов по противнику происходило в невыгодных для него погодных условиях: стоял сильный туман, который не позволил обороняющимся японцам эффективно использовать авиацию и артиллерию.

После полудня 6 августа погода улучшилась. Воспользовавшись этим, наши бомбардировщики совершили массированный налет на японские боевые позиции. На противника были сброшены 1592 бомбы. Но японцы не понесли больших потерь, так как бомбометание производилось не прицельно — по площади.

40-я дивизия вела ожесточенный бой за сопку Пулеметную, которая находилась на пути к высоте Заозерной, однако овладеть ею не смогла. Не оказали пехотинцам нужной помощи и наши танки. Их метко поражали противотанковые орудия японцев, они тонули в непроходимых болотах. К 7 августа части 40-й дивизии, несмотря на потери, все же овладели вражескими позициями у поселка Дигашели и высоты Пулеметная.

32-я стрелковая дивизия действовала более успешно. Ее части вышли к северным скатам высот Черная и Безымянная.

Несмотря на некоторые тактические успехи, в целом группа Штерна не добилась выполнения поставленной задачи. Причины? Первая — плохая разведка; вторая — слабое огневое подавление обороны противника; третья — неудовлетворительное взаимодействие пехоты, танков, артиллерии, авиации.

Еще четыре дня у озера Хасан шли кровопролитные бои. И только к полудню 11 августа высоты Заозерная и Безымянная наконец были освобождены...

Посол Японии в Москве запросил прекращения огня и предложил начать переговоры по урегулированию конфликта.

По всей стране было оповещено, что крупное вооруженное столкновение на Хасане закончилось полной победой Красной армии над зарвавшимися самураями. Но ни в печати, ни по Всесоюзному радио не было сказано, какой ценой досталась эта победа. А цена была немалая. Наши войска потеряли (по уточненным ныне последним данным) убитыми 792 человека, ранеными — 3279 человек. Потери японцев составили: 500 человек убитыми, 900 — ранеными. В приказе наркома обороны СССР № 0040 от 4 сентября 1938 года потери были значительно занижены: 408 человек убитыми и 2307 ранеными; потери японцев — втрое больше.

Блюхер вернулся из района боевых действий в Хабаровск к исходу дня 11 августа. Зоя Васильевна Блюхер, дочь маршала, рассказывала: «Когда нам стало известно, что инцидент на Хасане завершился поражением японцев, мы приготовились к торжественной встрече отца, нарядились во все лучшее, сочинили речь... Отец скорой походкой вошел в дом и вроде бы даже не заметил наши наряды, наши приготовления. Сухо поздоровался и сразу проследовал в кабинет. Мы растерянно смотрели друг на друга, не решаясь вслух высказать недоумение... И за ужином, который обычно проходил шумно, весело, стояла непривычная тишина. Переговаривались между собой шепотом. Мы все ждали, что вот-вот отец улыбнется, заговорит в обычной веселой манере, шуткой развеет гнетущую атмосферу. Но этого не случилось».

Победа была отмечена награждениями за мужество и отвагу соединений, частей, отдельных командиров и красноармейцев. Орденом Ленина была удостоена 40-я стрелковая дивизия, орденом Красного Знамени 32-я стрелковая дивизия и Посьетский погранотряд. 26 участников боев за Хасан

стали Героями Советского Союза, почти 6500 бойцов и командиров получили различные ордена и медали.

Блюхер к награде представлен не был. Мехлис и Фриновский намекнули маршалу, что ему придется держать ответ перед Сталиным и наркомом обороны.

В Хабаровске в связи с победой под Хасаном и восьмой годовщиной ОКДВА состоялась праздничная демонстрация. Трудящиеся несли портреты руководителей партии и правительства, героев Гражданской войны, как тогда было принято, но портретов Блюхера в колоннах, как бывало раньше, видно не было. В своем выступлении на митинге первый секретарь крайкома ВКП(б) С. М. Соболев торжественно называл отличившихся в боях на Хасане, но имени маршала Блюхера не упомянул...

Вскоре Ворошилов вызвал Блюхера в Москву на заседание Главного военного совета РККА.

Перед отъездом Василий Константинович долго говорил с братом Павлом, он служил на Дальнем Востоке военным летчиком в звании капитана, был командиром звена. Павел жил в Хабаровске, неподалеку от маршала, и поэтому Василий Константинович просил его в случае чего позаботиться о его семье, на всякий случай оставил ему деньги.

Прощаясь, сказал:

— Ты, Павлуша, ко всему будь готов... Может произойти всё...

Вместе с Блюхером отбыли в Москву и Мехлис с Фриновским. Они везли «дело маршала», сфабрикованное ими здесь, на Дальнем Востоке, которое ляжет в основу рассмотрения событий на Хасане Главным военным советом РККА.

ИТОГИ ХАСАНСКИХ СОБЫТИЙ

26 августа поездом № 1 Владивосток — Москва Блюхер прибыл в столицу. По распоряжению Ворошилова в гостинице «Метрополь» ему был отведен номер 273, рядом, в 274-м, разместился его офицер для особых поручений секретарь Военного совета фронта Иустин Крысько.

До утра Блюхер отдыхал в гостинице, затем вызвал машину и провел день в поездке по столице. Ему хотелось хоть немного отвлечься от мыслей, что угнетали его в последние недели. Москва жила своей обычной шумной жизнью. Бодрые, улыбающиеся москвичи, как всегда, куда-то спешили. Василию Константиновичу думалось: всем им до него, Блюхера, до его душевной боли нет никакого дела.

В течение двух суток Блюхера никто не беспокоил. Воспользовавшись этим, Василий Константинович встретился с Яковом Владимировичем Смушкевичем. С ним он с давних пор был в приятельских отношениях. Смушкевич в то время был заместителем командующего ВВС РККА. Блюхер договорился с ним о переводе брата Павла с Дальнего Востока. Яков Владимирович понимал, что Блюхеру-младшему служить там теперь будет весьма трудно, и обещал, что сделает все возможное.

И все же эти свободные двое суток тянулись мучительно долго. Только на третий день Блюхера пригласили в Кремль — на Политбюро ЦК.

Когда он зашел в комнату заседаний, члены Политбюро обсуждали вопросы обустройства Дальнего Востока. Речь шла о строительстве железной дороги стратегического назначения в Приморье.

В комнате, где проходило заседание Политбюро, на стене висела карта. Сталин, показывая на ней намеченную линию будущей дороги, вдруг спросил Блюхера, согласен ли он с этим маршрутом. «Не согласен», — ответил Василий Константинович и показал, где, по его мнению, должна пролегать дорога. Сталин жестом подозвал Поскребышева и сказал: «Нужно внести поправку в план строительства дороги, где указал товарищ Блюхер. — И опять неожиданно Блюхеру: — А протоколы Политбюро вы получаете?»

Блюхер не получал. И ответил, глядя в глаза Сталину: «Нет. Протоколов заседаний Политбюро ЦК я не получаю».

Хозяин отвернулся...

После этого разговор пошел о хасанских событиях. Тон задавал нарком Ворошилов, постоянно нападая на Блюхера. Он обвинял его во всех грехах. Другие члены Политбюро тоже поливали грязью командующего ДКфронта. От предоставленного слова в свою защиту Василий Константинович отказался. Было уже ни к чему оправдываться. И унижительно...

30 августа в номере у Блюхера раздался телефонный звонок. Дежурный Наркомата обороны сухо сообщил: «31 августа в 11 часов состоится заседание Главного военного совета РККА. Нарком Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов приглашает вас прибыть на это заседание...»

31 августа точно в 11 часов состоялось заседание Главного военного совета РККА, подводились итоги боев в районе озера Хасан. Это было очень тяжелое для Блюхера заседание. Он ушел с него не просто подавленный, а совершенно уничтоженный...

Через одиннадцать дней нарком обороны СССР издал под грифом «Совершенно секретно» приказ за номером 0040 от 4 сентября 1938 года. В нем говорилось:

«31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов военного совета: т.т. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского. Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и члена Военного совета ДКфронта тов. Мазепова, пришел к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск ДКфронта.

События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДКфронта. Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, содержание и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов, как фронтовых складов, так и в войсковых частях оказалось в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружилось, что важнейшие директивы Главного военного совета и Народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 чел. убитыми и 2307 чел. ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операции наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими.

И только из-за расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и свыше тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — около 40 %, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму наших бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность

территории своей социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам ДКфронта — обеспечить на ДВ полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта — оказалась невыполненной.

Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с. г. своим постановлением (протокол № 8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1-му июля с. г. всех бойцов, находящихся в таких откомандировках. Несмотря на это командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов частей, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно не подготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеются. Во многих случаях целые арт. батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались не пристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях ДВ, изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней ДКфронта, и в первую очередь командующий маршал Блюхер.

Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки ДКфронта и правдиво информировать Наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта — т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28–31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск ДКфронта и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск ДКФронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под предлогом особой бдительности он оставил вопреки указаниям Главного военного совета и Наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая, таким образом, войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников... Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам ДКФронта.

Руководство командующего ДКФронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Всё его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22-го июля директиву Народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, — тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 28 августа подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса и зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила „нарушение“ нашими пограничниками Маньчжурской границы на три метра и, следовательно, „установила“ нашу „виновность“ в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркому об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и др. „виновников в провокации конфликта“ с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни с всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского Правительства и приказов Наркома, т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1-го августа с. г., при разговоре по прямому проводу т.т. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: „Скажите, т. Блюхер, честно — есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание — я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно“.

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и Народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как Нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказа т. Блюхеру выехать на место событий, — т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров, в частности командование 1-й армии фактически отстраняется от руководства своими войсками без всяких к тому оснований; дезорганизует работу фронтового управления и тормозит разгром находящихся на нашей территории японских войск. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от установления непрерывной связи с Москвой, несмотря на

бесконечные вызовы его к прямому проводу Народным комиссаром обороны. Целых трое суток, при наличии нормально работающей телеграфной связи, нельзя было добиться разговоров с т. Блюхером.

Вся эта оперативная „деятельность“ маршала Блюхера была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12-ти возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с. г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призвать в военное время на ДВ всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедленно отменен Наркомом.

На основании указаний Главного военного совета приказываю:

В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей ДКФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, — управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.

Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

Создать из войск Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознаменную Армию в составе войск, согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й Армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление Армией дислоцировать — г. Ворошилов. В состав Армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й Армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознаменную Армию в составе войск, согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й Армии в оперативном отношении Амурскую Краснознаменную флотилию.

Управление Армии дислоцировать — г. Хабаровск. В состав Армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) Личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий.

Утвердить:

а) Командующим 1-й Отдельной Краснознаменной Армией — комкора тов. Штерна Г. М., членом Военного совета Армии дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) Командующим 2-й Отдельной Краснознаменной Армией — комкора Конева И. С., членом Военного совета Армии бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.

Вновь назначенным командующим Армиями сформировать управления Армий по прилагаемому проекту штатов.

До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознаменной Армией комкора тов. Конева И. С. во временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

К формированию Армий приступить немедленно и закончить к 15-му сентября 1938 года.

Начальнику управления по личному составу РККА личный состав расформировываемого управления Дальневосточного Краснознаменного фронта использовать для комплектования управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий.

Начальнику Генерального штаба дать соответствующее указание командующим 1-й и 2-й Армий о распределении между Армиями складов, баз и прочего фронтового имущества. Иметь в виду при этом возможность использования начальников родов войск РККА и их представителей, находящихся в данное время на Дальнем Востоке, для быстрого выполнения этой работы.

Военному совету 2-й Отдельной Краснознаменной Армии к 1-му октября с. г. восстановить управления 18 и 20 стрелковых корпусов, с дислокацией: 18 с. к. — Куйбышевка и 20 с. к. — Биробиджан.

На восстановление этих корпусных управлений обратить расформировываемые управления Хабаровской оперативной группы и 2-й Армии ДКФронта.

Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий:

а) немедленно приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность. О принятых мероприятиях и проведении их в жизнь Военным советам Армий доносить Народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов Народного комиссара обороны № 071 и 0165–1938 года. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7-го сентября 1938 года;

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различного вида работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам Армий разрешается, только с утверждения Народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения, во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

2. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября».

В РЕЗЕРВ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ

1 сентября Глафира Лукинична получила от мужа телеграмму: «В Хабаровск больше не вернусь. Срочно приезжайте всей семьей в Москву. Со здоровьем очень плохо»...

Она собрала старших детей: Всеволода, Нину (Зои в Хабаровске уже не было, она раньше уехала к матери в Ленинград), няню Анастасию Черноземцеву с шестимесячным Василием и Ваирой, и 7 сентября все отправились в Москву.

16 сентября Глафира Лукинична с детьми добралась до столицы. Василий Константинович встретил семью мрачным. С порога сказал Глафире: «Теперь я никто. Не при делах. Отправлен в резерв... До особого распоряжения».

Он рассказывал жене, как сначала в Кремле, потом в Наркомате обороны его. Маршала Советского Союза, «раздевали как капусту».

На заседании Главного военного совета он выступил с докладом, в котором доказывал, что войска на Дальнем Востоке перед хасанским конфликтом были хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Однако доклад «развенчали». Все заседание было посвящено разносу командующего ДКфронтом. Блюхер тяжело переживал это. И когда Ворошилов сказал в заключение, что в Главном военном совете есть мнение расформировать Дальневосточный фронт на две отдельные армии, Василий Константинович не выдержал, выкрикнул: «Войска фронта показали на Хасане себя с положительной стороны!..» Нарком оборвал его: «Ты, Василий Константинович, снимаешься с должности командующего фронтом как не справившийся с его руководством...»

«По приезде тогда с Военного совета в гостиницу, — признался Василий Константинович Глафире, — меня от самоубийства удержало только то, что ты с детьми была в дороге, — что будет с вами? Как вас оставить?»

Блюхер сказал жене только половину правды. Он не последовал примеру Гамарника, не застрелился не только потому, что не желал принести страдания жене и детям, но в его душе еще теплилась вера в Сталина. Он и сейчас не терял надежды, что Сталин простит его, надеялся, что ему найдут в Наркомате обороны какую-нибудь должность.

После заседания Главного военного совета Блюхер несколько раз ездил в наркомат. Встречали его там по-разному — большинство доброжелательно, сочувственно, но были и такие, кто держался холодно и отчужденно. Некоторые из прежних друзей здоровались с ним, настороженно оглядываясь. В таких случаях Блюхер руки для приветствия не подавал.

Заместитель наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко принял Блюхера по-деловому, сказал то, что и положено было сказать: «Вы, Василий Константинович, выведены в резерв до особого распоряжения. Когда относительно вас будет принято решение, вам немедленно сообщат об этом».

В кулуарах наркомата только и говорили что о Хасанских событиях, о решениях Главного военного совета и, конечно, о Блюхере. «Командующий фронтом маршал Блюхер вел себя на Хасане весьма странно. Зачем он 24 июля направил на сопку Заозерную комиссию, которая подвергла сомнению законность действий наших пограничников? Лучше бы вместо этого принял меры для их поддержки полевыми войсками». «А вот это как вам: в разгар событий, оказывается, комфронта вообще исчез из поля зрения подчиненных»...

Иван Степанович Конев, назначенный 4 сентября 1938 года приказом наркома обороны командующим 2-й Отдельной Краснознаменной армией, спустя шесть лет, будучи Маршалом Советского Союза, нелестно выскажется о Блюхере как военачальнике: «Василий Константинович действовал на Хасане неудачно. К 1937 году маршал Блюхер был человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от времен Гражданской войны. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как Хасанская, Блюхер провалил». В то же время предъявленные Блюхеру на заседании Главного военного совета РККА претензии, считает Конев, носили прежде всего не военный, а политический характер. Командующего Дальневосточным фронтом обвинили в «сознательном пораженчестве», в неумении или нежелании «по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа», в «двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам».

Из Хабаровска приехала жена Павла Блюхера Лидия Багуцкая с четырехлетней дочкой. Она передала Василию Константиновичу письмо от мужа. Весточка взволновала Блюхера, он несколько раз перечитывал ее. 24 сентября он напишет брату ответное письмо, но так сложатся обстоятельства, что ни на следующий день, ни позже, пока Василий Константинович находился в Москве, отправить его не удастся. Оно уйдет лишь 28-го. Это письмо при аресте Павла в Сочи работники НКВД изымут и приобщат к «делу» П. К. Блюхера и его жены Л. Ф. Блюхер-Багуцкой как свидетельство того, что у маршала В. К. Блюхера с ними существовала «тайная конспиративная связь».

Вот это письмо:

«Дорогой Паша!

Я очень был рад твоему товарищеско-бодрому письму, человека, уверенного в правоте не только брата, но и товарища в деле борьбы за пролетарскую диктатуру, за дело социализма. Твое письмо пришло в те минуты, когда мне уже не хотелось жить. Письмо твое остановило меня от самого тяжелого и непоправимого. Что будет дальше? Я не знаю. Сейчас я дискредитирован политически до конца и растоптан как военный.

Мою правоту может восстановить только время, которое откроет правду. Хватит ли сил пережить это тяжелое время — не знаю. Я не трус и не малодушный человек, но когда валятся на тебя тягчайшие камни, причем валятся один за другим и беспрерывно, то сил ждать может и не хватить.

Состояние мое тяжелое, морально я чувствую себя разбитым до конца. Жизнь держит меня лишь сознанием моей правоты, ее поколебать во мне никто не может. Я честно и беспорочно служил делу пролетарской революции в течение 21 года. Был, есть и останусь этому великому делу Ленина-Сталина верен и за это дело отдам остаток своей, теперь уже мало кому нужной, жизни. Люди, добившиеся моей политической смерти, продолжают добиваться и прекращения физической жизни. Вымысливается моя прошлая дореволюционная биография... Если тебе придется отвечать на вопросы моего дореволюционного прошлого, то отвечай, как ты это делал до сих пор, только правду.

Еду на полтора месяца, как сказали, в Сочи. Буду жить на даче наркома обороны тов. Ворошилова. Адрес дачи: Сочи, дом отдыха „Бочаров ручей“. Адрес уточню телеграммой на Спасскую. С твоей работой, видимо, все устроится нормально... Если будет что-либо плохое, то обратись к Смушкевичу. Проси на первое время отпуск. Лиде передал 5 тысяч рублей. Израсходуй их, если будет у тебя плохо. Останутся — пригодятся ребятам или Рафе. Словом, если будет туго, расходуй. Ну, вот и все. Еду на вокзал.

До свидания, родной и дорогой братан. Василий Блюхер».

У Багуцкой в Москве на Большой Спасской улице была своя квартира, и, видя, как стеснена в гостиничном номере семья Блюхеров, она предложила им переехать к ней. Но Василий Константинович сказал, что он поставил в Наркомате обороны вопрос о предоставлении ему постоянной жилой площади.

Эх, сейчас бы закрыть глаза и, открыв их через какое-то время, вдруг увидеть себя, всех своих родных и близких в Хабаровске, в своей привычной, родной квартире. Но это несбыточно...

В Хабаровск ни Блюхер, ни его семья больше никогда не вернуться.

Здоровье Блюхера с каждым днем ухудшалось. Он был вынужден обратиться в поликлинику кремлевского Лечсанупра. Врачи нашли его здоровье крайне плохим. Рекомендовали стационарное лечение, но он отказался. По мнению докторов «кремлевки», только покой поможет ему в борьбе с обострившимися болезнями. Но о каком покое сейчас можно было говорить...

Ворошилов, выдававший в последнее время явную неприязнь к Блюхеру, тем не менее проявлял внимание и даже заботу об опальном маршале. Справлялся в Лечебно-санитарном управлении Кремля, к которому был прикреплен Блюхер, о его здоровье и морально-психологическом состоянии. Несколько раз звонил тыловикам, чтобы они обеспечивали маршала и его семью всем необходимым.

24 сентября Блюхеру выделили квартиру в Доме правительства № 2 на улице Серафимовича.

В тот же день он был вызван к наркому. Наверное, решила его судьба, подумал Василий Константинович.

Ворошилов встретил Блюхера, как бывало раньше, дружески. Поздоровался за руку, улыбался: «Лекари на тебя жалуются, Василий. Не подчиняется им маршал Блюхер... А тебе ведь серьезно лечиться надо. Они советуют юг. Поезжай в Сочи в наш пансионат „Бочаров Ручей“. Поживи с семьей на моей даче. Отдохнешь, наберешься сил. Мы за это время подыщем тебе должность, которая соответствовала бы твоему высокому званию. Не беспокойся, устроим прославленного маршала как надо».

В новую московскую квартиру Василий Константинович вернулся из наркомата сияющим. Очень хотелось обрадовать жену, детей, которые за эти дни пережили так много неприятностей и огорчений. Он с порога веселым голосом сообщил:

— Едем на отдых! На юг! В Сочи!

И Глафира, и няня Настена, и Всеволод с Ниной, и особенно Ваира пришли в восторг.

Блюхер продолжал:

— Выезжаем двадцать восьмого. Так что всем — собираться!

Через три дня Блюхер со всеми своими домочадцами отправился в Сочи пока еще в своем служебном салон-вагоне...

А Ворошилов в это время интересовался в Наркомате внутренних дел: что у них есть на бывшего командующего Дальневосточным фронтом?

НКВД дело свое делал исправно. Лаврентий Павлович Берия, набиравший с каждым днем силу в роли заместителя наркома внутренних дел, накопил уже «неплохой» компромат на своего давнего недоброжелателя. В специальной красной папке с наклеенными на ней двумя буквами «В. Б.» аккуратно были подшиты справки, копии протоколов допросов арестованных, осужденных или только ожидавших суда «врагов народа». В частности Тухачевского, выписки из собственноручных признаний и протоколов допросов арестованных в 1937-м и в первой половине 1938 года Сангурского, Гулина, Хаханьяна, Лаврентьева (Картвелишвили), Сазонтова, Федько, Винокурова, Кассина и других командиров и политработников-дальневосточников. Во всех материалах Блюхер рассматривается как участник контрреволюционного заговора.

НА ДАЧЕ ВОРОШИЛОВА

На сочинском побережье осень еще не наступила, хотя по календарю подходил к концу ее первый месяц. Безоблачное небо. Ярко светит солнце. Теплынь. Настоящий бархатный сезон.

В последний сентябрьский день 1938 года на Адлерский вокзал из Москвы прибыл поезд, в составе которого находился служебный салон-вагон маршала Блюхера. У перрона в ожидании поезда стояли правительственные легковые ЗИСы. За несколько минут машины вместили в себя маршала с его семейством, прислугой, охраной и стремительно направились по серпантину живописной курортной дороги к чудному местечку, где находился пансионат «Бочаров Ручей».

Пансионат располагался на берегу моря, за сочинским парком «Ривьера». Довольно обширная его территория была обнесена высоким забором. В центре — большой, старой постройки дом, рядом еще один — новый, двухэтажный, четырехквартирный. Большой дом был дачей наркома Ворошилова, квартиры в новом предназначались для остальных четырех маршалов, но никто из них там никогда не жил.

Как вспоминает Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер, они разместились на первом этаже, где было много комнат, а также гостиная, столовая, холл с бильярдом, служебные помещения. Взрослые дети — Всеволод и племянница Нина — заняли по отдельной небольшой комнате, Ваире и Василину с няней Настеной выделили самую большую спальню, в остальных комнатах поселились повара, уборщицы, охрана.

Подавленное настроение Блюхера с приездом в Сочи улучшилось. Уже с первых часов пребывания в «Бочаровом Ручье» семья маршала активно включилась в курортную жизнь. Едва распаковав вещи, Глафира объявила, не допуская возражений: «Будем знакомиться с территорией». Дети бурно выражали свою радость. Несколько ободрился и Василий Константинович.

Послеобеденное время до самых сумерек было полностью отдано изучению окрестностей пансионата и прогулкам у моря. Вечером, уставшие, возбужденные от массы необыкновенных впечатлений, все члены семьи Блюхера увлеченно обсуждали план отдыха на завтра, 1 октября, и на последующие ближайшие дни. Пылкая 22-летняя Глафира, желая объять необъятное, загибала пальцы: «Поедем на озеро Рица, в Гагры, в горы...» Василий Константинович убеждал, что для лучшей акклиматизации целесообразнее начать с поездки по Черноморскому побережью.

Солнечным утром они отправились на машине в Абхазию. Это было незабываемое путешествие. Затем — экскурсии по гагринским достопримечательностям, обед в кафе. На обратном пути Блюхер заехал в дом отдыха СНК СССР, где не раз гостил в прошлые годы.

Через день — в горы. Для сочинских отдыхающих восхождение на гору Ахун считалось неизменным ритуалом. Чета Блюхеров с удовольствием исполнила этот ритуал (не без опеки, конечно, проводников и охраны).

Потом были поездки на озеро Рица, посещение других знаменитых мест главного курортного края страны.

Блюхера ничто не отвлекало от отдыха. Никаких телеграмм, звонков, только однажды пришло письмо от заведующего гаражом Перепелицина о том, что он ждет маршала и машину его поставил на капитальный ремонт...

По сложившейся привычке Блюхер читал газеты. «Враги народа, гамарниковско-берлинские шпионы, прилагали все старания к тому, чтобы разрушить железный костяк Красной Армии...» Это — в «Правде». В «Известиях» и «Красной Звезде» печатался Указ о награждении героев боев на озере Хасан. Знакомые фамилии бывших подчиненных... Имя командующего фронтом ни разу не упомянуто. Значит, под запретом. Больно было это сознавать.

Погода стояла чудесная: солнечная, теплая, сухая. Дети были счастливы — много купались в море, играли на открытом воздухе. Всеволод и Нина ходили на индивидуальные занятия к местному частному учителю (в школу их не определили из-за полной неясности будущего местожительства), но это нисколько не мешало им радоваться жизни.

Как-то Блюхера навестил Павел Сергеевич Аллилуев, брат Надежды Сергеевны Аллилуевой, который отдыхал в это время в Сочи. Василий Константинович и Павел Сергеевич долго беседовали наедине в гостиной. Проводив гостя, Блюхер многозначительно сказал жене: «Это наверняка разведка». Но Аллилуев приезжал к Василию Константиновичу с добрыми намерениями и, когда вернется в Москву, замолвит слово перед Хозяином о снятии опалы с прославленного маршала. Только Сталин оставит просьбу Павла Сергеевича без внимания...

В санатории Блюхер проходил предписанные врачами лечебные курсы, строго соблюдал режим по лечению фотодерматита, которым сильно страдал в последнее время, принимал мацестовские ванны, другие оздоровительные процедуры.

В середине октября в «Бочаров Ручей» приехал его брат Павел. Он недавно получил перевод в Пермь, и перед отъездом на новое место ему дали месячный отпуск. 2 октября Павел приехал из Хабаровска в Москву, две недели провел вместе с женой Лидией и дочерью Валею. Оставалось десять дней до выхода на службу, и Павел решил по пути в Пермь заехать в Сочи, чтобы повидаться с братом. Павел рассказал: после отъезда в Москву Глафиры с детьми хабаровскую квартиру маршала по ночам посещали какие-то люди, вероятно из НКВД, что-то искали там; в Хабаровске распространяются слухи, что Блюхер оказался японским шпионом и что якобы он, Павел, успел своевременно уведомить органы безопасности о вылете маршала-шпиона в Токио...

После рассказа брата Василий Константинович, по словам Глафиры Лукиничны, долго ходил по гостиной в глубоком раздумье, потом остановился у бильярдного стола, развел руки в стороны, как бы охватывая весь дом и все в нем происходящее, и произнес: «Ведь это же изощреннейшее издевательство...» Выражение лица его при этом было горькое, глаза холодные, сине-стальные.

По истечении некоторого времени он несколько успокоился, но, надо полагать, о полном спокойствии не могло быть и речи.

Тревожиться было отчего. Он не мог не испытывать мрачных опасений после того, что случилось с ним самим, а тут еще Крысько пропал. Иустин Максимович должен был ехать с Блюхером в Сочи, но к поезду не пришел. Возможно, захлопотался и опоздал на поезд? Во всяком случае, в Сочи он не появился и в течение нескольких дней вестей от него не было. Глафира Лукинична послала телеграмму в Москву с просьбой сообщить, где он и что с ним. Пришел ответ: «Крысько арестован»...

Как ни старался Василий Константинович скрывать свои думы и чувства, они все же прорывались наружу. Время от времени он говорил жене: «Абсолютно смелых людей не существует, начнут выламывать руки и ноги, никто не выдержит — подпишет...» Или: «Если со мною что-нибудь случится — меня оправдает история». Или: «Со мною что-нибудь случится — тебя не тронут...»

В последнем он ошибся. Когда его арестовали, «тронули» и Глафиру, и детей, и брата Павла...

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Глафира Лукинична вспоминает: «21 октября нашему сыну Василину исполнилось восемь месяцев, он был такой славный синеглазый бутуз! В этот день мы семьей до сумерек играли в волейбол. После ужина собрались в холле, расставаться не хотелось — не заметили, как пришла ночь. Позже я пошла посмотреть, все ли в порядке у ребят, и... нашла Севу и Нину, играющими в карамболь. Вира спала тут же на диване. Ребята попросили не уносить ее: „Нам с ней лучше, уютнее“.

Утром Сева с Ниной ушли заниматься к учителю. Муж еще спал. В детской я кормила сына, дверь в холл была открыта. Вдруг вихрем мимо двери к спальне пронеслись четверо мужчин в темных гражданских костюмах, и, словно тень, вырос на пороге наш охранник Лемешко; встал, преградив выход из комнаты. Пронзила ужасная догадка...

Отняв от груди сына, я положила его на кровать (в комнате была нянечка Настенька), подошла к двери и в этом своем ужасе и страхе впила взглядом в глаза Лемешко. Он отстранился. Я быстро вошла в нашу спальню, успела дойти до середины комнаты. Мгновенно двое схватили меня под руки, вывели. Помню сидящего на постели мужа, в белье, опершегося обеими руками о край кровати, ноги скрещены, голова опущена... Двое других, стоявших слева от кровати, обыскивали верхнюю одежду мужа... И опять в проеме двери детской возник Лемешко».

Блюхер понял: это конец. Для полной убежденности спросил хозяйничавших в спальне двоих работников НКВД: кто они и что им от него надо. Один назвался комбригом госбезопасности Федоровым^[69], другой — старшим майором госбезопасности Радованским. Федоров предъявил ордер на арест. «Ордер № 1901. 19 октября 1938 года, — пробежал глазами бумагу маршал, — выдан комбригу госбезопасности Федорову на производство ареста и обыска Блюхера Василия Константиновича. Народный комиссар внутренних дел СССР Ежов»...

Обыск в комнатах длился больше часа, были изъяты личные вещи маршала, документы, письма, ордена, оружие...

Всех, кто находился в доме, выводили во двор по отдельности. Пять черных машин ждали у подъезда. Для детей и прислуги в отдалении стоял автобус.

Глафира Лукинична вспоминает: «Первым вывели Василия Константиновича. Он был одет в форменные брюки, на ногах сапоги, в нижней белой рубашке с подтяжками. Шел нетвердым шагом. Потом арестовали меня. Наша пятилетняя дочь Ваира взяла меня за левую руку и, весело

припрыгивая, напевала песенку... Вдруг, уже у выхода, ребенка словно ударило током. Она дико закричала, обняла мои колени, вцепилась в них, мои слезы лились на ее головку. Оторвать ее от себя у меня не хватало сил, оторвали они. Меня посадили в машину, стоявшую у подъезда, подогнав ее к впереди стоящей, в которой уже был муж. Последним вывели Павла».

Через час кортеж автомобилей помчался к железнодорожному вокзалу, где работники НКВД подготовили для Блюхера, его жены и брата служебный вагон маршала. Василия Константиновича, Павла и Глафиру рассадили по разным купе. Об этих часах начинавшегося дня — 22 октября 1938 года — Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер напишет по прошествии многих лет: «Там (на Адлерском вокзале. — *Н. В.*) мы расстались навсегда. Последнее, что я слышала, это покашливание мужа, доносившееся из соседнего купе...»

А детей отправили в сочинский приемник милиции, откуда потом их распределят по детским домам.

В то время, когда в Сочи комбригом Федоровым был арестован маршал Блюхер, в Москве Берия отдал распоряжение начальнику отделения Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД старшему лейтенанту госбезопасности Н. А. Иванову: «В ближайшее время нужно арестовать всех родственников Блюхера».

К Берии была вызвана вся «команда» Иванова — оперуполномоченные Васильев, Головнев, Кашеев, Щербаков, Филиппов. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга лично инструктировал каждого, как следует действовать при аресте опасных государственных преступников.

У Блюхера к этому времени родственников было немного: родители и обе сестры — Александра и Елизавета давно умерли. Поэтому Ежов подписал ордера на арест только Покровской, Кольчугиной и Багуцкой. Ордера на уже арестованных, но пока еще не доставленных из Сочи на Лубянку Павла Блюхера и Глафиру Безверхову были оформлены раньше. Санкция прокурора на все аресты отсутствовала, в том числе и на арест самого маршала, но заместителя наркома внутренних дел СССР это не смущало.

Арест родственников Блюхера люди Иванова в первую очередь начали в Москве.

22 октября, на исходе дня, в квартиру номер 4 в доме на Чистых прудах, 12, где жила Галина Кольчугина с десятилетним сыном Василием, пришла группа оперативных работников НКВД во главе с лейтенантом госбезопасности Н. Р. Васильевым, который предъявил Кольчугиной ордер на ее арест. Через час она оказалась во внутренней тюрьме на Лубянке, а ее сын — в детском приюте...

Всю ночь Галину Кольчугину допрашивал начальник отделения Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Иванов. А утром он представил Берии протокол допроса и доложил, что Кольчугиной, как шпионке и участнице контрреволюционной организации, предъявлено обвинение по статье 58–1, 58–10, 58–11. Она во всем созналась...

Кольчугина показала: «Я полностью признаю себя виновной в тех обвинениях, которые мне предъявлены следствием.

Контрреволюционную работу я начала проводить с 1926 года. В то время я работала в советском консульстве в Китае в отделе, который возглавлялся троцкистом Мусиным... Постепенно Мусин прививал мне троцкистские контрреволюционные взгляды и вовлек в антисоветскую работу... В конце 26-го года я познакомилась в Ханькоу с Таировым, а он познакомил меня, в свою очередь, с Блюхером, за которого в январе 1927 года вышла замуж. Блюхера я уже знала как двурушника, как человека чуждого и враждебного интересам советской Родины по его связям и деятельности в Китае...

Возвратившись в Советский Союз вместе с Блюхером, я прожила с ним до 1932 года, фактически же моя связь продолжалась до самых последних дней...

Со всей откровенностью заявляю следствию, что Блюхер на всем протяжении нашего совместного проживания вел активную подрывную работу против партии и Советского правительства. Он изменник своей Родины, что я докажу фактами в своих подробных показаниях...»

По свидетельству заключенных А. А. Розенблюм и С. А. Ариной-Русаковской, находившихся с Галиной Кольчугиной в одной камере, она все время была в подавленном состоянии. По словам Ариной-Русаковской, Кольчугина плохо отзывалась о Блюхере за то, что он ее бросил, сильно переживала за сына, все время твердила: ей надеяться не на что...

Через несколько дней Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Галину Александровну Кольчугину к высшей мере — расстрелу...

22 октября, примерно в то же вечернее время, в которое люди Иванова нанесли «визит» Кольчугиной, на улице Большая Спасская, 41/2, у квартиры номер 25, где жила Лидия Багуцкая — жена Павла Блюхера, появилась группа оперативных работников во главе с сержантом госбезопасности Филипповым. Арест хозяйки квартиры группа провела с помощью домоуправа Михайловой. Оперы произвели в комнатах тщательный обыск, были изъяты обширная личная переписка, фотографии, две сберегательные книжки на имя Багуцкой Лидии Фоминичны общим вкладом 2800 рублей, часы, маузер в коробке, пистолет в кобуре, охотничьи ружья, шашки, кинжалы, бинокли. Многие из этих вещей принадлежали маршалу Блюхеру.

Вскоре Багуцкая оказалась во внутренней тюрьме на Лубянке...

23 октября Берия вызвал к себе старшего лейтенанта Иванова: в красной папке с литерами «В. Б.» нет справки об антисоветской деятельности капитана Блюхера Павла Константиновича — основания для уже произведенного ареста. Старший лейтенант тут же протянул шефу лист бумаги: вот она. Берия углубился в чтение. Это была «сфабриковка» с грифом «Совершенно секретно» на Блюхера П. К., составленная и подписанная Ивановым. В ней сообщалось, что Блюхер П. К. является активным участником антисоветского военного заговора, в который вовлечен своим братом, бывшим командующим Дальневосточным фронтом Блюхером В. К. Являясь командиром авиационного звена при штабе ВВС фронта, Павел Блюхер подготавливал перелет к японцам своему брату Блюхеру В. К. Вывод: Блюхер П. К. подлежит аресту. Лаврентий Павлович посмотрел на Иванова одобрительным взглядом и поставил на справку резолюцию: «Арестовать. Л. Б. 23.X-38 г.», затем спросил: «В Ленинград прошла команда на арест Покровской?» — «Вчера утром», — доложил старший лейтенант.

На второй день после ареста Блюхера, 24 октября, в Ленинграде работниками УНКВД по Ленинградской области была арестована и этапирована в Москву Галина Покровская. Оснований на ее арест у НКВД не было: никаких материалов, свидетельствовавших о ее преступной деятельности, к моменту ее задержания не имелось. К тому же более десяти лет она была в разводе с Блюхером. Тем не менее Покровской предъявили обвинение по статьям УК РСФСР 17, 58 пп. 8, 11.

Следствие велось более четырех месяцев. На допросах Галина Павловна дала признательные показания, что помогала бывшему мужу в его антисоветской, шпионской деятельности в пользу Японии. 10 марта 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорит ее, как и Кольчугину, к расстрелу.

24 октября в 17 часов 10 минут сочинский поезд прибыл на Курский вокзал. Арестованных В. К. Блюхера, П. К. Блюхера и Г. Л. Безверхову-Блюхер везли с вокзала в разных машинах. Доставили во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, поместили в отдельные камеры.

С арестованными работали разные следователи. С Глафирой Лукиничной — молодой оперуполномоченный из отделения Иванова младший лейтенант госбезопасности И. И. Головлев. Он сразу же выписал бумагу, где говорилось: «Рассмотрев следственный материал по делу... и приняв во внимание, что гр. Безверхова-Блюхер Глафира Лукинична достаточно изобличается в том, что, являясь женой бывшего командующего Дальневосточным фронтом Блюхера В. К., была осведомлена

о проводимой им антисоветской заговорщической деятельности и содействовала ему в ней, постановил: признать гр. Безверхову-Блюхер Г. Л. в качестве обвиняемой по ст. 58–12 УК. В целях исключения уклонения от следствия и суда избрать меру пресечения — содержание под стражей во внутренней тюрьме НКВД СССР».

Первый допрос ее состоялся в кабинете Берии. «Он стоял за столом, — вспоминала спустя пятьдесят лет Глафира Лукинична, — среднего роста, в пенсне, мне показался полным, рыхлым, глаза светлые, навывкате, выражение лица брезгливое. Кричал, спрашивал, насмехаясь, о муже, требовал рассказов, начиная с нашего знакомства с Василием Константиновичем».

Через день еще допрос.

«Вопрос. Вы арестованы и обвиняетесь в антисоветской деятельности. Признаете ли себя виновной?

Ответ. Я себя виновной в антисоветской деятельности не признаю. Никогда никаких преступлений против Советской власти я не совершала, и мне неизвестно, чтобы их совершал мой муж, вами арестованный. Больше показать ничего не могу». *(Из протокола допроса обвиняемой Г. Л. Безверховой-Блюхер от 28 октября 1938 года.)*

В тюрьме на Лубянке Глафира Лукинична пробыла семь месяцев, в течение этого времени на допросы ее вызывали не часто. Затем объявили решение Особого совещания: за недонесение об антисоветской деятельности мужа она приговоривалась к восьми годам лишения свободы.

ДЕЛО Р-23800

Дело Р-23800 из Особого фонда Центрального архива МГБ СССР пролежало на архивных полках более полувека. И лишь в конце 80-х годов XX века гриф «Совершенно секретно» был снят и историки, а также представители прессы получили возможность ознакомиться с ним в полном объеме.

Начинается оно с ордера № 1901 от 19 октября 1938 года, выданного комбригу государственной безопасности Федорову на производство ареста и обыска Блюхера Василия Константиновича. И здесь же расписка: «Арестованного — одного, принял. Начальник приема арестованных... Подпись (неразборчиво)». Далее — протоколы обысков в Сочи в пансионате «Бочаров Ручей» и в Москве, в квартире, где жил Блюхер с семьей.

Протокол от 22 октября 1938 года

На основании ордера № 1901 от 19.10.1938 г. произведен обыск у гр. Блюхера В. К. в г. Сочи, пансионат «Бочаров ручей».

Взято для доставления в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР:

1. Ордена Ленина № № 48, 3698 — 2 шт.
2. Ордена Красного Знамени № № 45, 10, 1 и 11 — 4 шт.
3. Орден Красной Звезды № 1–1 шт.
4. Медаль 20 лет РККА № 5657 — 1 шт.
5. Чекистский значок № 773 — 1 шт.
6. Значок депутата Верховного Совета СССР № 61 –1 шт.
7. Значок ОСОАВИАХИМ — 1 шт.
8. Звездочка красная именная — 1 шт.
9. Часы металлические наручные № № 618, 562 272 — 2 шт.

10. Часы карманные из желтого металла № 7417 — 1 шт.
11. Часы наручные из желтого металла № 996 737 — 1 шт.

1. Партийный билет ВКП(б) № 0 000 079 — 1 шт.
2. Депутатский билет Верховного Совета СССР № 61 — 1 шт.
3. Членский билет ЦК ВКП(б) № 3—1 шт.
4. Членский билет ЦИК СССР № 86 — 1 шт.
5. Билет Тагильского городского Совета № 6—1 шт.
6. Медкарточка № 103 — 1 шт.
7. Орденская книжка № 028642 — 1 шт.
8. Билеты проездные к орденской книжке № 028642 — 1 шт.
9. Купоны денежные к орденской книжке № 028642 — 1 шт.

1. Браунинг калибра 6,35, № 478833 — 1 шт.
2. Маузер калибра 7,65, № 755438 — 1 шт.
3. Патроны боевые калибра 6,35 и 7,65—15 шт.

Протокол от 22 октября 1938 года

На основании ордера № 1921 от 22.10.1938 г. Главного управления государственной безопасности НКВД СССР произведен обыск у гр. Блюхера В. К. в доме № 2, кв. № 102, ул. Серафимовича.

При обыске присутствовали: комендант Богатскова Ф. С.

Взято для доставления в Главное управление госбезопасности:

1. Маузер в деревянной кобуре № 2196 — 1 шт.
2. Пистолет с запасной обоймой № 12155 — 1 шт.
3. Обойма для парабеллума — 1 шт.
4. Патроны для маузера — 4 шт.
5. Диаптар за № 238 — 1 шт.
6. Ленты узкие — 6 шт.
7. Киноплёнки — 4 куска.
8. Альбом с фотографиями — 1 шт.
9. Дневники на трех тетрадах.
10. Переписка разная — 1 пачка.
11. Катушки для фотоплёнки — 4 шт.
12. Документ на иностранном языке и записка Сангурского.

13. Справка «Совершенно секретно» — 1 шт.

14. Удостоверение на имя Блюхера В. К. за № 66.

15. Крест китайский за № 1551.

16. Брошка, сломанная, желтого металла — 1 шт.

Обыск проводили сотрудники НКВД — Васильев, Голованов, Ванин, Ненахов.

Долгое время ничего или почти ничего не было известно о том, что происходило с маршалом Блюхером со дня ареста и до дня его смерти. Теперь завеса неизвестности снята.

Блюхер был арестован 22 октября 1938 года в Сочи. Специальным поездом доставлен в Москву. 24 октября в 17 часов 10 минут его с Курского вокзала привезли на Лубянку во внутреннюю тюрьму НКВД СССР. Поместили в камеру № 93 и присвоили ему тюремный номер «11».

Первый допрос состоялся 25 октября в комнате № 418 на четвертом этаже тюрьмы с 11 часов 05 минут до 17 часов 20 минут. Вели его перекрестно первый заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар государственной безопасности 1-го ранга Берия и начальник отделения Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР старший лейтенант Иванов.

За восемнадцать дней пребывания Блюхера в застенках НКВД его допрашивали двадцать один раз. Семь допросов арестованного № 11 провел лично Берия, одиннадцать — Иванов, три — оперуполномоченные ОО ГУГБ НКВД И. И. Головлев и Д. В. Кашеев.

Допросы велись длительные, изнуряющие, нередко с истязаниями; в день по два, а то и по три раза, часто глубокой ночью.

Вот отдельные выписки из этого страшного календаря. Десять допросов официально зарегистрированы в особом реестре дела Р-23800 (по датам, времени суток, кто проводил допросы и в какой комнате), остальные одиннадцать только упомянуты.

«25. X. 1938 г. Допрос проводили Берия, Иванов. Комната № 418, время: 11 ч. 05 мин. — 17 ч. 20 мин.

28. X. 1938 г. Допрос проводил Иванов. Комната № 422, время: 13 ч. 40 мин. — 15 ч. 50 мин.

28. X. 1938 г. Допрос проводил Берия. Комната № 418, время: 0 ч. 05 мин. — 4 ч. 20 мин.

4. XI. 1938 г. Допрос дважды проводил Иванов. Комната № 422, время: 13 ч. 10 мин. — 14 ч. 15 мин., 2 ч. 35 мин. — 3 ч. 10 мин.

6. XI. 1938 г. Допрос дважды проводил Берия. Комната № 422, время: 11 ч. 25 мин. — 17 ч. 10 мин.; 19 ч. 45 мин. — 22 ч. 35 мин.

9. XI. 1938 г. Допрос проводил Иванов. Комната № 422, время: 10 ч. 35 мин. — 16 ч. 10 мин. Допрос проводил Берия. Комната № 422, время: 18 ч. 45 мин. — 20 ч. 45 мин. Допрос проводил Головлев. Комната № 422, время: 20 ч. 45 мин. — 22 ч. 45 мин.»

Как проходили допросы?

«Мною лично из кабинета следователя приходилось забирать заключенных в шоковом состоянии, которые были избиты до неузнаваемости. Это — следующие заключенные, которых я знала по фамилиям: Цвейк (из Коминтерна), Вейцер (бывший Нарком внешней торговли), Крестинский (из

Наркоминдела), Беталло Калмыков (бывший секретарь ЦК Кабардино-Балкарской республики), Веншток (бывший нач. тюремного управления НКВД), Блат (бывший Нарком Белоруссии), Каминский (бывший Нарком здравоохранения), Блюхер и его жена, Берзин (бывший начальник Дальстроя)... Заключенных били пряжками поясных ремней, специальными ременными плетями, им заливали в рот нашатырный спирт...» *(Из свидетельств бывшего врача Лефортовской тюрьмы А. А. Розенблюм.)*

«Это был один из выходных дней. Я явился в кабинет, где находился Блюхер (допрос до этого вел Иванов. — *Н. В.*) — Кабинет этот был смежным с кабинетом Берии. Придя в кабинет, я увидел, что Блюхер находился в нем вместе с вахтером. Мне бросилось в глаза, что, очевидно, накануне Блюхер был избит, так как голова у него перевязана. Я сел за стол и пытался задать несколько вопросов о его службе на Дальнем Востоке. Он отвечал неохотно и резко. Видя, что Блюхер не расположен разговаривать, я взял газету и стал читать. Так, молча, мы просидели в кабинете около шести часов...» *(Из показаний бывшего работника ОО ГУГБ НКВД СССР Д. В. Кащеева.)*

«Со мною вместе в камере находилась арестованная Кольчугина-Блюхер... Из бесед с Кольчугиной-Блюхер я узнала об очной ставке ее с маршалом Блюхером. Кольчугина-Блюхер сказала, что Блюхер был до неузнаваемости избит и находился почти в невменяемом состоянии. Он наговаривал на себя чудовищные вещи. Блюхер был в растерзанном виде; он выглядел так, как будто побывал под танком...» *(Из свидетельств одной из узниц тюрьмы НКВД С. А. Ариной-Русаковской.)*

«Блюхера я не допрашивал, но один раз видел его в период пребывания под стражей... Иванов предложил мне привести арестованную Кольчугину-Блюхер к нему в кабинет для очной ставки с Блюхером. Я выполнил это приказание. Когда я привел Кольчугину-Блюхер в кабинет, где находился Блюхер, Иванов спросил ее, подтверждает ли она свои показания о письме Рыкова. Кольчугина-Блюхер ответила утвердительно, и я тут же по указанию Иванова увел ее в свой кабинет. Блюхер в связи с этими показаниями Кольчугиной-Блюхер ничего не ответил... Это был единственный случай, когда я видел Блюхера. Помню, что у Блюхера под глазом был синяк...» *(Из показаний бывшего работника ОО ГУГБ НКВД СССР Л. К. Щербакова.)*

«Помню очную ставку с Блюхером... На очной ставке он был с кровоподтеками под глазами и вид у него был изнуренный». *(Из свидетельств одного из заключенных тюрьмы НКВД, бывшего офицера для поручений маршала Блюхера С. А. Попова.)*

О чем думал Блюхер в эти адские восемнадцать дней? Об этом никто никогда не узнает. Как вел он себя на допросах? Об этом можно судить по его ответам на вопросы следователей и из собственноручно написанных показаний. В деле есть лишь один протокол допроса от 28 октября 1938 года на двадцати шести страницах, подписанный Берией и Ивановым и засвидетельствованный постранично Блюхером и Федько (Федько расписался на тех страницах, где речь идет о его очной ставке с Блюхером. — *Н. В.*). Остальные протоколы то ли не велись, то ли уничтожены.

«Вопрос. Когда и кто впервые втянул вас в правотроцкистскую организацию?

Ответ. Разговоров об организации „правых“ я не помню. Правда, между мной и Лаврентьевым — участником „правой“ контрреволюционной организации — существовала дружба. Это было, кажется, в начале 1932 года.

Вопрос. А письмо от Рыкова вы получали?

Ответ. Я уже говорил, как это было. В 1934 году я получил письмо от Рыкова; оно было адресовано всем командующим, *копия которого была у меня и мною перетисана.* (Текст, выделенный курсивом, дописан рукой Блюхера. — *Н. В.*)

Вопрос. Нет, было еще письмо от Рыкова в 1930 году.

Ответ. Такого письма не было, не помню.

Вопрос. Не было или не помните письма от Рыкова в 1930 году?

Ответ. Не было».

(Из протокола допроса В. К. Блюхера от 28 октября 1938 года.)

«Мое вступление в связь с „правыми“ произошло в 1930 году. Этому предшествовал целый ряд имевшихся у меня колебаний по основным принципиальным вопросам политики партии как следствие моей политической неустойчивости и плохой партийности.

Эти антипартийные суждения находили себе выражение при введении нэпа, во время профсоюзной дискуссии, в период коллективизации. Были колебания в вопросе политики в Китае 1925—26 годах и частным практическим вопросам...

Эти мои настроения, естественно, приводили меня к дружбе и связям с людьми, становившимися на путь открытой борьбы с партией. Таким наиболее отчетливым выражением моего отхода от линии партии была сначала дружба по возвращении из Китая с Ломинадзе, а затем и прямая связь с ним в 1930 году, когда он предложил мне поехать на Кавказ в качестве командующего отдельной Кавказской армией.

Эти же мои политические колебания и неустойчивость, ставшие известными Рыкову, позволили Рыкову в 1930 году написать мне антипартийное и антисоветское письмо, которое я от партии скрыл, в котором говорилось о его желании видеть меня во главе вооруженных сил...

По возвращении в 1930 году на ДВосток со мной пытался установить дружбу, связь Перепечко, бывший 1-м секретарем ДВкрайкома... В том же году, с приездом Дерибаса на ДВосток в качестве начальника управления ОГПУ по ДВостоку, я вскоре сдружился с ним, поделился с ним своими настроениями... Постепенно связи эти расширились. Сначала с Крутовым, председателем крайисполкома, потом в 1931 году с приехавшим на ДВосток Бергавиновым, с которым у меня установились особенно тесные связи... После Бергавинова на ДВосток первым секретарем приезжает Лаврентьев, с которым у меня сразу же восстанавливается завязавшаяся дружба еще на Украине в 1929 году, когда он был членом РВС округа и начальником политического управления округа...

Дерибас, Крутов, Бергавинов, Лаврентьев и Илья Слинкин привязывали меня к себе еще и тем, что широко использовали мое честолюбие, подчеркивая всюду (на заседаниях, конференциях, съездах) мою исключительную роль на ДВостоке и в гражданской войне, создавая этим мне широкий авторитет в рабоче-крестьянских массах и в армии. Они же спустя рукава смотрели на мое бытовое и моральное разложение, и не только смотрели, но и скрывали от Цека и Наркома обороны, информируя центр не как о моем моральном разложении, а как о временных пьяных срывах...» *(Из показаний В. К. Блюхера, написанных его рукой, от 6 ноября 1938 года.)*

Сейчас трудно представить, чего стоили Блюхеру его собственные показания. Он признает свое вступление в связь с «правыми» еще в 1930 году, признает, что скрыл от партии полученное от Рыкова антисоветское письмо. Но «вступление в связь» с «правыми» называет не иначе как установлением дружбы с людьми, вставшими на путь борьбы с партией, с людьми, которые привязывали его к себе, используя его честолюбие и подчеркивая всюду его исключительную роль на Дальнем Востоке и в Гражданской войне...

Против Блюхера как врага народа свидетельствовали родные, близкие, друзья, единомышленники.

Вопрос. Что вы можете сказать о вашем бывшем муже В. К. Блюхере?

Ответ. Во время нашей супружеской жизни я видела, что хотя Блюхер был коммунистом, но коммунистических взглядов он не разделял... Он часто хвалил Троцкого и летом в 1923 году в Ленинграде спорил с моим двоюродным братом Вознесенским Михаилом Александровичем, отстаивая свои троцкистские позиции... Еще в 22-м году в Чите он резко отрицательно говорил о военном командовании в Москве, заявляя: «Посмотрю-посмотрю, возьму и плюну на все, и поеду в Харбин». Я говорила: «И что ты там будешь делать?»

Отвечал: «Была б голова, а работа всегда найдется. За границей меня ценят правильнее, чем в СССР...» *(Из протокола допроса Г. П. Покровской от 24 октября 1938 года; допрос вели старший лейтенант госбезопасности Иванов, лейтенант госбезопасности Щербаков.)*

Вопрос. Вы арестованы и обвиняетесь в антисоветской деятельности. На предыдущем допросе вы отрицали свою виновность. Будете ли вы и сегодня продолжать упорствовать?

Ответ. Нет, я твердо решил рассказать всю правду о своей антисоветской деятельности, но прежде, чем говорить о своих преступлениях против советской власти, я прошу разрешить начать показания об антисоветской деятельности моего брата, бывшего командующего Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза Блюхера Василия Константиновича... Блюхер В. К. состоит в заговоре «правых» с 1930 года, с тех пор, как связался с Ламинадзе и Шацким. В 1931 году на ДВК создается руководящее ядро в составе Блюхера, Берговинова, Дерибаса, Мезиса. В 1934 году это уже — Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Аронштам, Лапин, Сангурский, Слинкин, Федько... В 1937 году были арестованы Сангурский, Крутов, Лаврентьев, Грязнов, Лапин... К 1938 году сложилось новое ядро: Блюхер, Дерибас, Хаханьян, Покус, Левандовский, Гулин. С лета 1938 года начались аресты, одним из первых из руководящего ядра был арестован Дерибас. Потом аресты Покуса, Левандовского. В. К. Блюхер «гробанул», как он сам выразился, Левандовского и на этом нажил себе капитал, как разоблачитель врагов народа... *(Из протокола допроса П. К. Блюхера от 28 октября 1938 года; допрос вел капитан госбезопасности Кащеев.)*

Вопрос. Вы сделали заявление, что вам известно об участии Блюхера В. К. в контрреволюционной организации. Расскажите об этом подробно.

Ответ. Впервые я узнал о Блюхере как участнике военного заговора в начале 1935 года от Гамарника... *(Из протокола допроса А. И. Егорова от 28 октября 1938 года; допрос вели: Берия, Иванов.)*

Помимо допросов к Блюхеру применялись и провокационные методы. В камеру, где он содержался, был посажен агент, который, спаивая Блюхера коньяком, уговаривал его признать вину, а именно: участие в военном заговоре, шпионаж в пользу Японии, связь с Рыковым. Этим агентом был бывший начальник УНКВД по Свердловской области комиссар госбезопасности 3-го ранга Д. М. Дмитриев, арестованный в конце июня 1938 года как «враг народа». Надеясь на смягчение наказания, он изъявил желание помогать следственным органам. По заданию Берии Дмитриев склонял Блюхера к самооговору. Это подтверждается записью их бесед в камере, сделанной с помощью оперативной техники. Вот некоторые фрагменты разговора между Блюхером и Дмитриевым, происшедшего 26 октября 1938 года:

«Блюхер. Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с народным комиссаром.

Агент (Дмитриев). С Ежовым?

Блюхер. Да. Ой, не могу двигаться, чувство разбитости.

Агент. Вы еще одну ночь покричите, и будет все замечательно».

Далее в записи следует пауза, так как Блюхера вызвали на очередной допрос. Когда он возвратился, вновь не признав своей вины, дежурный надзиратель, работавший, видимо, в паре с Дмитриевым,

предупредил о предстоящей отправке его в Лефортово. Мрачная слава этой тюрьмы Блюхеру была известна, и на это обстоятельство делалась определенная ставка в его психологической обработке.

«Дежурный. Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

Блюхер. С чего начинать?

Дежурный. Вам товарищ Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час. Вам объявлено? Да?

Блюхер. Объявлено... Ну вот я сижу и думаю. Что же выдумать? Не находишь даже.

Агент. Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было — нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утяжеляете тем, что идете в Лефортово.

Блюхер. Я же не шпионил.

Агент. Вы не стройте из себя невинного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, то надо теперь все это сделать.

Блюхер. Меня никто не вербовал.

Агент. Как вас вербовали, вам скажут, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

Блюхер. Я могу сейчас сказать, что я был виноват.

Агент. Не виноват, а состоял в организации...

Блюхер. Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать.

Агент. Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвонством... Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал, и кому вы дали согласие?

Блюхер. Вот это письмо-предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерibasу.

Агент. Дерibas донес... Вы должны сказать.

Блюхер. Что я буду говорить?

Агент. Какой вы чудак, ей-богу. Вы знаете (называет фамилию). Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали в Лефортово — сразу сказал...

Блюхер. Что я скажу?

Агент. ...Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше: факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте...»

Этот разговор состоялся через несколько суток после ареста Блюхера. Чувствуется, что он пребывает в растерянности от всего происходящего. У него еще хватает сил сопротивляться и отказываться от самоговора. Но по тону реплики Блюхера относительно предстоящей встречи с Ежовым чувствуется, что он от нее ничего хорошего не ожидает.

Допросы, допросы... Сколько бы еще их могло быть? Но на двадцать первом они оборвались.

9 ноября в 18 часов 45 минут старший лейтенант Иванов вызвал Блюхера на очередной допрос. После утомительной двухчасовой «беседы» с бывшим маршалом Иванов сделал перерыв для отдыха. Оставив с арестованным младшего лейтенанта Головлева, он удалился из кабинета. По показаниям Головлева, данным в 1956 году, в тот вечер около 22 часов они пили с Блюхером чай и Блюхер сказал ему, что писать собственноручные показания он на сегодня закончил. В 22 часа 35 минут Блюхер пожаловался на усталость. Головлев вызвал тюремный конвой. Через несколько минут прибыли два конвоира и увели Блюхера.

Головлев уже собрался уходить в свою рабочую комнату, как зазвонил телефон. Звонили из санчасти: в 22 часа 50 минут скоропостижно умер арестованный № 11...

Через 17 лет бывший начальник внутренней тюрьмы НКВД старший лейтенант государственной безопасности, а в 1955 году пенсионер, Миронов дал следующие показания по факту смерти Блюхера:

«9 ноября Блюхер был вызван на допрос. Вечером позвонили по телефону из кабинета, где допрашивался Блюхер, дежурному по тюрьме и сообщили, что Блюхеру стало плохо. Мой кабинет в тюрьме находился по соседству с кабинетом дежурного по тюрьме, поэтому через открытую дверь я услышал, что речь идет об арестованном № 11. Я тут же приказал дежурному послать за Блюхером двоих конвоиров Демина и Носенко. Однако вскоре дежурному по тюрьме позвонил дежурный по НКВД и потребовал прислать еще двоих конвоиров, так как арестованный сам не мог перемещаться. Я послал еще двоих конвоиров Шинкаркина и Бибу, а сам пошел к подъезду, через который должны были доставить Блюхера. Через несколько минут Блюхера на руках принесли в тюрьму в санчасть. Я вслед направился в санчасть. Там Блюхера положили на кровать. Я спросил его: что с ним случилось? Блюхер ответил, что ему плохо. Дежурный врач оказала ему помощь, но это пользы не принесло. Минут через пять Блюхер умер. Вскоре после его смерти в санчасть явились Меркулов и следователь Головлев. Спустя два часа Меркулов приказал мне отправить труп Блюхера в морг Бутырской тюрьмы для судебно-медицинского вскрытия. Труп отправили на грузовой машине. В ту же ночь в присутствии меня и следователей Иванова и Головлева эксперт Семеновский произвел вскрытие трупа Блюхера...

Рано утром труп Блюхера был перевезен в крематорий и предан кремации». *(Из показаний бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД ст. лейтенанта госбезопасности Л. Г. Миронова от 11 ноября 1955 года.)*

11 ноября 1938 года постановлением Народного комиссариата внутренних дел СССР дело по обвинению Блюхера В. К. за смертью обвиняемого было отменено.

Из материалов дела Р-23800 (рапорты оперуполномоченного ОО ГУГБ НКВД СССР младшего лейтенанта госбезопасности И. И. Головлева, старших надзирателей младшего командира Д. П. Демина, рядовых С. А. Носенко, М. С. Шинкаркина и Д. Я. Бибы, дежурного врача внутренней тюрьмы Е. Шакиной, протокол допроса бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД старшего лейтенанта госбезопасности Л. Г. Миронова, акт судебно-медицинского исследования трупа арестованного № 11 и другие) мы знаем теперь, как ушел из жизни прославленный маршал Василий Константинович Блюхер.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

В сентябре 1955 года в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС обратился с заявлением М. И. Губельман, бывший член Военного совета ДВР (в 1921 году), который возглавлял В. К. Блюхер. Он просил КПК разобраться в деле Блюхера, считая, что легендарный маршал был необоснованно репрессирован. Такое же заявление подал Генеральному прокурору СССР заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР генерал армии А. В. Хрулев.

Комитет партийного контроля разбирался по заявлениям Губельмана и Хрулева с делом Блюхера более полугода, пока в ЦК КПСС не поступила записка председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР И. А. Серова и Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко.

В ЦК КПСС

О пересмотре дел и реабилитации членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом ВКП(б)

Рассмотрев дела на осужденных членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на 17-м съезде партии, Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР и Прокуратура СССР установили, что большинство этих дел сфальсифицировано органами следствия, а так называемые признательные показания от арестованных получены в результате тяжких избиений и провокаций.

Докладывая изложенное, полагаали бы целесообразным поручить Военной коллегии Верховного суда СССР пересмотреть и посмертно реабилитировать нижеперечисленных незаконно осужденных лиц:

1. Косиора Станислава Викентьевича — бывшего заместителя Председателя СНК СССР, члена партии с 1907 года.

2. Эйхе Роберта Индриковича — бывшего наркома земледелия СССР, члена партии с 1905 года.

3. Бубнова Андрея Сергеевича — бывшего наркома просвещения РСФСР, члена партии с 1903 года.

<...>

23. Блюхера Василия Константиновича — бывшего командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, члена партии с 1916 года.

<...>

Дела по обвинению других членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), членов комиссий партийного контроля, советского контроля и центральной ревизионной комиссии, избранных на 17-м съезде партии, будут также рассмотрены и доложены ЦК КПСС.

Просим решения.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР И. СЕРОВ

Генеральный прокурор СССР Р. РУДЕНКО

2 марта 1956 г.

Постановление Президиума ЦК КПСС о реабилитации

6 марта 1956 г.

№ 3. П. 54 — О посмертной реабилитации незаконно осужденных членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии.

Утвердить предложение Председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР т. Серова и Генерального прокурора СССР т. Руденко о пересмотре дел и посмертной реабилитации незаконно осужденных членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии: Косиора С. В., Эйхе Р. И., Бубнова А. С., Евдокимова Е. Г., Жукова И. П., Кабакова И. Д., Кодацкого И. О., Криницкого А. И., Лебеда Д. З., Лобова С. С., Любимова И. Е., Межлаука В. И., Румянцева И. П., Рухимовича М. Л., Рындина К. В., Сулимова Д. Е., Чудова М. С., Шеболдаева Б. П., Грядинского Ф. П., Еремина И. Г., Струппе П. И., Уншлихта И. С., Блюхера В. К., Быкина Я. Б., Семенова Б. А., Калыгиной А. С., Голодеда Н. М., Попова Н. Н., Ветера Е. И., Птухи В. В., Егорова А. И., Филатова Н. А., Комарова Н. П., Кубяка Н. А., Прамнэка Э. К.

Проверкой «дела» Блюхера конкретно занималась следственная группа во главе с заместителем главного военного прокурора полковником юстиции Я. П. Тереховым. Она провела комплекс следственных мероприятий: были допрошены несколько десятков людей, проанализирована масса уголовных дел, различных документов из центральных и местных архивов.

Рассмотрев материалы этой дополнительной проверки и архивно-следственного дела на Блюхера, Терехов 9 марта 1956 года вынес постановление, которым дело по обвинению В. К. Блюхера было прекращено за отсутствием состава преступления.

В своем постановлении заместитель главного военного прокурора обстоятельно мотивировал вынесенное решение.

«...В деле по обвинению Блюхера имеется лишь один протокол его допроса, датированный 28 октября 1938 г. В этом протоколе заготовлены подписи Берии и бывшего работника Особого отдела Иванова, однако протокол, кроме Блюхера, никем не подписан. В ходе этого допроса Блюхера были даны очные ставки с арестованными Федько и Хаханьяном, которые изобличали Блюхера в принадлежности к антисоветскому заговору, однако Блюхер виновным себя не признал и показания Федько и Хаханьяна категорически отрицал.

Вслед за этим протоколом в деле по обвинению Блюхера подшиты его собственноручные показания, которые он писал на протяжении 6–9 ноября 1938 года. В этих собственноручных показаниях Блюхер признал себя виновным в том, что был участником антисоветской организации правых и военного заговора.

9 ноября 1938 года, т. е. спустя 18 дней после ареста, Блюхер, находясь во внутренней тюрьме НКВД СССР, умер. <...>

11 ноября 1938 года дело по обвинению Блюхера было прекращено за смертью обвиняемого.

Проведенной в настоящее время дополнительной проверкой бесспорно установлено, что дело по обвинению Блюхера было сфальсифицировано, а показания о проводившейся якобы им контрреволюционной деятельности были получены от Блюхера путем жестоких истязаний.

Так, бывший следователь НКВД СССР Головлев на допросе 12 ноября 1955 года показал, что когда он 5 и 6 ноября 1938 года впервые увидел арестованного Блюхера, то сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит. <...>

Бывший врач Лефортовской тюрьмы Розенблум на допросе 30 декабря 1955 года показала о том, что она оказывала медицинскую помощь арестованному Блюхеру и при этом заявила: „На лице у Блюхера около глаз был огромный синяк“.

О том, что Блюхера жестоко истязали, видно из показаний Ариной-Русаковской. <...>

Из оперативных материалов по делу Блюхера видно, что в камеру тюрьмы, где содержался Блюхер, был посажен агент, который, спаивая Блюхера коньяком, уговаривал его признать себя виновным в участии в антисоветской организации и подсказывал Блюхеру, чтобы он дал показания о том, что был завербован Рыковым.

В силу изложенного, собственноручные показания Блюхера, в которых он признал свою вину, не могут рассматриваться как доказательства, так как они были получены от Блюхера провокационным путем, а также путем пыток и истязаний.

В оперативных материалах по делу Блюхера обнаружен рукописный антисоветский документ, написанный рукой Блюхера и никем не подписанный, адресованный всем командующим округов и армий.

Обращает на себя внимание то, что в ходе следствия Блюхер не был допрошен по поводу этого документа.

На допросе 28 октября 1938 года Блюхер пытался сказать о том, что получил письмо от Рыкова, адресованное всем командующим округов и армий, однако следствие почему-то не придало этому заявлению Блюхера внимания и перешло к другому вопросу.

Дополнительной проверкой установлено, что указанный антисоветский документ был изъят в городе Хабаровске из сейфа, принадлежавшего Блюхеру, оперуполномоченным Кайдаловым при секретном осмотре сейфа, еще до ареста Блюхера.

Допрошенный в ходе проверки Кандалов показал, что он немедленно доложил руководству УНКВД об обнаружении в сейфе у Блюхера написанного им антисоветского документа, однако бывший начальник УНКВД по Дальневосточному краю Горбач и его заместитель Ямницкий (оба осуждены к ВМН) не проявили к этому интереса.

Из оперативных материалов известно, что Блюхер, находясь в камере внутренней тюрьмы НКВД, говорил своему сокамернику о том, что получил от Рыкова письмо и копию этого письма он передал бывшему начальнику УНКВД по Дальневосточному краю Дерибасу (осужден к ВМН).

Из материалов дела и оперативных материалов видно, что в отношении Блюхера проводились наряду с оперативными мероприятиями и провокационные комбинации, направленные на компрометацию Блюхера.

Подтверждением этого являются показания бывшего порученца Блюхера — Попова, который на допросе 8 августа 1938 года показал, что видел письмо от Рыкова в квартире Блюхера... Но это ни о чем не говорит. Не исключена возможность того, что этот документ является легендированным письмом от имени Рыкова и направленным Блюхеру в ходе оперативных комбинаций.

Поэтому указанный документ не может рассматриваться как доказательство по делу Блюхера и не может служить основанием для обвинения Блюхера в антисоветских связях с Рыковым.

К делу Блюхера в качестве доказательств его причастности к антисоветской организации и военному заговору приобщены копии протоколов допросов арестованных Егорова А. И., Хаханьяна Г. Д., Гулина С. Ф., Федько И. Ф., Блюхера П. К., Покровской Г. П., Кольчугиной Г. А., Крысько И. М., Булавко М. С. и других.

Как установлено проверкой, Блюхер П. К. и Багуцкая-Блюхер Л. Ф. при рассмотрении их дел в суде от данных на предварительном следствии показаний отказались и виновными себя не признали.

Булавко М. С., Крысько И. М. и Покровская Г. П. впоследствии также отказались от своих показаний.

Дело в отношении Егорова А. И., как это теперь установлено, было сфальсифицировано, и в настоящее время это дело представлено в Верховный суд СССР на предмет его прекращения по ст. 4, п. 5 УПК РСФСР.

Что касается показаний Хаханьяна Г. Д., Федько И. Ф., Гулина С. Ф., Остроумовой В. П., Кассина Г. И. и Винокурова В. П., то эти показания не могут быть приняты во внимание, так как указанные лица на следствии давали явно вымышленные показания, оговаривая в совершении тяжчайших государственных преступлений видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства и ответственных партийных работников...

Таким образом, при дополнительной проверке установлено, что Блюхер был арестован и обвинен в тяжчайших государственных преступлениях необоснованно, дело в отношении его сфальсифицировано и поэтому подлежит прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления...

Известно, что Блюхер В. К. являлся членом партии с 1916 года, на XVII съезде ВКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), с 1917 года находился на командных должностях в Красной Армии, был легендарным полководцем Гражданской войны, одним из первых Маршалов Советского Союза, неоднократно награждался орденами СССР...

На основании изложенного и руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР ПОСТАНОВИЛ: Решение НКВД СССР от 11 ноября 1938 года о прекращении дела по обвинению Блюхера Василия Константиновича за смертью обвиняемого отменить. Дело по обвинению В. К. Блюхера прекратить по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием в его действиях состава преступления».

СУДЬБЫ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Как сложились судьбы родных и близких Блюхера: жен, детей и брата Павла?

Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер отбывала заключение в исправительно-трудовом лагере в Казахстане. По окончании срока ее определили на поселение. Там она встретила Федора Ивановича Кузьмина, который работал заведующим фермой Кара-Тала (Черная могила). У них завязались близкие отношения. По ее словам, она тогда не могла и предположить, что этот человек войдет в ее жизнь надолго.

Что случилось с детьми: пятилетней Ваирой и восьмимесячным Василином после ареста родителей? Об этом Глафира Лукинична узнала из письма Анастасии Черноземцевой, бывшей няни Лина (так в семье Блюхера называли Василина). «Дорогая Рафа, я сдала Линушку в Краснодаре. Меня на вокзале встретили сотрудники, которые вас взяли в Сочи. Виру (Ваиру. — Н. В.) я оставила с лицами, сопровождавшими меня от Сочи до Краснодара. В Сочи у меня взяли подписку не упоминать нигде фамилии Блюхер... Поэтому в НКВД я сдавала Лина под вашей фамилией — Безверхов Василий Васильевич, а также и Виру... Думаю, что Лина кто-то усыновил. Думаю так потому, что он был хороший и спокойный мальчик...»

Ваира нашлась в 1946 году. Восемь лет она прожила в доме детей репрессированных в «Курсавке» под Новороссийском. А Василий потерялся навсегда.

После реабилитации Глафира Лукинична, Ваира и Федор Иванович Кузьмин приехали в Москву. Ваира окончила институт, вышла замуж, родила дочь. Брак оказался непрочным, и она растила дочь одна.

Глафира Лукинична дожила до 83 лет и умерла в 1999 году.

О судьбе Павла, брата Василия Константиновича, почти ничего не известно. Есть только данные, что он был осужден на длительный срок.

Следы племянницы Блюхера Нины после 22 октября 1938 года затерялись.

Галина Александровна Кольчугина, как говорилось выше, была приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Ее сын Василий попал в спецдетдом под Пензой. Учился в поселковой семилетней школе. Потом поступил в техникум цветной металлургии. По окончании техникума его распределили в Ревду на Среднеуральский медеплавильный завод. Работал бригадиром в ремонтной мастерской, мастером, механиком обогатительной фабрики, техническим руководителем ремонтно-механического цеха. Те годы, как вспоминал Василий, для него, сына «врага народа», были самыми трудными в жизни...

В 1956 году маршала В. К. Блюхера реабилитировали и с Василия было снято клеймо сына «врага народа». Теперь он смог поступить на высшие инженерные курсы при Свердловском горном институте, его приняли в партию. Перед ним открылись двери Среднеуральского совета народного хозяйства, затем Министерства цветной металлургии СССР. В 1971 году он вернулся в Свердловск уже генеральным директором производственного объединения Уралэлектротяжмаш. Затем, спустя некоторое время, он возглавил самый молодой вуз Урала — Свердловский инженерно-педагогический институт.

Галину Павловну Покровскую, как и Кольчугину, расстреляли.

Мать Галины Павловны, Людмилу Петровну, больную старую женщину, с внучкой Зоей работницы НКВД оставили в покое, переселили лишь из хорошей квартиры в «Доме Советов» (теперь это

гостиница «Астория») в плохонькую. Жить было трудно, существовали за счет помощи отчима Зои Леонида Васильевича Покровского; благодаря этому Зоя окончила школу. Потом была война, блокадный Ленинград...

После войны Зоя вышла замуж, у нее родился сын. Но долго пожить счастливой семьей ей не пришлось. В 1951 году о ней вспомнили подручные Берии. В то время по городу прокатилась волна преследований по «ленинградскому делу». Питерские чекисты были убеждены, что дочь репрессированного маршала не могла стоять в стороне от якобы готовившегося контрреволюционного переворота. И Зоя Васильевна, мать грудного ребенка, была арестована. Несколько месяцев следователи силились доказать вину Зои Васильевны — не доказали. И всё равно, решением «особого совещания» она была объявлена «социально опасным элементом» и выслана на поселение в Кзыл-Орду сроком на пять лет без права возвращения в Ленинград.

В 1953 году, когда умер Сталин, ее амнистировали. В 1956-м был реабилитирован В. К. Блюхер, с Зои сняли судимость и разрешили вернуться в Ленинград.

Всеволод после ареста отца был распределен в Армавирский сиротский дом. В 1940 году его, уже 18-летнего парня, отправили из Армавира в Свердловск, в школу киномехаников. Он мечтал поступить в военное училище, пойти путем отца, но этот путь для сына «врага народа» был заказан. В августе 1941 года Всеволода призвали на фронт, он прошел почти всю войну. За проявленные героизм и мужество был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, однако получил его только спустя двадцать лет.

Вернувшись в Армавир в победном 45-м, работы сын «врага народа» не нашел. Уехал в Луганскую область, стал шахтером в Коммунарске под Луганском.

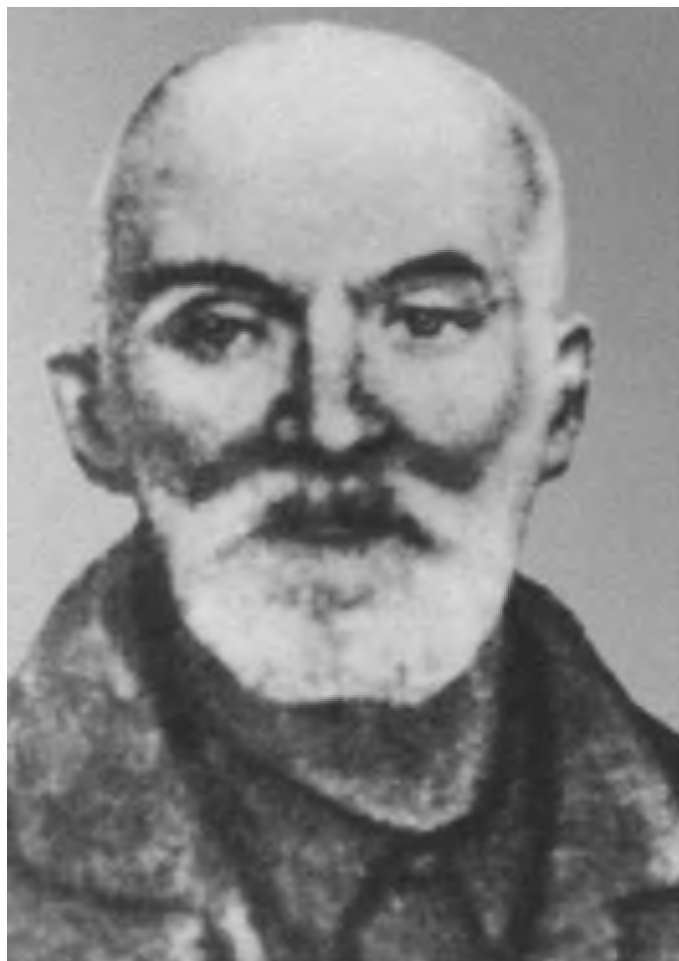
Умер Всеволод Васильевич в 1977 году после тяжелой болезни в возрасте 55 лет.

ПАМЯТЬ

Много лет прошло с тех пор, как трагически оборвалась жизнь Василия Константиновича Блюхера. Но память о нем живет. Живет в обелисках и скульптурных изваяниях, в бюстах и мемориальных досках, названиях школ, кораблей, в воспоминаниях современников. Даже в сером камне на Донском кладбище в Москве, установленном на месте захоронения жертв политических репрессий 1930–1942 годов, где погребен и прах легендарного маршала. Его имя увековечено в книгах и кинофильмах.

Памятники Блюхеру, стелы, с высеченными на них словами благодарности красному полководцу, мемориальные доски установлены в Хабаровске, Чите, Вятке, Екатеринбурге, Челябинске, Оренбурге, Каховке, Санкт-Петербурге, других городах и поселках России, в других странах, входивших в свое время в состав Советского Союза. Созданы мемориалы, музеи (в Тюмени, Волочаевке, Красноперекоске). Именем Блюхера названы проспекты и улицы (в Санкт-Петербурге, Харькове), площади (в Хабаровске), его имя носит Пермская средняя школа № 9. Сошедший в середине 60-х годов XX века со стапелей ленинградского Адмиралтейского завода один из крупнейших в мире плавучий рыбоконсервный завод получил название «Василий Блюхер». В Кыргызстане в Тянь-Шаньских горах есть пик «Памяти Блюхера».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Константин Павлович Блюхер отец В. К. Блюхера

Анна Васильевна Блюхер (Медведева) — мать В. К. Блюхера

В. К. Блюхер — солдат царской армии. 1915 г.

Здание театра «Триумф» в Самаре, где в ночь на 26 октября 1917 года проходило заседание

Советов рабочих и солдатских депутатов, полковых, ротных и заводских комитетов, представителей «комитетов народной власти» и уездных крестьянских организаций, принявшее резолюцию большевиков о передаче власти губернскому Совдепу

Большевистский актив Самары. В первом ряду третий слева — В. В. Куйбышев. 1917 г.

В. К. Блюхер — главнокомандующий Сводным отрядом южноуральских партизан. 1918 г.

В. К. Блюхер (стоит четвертый слева) с соратниками: С. М. Глинским, Н. В. Барановым, (неизвестная), Э. С. Кадамцевым, В. С. Русяевым, Р. П. Ваньяном, (неизвестная), братьями Н. Д. Кашириным (сидит) и И. Д. Кашириным. Урал, Троицк, 1918 г.

В. К. Блюхер. На фотографии надпись: «Яше Суворову. На память долгой дружбы и походов. Блюхер. 9.11.1919 г. Сосновка»

Кавалеристы полка «Красные орлы»: второй слева — командир полка А. И. Кобяков

Галина Павловна Покровская-Блюхер, первая жена В. К. Блюхера. 1919 г.

Артиллерия Красной армии на Восточном фронте. 1919 г.

В. К. Блюхер — начальник 51-й стрелковой дивизии. Тюмень, август 1919 г.

Анализ боевой обстановки. В. К. Блюхер (второй справа) с работниками своего штаба. Кунгур, 1919 г.

Н. Д. Томин. Август 1919 г.

В. С. Русев

ВРАНГЕЛЬ ЕЩЕ ЖИВ

ДОБЕЙ ЕГО БЕЗ ПОЩАДЬ

Плакат 1920 года

И. П. Уборевич

Белогвардейский танк «Рено» на Каховском плацдарме. 1920 г.

М. В. Фрунзе

На штурм Перекопа. Фрагмент диорамы

Е. А. Щаденко, Демьян Бедный, В. К. Блюхер. 1920 г.

Командиры и работники штаба 51-й Московской дивизии. Крым, январь 1921 г.

В. К. Блюхер — начальник гарнизона Одессы и начальник войск Одесской губернии. 1921 г.

В. К. Блюхер (в автомобиле первый слева) перед парадом войск гарнизона в честь 3-й годовщины РККА. Одесса, 23 февраля 1921 г.

В. К. Блюхер — военный министр, главнокомандующий вооруженными силами Дальневосточной республики

В. К. Блюхер (в первом ряду в центре) с членами Реввоенсовета Народно-революционной армии и работниками штаба Амурской дивизии. 1921 г.

П. П. Постышев, член военного совета Восточного фронта

С. М. Серышев, командующий войсками Восточного фронта

Поезд-баня Центрального комитета общественных организаций помощи фронту при правительстве Дальневосточной республики имени вождя НРА тов. Блюхера. В. К. Блюхер (сидит шестой слева в первом ряду) среди членов правительства ДВР, командиров и бойцов НРА

Памятник погибшим народоармейцам на вершине сопки Июнь-Карань

Командир 1-го стрелкового корпуса В. К. Блюхер. Петроград, 1922 г.

Командир полка Г. К. Жуков (будущий Маршал Советского Союза) Петроград, 1923 г.

На переднем плане слева направо: В. К. Блюхер, Г. К. Орджоникидзе, Б. М. Шапошников, К. Е. Ворошилов обходят строй войск 1-го стрелкового корпуса. Петроград, 1923 г.

Впереди колонны войск Я. Ф. Фабрициус (заместитель командира 1-го стрелкового корпуса) и В. К. Блюхер. Петроград, 1923 г.

В. К. Блюхер с сыном Всеволодом, Г. П. Покровская-Блюхер с дочерью Зоей; стоят: домработница А. Д. Городишина, брат Павел и приемная дочь Катя. Петроград, 1924 г.

Сунь Ятсен — председатель партии гоминьдан, президент Китая в 1921–1925 годах

Главный военный советник в Китае В. В. Уральский (В. К. Блюхер) — второй слева и командующий Народно-революционной армией Китая Чан Кайши — четвертый слева во время первого Восточного похода. Железная дорога Кантон-Коулун, 1925 г.

Слева направо: советский военный советнике Китае В. А. Степанов, переводчик Лю, В. В. Уральский (В. К. Блюхер) в районе боевых действий. 1925 г.

Стоят: М. М. Бородин (первый слева), его жена (третья слева), жена Чан Кайши (пятая слева), З. В. Галин (В. К. Блюхер), Чан Кайши

Вид на жительство в Китае, выданный Зою Всеволодовичу Галину (В. К. Блюхеру). Китай, Ханькоу, январь 1927 г.

М. М. Бородин (второй слева), В. В. Уральский (В. К. Блюхер), Чан Кайши

И. Э. Якир, командующий Украинским военным округом

П. Е. Дыбенко, В. К. Блюхер, К. Е. Ворошилов. Киев, 1928 г.

Командующий Особой Дальневосточной армией командарм 1-го ранга В. К. Блюхер

Командир Приморского корпуса, помощник командующего ОДВА М. В. Калмыков. 1930 г.

Среди делегатов-дальневосточников XVI съезда ВКП(б). Стоят в центре: В. К. Блюхер, Л. М. Каганович, И. В. Сталин, И. Н. Перепечко. Москва, июль 1930 г.

Воины ОДВА, отличившиеся в боях на КВЖД

В. К. Блюхер с братом Павлом. 1934 г.

В. К. Блюхер с артистами Большого театра, приехавшими на гастроли на Дальний Восток. Рядом с Блюхером — артистка театра Е. К. Катильская. Хабаровск, 1934 г.

Первые Маршалы Советского Союза. Сидят: М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров; стоят: С. М. Буденный, В. К. Блюхер

Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер, третья жена В. К. Блюхера. 1935 г.

Дети В. К. Блюхера: Всеволод (стоит в третьем ряду), Василий, Ваира (во втором ряду), Зоя, племянница Нина (в первом ряду)

Слева направо: флагман 1-го ранга Г. П. Киреев, командарм 1-го ранга М. К. Левандовский и Маршал Советского Союза В. К. Блюхер

В. К. Блюхер и первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) И. Т. Варейкис. 1937 г.

В. К. Блюхер на Дальмашзаводе в Комсомольске-на-Амуре. 1936 г.

У самолета «Москва»: В. К. Коккинаки, С. М. Соболев — первый секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б), Л. З. Мехлис — начальник ПУРККА, В. К. Блюхер — командующий ДКфронта. (Последняя прижизненная фотография Блюхера.) Приморье, июнь 1938 г.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 1901

19 окт 1937 г.

Выдан

*Колбрыну
Фредарову*

Государственной Безопасности
на производство

тов

ареста и обыска

Блюхер Василий

Константиновича

адрес

Народный комиссариат внутренних дел СССР

Уполномоченный
С. М. [Signature]

СП-ЗВКЗ:

Ордер на арест В. К. Блюхера

Камень на Донском кладбище, где похоронены жертвы репрессий 1930–1942 годов. Здесь погребен и прах В. К. Блюхера

Зоя Васильевна Блюхер (сидит), Всеволод Васильевич Блюхер и Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер (стоят). 1956 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. К. БЛЮХЕРА

1890, 1 декабря (18 ноября ст. ст.) — в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии родился В. К. Блюхер.

1902, 1 сентября — начало учебы в Середневской церковно-приходской школе.

1904, лето — отец отвез Василия в Петербург и определил «мальчиком» при магазине купца Клочкова.

1906, август — Василий вернулся из Петербурга в Барщинку и продолжил учебу в Середневской школе.

1909, осень — приехал в Москву и устроился в слесарную мастерскую, затем на вагоностроительный завод в Мытищах, где участвовал в революционных выступлениях, за что был арестован и посажен в тюрьму.

1914, сентябрь — призван в ратники государственного ополчения и зачислен нижним чином в 56-й Кремлевский запасной батальон.

16 ноября — прибыл на действующий русско-германский фронт в 19-й пехотный Костромский полк 5-й пехотной дивизии.

1915, 8 января — ранен под Тернополем.

2 июля — награжден Георгиевской медалью IV степени.

1916, март — военной врачебной комиссией признан непригодным к дальнейшей службе, уволен из армии с пенсией первого разряда. **Апрель** — поступил на Сормовский судостроительный завод, через месяц уехал в Казань, где стал работать на механическом заводе Остермана.

Июнь — вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков.

1917, май — поступил добровольцем в 102-й запасной полк.

Ноябрь — назначен комиссаром экспедиционного отряда Красной гвардии для борьбы с атаманом Дутовым.

1918, май — Уральским областным военным комиссариатом назначен военным комиссаром Челябинского округа, командующим сводными отрядами по очистке Оренбургской губернии от дутовцев.

2 августа — избран главкомом Сводного отряда южноуральских партизан.

12 сентября — Сводный отряд южноуральских партизан встретился с частями Красной армии.

20 сентября — назначен начальником 4-й Уральской дивизии.

30 сентября — постановлением ВЦИКа награжден орденом Красного Знамени № 1.

1919, 31 января — отзывается из 30-й дивизии и назначается помощником командующего 3-й армией.

Апрель — назначен начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района, одновременно оставаясь помощником командующего армией.

Август — назначен командующим Пермским укрепленным районом.

Август — формирует новую 51-ю стрелковую дивизию и становится ее начальником и военным комиссаром.

1920, май — освобожден от командования дивизией и назначен начальником Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны. **Июнь** — вновь назначен начальником — военным комиссаром 51-й дивизии.

Июль — отбыл с 51-й дивизией на Юго-Западный фронт. **Октябрь** — назначен командующим Правобережной группой войск.

9 ноября — части 51-й дивизии под командованием Блюхера штурмом взяли неприступный Перекоп.

1921, февраль — назначен начальником гарнизона Одессы и начальником войск Одесской губернии; награжден вторым орденом Красного Знамени.

14 июня — приказом Реввоенсовета Советской республики награжден третьим орденом Красного Знамени.

27 июня — назначен председателем Военного совета, главнокомандующим всеми вооруженными силами и военным министром Дальневосточной республики.

1922, 12 февраля — разгром белоповстанческой армии генерала Молчанова частями НРА под командованием Блюхера.

Июль — Реввоенсоветом отозван из Дальневосточной республики в Москву.

26 сентября — назначен командиром 1-го стрелкового корпуса.

1923, 27 апреля — назначен временно исполняющим должность начальника гарнизона города Петрограда с исполнением обязанностей командира 1-го стрелкового корпуса.

6 сентября — отбыл в Москву в распоряжение начальника Военно-морской инспекции.

1924, февраль — вступил в командование 1-м стрелковым корпусом, одновременно назначен комендантом Ленинградского укрепрайона. *Август* — получает приказ отбыть в Китай в качестве главного военного советника при Национально-революционном правительстве Сунь Ятсена.

28 октября — встреча в китайском порту Гуанчжоу с Сунь Ятсеном.

1925, 23 июля — отбыл из Китая в Советский Союз на лечение.

1926, май — возвращение в Гуанчжоу. Под псевдонимом Галин вновь занимает пост главного военного советника Китая.

24 декабря — награжден четвертым орденом Красного Знамени.

1927, 11 августа — отбыл из Китая в Москву.

1928, май — назначен помощником командующего войсками Украинского военного округа.

1929, 6 августа — приказом РВС СССР назначен командующим Особой Дальневосточной армией.

20 ноября — разгром белокитайцев на КВЖД войсками под командованием Блюхера.

1930, 13 мая — стал первым в Советском Союзе кавалером ордена Красной Звезды.

1935, 20 ноября — получил высшее в СССР воинское звание — Маршал Советского Союза.

1938, 1 июля — Особая Краснознаменная Дальневосточная армия преобразовывалась в Дальневосточный фронт, командующим фронтом утвержден В. К. Блюхер.

29 июля — захват японскими войсками советских сопок Безымянная и Заозерная.

31 августа — состоялось заседание Главного военного совета РККА, на котором В. К. Блюхер отстранен от должности командующего Дальневосточным фронтом.

22 октября — арест В. К. Блюхера.

9 ноября — смерть В. К. Блюхера во внутренней тюрьме НКВД.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева Н. А. Дальневосточная республика: 1920–1922. Хабаровск, 1957.

Айрапетян Г. А. Комкор Хаханьян. Ереван, 1970.

Алексеев Д. Один год из жизни Блюхера. Челябинск, 1980.

Алексеев Д. Г., Голубых М. Д., Калмыков Е. М. Комкор Калмыков. Уфа, 1988.

Берия: конец карьеры. М., 1991.

Блюхер В. В. По военным дорогам отца. Свердловск, 1984.

Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963.

Блюхер Г. Воспоминания о муже — Маршале В. К. Блюхере. Тюмень, 1996.

Блюхер Г. Л. С Василием Константиновичем Блюхером — шесть лет // Военно-исторический журнал. 2001. № 3–5.

- Будберг А.* Дневник. М., 1991.
- Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1973.
- Вишняк М. В.* На Родине//Современные записки. М., 1928.
- Волкогонов Д. А.* Сталин: Триумф и трагедия. М., 1995.
- Врангель П.* Записки. Белое дело. Берлин, 1929.
- Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. / Сост. В. Зензинов. Париж, 1919.
- Гребенник К. Д., Ушев А. Л.* Хасанский дневник. Владивосток, 1978.
- Гуль Р.* Красные маршалы: Тухачевский. Ворошилов. Блюхер. Котовский. М., 1990.
- Душенькин В. В.* От солдата до маршала. М., 1966.
- Душенькин В. В.* Пролетарский маршал. М., 1973.
- Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. М., 1992. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1995.
- Зенькович Н. А.* Маршалы и генсеки. Смоленск, 1996.
- Известия ЦК КПСС. 1989, 1990 гг.
- Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- Иссерсон Г. С.* Записки современника о М. Н. Тухачевском. М., 1963.
- Казанин М. И.* В штабе Блюхера: Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966.
- Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М., 1990.
- Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. М., 1963.
- Каховка — Перекоп: Сб. воспоминаний. Одесса, 1932.
- Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников. М., 1963.
- Кондратьев Н. Д.* Маршал Блюхер. М., 1965.
- Коротков И. С.* Разгром Врангеля. М., 1955.
- Коршунова А. И. В. К.* Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. М., 1979.
- Коршунова А. И.* Василий Блюхер: Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970.
- Кулагин В., Яковлев Н.* Подвиг Особой Дальневосточной. М., 1970. Легендарный рейд: Сб. воспоминаний о походе южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера. М., 1959.
- Ленин В. И.* ПСС. М., 1970.
- Листов В.* Комиссар Дерibas. М., 1985.
- Лучевников П.* Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958.
- Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1969.

Отишня И. Тухачевский и Скоблин: Из истории одного предательства// Возрождение. № 39. Париж, 1955.

От Зимнего до Перекопа: Сб. воспоминаний. М., 1966.

Павленко Н. Г. Была война: Размышления военного историка. М., 1994.

Паустовский К. Василий Блюхер. М., 1960.

Перекоп: Сб. воспоминаний. М., 1941.

Перекопские бои: Воспоминания участников. Симферополь, 1936.

Плотников И. Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером. М., 1967.

Последние дни колчаковщины: Сб. документов. М.; Л., 1926.

Пятьдесят первая Перекопская дивизия: История боевой и мирной жизни за пять лет. 1919–1924. Омск, 1925.

Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969.

Рублев З. М. От мичмана до командарма. Чебоксары, 1970.

Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М., 1999.

Смирнов Г. Очищение армии. М., 2007.

Созвездие полководцев: Сб. воспоминаний. Хабаровск, 1972.

Слово о военачальниках Советской Армии — дальневосточниках. Благовещенск, 1972.

Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М., 2003.

Устрялов Н. В борьбе за Россию: Сб. статей. Харбин, 1920.

Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1940.

Форпост на Востоке. Иркутск, 1985.

Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. М., 1976.

Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной армии на голгофе. М., 2003.

Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. М., 1991.

Шкадов И. Н. Озеро Хасан: Год 1938. М., 1988.

Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1935.

Яковлев А. С. Цель жизни. М., 1987.